

University of Tartu

Σημειωτική

Sign
Systems
Studies

26

Тартуский университет
Tartu Ülikool

Труды по знаковым системам
Töid märgisüsteemide alalt

26

Тарту — Tartu
1998

University of Tartu

Sign Systems Studies

volume 26

Editors: Peeter Torop
Michail Lotman
Kalevi Kull

 TARTU UNIVERSITY
PRESS

Tartu 1998

Address of the editorial office:

Department of Semiotics
University of Tartu
Tiigi St. 78,
Tartu 50410, Estonia
e-mail: *semiotics@ut.ee*

Acknowledgments:

Irina Avramets
Jelena Grigorjeva
Ann Malts
Ülle Pärli
Anti Randviir
Silvi Salupere
Ulvi Urm

The publication has been supported by the Estonian Science Foundation
and the Estonian Ministry of Education

© University of Tartu, 1998

ISSN 1406-4243

ISBN 9985-56-371-9

Tartu University Press
Tiigi 78, Tartu 50410, Estonia
Order No. 370

Table of contents

Peeter Torop

Semiotics in Tartu	9
Semiootika Tartus	14

Thomas A. Sebeok

The Estonian connection	20
Эстонская связь. <i>Резюме</i>	39
Eesti-side. <i>Kokkuvõte</i>	40

General semiotics

Marcel Danesi

The “dimensionality principle” and semiotic analysis	42
“Принцип размерности” и семиотический анализ. <i>Резюме</i>	60
“Dimensionaalsuse printsiip” ja semiootiline analüüs. <i>Kokkuvõte</i>	60

Semiotics of culture

Юрий Лотман

Охота за ведьмами. Семиотика страха	61
Witchhunts: semiotics of fear. <i>Summary</i>	80
Nõiajaht. Hirmu semiootika. <i>Kokkuvõte</i>	81

Göran Sonesson

The concept of text in cultural semiotics	83
Концепция текста в семиотике культуры. <i>Резюме</i>	111
Teksti mõiste kultuurisemiootikas. <i>Kokkuvõte</i>	113

Eero Tarasti

On post-colonial semiotics	115
О постколониальной семиотике. <i>Резюме</i>	133
Postkoloniaalsest semiootikast. <i>Kokkuvõte</i>	134

Петер Торп

Границы перевода (социосемиотический аспект семиотики перевода)	136
The limits of translation: the socio-semiotic aspect of translation semiotics. <i>Summary</i>	149
Tõlkepiirid (tõlkesemiootika sotsiosemiootiline aspekt). <i>Kokkuvõte</i>	150

Елена Григорьева

Пространство и время Петербурга с точки зрения микромифологии	151
St. Peterburg's time and space from the micromythological viewpoint. <i>Summary</i>	183
Peterburi aeg ja ruum mikromütoloogia vaatepunktist. <i>Kokkuvõte</i>	184

Галина Пономарева

Граница и проволока	186
Border and the barbed wire. <i>Summary</i>	199
Piir ja okastraat. <i>Kokkuvõte</i>	200

Semiotics of language and literature**Михаил Лотман**

О системах стихосложения (преимущественно на материале эстонского и русского стиха)	201
On systems of versification (mostly in Russian and Estonian poetry). <i>Summary</i>	253
Värsisüsteemidest (peamiselt eesti ja vene värsi näitel). <i>Kokkuvõte</i>	254

Юлле Пярли

Лингвистические термины как тропы в поэзии И. Бродского	256
Linguistic terms as tropes in J. Brodsky's poetry. <i>Summary</i> ...	272
Lingvistilised terminid kui troobid J. Brodsky luules. <i>Kokkuvõte</i>	273

Jørgen Dines Johansen

A semiotic mapping of the study of literature	274
Семиотическая картография науки о литературе. <i>Резюме</i>	296
Kirjandusteaduse semiootiline kartograafia. <i>Kokkuvõte</i>	297

Сусанна Витт

“Мастер и Маргарита” — театральный роман?	299
<i>Master and Margarita</i> — a Theatrical Novel? <i>Summary</i>	317
“Meister ja Margarita” — teatriromaan? <i>Kokkuvõte</i>	318

Михаил Шелякин

О знаковых функциях порядка следования значимых единиц языка (К семиотике начальной позиции)	319
On the signfic function of the order of meaningful units in language: On semiotics of first position. <i>Summary</i>	330
Keele tähenduslike ühikute järjestuse märgilistest funktsioonidest: algpositsiooni semiootikast. <i>Kokkuvõte</i>	330

Eco- and sociosemiotics**Winfried Nöth**

Ecosemiotics	332
Экосемиотика. <i>Резюме</i>	343
Ökosemiootika. <i>Kokkuvõte</i>	343

Kalevi Kull

Semiotic ecology: different natures in the semiosphere	344
Семиотическая экология: разные природы в семиосфере <i>Резюме</i>	369

Semiootiline ökoloogia: erinevad loodused semiosfääris <i>Kokkuvõte</i>	370
--	-----

Jeff Bernard

Conceptions of life and man — basics of “social communications” (as exemplified by the “charter on the (re)presentation of disabled people in the media”).....	372
--	-----

Концепции человека и жизни — основа “социальной коммуникации”: на примере “Хартии (ре-) презентации инвалидов в средствах массовой коммуникации”. <i>Резюме</i>	390
---	-----

Mõisted elu ja inimene — ‘ühiskondliku suhtluse’ alused. Näide “Hartast puuetega inimeste esit(l)usest meedias” näitel. <i>Kokkuvõte</i>	391
--	-----

Anti Randviir

Sign as an object of social semiotics: evolution of cartographic semiosis	392
---	-----

Знак как социосемиотический объект: эволюция картографического семиозиса. <i>Резюме</i>	414
---	-----

Märk sotsioseemiootika objektina: kartograafilise semioosise evolutsioon. <i>Kokkuvõte</i>	415
--	-----

Book Reviews**Sergey V. Chebanov**

Totality of semiosphere. <i>Review: Jesper Hoffmeyer, Signs of Meaning in the Universe. Bloomington: Indiana University Press, 1996</i>	417
---	-----

Wolfgang Drechsler

The philosophy of Hans-Georg Gadamer. <i>Review: The Philosophy of Hans-Georg Gadamer. The Library of Living Philosophers, vol. XXIV. Lewis Edwin Hahn, ed. Chicago and La Salle, IL: Open Court, 1997</i>	425
--	-----

Contributors	437
---------------------------	-----

Semiotics in Tartu

Peeter Torop

Once upon a time... This is how the stories about ancient times start, although finally they bring us back to our own time: ... and they lived happily ever after.

It is the year 1998. Seven years ago, in the foreword to the summary of contents of semiotic publications of Tartu, Professor Y. Lotman cherished a hope that “the Tartu–Moscow School of semiotics has not exhausted its academic potential yet and is capable of expressing ideas that would be unexpected to the adversaries of this trend as well as to its proponents” (Lotman 1991: 92). Six years ago the last, 25th volume of the series that in English and Estonian bore the title *Works on Semiotics* and in Russian *Works on Sign Systems* was published. At the last moment we managed to include on the reverse side of the title page a note about the death of Prof. Yuri Lotman’s wife Zara Mints and to dedicate the volume to her memory. In the same summer (1992), a meeting was held at Yuri Lotman’s home, and the Department of Semiotics was founded. However, in the autumn of 1993 Prof. Y. Lotman followed his beloved wife.

In 1994, in Moscow, memoirs about the Tartu–Moscow School and about Lotman were gathered into a joint publication (Koshelev 1994). In 1995, also in Moscow, the first *Lotman Collection* was published (Permyakov 1995), and in 1997 T. Nikolayeva compiled a voluminous retrospective collection *From the Papers of the Moscow Circle of Semiotics* (Nikolayeva 1997). The title of the collection tactfully hints at the role of Moscow in the development of semiotics.

Once upon a time... Not only in Tartu, not only Lotman.

We should remember that the Tartu–Moscow School was like an invisible college without any fixed institutional relations. The name of the school does not express all its essential characteristics. Historically we

should speak about the Moscow–Tartu School, as the birth of the school can be rightfully connected with the 1962 conference in Moscow and the 1964 conference in Tartu. In the academic sense it would be even more correct to use the name Tartu–Moscow–Leningrad School. For example, in B. Uspenski's opinion, the success of the school relied on combining the linguistic tradition of Moscow and the literary tradition of Leningrad (St Petersburg) (Uspenski 1987: 20–21). For Lotman, at whose birth the city was called Petrograd and during his studies Leningrad, the latter tradition associated, besides formalists, also with V. Propp, V. Zhirmunski, G. Gukovski, O. Freidenberg, and to some extent with M. Bakhtin (Lotman 1991: 91). As the names of several predecessors of the school were in disgrace, the members of the school considered it essential to determine their task as tying up the broken threads in the history of scholarship in Russia. Later, D. Segal called this principle semiotic historicism (Segal 1993: 32).

It is also justified to speak about the Tartu School. The series of *Works on Semiotics* was published in Tartu. Its foundation was established by Lotman's first semiotic book *Lectures on Structural Poetics* (1964). The next volume (1965) was already a collection of articles by several authors. It attempted to reflect the structure of the conference held at Tartu University sports centre at Kääriku — a summer school which proved to be a short-lived tradition. The collection presented introductory remarks from the editorial board: "The range of problems, which should be dealt with while viewing myth, folklore, customs, literature and figurative art as modelling sign systems, is so diverse, the number of unsolved questions so big that the participants in the summer school did not always reach unanimous agreement. The editorial board does not consider the artificial unification of viewpoints justified" (Lotman 1965: 6). On the one hand, this stressed equality between colleagues and the opportunity for dialogue. On the other hand, this was resistance to the levelling politicisation of research in the Soviet Union. Respect for each author's style and acceptance of their opinions became the leading principle while editing the collections of the series. Y. Lotman has recalled this as a struggle: "... a struggle was going on to prevent the unity of scholarly research from destroying *individuality*", "as a part of culture, research has to preserve individuality" (Lotman 1993: 42). Naturally, the development of this kind of research was obstructed, and the history of summer schools remained short. The summer

schools made Tartu a *place* between the East and the West; it had its greatest value as a *meeting-place* of the Tartu–Moscow School. After these meetings were banned, Tartu became a publishing-place.

A joint publishing place was important for the manifestation of the school. At the period of summer schools the specific character of the collections of *Works on Sign Systems* resulted from their orientation to oral exchange of scholarly communication, and on maintaining the scholarly polylogue. After the direct contacts ceased or were reduced to private communication, the principles of compiling the collections changed as well. The Tartu–Moscow School began to acquire the features of Tartu, to be more exact, even these of Lotman. The scholars from Moscow and St Petersburg published their papers in a number of collections by several publishers. But as the members of a school that had turned into an invisible college, they also continued sending their papers to Tartu. As the editor-in-chief of *Works on Sign Systems*, Lotman developed the reception of the school through the structure of the publication, through its subdivisions, themes and dedications. From the school's point of view, he became a semiotician *post factum*. With his prefaces and his own articles he tried to make each volume a separate whole, to create a thematic or methodological framework for it. Therefore, these collections have often been read from Lotman's point of view.

The early 1990s were a period of drawing borders. At first, a border was drawn between Russia and Estonia, and, for some time, the direct contacts were impeded. The establishment of the Department of Semiotics in 1992, drew a border through an entity that had existed for decades: the Department of Russian Literature created by Lotman. There appeared to be two units associated with the name of Y. Lotman at the University of Tartu. The year 1993 was the most difficult: on the one hand, the death of Y. Lotman caused tensions around his legacy; on the other hand, however, it opened up new prospects for the future.

Once upon the time there was a school, once upon the time Lotman was alive, and *Works on Semiotics* were published.

1998 is the year of self-assertion for the young Department of Semiotics. Scholarly, self-assertion proceeds through publications. We are firmly convinced that in our publications we will remain true to our traditions. The sense of responsibility did not allow us to avoid a

long pause, but now we are determined to go on, continuing the same series, making it a regular publication. We are sure that Y. Lotman was right when saying that the tradition of the Tartu–Moscow School has the *élan* and an ability to surprise. Still, this is not going to be a one-man or one-school publication any more. This is a publication of the five-year-old Department of Semiotics at the University of Tartu. The curriculum of the Department of Semiotics is entitled *Semiotics and Theory of Culture*. This shows that our interests are concentrated on the borderlines between semiotics and culture. As the cultural semiotics of the Tartu–Moscow School can be defined as “the study of the functional correlation of different sign systems” (Theses 1973: 1), we decided to unify the title of the publication in all the languages. The title *Sign System Studies* should be the best to express our wish to participate in the development of theoretical thought as well as to deal with concrete empirical analyses. *Ad hoc* theories and theorising on the basis of material have always been the traditions of this series. The structure of the present collection should reflect the same attitude.

We would also like to highly appreciate the fellowship among colleagues, as well as the individuality of the scholar. Naturally, we cannot be a part of exclusively Russian scholarship any more. We would like to be an inseparable part of international research like our colleagues from other countries. The Russian language will remain one of our working languages besides English. Thus, we will continue the tradition of Tartu as a meeting-place between the East and the West, a venue for contacts and publishing. We want to restore the old relations of cooperation and establish new ones. We are eager to participate in the development process of present-day semiotics, but we also want to investigate the tradition of the Tartu–Moscow School. We hope that written communication on the pages of *Sign System Studies* will also develop into frequent personal contacts. Semiotics of culture, the international breakthrough of which began in 1973, has always been one of the characteristics of Tartu. On the one hand, it has acted as an interdisciplinary mediator for culture-centred trends of research. On the other hand, new semiotic disciplines are emerging on the borderlines of cultural semiotics, widening the prospects of semiotics as a discipline in their turn. At present, the possibility of innovation is very essential for the semioticians of Tartu. The search for new objects of research has enriched us with ecosemiotics and translation semiotics; media semiotics is also developing; changes are also occurring in literary semiotics... The followers of the Tartu–

Moscow School in Tartu have reason to be satisfied with the work their predecessors have done because semiotics of culture is a good starting point for research and for establishing contacts with colleagues from both the East and the West. The present experience of the semioticians of Tartu allows us to declare that our good colleagues from all over the world have a strong sense of solidarity and participate gladly in our dialogue. Tartu has not been left alone after Lotman's death.

The existence of the Department of Semiotics has also depended on another dialogue — on the dialogue with Maecenases. A great part of our books and technological equipment has been received thanks to help of G. Soros and the understanding attitude of the Open Estonia Foundation. Our colleagues from the Nordic countries were able to come to Tartu with the financial support of the Nordic Council of Ministers. The Lotman Foundation was created with the help of the Rebirth of Estonia Award, which was founded by J. von Uexküll jr.

Some of our present students of semiotics have never seen Prof. J. Lotman. But they have met a real pleiad of internationally renowned semioticians. The grand old man of semiotics Prof. T. Sebeok has lectured in Tartu. Our colleagues have been happy to meet Professors J. Bernard, E. Tarasti, G. Sonesson, J. D. Johansen and others, and our students have attended their lectures. Hereby I would like to thank them for their lectures as well as for their contribution to our collection. We also thank all the other authors of this volume who made our work on the compilation of this collection so pleasant.

A number of people have helped the Department of Semiotics at overcoming its growing pains after Y. Lotman's death. Canonisation of the Tartu–Moscow School and Y. Lotman would bring us to a standstill. Mythologisation has already taken place, and our participation in the myth is inevitable. But the myth of Tartu also has its eschatological aspect. This myth is about the identity between semiotics and Lotman, and about their deaths. According to this myth, a mausoleum should be built in Tartu or, at least, a cathedral. This would become a myth of everlasting dying. The substantiality of the Tartu–Moscow School gives us no right for that. We have an advantage of interpreting the works of this school, including those of Y. Lotman, and connecting them more closely with research on the world level. These activities, as well as the study of J. von Uexküll's legacy, are only a few of the areas where we can develop cooperation with international semiotics. It is also our pleasant duty to apply

semiotic means for interpreting Estonian culture. We are academic persons with different interests, and we have chosen semiotics for realising our creative potential, every one of us in a different way. We are not a group subordinated to the loyalty to only one school. We have come from a totalitarian society whose isolating influence can still be felt sometimes. But we are free in our choices. Semioticians are not practising a forbidden esoteric doctrine any more. They are ordinary scholars, and as scholars, they can develop through contacts with colleagues. Here the assistance we have received from T. Sebeok and J. Bernard, from S. Nekljudov, V. Toporov and B. Uspenski is invaluable. We are also grateful to our colleagues from Finland, Sweden and Denmark as well as from Spain and Italy for their help. We thank all of them and hope that Tartu and the series of *Sign System Studies* will become again a meeting-place where one would like to return — to this place, to this edition.

So that we could say with complete confidence: once upon the time there were semioticians. And they live happily ever after. In Tartu as well.

Semiootika Tartus

Oli kord... Elas kord... Nii algavad lood möödunud aegadest, mis meid lõpuks ikka meie endi aega tagasi toovad: ja kui nad ära pole surnud, elavad nad õnnelikult edasi...

On 1998. aasta. Seitse aastat tagasi avaldatud Tartu semiootiliste väljaannete sisukordade ülevaate saatesõnas väljendas prof. J. Lotman lootust, et “Tartu–Moskva semiootikakoolkonna teaduslikud võimalused ei ole veel ammendatud ja et ta on võimeline looma ideid, mis oleksid ootamatud nii selle suuna vastastele kui ka pooldajatele endile” (Lotman 1991: 92). Kuus aastat tagasi ilmus seni viimane, 25. köide sarjast, mida inglise ja eesti keeles tähistati pealkirjaga “Works on Semiotics” / “Tööd semiootika alalt” ja vene keeles pealkirjaga “Труды по знаковым системам”. Viimasel hetkel suudeti tiitellehe pöördel ära märkida teade prof. Juri Lotmani abikaasa prof. Zara Mintsi surmast ja selle kõite pühendamisest tema mälestusele. Sama 1992. aasta suvel toimus J. Lotmani kodus semiootika osakonna asutamise koosolek. 1993. aasta sügisel aga järgnes prof. J. Lotman oma igatsetud naisele.

1994. aastal koguti Moskvas ühtede kaante vahele memuaarid Tartu–Moskva koolkonnast ja Lotmanist (Koshelev 1994), 1995. aastal ilmus samas esimene “Lotmani kogumik” (Permjakov 1995), 1997. aastal aga pani T. Nikolajeva kokku mahuka retrospektiivse kogumiku “Moskva semiootikaringi töödest” (Nikolajeva 1997). Kogumiku pealkiri viitab taktitundeliselt Moskva kohale semiootika arengus.

Oli kord... Mitte ainult Tartus, mitte ainult Lotman.

Tuletagem meelde, et Tartu–Moskva koolkond oli nähtamatu kolledži tüüpi teadlaste ühendus, milles puudusid reglementeeritud institutsionaalsed suhted. Koolkonna nimi ei väljenda kõiki olulisi tunnuseid. Ajaloosilises mõttes on tegemist Moskva–Tartu koolkonnaga, sest koolkonna sünni tuleb õigustatult siduda 1962. a. konverentsiga Moskvas ja 1964. a. konverentsiga Tartus (Käärikul). Teadusloolises mõttes oleks aga korreksem kasutada Tartu–Moskva–Leningradi koolkonna nime. B. Uspenski on näiteks põhjendanud koolkonna edukust Moskva lingvistilise ja Leningradi (Peterburi) kirjandusteadusliku traditsiooni ühildamisega (Uspenski 1987: 20–21). Petrogradis sündinud ja Leningradis õppinud Lotmanile tähendas viimane traditsioon formalistide kõrval ka seoseid V. Proppi, V. Zhirmunski, G. Gukovski, O. Freidenbergi ja osalt ka M. Bahtiniga (Lotman 1991: 91). Et koolkonna paljude eelkäijate nimed olid põlu all, pidasid koolkonna liikmed oluliseks teadvustada oma koht vene teaduse arenguloos katkenud või katkestatud ühendusniitide kokkusõlmijana. Seda positsiooni on D. Segal nimetanud hiljem semiootiliseks historismiks (Segal 1993: 32).

Alust on rääkida ka Tartu koolkonnast. Tartus ilmus seeria “Töid semiootika alalt”, millele pani alguse J. Lotmani esimene semiootiline raamat “Loenguid struktuuripoetikast” (1964). Järgmine köide (1965) oli juba kollektiivne artiklikogu, mis püüdis peegeldada Tartu Ülikooli Kääriku spordibaasis toimunud konverentsi, lühiajaliseks traditsiooniks saanud suvekooli struktuuri. Kogumiku juhatas sisse toimetuse märkus: “Nende küsimuste ring, mida tuleb puudutada müüdi, folkloori, kombestiku, kirjanduse, kujutava kunsti vaatlemisel modelleerivate märgisüsteemidena, on nii mitmekesine, lahendamata küsimuste hulk aga nii oluliselt suur, et suvekoolis osalenud ei jõudnud alati ühisele arvamusele. Toimetuse ei pea seisukohtade kunstlikku unifitseerimist kasulikuks” (Lotman 1965: 6) Ühelt poolt rõhutati sellega dialoogivõimelisust ja kollegiaalset võrdväarsust. Teiselt poolt oli tegemist vastupanuga nõukogude teaduse nivelleerivale politiseeritusele. Iga autori stiili austamine ja arvamuste aktsepteerimine sai seeria kogumike toimetamise juhtprintsibiiks. J. Lotman on seda meenutanud kui võitlust: “...käis võitlus selle nimel, et teaduse ühtsus ei hävitaks *individuaalsust*”; “...kultuuri

osana peab teadus säilitama individuaalsuse” (Lotman 1992: 87). Aga muidugi oli sellise teaduse areng takistatud ja suvekoolide ajalugu jäi lühikeseks. Suvekoolid tegid Tartust paiga Ida ja Lääne vahel ja tema suurim väärtus oli siis *kohtumispaigna*, Tartu–Moskva koolkonna kohtumispaigna. Kui need kohtumised ära keelati, muutus Tartu kirjastamispaignaks.

Koolkondlik kirjastamispaik oli oluline koolkonna manifesteerimise seisukohast. Suvekoolide ajal tulenes kogumike “Töid märgisüsteemide alalt” koolkondlikkus orienteeritusest suulise teadusliku kommunikatsiooni vahendamisele, teadusliku polüloogi säilitamisele. Suuliste suhete lakkamisel või taandumisel erasuhtluseks toimus muutus ka kogumike koostamises. Tartu–Moskva koolkond hakkas omandama Tartu ja täpsemalt isegi J. Lotmani nägu. Moskva ja Peterburi teadlased avaldasid oma töid erinevates väljaannetes ja kirjastustes. Kuid saatsid oma töid ka Tartusse kui nähtamatuks kolledžiks muutunud koolkonna liikmed. “Töid märgisüsteemide alalt” peatoimetajana kujundas J. Lotman koolkonna retseptsiooni väljaande struktuuri, rubriikide, teemade ja pühenduste kaudu. Koolkonna seisukohast sai temast semiootik *post factum*, kes oma eessõnade ja isiklike artiklitega püüdis igast köitest kujundada terviku, luua talle temaatilise või metodoloogilise raami. Seetõttu on neid kogumikke tihti loetud läbi J. Lotmani prisma.

1990. aastad algasid piiride tõmbamisega. Kõigepealt tõmmati piir Venemaa ja Eesti vahele ja mõneks ajaks olid otsekontaktid raskendatud. Semiootika osakonna asutamise 1992. a. tõmmati piir läbi aastakümneid eksisteerinud terviku, J. Lotmani poolt formeeritud vene kirjanduse kateedri. Tartu Ülikooli tekkis kaks J. Lotmani nimega seotud allasutust. 1993. aasta oli kõige raskem, sest J. Lotmani lahkumine tekitas ühelt poolt pingeid pärandi ümber, teiselt poolt aga avas tulevikku.

Oli kord koolkond, elas kord Lotman, ilmus kord “Tööd semiootika alalt”.

1998. aasta on Tartu Ülikooli noorele semiootika osakonnale enesemääramise aasta. Teaduslik enesemääramine toimub läbi publikatsioonide. Publitseerimisel on meie kindlaks veendumuseks truudus traditsioonile. Kuigi vastutustunne ei lubanud meil vältida pikka pausi, tahame nüüd edasi minna sama seeriat jätkates ja sellest regulaarselt ilmuvat väljaannet kujundades. Me usume, et J. Lotmanil oli õigus — Tartu–Moskva koolkonna traditsioonis on elujõudu ja üllatamisvõimet. Ja siiski ei ole see enam ühe mehe ega ühe koolkonna väljaanne. See on Tartu Ülikooli viieaastase semiootikaosakonna väljaanne. Semiootikaosakonna õppeplaani nimetus on “Semiootika ja kulturoloogia”. See märgib meie huvide koondumist semiootika ja kultuuri piirimaile. Et Tartu–Moskva kool-

konna kultuurisemiootika on defineeritav kui “erinevate märgisüsteemide funktsionaalset korrelatsiooni uuriv teadus” (Theses 1973: 1), siis otsustasime ühtlustada väljaande nimetuse kõigis keeltes. “Tööd märgisüsteemide alalt” peaks kõige paremini väljendama meie soovi osaleda teoreetilise mõtte arengus ja tegeleda ühtaegu ka konkreetsete empiiriliste analüüsidesega. *Ad hoc* teooriad ja teoretiseerimine materjali kaudu on ju selle seeria traditsioon. Ka käesoleva kogumiku struktuur peaks seda hoiakut peegeldama.

Meiegi tahame kõrgelt hinnata kollegiaalsust ja austada teadlase individuaalsust. Muidugi ei saa me enam olla vaid vene teaduse osaks. Tahame olla lahustamatuks osaks rahvusvahelises teaduses kõrvuti oma kolleegidega kõikjalst laiaist maailmast. Vene keel jääb ka edaspidi üheks meie töökeeltest kõrvuti inglise keelega. Niisiis jätkame Tartu traditsiooni olla paik Ida ja Lääne vahel, olla suhtlemis- ja kirjastamispaik. Tahame taastada vanu ja luua uusi koostöösuhteid. Tahame osaleda tänapäeva semiootika kujunemisprotsessis, aga tahame uurida ka Tartu–Moskva koolkonna traditsiooni. Me loodame, et kirjalik kommunikatsioon seeria “Tööd märgisüsteemide alalt” lehekülgedel viib ka tihedama suulise suhtlemiseni. Tartule omane kultuurisemiootika, mille rahvusvaheline läbimurre algas 1973. aastal, pakub ühelt poolt abi kultuurikesksetele teaduslikele suundadele interdistsiplinaarse vahendajana. Teiselt poolt tekib kultuurisemiootika piirialadel uusi semiootilisi distsipliine, mis omakorda laiendavad semiootika kui teaduse võimalusi. Praeguste tartu semiootikute jaoks on see innovatsioonivõimalus väga oluline. Uute, teadust rikastavate ja maailmapilti avardavate uurimisobjektide otsingul on sündimas ökosemiootika ja tõlkesemiootika, kiirelt areneb meedia-semiootika, muutumas on kirjandussemiootika... Tartu–Moskva koolkonna tartlastest järglastel on põhjust tunda rahulolu eelkäijate tööst, sest kultuurisemiootika on heaks tugipunktiks uurimistöös ja kollegiaalsete sidemete loomisel semiootikutega Idast ja Läänest. Tartlaste praegune suhtlemiskogemus lubab väita, et meie kolleegid mujalt maailmast on tugeva kollegiaalse solidaarsustundega ning osalevad meeeldi dialoogis. Tartu ei ole ka pärast J. Lotmani surma ükski.

Semiootikaosakonna eksisteerimine on sõltunud veel ühest dialoogist — dialoogist metseenidega. Suur osa meie raamatutest ja tehnilisest varustusest on saadud tänu G. Sorose abile ja Avatud Eesti Fondi mõistvale suhtumisele. Meie Põhjamaade kolleegid said Tartusse tulla Põhjamaade Ministrite Nõukogu rahalise toetusega. Lotmani Fondi aitas luua Tartu semiootikutele omistatud Eesti Taassünni auhind, mille asutas J. von Uexküll jr.

Osa tänastest semiootikatudengitest ei ole kunagi näinud prof. J. Lotmanit. Aga nad on näinud tervet plejaadi rahvusvahelise semiootikutepere eliidist. Tartus luges loenguid semiootika *grand old man* prof. T. Sebeok.

Tartu kolleegid on saanud suhelda ja üliõpilased loenguil kuulata professoreid J. Bernardi, E. Tarastit, G. Sonessoni, J. D. Johanseni ja teisi. Kasutan siinkohal võimalust neid tänada nii loengute kui kaastöö eest meie kogumikule. Täname ka kõiki teisi selle kõite autoreid, kes tegid meile töö selle kogumiku koostamisel meeldivaks!

Semiootikaosakonna kasvuraskuste ületamisele pärast J. Lotmani surma on kaasa aidanud paljud inimesed. Tartu–Moskva koolkonna ja Juri Lotmani kanoniseerimine aheldaks meid paigale. Mütologiseerimine on juba toimunud ja osatäitmine müüdis on paratamatu. Kuid Tartu müüdil on ka eshatoloogiline aspekt. Müüt semiootika ja Lotmani samasusest ja mõlema surmast, semiootika surmast Tartus. Selle müüdi põhjal tuleks Tartusse püstitada mausoleum või vähemasti katedraal. Sellest saaks müüt igavesest suremisest. Tartu–Moskva koolkonna teaduslik tõsidus ei anna meile selleks õigust. Meil on eelis selle koolkonna liikmete, ka J. Lotmani tööde interpreteerimisel ja maailma teadusega enamal sidumisel. See tegevus saab olla vaid üheks võimaluseks koopereerumisel rahvusvahelise semiootikaga. Nagu ka J. von Uexküllil pärandi uurimine. Aga meil on ka meeldiv kohustus rakendada semiootilisi vahendeid eesti kultuuri mõtestamisel, me oleme erinevate huvidega uurijaisiksused ning oleme valinud semiootika oma loomingulise potentsiaali realiseerimiseks, igaiüks omal viisil. Me ei ole koolkondlikule lojaalsusele allutatud grupp. Oleme tulnud ühest totalitaarsest riigist, mille isoleeriv mõju veel end tunda annab. Kuid me oleme vabad oma valikutes. Semiootik ei ole enam keelatud salateadusega tegeleja. Ta on tavaline teadlane ja teadlasena saab ta areneda distsiplinaarseid kontakte omades. Ja siin on oluline abi, mida on meile osutanud T. Sebeok ja J. Bernard, S. Nekljudov, V. Toporov ja B. Uspenski, kolleegid Soomest, Rootsist, Taanist, aga ka Hispaaniast ja Itaaliast. Täname kõiki ja loodame, et Tartust ja seeriast “Tööd märgisüsteemide alalt” saab jällegi kohtumispaik, kuhu tekib soov tagasi tulla — sellesse paika, sellesse väljaandesse.

Et võiksime täie südamerahuga kinnitada: elasid kord semiootikud. Ja kui nad ära ei ole surnud elavad nad õnnelikult edasi. Ka Tartus.

References

- Koshelev, A. D. (1994). Ю. М. Лотман и тартуско–московская семиотическая школа. Москва: Гнозис.
- Lotman, Juri (1965). От редакции. In: Труды по знаковым системам 2. Tartu, 5–8.
- Lotman, Juri (1991). Заметки о тартуских семиотических изданиях. In: Труды по русской литературе и семиотике Тартуского университета 1958–1990. Указатель содержания. Tartu, 89–92.
- Lotman, Juri (1992). Зимние заметки о летних школах. In: С. Ю. Неклюдов (ред). Московско–тартуская семиотическая школа. История, воспоминания, размышления. Москва: Школа “Языки русской культуры” 1998, 85–88.
- Nikolajeva, Tatjana (1997). Из работ московского семиотического круга. Сост. и вступит. статья Т. М. Николаевой. Москва: Языки русской культуры.
- Permjakov, Jevgeni (1995). Лотмановский сборник 1. Москва: ИЦ Гарант. Vt. ka: Лотмановский сборник 2: Москва: О.Г.И., РГГУ, 1997.
- Segal, D. (1993). “Et in Arcadia Ego” вернулся: наследие московско–тартуской школы семиотики сегодня. *Новое литературное обозрение* 3.
- Theses (1973). B. A. Uspenskij, V. V. Ivanov, V. N. Toporov, A. M. Pjatigorskij, Ju. M. Lotman. Theses on the Semiotic Study of Cultures (as Applied to Slavic Texts). In: J. van der Eng (ed). Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague, Paris: Mouton, 1–28; В.В.Иванов, Ю. М. Лотман, А. М. Пятигорский, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский. Тезисы к семиотическому изучению культур (в применении к славянским текстам). In: M. R. Mayenowa (red). Semiotyka i struktura tekstu. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 9–32.
- Uspenski, Boris (1987). К проблеме генезиса тартуско–московской семиотической школы. In: Труды по знаковым системам 20. Тарту, 18–29.

The Estonian connection

Thomas A. Sebeok

Exordium

The topic for this highly personal account was suggested, with Peeter Torop's concurrence and encouragement, by my colleague Kalevi Kull, a founder of the University of Tartu's Jakob von Uexküll Center. Its purpose is to chronicle my direct involvement with certain segments of scholarship in or derived from Estonia during the past thirty years or so. In what follows, I shall focus mainly on three quite disparate figures: Paul Ariste, né Berg (1905–1990) — an “Estonian” from Torma, who pursued his calling, after 1940, essentially in the Soviet Union; Yuri Mikhailovich Lotman (1922–1993) — a “Russian” from Petrograd, who settled in Estonia in the 1950s; and Jakob von Uexküll (1864–1944) — a Baltic “Prussian” from Keblas, who emigrated from Estonia to Hamburg in the 1920s.¹

The order in which I list and deliberate about them herein is obviously not in the order of seniority, that is, according to their respective dates of birth, but meant to reflect the rough chronology of my own successive associations with their person and/or the realization thereof through family and *oeuvre*. This idiosyncratic arrangement is to be understood to track, and thus to roughly mirror, Estonian aspects of three consecutive stages in, or engagements with, three diverse but still in retrospect congruent domains of my academic career: I. Finno-Ugric Studies; II. Semiotic Studies; and III. Bio-semiotic Studies.

---

¹ Six different von Uexkülls are named in this article: Jakob, his wife Gudrun, their elder son Thure, their younger son Gösta (or Gustav), and their daughter Dana. To avoid confusion, each of the foregoing is referred to mostly by his or her first name. (The Baron's grandson, Gösta's son, not mentioned again below, is also named Jakob von Uexküll.)

I. Finno-Ugric Studies

When I joined the faculty of Indiana University in 1943, I was pigeonholed as a professional linguist in general, and, more narrowly, a specialist in Finno-Ugric studies. In a pair of recently commissioned articles (Sebeok 1991–1992 and 1997b), I recounted how, beginning the mid-1940s, I eventually came to formally, that is, administratively, establish our Program (later Department) of Uralic and Altaic Studies, as well as, on the national level — in close collaboration with my late friend John Lotz — a set of related activities, comprehending a vast publication program.

There is no need to rehearse these events once more here beyond noting the participation, in various respects and capacities and at various stages, of a number of Estonian scholars (for details, *vide* Sebeok 1997b), including Paul Ariste, George Kurman, Ilse Lehiste, Felix Oinas, Ants Oras, Valter Tauli, and Alo Raun (whose son, Toivo Raun, now chairs the Department of Central Eurasian Studies, the present avatar of the former department).

Miklós Zsirai, in his ambitious, enduringly monumental book (if now in many ways rather quaint) about “our” — that is, the Hungarians’ — kinship and affinities, devoted a fair amount of space to the Estonians (pp. 442–471) and, in a separate section, to comparative linguistics as practiced in contemporary Estonian workshops (pp. 570–573). In the concluding sentence of the latter (1937: 573), he rather pompously foretold that, among the activities of the “younger Estonians, much is to be expected from two well-trained ones,” naming Paul Ariste and Alo Raun. A decade or so afterwards, this pronouncement, having made a strong impact on me, led to several local consequences — as well as another, which eventually came to play a pivotal role in this story. From the outset of Uralic and Altaic Studies, being eager to establish a strong Estonian presence at this institution, I invited both Alo Raun and Felix Oinas, with at first different titles but eventually with tenure leading to full professorial rank, to join us in efforts.

The former, parochial narrative thread stops right here, because, by the middle of the 1950s, I had already turned to other scholarly activities, among them, psycholinguistics, computer research, and the barely nascent area of zoosemiotics. But another narrative trend now kicks in, marking Ariste’s entrance into the frame of my activities,

leading in due course, as will presently become clear, directly to Tartu.

From 1933 to 1988, Ariste was a Professor at the University of Tartu (with which he had been affiliated since his student days in the mid-1920s). His tenure thus overlapped for some four decades with Lotman's, who had received a teaching post in Tartu in the 1950s. (Ariste had spent 1932 in Hamburg, but there is no record of his having crossed paths there with Jakob.)

My own contacts with Ariste commenced in 1968, when I published as the 68th volume in the Indiana University Uralic and Altaic series his grammar of Votic. I had, in fact, edited one hundred volumes in that series between 1960 and 1970, including books by each of the seven Estonian scholars listed in the 4th paragraph of this article (above). I had also run into Professor — later Akadeemik — Ariste at various international Congresses and other meetings, where we exchanged friendly greetings.

Notwithstanding that we didn't really know one another all that well, I turned to him in the Spring of 1970 on the basis of our slender acquaintanceship — yet also in full awareness of the political clout he exercised in academic spheres of and beyond the Estonian Soviet Socialist Republic — to request a considerable favor: that he help persuade the then ruling authorities in Estonia to enable me and my wife Jean to visit Yuri Lotman *in situ*, preferably while the Summer School on Secondary Modeling Systems would be in session. It will be remembered that Tartu was a "forbidden" city during Soviet rule, so foreigners in general, particularly Americans, but even most citizens of the Soviet Union or from other "Socialist" countries (Voigt 1995: 201), were ordinarily denied access. It was greatly to Ariste's credit that he graciously, and rapidly, acceded to my plea, and a bit later helped us out in an acutely suspenseful instant of need, as I shall presently recount.

II. Semiotic Studies

My first, remote contacts with Lotman date from 1966, when he joined the Committee on Publications and Development of the Studies in Semiotics section, for which I had been asked to assume overall editorial responsibility, lodged within the organ of the International Council for Philosophy and Humanistic Studies and of the Internatio-

nal Social Science Council, *Social Science Information* (see Vol. VII-2, pp. 101–169, April 1968). Our appointments ran concurrently through end of 1968 (VII-6, December issue); then the section was superseded the very next month by the advent of *Semiotica*.

The International Association for Semiotic Studies was founded in Paris on January 21, 1969. Lotman, *in absentia*, was elected one of its four Vice-Presidents. I was elected Editor-in-Chief of the newly created journal, whereupon I promptly moved to carry Lotman over to our new international Editorial Committee (Sebeok 1974: 230–231). On this he served until his death, that is, through no less than ninety-eight volumes. He himself published six articles in *Semiotica* (one in collaboration with A. M. Piatigorsky, another with B. A. Uspensky).

Voigt noted in his necrology of Lotman that he was “one of [those] scholars who do not maintain regular correspondence” (1995: 201), which was in general true enough. Nevertheless, in the course of our early contacts, coursing to and from our concurrent but divorced worlds — his in the USSR, mine in the USA — we found other means to keep in touch via circumspect postings of the outmoded kind; yet they tended to revolve almost exclusively around innocuous editorial matters of a technical sort. But after August 17, 1970, our mutual relationship was, if intermittently, radically transfigured.

During this same decade, Lotman’s reputation kept to steadily accrue. He soon ripened into “one of the first Soviet scholars who became famous abroad” (Voigt 1995: 200). This maturation coincided with, was even impelled by, the second phase in the development of Soviet semiotics, which quickened with the shift from Moscow to Tartu. It was observed most authoritatively by Vyacheslav Ivanov in his engrossing autobiographical sketch, adding: “many of our works which could not be published in Moscow were [hereafter] published by Lotman in Tartu” (1991: 36). In 1964, Lotman launched the year-book *Trudy po znakovym sistemam* (reanimated now with the present 26th issuance). It became known world-wide under the portentous catchword *Sémeiótiké* (cf. Voigt 1995: 192). Accompanying the geographic displacement noted by Ivanov, there came a transfer of focus upon “secondary modeling systems... characterized by an extremely wide-ranging subject matter and bold theoretical thinking,” a concern with the larger questions of “world-view” or “world-model”; and “[b]y the time of the fourth summer school [cf. Revzina 1972] this

tendency was given formal expression in the program for the study of semiotics of culture" (Shukman 1994: 560).²

Throughout my teaching career, I attempted to persuade my students, my colleagues, anyone who would listen, that it is important for us all to comprehend what the eminent University of Chicago psychologist Csikszentmihalyi has recently delineated under rubrics he identifies — and discusses at great length, with many examples — as *domains* and *fields*. Creativity, he defined (1997: 6), "results from the interaction of a system composed of three elements: a culture that contains symbolic rules, a person who brings novelty into the symbolic domain, and a field of experts who recognize and validate innovation."

To simplify considerably, a *domain*, on the one hand, constitutes a set of symbolic rules and procedures, such as "semiotics," or, at a finer resolution, "semiotics of culture" or "Paris semiotics" or "Tartu-Moscow School semiotics" or "medical semiotics" or "biosemiotics" or "musical semiotics" — or what Eco once similarly distinguished as "limiti politici [del] campo semiotico," within "fenomeni 'culturali' complessi" (1975: 21).

A *field*, on the other hand, comprises "all the individuals who act as gatekeepers to the domain," who decide "whether a new idea...should be included in the domain" (Csikszentmihalyi 1997: 27–28) — such personages as, for instance, editors of major journals or book publication series, compilers of widely used reference books, officers of international organizations, leaders of important institutional centers or "schools", organizers of colloquia, conferences, congresses, popular lecturers, and the like. From another perspective, a *field* may be viewed as a contemporary avatar, or modern expression of what used to take the form of a medieval *guild*, in short, the entity that controls the workplace in professions such as the various "academic disciplines" (or law or medicine) (Haskell 1997).

Complementary domains and fields can of course affect each other in a variety of fundamental ways, but my point here is that any pensive and resolute would-be practitioner of a *domain*, viz., semiotics, must make every effort to become thoroughly familiar as well

---

² In Sebeok 1988a, I argued that the concepts of "'primary' and 'secondary' modeling systems" are flawed; but, to avoid confusion, for the purposes of my present paper I retain this terminology, originally proposed in 1962 by A. A. Zaliznyak, V. V. Ivanov, and V. N. Toporov (available in English in Lucid 1977: 47–58).

with “the gatekeepers to the domain,” such as I have instanced, controlling the *field*. In short, ideas and the personalities who embody and propagate them are, in my view, kept asunder at one’s peril. It will be evident to the readers of this article that I aim to address here (subcontinents of) the *field* of semiotics, not its global *domain* (Sebeok 1997a).

According to my own precepts and standards, therefore, I felt an urge to seek every opportunity, to pursue any opening, to get to know Professor Lotman in person, and preferably to visit him in his adopted domestic setting, which was then a singular Mecca-like *field* for us “pilgrims” laboring in the *domain* of semiotics. My first chance came in 1970, and Academician Ariste turned out to be the provider of, as it were, an unassailable convoy to Tartu. The framing event was a call I had received to address, in Tallinn, an international congress in Finno-Ugric studies³. As soon as my invitation arrived from Estonia, I realized that the dates of the Tallinn congress would actually coincide with those of the Fourth Summer School on Secondary Modelling Systems: both were to take place in August 17–24, 1970.

Thus I immediately contacted Lotman, who had indicated that we would be cordially welcome at the Summer School, provided we could ourselves secure the necessary papers. I next wrote to Ariste, pleading for his intervention and assistance. He did not respond in writing, but, the day after we had disembarked and checked into our Intourist accommodations in Tallinn, a telegram was delivered to our room, clearing the way for the two of us to spend the following day, the 18th, in Tartu. I had alluded to some of the ensuing adventures in a new Foreword to Lucid’s anthology eleven years ago (Sebeok 1988b), but that appeared before the death of Ariste two years later (Domokos 1990), the liberation of Estonia one year after that (1991), and Lotman’s death in October of 1993. Now, five years after that, I feel free at last to furnish my recital with some particulars.

On Tuesday morning, barely at dawn, a car driven by a KGB man picked us up in the deserted lobby of our Tallinn hotel. Several hours later, it pulled up in front of the main building of Tartu State

---

³ Ariste was the President of the Finno-Ugric Congress. In my capacity as the U.S. delegate, I was member of the over-all international organizing committee. Both Ariste and Lotman held the title of “Akadeemik”, that is, were members of the Estonian Academy of Sciences (cf. Domokos 1990 [after Rätsep 1990]; Voigt 1995: 199).

University. Jean and I kept conversation to a minimum during the drive. We mostly dozed.⁴

At this point, it is necessary to mention that, during our entire stay in Estonia, and *a fortiori* in Tartu, neither of us took any notes, let alone photographs. My report of this crowded, exciting day may therefore contain some misapprehensions. Take, for example, the composition of the impressive gathering that greeted us on our arrival outside the gate: there were, to my best recollection, over twenty men and women there, only a few of whom I had met before, swarming around us, introducing themselves. I transcribed their names from memory several days later on the ship returning us to Finland. Here is what I do remember.

The very first colleague to come forward to greet me was Petr Bogatyrev, who seemed by far the most senior personage present and who was introduced, for the record (I guessed), as being the "President" of the School⁵.

Next, Lotman was introduced as the "Secretary" of the School, and he in turn presented us to his wife, Zara Minc⁶. I was then informed that D. M. Segal would be my interpreter for the day, and he was thereafter at my side until our departure.

To the best of my recollection, the following individuals were also in the group: T. V. Civ'jan, B. F. Egorov, T. J. Elizarenkova, B. M. Gasparov, V. V. Ivanov, M. B. Mejlax, A. M. Piatigorsky,

---

⁴ My improvised Tartu speech (in English) and the discussions in the lecture hall were routinely monitored.

My wife had never been in the Soviet Union before. I, to the contrary, had traveled there quite extensively over the previous 17 years (and in Outer Mongolia too [cf. Sebeok 1963], although not yet in the hardly accessible Baltic Republics), so I was quite inured to constant invigilation.

⁵ Born in 1893, Bogatyrev died a few months after I met him. Later that day in Tartu, I asked in a private conversation for his permission — to which he at once gave his consent — to translate (from the Slovak) and publish his classic 1937 monograph on the functions of folk costume. We then cornered on the spot and invited Boris L. Ogibenin (b. 1940) to write an introductory essay about the author and "Structural Ethnography" for the English edition. Bogatyrev penned and quickly sent me a gracious Preface of his "heartfelt indebtedness". All these materials duly appeared the following year (Bogatyrev 1971) although, alas, too late for the author himself to see.

⁶ Early in June of this year, my friend Eero Tarasti and I (on my second visit to Estonia) paid joint homage to the Lotmans' grave site in the Tartu cemetery.

B. Ogibenin, I. I. Revzin, O. G. Revzina, V. N. Toporov, and B. A. Uspenskij⁷.

As I had summarized previously, our searching discussions and debates of many semiotic topics were “freewheeling and never less than rousing.” They continued through lunch, and, most productively, “through the course of a leisurely, intimate amble outdoors, and finally during a farewell tea” (Sebeok 1988b: vii). Indeed, confidential talks with our hosts took place typically in the course of leisurely strolls in the woods. They constituted the most productive, memorable, and cherished moments of our exhilarating (if exhausting) day.

We returned to Tallinn at dusk to resume my normal responsibilities to the Finno-Ugric Congress, but now faced a new — although, to me, not unprecedented — problem. While in Tartu, a number of colleagues handed me manuscripts to convey to the West. Most of these were intended for publication in *Semiotica*; some were meant for delivery to other editors. Such scholarly papers (the only kind I ever accepted) were entrusted to me to sidestep nightmarish Soviet bureaucratic restrictions. I was aware of the illicit nature of such dodges and the risks if I were caught, but bowed to abet them because of my refusal to condone censorship of intellectual property of any kind. Too, many of the pieces by authors, such as the ones I list in fn. 7 below, that would soon come out in *Semiotica*, would scarcely have appeared in English otherwise and, very likely, would have remained unknown to all but a very limited readership.

However, in this instance, while I had been entrusted with a larger than usual number of works, I had relatively little luggage space. I knew that all incoming and outgoing baggage was subject to search in the customs shed of Tallinn harbor. So I decided to discreetly consult

---

⁷ There were perhaps still another dozen men and women there whose names I didn't catch or couldn't afterwards remember; and I can't be sure whether I had first met the folklorist E. M. Meletinsky there or later on in Moscow.

Several colleagues whom I met in Tartu became as a direct result of my visit contributors to *Semiotica*. In addition to Lotman himself (four articles between 1974 and 1977, plus one co-authored in 1978), they included Egorov, Gasparov, Ivanov, Ogibenin, Piatigorsky, Revzin, Revzina, Toporov (who went on to win the Mouton d'Or Prize in 1985), and Uspensky.

Rudy (1986: 557n13) singled out Revzina's 1972 piece (which also contained a brief report of my long talk) as “of particular significance for the history of the Moscow-Tartu school, since it represents an effort at stock-taking at a crucial moment in the evolution of the movement”.

with Ariste: should I gamble on endangering the several authors of these manuscripts, likely being myself apprehended, putting my wife in jeopardy, and, not least, embarrassing the Congress organizers? I thought he would advise me not to. To the contrary, he told me not to worry. I relate below how, thanks again to Ariste's propitious and imaginative succor, these mss. got out of the Soviet Union.

What transpired on our departure, as recollected after more than a quarter of a century of tranquility, takes on, in retrospect, the coloring of a farce. At the harbor, we noticed that all passengers ahead of us were ordered to pile their bags on a stand and open them. All were thoroughly searched. On being summoned by a Russian officer to step forward and submit likewise, I braced myself for serious trouble. At the very moment I placed our luggage on the counter, the entrance to the shed burst open and Ariste rushed in with a large bouquet of flowers, handing them to my astonished wife. At the top of his voice, he proclaimed what an honor it was for his country to have had two such distinguished and gracious American visitors in attendance at the Congress. While holding up the line behind us, the noisy hurly-burly fomented such befuddlement and delay that the impatient officer hurriedly waved us, with our untouched luggage, through to board the ship. I thanked Ariste warmly, saying goodbye. I never saw him again.

In 1973, responding to initiatives from the Academy of Sciences of the USSR to come for an approximately six-week sojourn in Russia, and conjoined but separate invitations from the Armenian and Georgian Academies for lectures, I was awarded an Exchange Professorship by the U.S. National Academy of Sciences for studies in Moscow, Leningrad, Erevan, and Tbilisi. My specific requests for additional visits in the Estonian and Mari Republics were rejected without explanation.

Soon after our arrival in Moscow, I made contact with several local members of the Moscow-Tartu School to set up an "unofficial" get-together with those willing to attend.

An all-afternoon tea was arranged in Ogibenin's flat. To my surprise and pleasure, Lotman, who came by train from Tartu, was there among half a dozen or more Muscovites, including Ivanov and Uspensky. Topics of mutual interest were discussed — notably, having to do with the publication of various books and articles bearing on semiotics.

However, one important novel topic, not broached with me in Tartu, was insistently raised in Moscow. This had to do with the fact

that several of the colleagues I met in Tartu had since left to live in foreign parts or were just now preparing to emigrate. I was quizzed at length about conditions, particularly job opportunities, in several major Western capitals and in the U.S. One of those present declared his interest in coming to Indiana University. It later became possible for me to arrange that he come to Bloomington for an interview, and even, on receiving favorable mention on the part of Roman Jakobson (who was coincidentally also here at the time), to offer him a permanent faculty appointment in semiotic studies. To Jakobson's fury and my own disappointment, this gifted young man declined our offer for the flimsiest of reasons. Reputedly living in Paris, he has since vanished from the academic scene⁸.

My next encounter with Lotman, most intimate, most interesting — but, as it turned out, the last — was an extraterritorial happening for both of us. It happened so.

In 1986, the Norsk Forening for Semiotikk (Norwegian Association for Semiotic Studies), convened in Bergen, upon the initiative of Dinda L. Gorfée and Sven Storelv, a Symposium on Semiotics in Theory and Practice. I delivered the keynote-speech on the first morning, October 2nd (Sebeok 1987). After some uncertainty about his whereabouts, Lotman landed late in the afternoon, on what was his first journey ever to the West. Not surprisingly, he at first appeared exhausted and nervous, but he performed with his customary brilliance the next day.

He spoke extempore in Russian (ably rendered into English on the spot by Professor Jostein Børtnes) — in electrifying fashion albeit with a touch of whimsy — during the second day, the 3rd, to “situate semiotics within the Slavic cultural tradition” (Lotman 1987). The local organizers assigned to us parallel roles, but there wasn't any doubt of Lotman's star quality. We both wrote special introductions to

---

⁸ It should be noted that while Lotman and his Tartu circle, with its augmentations in Moscow and, to a lesser degree, Leningrad, together constituted an extraordinary pinnacle of achievement in the domain of semiotics in the second half of our century, this group was not tantamount in its extension to semiotics throughout the Soviet Union. In Moscow alone, during my stay, I was in contact with other scholars who synchronously worked in several branches of general or applied semiotics, as the linguist R. Pazukhin, the paremiologist G. L. Permyakov, the linguist and textbook writer Y. S. Stepanov (1971) (whom I got to know better in Milano three years later), and more. In Leningrad, I especially enjoyed lively discussions, among others, with Y. V. Knorozov, a leading expert of Maya hieroglyphic writing.

precede the communications, published in the third issue of *Livstegen* (1987), Lotman's entitled "Semiotics and Culture in the Second Half of the Twentieth Century".

That evening, the two of us, just Lotman and I, had a protracted dinner at the Hilton, addressing one another mostly in German, with snatches of French, interspersed by his shaky English and my faltering Russian. Yet, as the evening progressed, palliated by some toasts, a mutual rapport and sympathy came to suffuse and envelop us as if we had been the oldest of friends.

In the course of the evening, Lotman handed me a typescript of his now classic, highly sophisticated if rather controversial essay "O semiosfere," which would appear in *Sémeiôtiké (Sign Systems Studies)*, Vol. 17, dated 1984. He rightly considered this to be an exceptionally important paper, yet which was hardly available to Western readers even two years afterwards. He asked that I arrange to have it promptly translated and printed in *Semiotica*, to which of course I enthusiastically assented. Unfortunately, although in the past he left the assignment of translators to my judgment, in this instance he expressly stipulated a specific individual. After my return home, I phoned this man (whom I had known and respected for his skills) in New York, who, after some haggling over his fee and the timing, took the job on — but, in the event, he neither delivered the English version nor, to this day, returned the original typescript. This was, needless to say, mortifying as well as a grievous disappointment to me, scarcely made up for by my modest role four years later in promoting the publication by the Indiana University Press of our colleague Ann Shukman's definitive presentation of Lotman's *Universe of Mind* (1990). Part Two of this book (pp. 123–214) is titled "The Semiosphere," which does convey his most mature statement of what he apparently intended by this concept, which seems to have recourse to a kind of multi-faceted universal semiotic "culture engine"⁹.

---

⁹ On *semiosphere*, see also Eco's prefatory remarks to Lotman's book on pp. xii–xiii. Sturrock (1991: 10) insightfully views the *semiosphere* as a "semantic version of the biosphere without whose support there would be no life-forms".

There exist at least two different German versions of Lotman's 1984 original: the earlier of the two appeared in 1989, in the *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* 20: 7–24; the later one, retranslated anew without

Voigt later claimed that *semiosphere* was Lotman's "first personally invented term...his brainchild". If so, this may in part account for his fondness for and attachment to it. However, there is no evidence for his necrologist's further suggestion (1995: 197) that Lotman's term was "modeled after *noosphere*," a fuzzy contraption by the French Jesuit and metaphysician Pierre Teilhard de Chardin. To the contrary, there is plenty of internal evidence in Lotman's writings for my repeated contention (e.g., Sebeok 1991a: 8, 142) that Lotman coined his term by analogy with Vernadski's 1926 term *Biosfera*.

Here it should be noted that Kull is currently finishing an exploratory inquiry — based in part on extant texts, in part on interviews — titled "Towards Biosemiotics with Yuri Lotman," to appear in 1999 in a Special Issue of *Semiotica* devoted to Biosemiotics. Two companion articles in the same issue will take up comparable concerns by, respectively, C. S. Peirce (by M. L. Santaella Braga) and Charles Morris (by Susan Petrilli).

Lotman, in his introductory speech to *Livstegn* (1987: 10), rightly underlined the contemporary emergence of syncretic tendencies...in semiotic investigations. "In the humanities," he said, "different disciplines combine into a single science of man, centered around the semiotic study of culture." Commute *science* for *the humanities*, *life* for *man*, and *nature* for *culture* — and this great, charismatic thinker and I might have consummated a transcendental disputation. I had hoped to argue my basic case, and ancillary issues, at our next scheduled encounter, at the 25th Symposium of the Tartu-Moscow School of Semiotics, held in Imatra, Finland, July 27th–29th, 1987 (Sebeok 1988a), but, alas, Lotman could not attend, and I never saw him again.

III. Biosemiotic Studies

I first came across von Uexküll's name in 1936, when I was still in my teens and he was to have lived for eight more years. I chanced to catch his name on the verso of the half-title page to Ogden and Richard's *The Meaning of Meaning*, the 4th edition of which I purchased when I was an undergraduate at Magdalene College in Cambridge, where Richards was Pepys Librarian at the time and with which Ogden was

---

ostensible regard to the former, appeared in 1990, in the *Zeitschrift für Semiotik* 12: 287–305.

also associated (according to the same page), and which also listed him as the "General Editor of the International Library of Psychology Philosophy and Scientific Method." This consisted at the time already of some 85 volumes. *Theoretical Biology* was listed as the 34th book from the top, or 52nd from the bottom. The title having caught my attention, I obtained a copy from the library, found that it was a 1926 translation of a German book published in 1920, and that it was beyond doubt over my head. Not until some thirty years later did I come to realize that this judgment was premature as well as very wide of the mark. The English translation had in fact been carried out "wretchedly...under Ogden's eccentric auspices" (Sebeok 1991b: 104). In the mid 1960s, when at last I read the authentic German version¹⁰, I came to believe that Ogden, the very animator of Anglo semiotics in the 20th century, had either known little or no German or, with all his polymathic gifts, had failed to understand what *Theoretische Biologie* was really about: not biology, not psychology, not physiology, but semiotics. What's more, it unfolded a wholly unprecedented, innovative theory of signs, the scope of which was nothing less than semiosis in life processes in their entirety. It created and established the basis for a comprehensive new domain: we now call it *Biosemiotics* (for definition, cf. Sebeok 1973, and Thure von Uexküll 1987: 214).

This man who single-handedly brought biosemiotics about — *avant*, so to speak, *la lettre* — received his basic academic training in zoology at the University of Dorpat (now Tartu) (Gudrun von Uexküll 1964: 25–30; see also his portrait facing p. 32 as an Estonian student). It was therefore highly appropriate to have dedicated a research institution to this domain, to have named it the Jakob von Uexküll Center, and to have arranged to set it to function eponymously under the auspices of the master's *alma mater* (1993)¹¹.

¹⁰ My curiosity about the work of Jakob was rekindled by a brief but suggestive passage in Klopfer and Hailman's book about the foundations of ethology (1967: 126–127).

¹¹ For want of a ready-made term, Uexküll dubbed his invention "*Umwelt-research*", and founded the Institute for Umwelt Research at the University of Hamburg accordingly (in 1926) to carry out investigations on "the behavior of living organisms and their interaction as cells and organs in the body or as subjects within families, groups, and communities" (Gudrun von Uexküll 1964: 145–151; Thure von Uexküll 1987: 147). The Tartu Center is the embryonic successor of the Hamburg Institute, with a program of research in

His had been a signal achievement. As Csikszentmihalyi noted in his book on *Creativity*, the term *domain* ordinarily “refers to the act of changing some aspect of a domain... But of course there was a time when domains did not exist... So, in a sense, the most momentous creative events are those in which entire new symbolic systems are created” (1997: 291). Such a novel system was *Umwelt*-research, that is, *Biosemiotics*, rooted in no antecedent semiotic theory or practice at all; it was, rather, connected to the thought of Plato, Leibniz, especially Kant, Goethe, and a handful of biologists, such as Johannes Müller and Karl Ernst von Baer¹².

Furthermore, as Konrad Lorenz himself had pointed out (1971: 275), “the research programme mapped out [by Uexküll] is pretty nearly identical with that of ethology.” This should surprise no one who remembers that Uexküll was “one of [Lorenz’s] most important teachers” (ibid. 274; cf. Gudrun von Uexküll 1964: 198); nor anyone able to get to the bottom of the congruence between ethology, viz., the study of ritualization, and diachronic semiotics (Sebeok 1989: 27–34).

On occasion, I tried to get a fix on whether the practitioners of the Tartu-Moscow School were aware of the writings of Jakob. While I don’t think that Lotman and I exchanged views about this particular question, I did pose it to Ivanov on several occasions, once in Berlin, another time over lunch when he visited me in Bloomington. Yet a

biosemiotics — which merits full funding — comparable at present with that of the Biosemiotics Group at the University of Copenhagen.

In 1943, K. J. W. Craik, an Englishman, independently proposed a kindred but not empirically based and now almost forgotten “biosemiotic” theory, wherein he hypothesized that “the organism carries ‘a small-scale model’ of external reality and of its own possible actions within its head” (cf. Sebeok 1991b: 104–105).

¹² The commonalities among C. S. Peirce, J. von Uexküll, Ernst Cassirer, Yuri Lotman, *et al.*, can all be traced back to Kant, but to do so would require extended and meticulous monographic treatment (see also Gudrun 1964: 19, 93; and for the “correspondence with Kant”, 220–228). Thure has confirmed (1987: 150) that his father was unacquainted with the works of Peirce or Saussure, indeed, any other contributors to semiotics than Cassirer (although he must have had at least an inkling of the principal tenets of Hippocratic medical semiotics). Terminological reconciliations, often provided by Thure, were unknown to his father.

Baer sits atop a statue in a charming park by the University of Tartu. On June 2nd, soon after lecturing at the Jakob von Uexküll Center, I was photographed to the left of Kull, standing in front of this famous memorial.

clear-cut answer continues to elude me. It's a fact, however, that the Russian semiotician Stepanov devoted an entire chapter of his book to "Biosemiotics" (1971: 27–32), a discussion which opens with a survey of some works by von Uexküll (to whom he refers as a German [sic] biologist). His scrutiny is vitiated by a ritual obeisance to Lenin. This is followed by a misestimation of the psychologist and primatologist Zhinkin, who, in a review of one of my books (Sebeok 1968), made two remarks: he correctly surmised that "one gains the impression that there is no branch on the tree of genetic evolution where living beings fail to engage in communication"; but he incorrectly supposed, and his view misled Stepanov, "that the roots of language lie deep in the layers of the evolution of animal life" (Zhinkin 1971: 75).

In brief, it is difficult to accept that, although the notion of *Umwelt* was evidently known in Moscow circles by the 1970s, yet it remained hermetic to Lotman. One hopes that further inquiries on the part of Kull and others may resolve this conundrum, with possibly far-reaching bearings on ambitious overarching conceptual twosomes such as *semiosphere/biosphere*, *semiotics/biosemiotics*, and the like, in their intricate interplay.

However that may be, in August 1977 I attended the III Wiener Symposium über Semiotik to present a paper titled "Neglected Figures in the History of Semiotic Inquiry: Jakob von Uexküll" (Sebeok 1979, Ch. 10). Thure was in the audience. Afterwards, we had a long talk, subsequent to which he paid a call on me in Bloomington, and, still later on, made arrangements for me to spend a week or so visiting him in Freiburg, accompanied by my late friend, Giorgio Prodi. Prodi, a distinguished oncologist by profession, a novelist, and a prolific contributor to general bio- and endosemiotics¹³ — he favored the comprehensive expression "natural semiotics" (e.g., in Sercarz 1988:55; cf. Prodi 1988) — had forged, without explicit reference to any other previous or contemporary thinker, still another variant of this sprouting, or re-emerging domain. Prodi was another remarkably creative individual (Eco 1988). While the three of us were together in Freiburg (with Thure's sister, Dana, home from Finland, "keeping house"), we conducted an intensive week-long open-ended seminar, so to speak, on the practical and conceivable ins and outs of biosemiotics. Over and above redefining and sharpening my over-all perception of this semiotic domain, this uniquely stimulating experience

¹³ On the cognate domain of *endosemiotics*, see the fundamental article by Thure von Uexküll *et al.* (1993), after Sebeok (1976: 3).

enabled me to enhance my writings and teachings (Sebeok 1995b) in biosemiotics in its various topical subdivisions.

Our intensive triadic “brainstorming” led directly to the series of pivotal seminars held annually in the late 1980s and early 1990s in Glottertal, on the outskirts of Freiburg. These thought-provoking international get-togethers were held at the Glotterbad Clinic for Rehabilitative Medicine, under Thure’s overall aegis and the superintendence of a student and associate of his, Jörg M. Herrman, M.D., its Director. They were attended by many German, Swiss, and other physicians, and were on occasion attended by the biologists Jesper Hoffmeyer (of Denmark), and Kull, now two of the leading figures of the biosemiotics movement.

The paper I had presented in Vienna and published two years later as Chapter 10 (pp. 187–207, 290–291) of my book, *The Sign & Its Masters*, was my attempt to come to terms with the historical fact that there were certain men in the history of ideas, and several women, who, unawares, turned out to have been seminal figures in the history of semiotic inquiry. Much later, I dubbed this phenomenon the *Jourdain factor* (Sebeok 1991b), offering a host of examples, but none more amazingly conspicuous, now all but universally granted redefinition, than Jakob.

“The Estonian Connection,” as I choose to call it, endeavors to set in motion the seeds of a fascinating dialectic between Jakob von Uexküll, emigrant from Dorpat to the West, renowned as the scientist who had the creative power to imagine and delineate what we now call Biosemiotics; and Yuri M. Lotman, immigrant from Russia to Tartu, the celebrated visionary humanist who invented the notion of what we now call Semiosphere. Seemingly polar opposites, they both formulated and brought into being vast subcontinents of global semiotics (Sebeok 1997a), the former of life itself in its multiform complexity, the latter, of the universe of the human mind in its profusion of profound discernment. At bottom, of course, the Biosphere and the Semiosphere must be the same, for semiosis is the criterial attribute of all life, inclusive of the mind observing the Universe which comprehends life, the Biosphere (Vernadsky 1926). The two together are linked in a closed cybernetic loop, or what physicists such as Wheeler, remarking that “meaning itself powers creation,” has called a self-excited circuit (1988). How the two are to be reconciled in their rich minutiae into a global synthesis is open to debate by their disciples at University of Tartu and elsewhere.

IV. Coda

In sum, there is far more that could be said about the issue of "domain-semiotics" vs. "field-semiotics." A field-semiotic standpoint was exemplified in my mapping of some of the multifarious genealogical filiations, in their quite diverse ramifications, of three major scholars whose points of convergence or intersection — actual or symbolic, synchronous or otherwise — chanced to be the University of Tartu.

However, another, on the surface quite different, charting could be projected if these same scholars were to be reconsidered from a domain-semiotic standpoint — for example, the Peircean category of Indexicality (Sebeok 1995a). Were one to attempt an approach like this — more common, perhaps, in traditional academic publications — one would have to zoom in, for instance, on Votic demonstrative pronouns (Ariste 1968); on "how, for example, umbrellas, coaches, dinners, and card-playing occur (and can be understood) in literature" (Lotman; cf. Voigt 1995: 191); and on such biosemiotically dramatic events as predation (Jakob and Thure, *passim*; cf. Thom 1983: 267–269).

At the time of writing, I am trying to think through the implications of what I am calling "the genealogical method to semiotic historiography," or what I have elsewhere elaborated under the ensign of "The Semiotic Web." (Two months ago, I presented another fragment of this possible *modus operandi*, dealing with semiotic anthropology.¹⁴) For the time being, however, I remain content to leave the domain-semiotic facets of this and other possible such exercises for future occasions.

References

- Ariste, Paul (1968). *A Grammar of the Votic Language*, Thomas A. Sebeok (ed.) (= Uralic and Altaic Series, Vol. 68). Bloomington.
- Bogatyrev, Petr (1971). *The Functions of Folk Costume in Moravian Slovakia* (With a new Preface by the author, p. 6, and an introductory essay by Boris L. Ogibenin, pp. 9–32), Thomas A. Sebeok (ed.) (= Approaches to Semiotics, Vol. 5). The Hague: Mouton.

¹⁴ Plenary address to the 24th Annual Meeting of the Semiotic Society of America, Louisville, Kentucky, October 24th, 1997.

- Domokos, Péter (ed.) (1990). *Finnugor életrajzi lexikon*. Budapest: Tankönyvkiadó.
- Csikszentmihályi, Mihaly (1977). *Creativity: Flow and the Psychology of Discovery and Invention*. New York: HarperCollins.
- Eco, Umberto (1975). *Trattato di semiotica generale*. Milano: Bompiani.
- Eco, Umberto (1988). Una sfida al mito delle due culture. *Saecularia Nona* 2. January–February. Bologna.
- Haskell, Thomas L. (1997). The New Aristocracy. *New York Review* 44(19): 47–53.
- Ivanov, Vyacheslav (1991). Self-Portrait of a Russian Semiotician in his Younger and Later Years. In: *Recent Developments in Theory and History: The Semiotic Web 1990*, Thomas A. Sebeok and Jean Umiker-Sebeok (eds.), 3–43. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Klopfer, Peter H. and Hailman, Jack P. (1967). *An Introduction to Animal Behavior: Ethology's First Century*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Lorenz, Konrad (1971). *Studies in Animal and Human Behaviour*. Vol. 2. Cambridge: Harvard University Press.
- Lotman, Yuri M. (1984). O semiosfere. *Sémeiótiké (Sign Systems Studies)* 17: 5–23.
- Lotman, Yuri M. (1987). On the Contemporary Concept of the Text. *Livstegn* 3: 159–163.
- Lotman, Yuri M. (1990). *Universe of Mind: A Semiotic Theory of Culture*. Bloomington: Indiana University Press.
- Ogden, C. K. and Richards, I. A. (1936). *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. 4th ed. London: Kegan Paul, Trench, Trubner.
- Prodi, Giorgio (1988). Material Bases of Signification. *Semiotica* 69: 191–241.
- Revzina, Olga G. (1972). The Fourth Summer School of Secondary Modeling Systems (Tartu, 17–24 August 1970). *Semiotica* 6: 222–243.
- Rudy, Stephen (1986). Semiotics in the U.S.S.R. In: Thomas A. Sebeok and Jean Umiker-Sebeok, eds. *The Semiotic Sphere*, pp. 555–582. New York: Plenum Press.
- Sebeok, Thomas A. (ed.) (1968). *Animal Communication: Techniques of Study and Results of Research*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sebeok, Thomas A. (1973). Between Animal and Animal. *Times Literary Supplement*, No. 3,734, October 5 (London).
- Sebeok, Thomas A. (1963). A Sojourn in the Mongolian People's Republic. *The Mongolia Society Newsletter* 2: 30–31.
- Sebeok, Thomas A. (1974). Semiotics: A Survey of the State of the Art. In: Thomas A. Sebeok, ed., *Current Trends in Linguistics, Vol. 12. Linguistics and Adjacent Arts and Sciences*, pp. 210–264. The Hague: Mouton.
- Sebeok, Thomas A. (1979). *The Sign & Its Masters*. Austin: University of Texas Press.

- Sebeok, Thomas A. (1987). Om teiknlaera. *Livstegn* 3: 164–180.
- Sebeok, Thomas A. (1988a). In What Sense Is Language a “Primary Modeling System?” In: *Semiotics of Culture*, Henri Broms and Rebecca Kaufmann (eds.), pp. 67–80. Helsinki: Arator.
- Sebeok, Thomas A. (1988b). Foreword to the Paperback Edition. In: *Soviet Semiotics: An Anthology*, Daniel P. Lucid (ed.), pp. v–viii. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Sebeok, Thomas A. (1991a). *A Sign Is Just a Sign*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sebeok, Thomas A. (1991b). *Semiotics in the United States*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sebeok, Thomas A. (1991–1992). Uralic Studies and English for Hungarians at Indiana University: A Personal View. *Hungarian Studies* 7(1–2): 149–152.
- Sebeok, Thomas A. (1995a). Indexicality. In: *Peirce and Contemporary Thought: Philo-sophical Inquiries*, Kenneth Laine Ketner (ed.), pp. 222–242. New York: Fordham University Press.
- Sebeok, Thomas A. (1995b). Teaching Semiotics in the United States. *Degrés*, d1–d8.
- Sebeok, Thomas A. (1997a). Global Semiotics. In: *Semiotics around the World: Synthesis in Diversity*, Irmengard Rauch and Gerald F. Carr (eds.), pp. 105–130. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Sebeok, Thomas A. (1997b). My “Short Happy Life” in Finno-Ugric Studies. *Hungarian Studies* 12: 1–2.
- Sercarz, Eli E., Celada, Franco, Michison, N. Avrion and Tada, Tomio (eds.) (1988). *The Semiotics of Cellular Communiation in the Immune System*. Berlin: Springer-Verlag.
- Shukman, Ann (1994). Modeling System. In: Thomas A. Sebeok, ed., *Encyclopedic Dictionary of Semiotics*, 2nd ed., Vol. 1, pp. 558–560. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Stepanov, Yuri S. (1971). *Semiotika*. Moscow: Nauka.
- Sturrock, John (1991). Inside the Semiosphere. *Times Literary Supplement*, May 3, pp. 9–10.
- Thom, René (1983). *Mathematical Models of Morphogenesis*. Chichester: Ellis Horwood.
- Uexküll, Gudrun von (1964). *Jakob von Uexküll: seine Welt und seine Umwelt*. Hamburg: Christian Wegner.
- Uexküll, Jakob von (1973). *Theoretische Biologie*. Frankfurt a/M: Suhrkamp. [Reprint of the 2nd ed., 1928; 1st ed. 1920.]
- Uexküll, Thure von (1987). The Sign Theory of Jakob von Uexküll. In: Martin Krampen, Klaus Oehler, Roland Posner, Thomas A. Sebeok, and Thure von Uexküll, eds., *Classics of Semiotics*, pp. 147–179. New York: Plenum Press.
- Uexküll, Thure von; Geigges, Werner and Herrmann, Jörg M. (1993). Endosemiosis. *Semiotica* 96(1/2): 5–51.

- Vernadsky, V. I. (1926) *Biosfera*. Leningrad: Nauka.
- Voigt, Vilmos (1995). In memoriam of "Lotmanosphere." *Semiotica* 105: 191–206.
- Wheeler, John Archibald (1988). World as System Self-Synthesized by Quantum Networking. *IBM Journal of Research and Development* 32(1): 1–15.
- Zhinkin, N. I. (1971). Semiotic Aspects of Communication in Animal and Man. *Semiotica* 4: 75–93.
- Zsirai, Miklós (1937). *Finnugor rokonságunk*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.

Эстонская связь

Внимание автора сосредоточено прежде всего на деятельности проф. Ю. Лотмана как одного из основателей тартуско–московской семиотической школы и представителя традиции, альтернативной по отношению к той, которую представляет сам Т. А. Себеок. В целом, оценивая вклад в семиотику отдельных ученых, автор не рассматривает их как представителей определенных регионов, но, тем не менее, он признает, что Эстония представляла собой особо благоприятное место для семиотики уже в начале 20-го века (Я. фон Юкскуль) и продолжала быть таким для "подпольной семиотики" Ю. Лотмана, а в наши дни для институциональной семиотики (отделение семиотики в Тартуском университете).

Автор выделяет и описывает три важнейших этапа в развитии эстонской семиотики: исследования по финно-угристикe, семиотические исследования и биосемиотика. В целом мемуарного характера статья содержит наряду с научным обзором истории семиотических дисциплин в Эстонии и воспоминания о личных контактах автора с учеными Тартуского университета. Т. А. Себеок признается, что развитие науки, несмотря на свою универсальность, сильно зависит от открытости конкретных ученых и их готовности к формированию этой универсальности (как, например, усилия профессора ТУ по финно-угристикe Пауля Аристе в организации встречи автора статьи и Ю. М. Лотмана).

Во многом благодаря "нелегальному" установлению личных контактов удалось включить Тартуско–московскую семиотическую школу в международный научный диалог (работы советских ученых стали публиковаться на Западе, что, в свою очередь, привело к расширению проблематики западной гуманитаристики; привлечение материала восточно-европейской традиции связывалось с поисками

ответа на новые научные вопросы; активизировалась нормализация семиотики как науки). В ситуации политического давления сглаживались личные противоречия и усиливалась готовность к диалогу между представителями разных семиотических традиций.

Несмотря на то, что Тартуско-московская семиотическая школа была из-за политической изоляции представлена на международной арене *in absentia*, она, и через нее Эстония как географический регион стали значительным фактором концептуальной референции. Образовался необходимый для научного творчества треугольник, как его определил Csikszentmihaly: культура знаковой нормативности (Тартуско-московская школа); лицо, обновляющее сферу знаковости (проф. Ю. Лотман и другие ученые); группа экспертов, способная узнавать и оценивать эти новации (возникшая связь с Западом).

Eesti-side

Artikli keskne tähelepanuobjekt on Tartu–Moskva semiootikakoolkonna üks alusepanijaid, professor Juri Lotman, kes on vaadeldav alternatiivse semiootikatradsiooni esindajana oma kaasaegsele, professor T. A. Sebeokile. Samas ei käsitleta üksikteadlasi kui mingi geograafilise ala esindajaid, vaid Eestit kui semiootikale kummaliselt soodsat regiooni alates käesoleva sajandi algupoolest (J. v. Uexküll) ning vahendatuna “põrandaalusest semiootikast” (J. Lotman jt) kuni tänapäevani (“ametlikustatud” semiootika Tartu Ülikooli struktuuriüksuse näol).

Vastavalt autori teadushuvide arengule vaadeldakse ka kolme erinevat distsipliinaarset etappi: soome-ugri uuringud, semiootika-alased uuringud ja biosemiootilised käsitlused. Samas on selles memuaristlikus artiklis need kolm valdkonda seotud isiklike kontaktidega Tartu Ülikooli teadlastega, ning selgub, et teaduse areng, hoolimata oma universaalsusest, on siiski tihedas sõltuvuses konkreetsete inimeste avatusest ja panusest selle universaalsuse tekitamiseks (nt Paul Ariste pingutused Sebeoki ja Lotmani koostumise teostumiseks).

Tagasisidena ja komplementaarse vastusena neile isiklike kontaktide “illegaalsele” loomisele saavutati aga Tartu–Moskva semiootikakoolkonna lülitumine rahvusvahelisse teadusdialoogi (“nõukogude” teadlaste tööde publitseerimine Läänes ja Lääne humanitaristika probleematika vastav laienemine, uutele küsimustele vastuse otsimine Ida-Euroopa traditsioonis, semiootika kui teadusvaldkonna normaliseerimine poliitiliste ja isiklike piiride teatavagi kaotamise kaudu). Tänu poliitilise surve

tahule maandusid isiklikud vastuolud teaduskontseptsioonide aspektis ning suurenes valmisolek erinevate semiootikatradsioonide dialoogiks (utreeritult: biosemiootikalise orientatsiooni ja kultuurisemiootika süm-bioosiks). Hoolimata sellest, et Tartu–Moskva semiootikakoolkond oli tänu poliitilisele isolatsioonile rahvusvahelisel areenil esindatud *in absentia*, oli nii vastav koolkond kui ka Eesti geograafilise regioonina muutunud arvestatavaks kontseptuaalse referentsi teguriks. Nõnda moodustus loometegevuseks vajalik kolmnurk nii, nagu seda on määratlenud Csikszentmihaly: märgilise reeglistiku kultuur (Tartu–Moskva semiootikakoolkond), isik, kes toob märgilisse valdkonda uudsust (professor J. Lotman ja teised üksikisikud) ning ekspertide grupp, kes suudavad neid uuendusi ära tunda ja hinnata (tekkinud side Läänega).

The “dimensionality principle” and semiotic analysis

Marcel Danesi

Introductory remarks

As is well known, John Locke (1690) introduced the formal study of signs into philosophy because he anticipated that it would allow philosophers to understand the interconnection between representation and knowledge. But the task he laid out for philosophers remained virtually unnoticed until Charles Peirce (1931–58) took up Locke’s challenge seriously, arguing persuasively throughout his writings that the distinguishing characteristic of the human species is, indeed, its extraordinary ability to *know* the world in the form and contents of signs. This ability is the reason why, over time, humankind has come to be regulated not by force of natural selection, but by “force of history,” i.e. by the accumulation of knowledge that previous generations have captured in the form of signs and passed on in cultural settings.

Much important work on signs using Peircean theory has been conducted in the twentieth century. But what is lacking in my view from the relevant literature is a general working principle that can synthesize the many, yet still scattered, insights into human representational systems that Peircean theory has produced throughout the century. The purpose of this essay is to draft a preliminary outline of such a principle — which will be called the *dimensionality principle* — as a target for discussion. Clearly, it will have to be assessed for viability, applied to actual analytical tasks, and, if found to be practicable, modified, adapted, and elaborated in suitable ways.

Semiosis vs. representation

One of the primary objectives of semiotics is to understand semiosis and the knowledge-making *activity* it allows all human beings to carry out. This activity is known as *representation*. It is characterized by the deliberate use of signs to probe, classify, and hence *know* the world. *Semiosis* is the neurobiological capacity itself that underlies the production and comprehension of signs, from simple physiological signals to those which reveal a highly complex symbolism (e.g. Sebeok 1994). The activity of using signs to capture, portray, simulate, or relay impressions, sensations, perceptions, or ideas that are deemed to be knowable and memorable is a truly remarkable trait of the human species.

The difference, but intrinsic interconnection, between semiosis and representation can be seen in early childhood behaviors. When an infant comes into contact with an object, his/her first reaction is to explore it with the senses, i.e. to handle it, taste it, smell it, listen to any sounds it makes, and visually observe its features. This exploratory phase of knowing, or cognizing, an object can therefore be called sensory cognizing, because the child is using the sensory apparatus to cognize the object in terms of how it feels, tastes, smells, etc. Such sensory units of knowing apparently allow the child to recognize the same object subsequently without having to examine it over again with his/her sensory system. Now, as the infant grows, he/she starts to engage more and more in semiotic behavior that clearly transcends this sensory cognizing phase; i.e. he/she starts to point to the object and/or imitate the sounds it makes. This behavior is independent of cultural conditioning; it comes with having a body and a brain. It consists in the ability to imitate the sounds an object makes with the vocal cords and to indicate its presence with the index finger. At that point in the child's development, the object starts to assume a new semiotic form of existence; it has, in effect, been transferred to the physical strategy itself used by the child to imitate its sound features or indicate its presence. This strategy produces the most basic type of sign which, as Charles Morris (1938, 1946) suggested, allows the child from that point on to replace the sign for the object. As is well known, this replacement pattern is known psychologically as displacement. This is the ability of the human mind to conjure up the things to which signs refer even though they are not physically present for the senses to cognize or recognize. The displacement property of signs endows the

developing infant to think about the world beyond the stimulus-response realm to which most other species are constrained, and thus to reflect upon it at any time and in any situation whatsoever. Now, as the child grows, he/she becomes increasingly more able to use signs to represent the world in a displaced manner. The word represent means, literally, "to present again," i.e. to present some referent again in the sign.

The instant children start to represent the world with signs, they make a vital psychosocial connection between their developing bodies and conscious thoughts to that world. To put it figuratively, signs constitute the "representational glue" that interconnects their body, their mind, and the world around them in a holistic fashion. Moreover, once the child discovers that signs are effective tools for thinking, planning, and negotiating meaning with others in certain situations, he/she gains access to the knowledge domain of his/her culture. At first, the child will compare his/her own attempts at representation against the signs he/she is exposed to in specific contexts. But through protracted usage, the signs acquired in such contexts will become cognitively dominant in the child, and eventually mediate and regulate her/his thoughts, actions, and behaviors. The concept of dimensionality is intended to permit an investigation in Peircean terms of this very interconnection among the body, which is a firstness dimension anchored in the realm of sensory and emotional experience, the mind, which is a secondness dimension anchored in displacement and reflective consciousness, and culture, which is a thirdness dimension anchored in the representational systems that the child will acquire in his/her social ambiance. The basic premise underlying the dimensionality principle is that these three dimensions are coactive, i.e. intrinsically intertwined in the individual human being's ability to produce meanings with, or extract meaning from, all kinds of representational systems (language, mathematics, the arts, etc.).

Knowledge and representation

In actual fact, what I am calling here the dimensionality principle has been an implicit notion in virtually all work on representation, from ancient philosophical writings to recent research in biosemiotics (Sebeok 1994, Danesi 1997). Indeed, it can be inferred already in the Aristotelian idea that the sign has a triadic nature, entailing:

1. the physical sign itself (e.g. the sounds that comprise a word);

2. the sign's referent (the entity to which the sign refers and thus calls attention);
3. the meaning that results when the sign and the referent are linked together.

This theory of the sign, and more generally of representation, has remained intact to this day. The contribution of contemporary semiotics has been primarily in explicating the nature of the structural and psychological relations among these three dimensions of representational systems. One of Peirce's most important contributions to the theory of the sign, for instance, was to argue that the meaning that is created by a sign is really a sign itself, or as he called it, an interpretant of that meaning. The interpretant encompasses the specific designations, emotions, feelings, ideas, etc. that the sign evokes for a person at a certain point in time. As Peirce (1931–58, vol. 2:228) put it: "A sign addresses somebody, that is, creates in the mind of that person an equivalent sign, or perhaps a more developed sign."

What stands out prominently from most theoretical work on the sign is the fact that there is what I have called above a coaction among these three dimensions. It is indeed impossible to think of a word like *cat* (a vocal sign made up of the phonemes /kæt/), without thinking at the same time of the type of mammal to which it refers (the referent), and without experiencing the personal and social meaning(s) that such a mammal entails (the interpretants).

This representational coaction undergirds how we extract meaning from a sign. As a case-in-point, consider the word *red*. This is: (1) a verbal sign made up of the phonemes /red/; (2) standing for a color phenomenon that can be described in purely physical (denotative) terms as a gradation of approximately 630 to 750 nanometers on the long-wave end of the visible spectrum (the referent); and (3) evoking an array of specific psychosocial meanings in particular users of the sign (the interpretants). Knowing this color category entails a coaction of these three dimensions in the sign-user's mind. The word *red* evokes a specific color referent, distinct from other referents that are labeled *yellow*, *blue*, *green*, etc. (= a firstness action of the sign). At the same time, the referent takes on the referential meaning that it does because it is a category of knowing color encoded within a particular system of representation used by speakers of English (= a secondness action of the sign). Finally, the individual user of the sign will react emotionally and intellectually to its meaning in particular ways (= a thirdness action of the sign).

Clearly, it is the system of representation that produces knowledge of color. The very same color category defined by red could have been represented differently (as in other languages) with, say, two words. In such a system of representation the two referents identified by the words would cover, together, the same color category represented by red. On the other hand, red could have been included within a larger category of color (as is the case in other languages). In such a system of representation, the English red would be only a part of the larger category. If we portray the referential domain of red with a circle (fig. A), then the option of representing the same domain with two words, *x* and *y*, can be shown with fig. B, and the option of including red as part of a larger category of color, *z*, with fig. C.

Fig. A

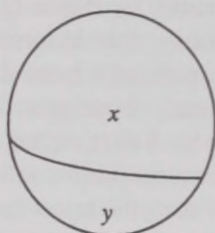

Fig. B

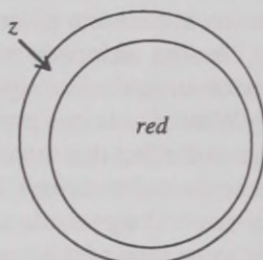

Fig. C

The word *red* provides an articular view of color (fig. A) that conditions its users to anticipate and attend to its occurrence in other domains of meaning and knowing. In effect, the establishment of the sign *red* to represent a color category is a useful thing not only because it allows us to know color in abstract ways through displacement, but also because it becomes itself a resource for further representational activity: e.g. it can be used to create new referents (*redneck*, *red-tape*, *redness*, etc.); it acquires connotative meanings (*red with envy*, *red politics*, etc.); and so on.

Research on categorization suggests, in fact, that knowledge and representation are intrinsically interconnected (see Taylor 1995 for a comprehensive treatment of the relative research). For the sake of convenience, the findings of the research can be summarized in the form of three general principles:

1. Knowledge is interconnected with representation (the representational principle).
2. Representation is a product biosemiotic modeling processes (the modeling principle)

3. Representation entails three dimensions (the dimensionality principle).

The latter principle is the one that is of interest here. We cannot go into the many interesting philosophical problems related to the first principle (see, for instance, Danesi 1995, 1997). It implies, in essence, that in order for something to be known in a mnemonically-stable way, it must be represented according to some system of signs. The modeling principle will be discussed briefly in the final section of this essay in relation to the dimensionality principle that will be elaborated here.

The dimensionality principle

The dimensionality principle is envisaged as providing an analytical framework for the study of representation and more specifically for the investigation of how firstness, secondness, and thirdness dimensions constitute and interact within all representational systems. The objective in the remainder of this essay is, in fact, to look at a few of the ways in which dimensionality manifests itself.

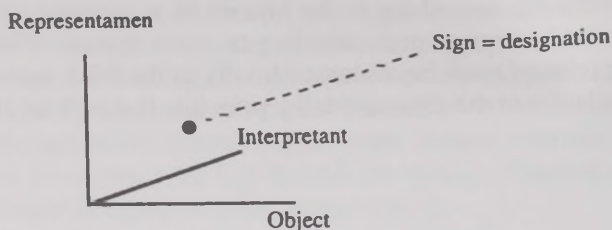
As a starting point, let us consider Peirce's own definition of the sign as a three-dimensional entity consisting of a representamen (literally something that does the representing), standing for an object in some respect or capacity (the interpretant). The representamen entails a firstness representational action inhering in the physical strategy of representation itself (the use of phonemes, hand movements, etc.). The object of the representamen entails a secondness action inhering in its displacement from its (real-world) context of occurrence to the representamen itself. This coaction between the representamen and the object implies a psychological ability to separate the sensory cognition of an object in the real world from its abstract recognition in the sign. Finally, the interpretant entails a thirdness representational action whereby the sign-user evaluates or responds to what the sign means socially, contextually, personally, etc.

The coaction among the representamen, the object and the interpretant can be modeled graphically in various ways. But, in my view, a three-dimensional coordinate diagram is perhaps the most appropriate type because it allows one to envisage firstness as the x-axis, secondness as the y-axis, and thirdness as the z-axis, and the sign's meaning or designation as a point in this space. This particular type of

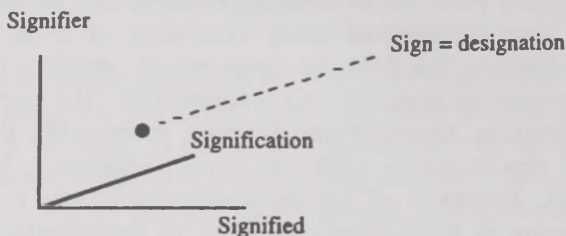
representational space can be called designational because it enfoldes the sign's designation:

Designational Dimensionality

Designational dimensionality applies as well to the Saussurean (1916) definition of the sign as inhering in the triad signifier-signified-signification:

Designational Dimensionality (Saussurean Version)

There are, of course, fundamental differences between the Peircean and Saussurean views of the sign. Nevertheless, the dimensionality principle suggests that the two are isomorphic in designational terms: i.e. in both versions of the sign it is the coaction among the three dimensions in itself that is comparable, even though the individual dimensions are envisaged differently in their nature by Peirce and Saussure.

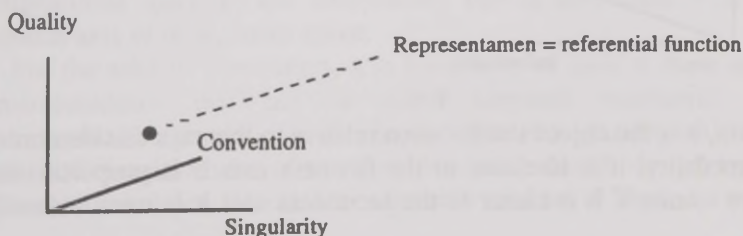
The dimensionality principle can be applied to virtually every other structural aspect of representation. It implies that in all representational systems there are various kinds of three-dimensional spaces such as the designational one described above. The task of the

semiotician is to identify what those spaces are, to establish what their respective three axes are, and to determine what kind of relation inheres among the axial dimensions. In the case above, for instance, the space was identified as designational, the axes were established in accordance with Peircean or Saussurean theory, and the kind of relation that inhered among them was determined to be that of coaction. In effect, a representational system consists of many such three-dimensional spaces and, thus, can itself be characterized as a hyperspace composed of these spaces. Structural relations such as the coactive one above occur both at the level of an individual three-dimensional space (= among the three axes), and at the level of the entire hyperspace (= among the various three-dimensional spaces that make-up the representational hyperspace) The former type of relation can be referred to as intra-dimensional (within a dimension) and the latter as inter-dimensional (across dimensions).

In addition to coaction, another type of intra-dimensional relation that can be extrapolated from the relevant research can be called collocation. This can be defined as the relation whereby a unit within a representational system bears its function or meaning proportionately in relation to its proximity to one or the other of the three axes. Peirce's three trichotomies, for instance, exemplify collocation. His qualisign-sinsign-legisign trichotomy constitutes a space that encompasses the representamen itself, and can thus be called referential:

- A qualisign is a representamen that draws attention to some quality of its referent.
- A sinsign is a representamen that draws attention to, or singles out, a particular object in time-space.
- A legisign is a representamen that designates something by convention.

Referential Dimensionality

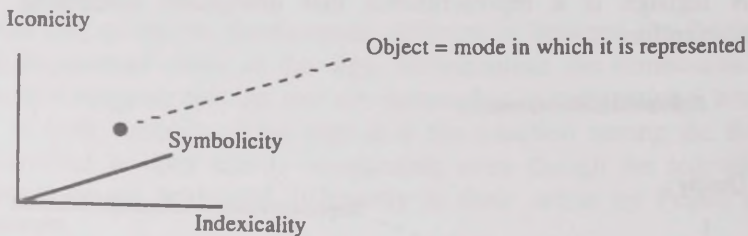
Clearly, it is the representamen's collocation relative to the axes that determines its referential function: if it is closer to the firstness axis it functions primarily as a qualisign; if it is closer to the secondness axis it functions primarily as a sinsign; and if it is closer to the thirdness axis it functions primarily as a legisign. It is, of course, a pure qualisign, sinsign, or legisign if it falls on one specific axis. Now, in inter-dimensional hyperspace, referential dimensionality is adjacent to designational dimensionality because the firstness axis of designational space (= the representamen) is also the firstness axis of referential space. These two spaces — designational and referential — are contiguous along their firstness axes, while their respective secondness and thirdness axes jut out in opposite directions into their respective spaces.

Peirce's second classic trichotomy, namely his classification of signs according to how they refer to their objects as icons, indexes, and symbols, also reveals collocational dimensionality:

- An icon entails a firstness form of representation since it refers to an object through replication, simulation, or resemblance.
- An index entails a secondness form of representation since it singles out its object in space, time, or in relation to someone or something else.
- A symbol entails a thirdness form of rerepresentation since it represents its object according to convention.

Since this type of intra-dimensional relation inheres in how the object or referent is represented, it can be called modal:

Modal Dimensionality

Again, it is the object's collocation relative to the axes that determines its modality: if it is closer to the firstness axis it is proportionately more iconic; if it is closer to the secondness axis it is more indexical;

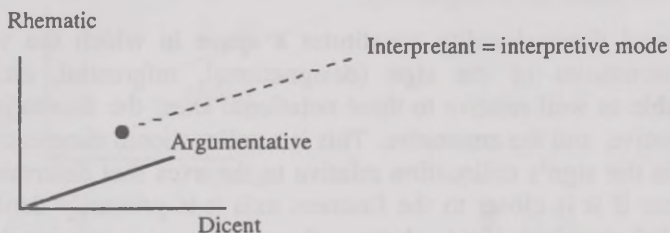
and if it is closer to the thirdness axis it is more symbolic. It is, of course, a pure icon, index, or symbol if it falls on a specific axis. In inter-dimensional hyperspace, modal dimensionality is also adjacent to designational dimensionality, but along a different axis. In this case it is the secondness axis of designational space (= the object) that is coincident with the firstness axis of modal space.

Peirce's third classic trichotomy is his classification of interpretants as:

- rhemes, which are interpretants of qualisigns;
- dicisigns, which are interpretants of sinsigns;
- arguments, which are interpretants of legisigns.

Since these refer to types of interpretants, the dimensional space in which they occur can be called interpretive:

Interpretive Dimensionality

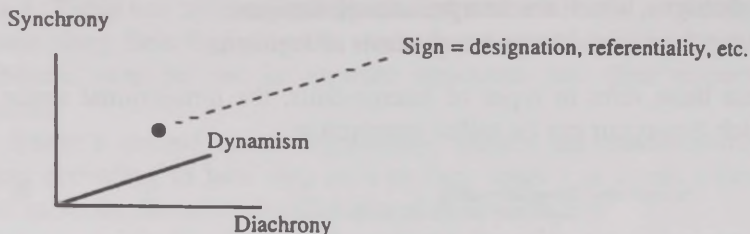

Once again, it is the interpretant's collocation relative to the axes that determines its nature: if it is closer to the firstness axis it is proportionately more rhematic; if it is closer to the secondness axis it is more dicential; and if it is closer to the thirdness axis it is more argumentative. It is, of course, a pure rheme, dicisign, or argument if it falls on one specific axis. In inter-dimensional hyperspace, interpretive dimensionality is also adjacent to designational dimensionality, but along a different axis. In this case it is the thirdness axis of designational space (= the interpretant) that is coincident with the firstness axis of interpretive space.

For the sake of illustration, it is instructive to look at three other dimensionalities that can be called temporal, notational, and operational. Temporal dimensionality constitutes a space in which the various dimensionalities of the sign discussed above (designational, referential, etc.) are themselves inferrable relative to three temporal

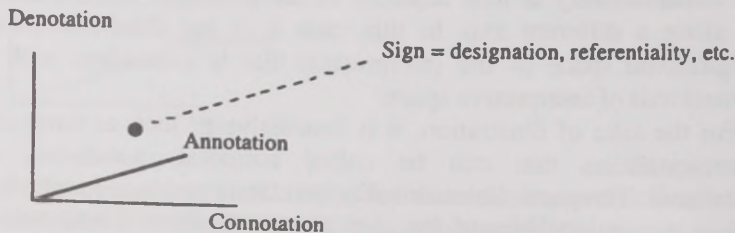
axes: the synchronic, the diachronic, and the dynamic. This is a coactive dimensionality: i.e. it entails a coaction among the firstness synchronic axis (present designation, referentiality, etc.), the secondness diachronic axis (acquired designation, referentiality, etc. over time), and the thirdness dynamic axis (the sign's potential to acquire new designations, referents, etc.):

Temporal Dimensionality

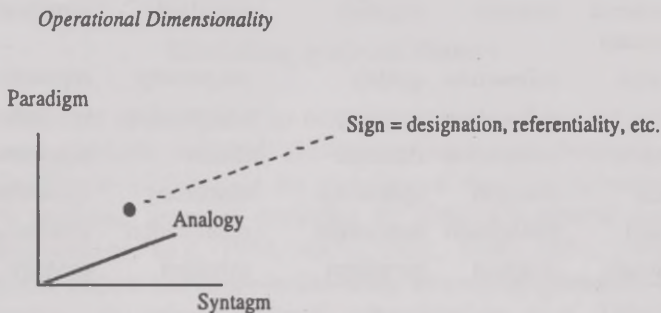
Notational dimensionality constitutes a space in which the various dimensionalities of the sign (designational, referential, etc.) are inferrable as well relative to three notational axes: the denotative, the connotative, and the annotative. This is a collocational dimensionality: i.e. it is the sign's collocation relative to the axes that determines its notation: if it is closer to the firstness axis it is primarily denotative (intended meaning); if it is closer to the secondness axis it is primarily connotative (extended meaning); and if it is closer to the thirdness axis it is primarily annotative (personal meaning or interpretation). It is, of course, purely denotative, connotative, or annotative if it falls on one specific axis

Notational Dimensionality

In representational hyperspace, notational dimensionality is itself coactive with the temporal dimensionality described above because the denotative meaning of a sign unfolds at a certain instant of time, its connotative meanings accrue over time, and its annotative meanings inhere in the dynamic potential of signification.

Lastly, operational dimensionality constitutes a space in which the various dimensionalities of the sign operate relative to three axes: the paradigmatic, the syntagmatic, and the analogic. This is a coactive dimensionality: i.e. it entails a coaction among the firstness paradigmatic axis (a selection operation), the secondness syntagmatic axis (a combination operation), and the thirdness analogic axis (a comparison operation):

In representational hyperspace, operational dimensionality is itself coactive with both the temporal and notational dimensionalities because: (1) the denotative meaning of a sign pertains to a certain instant of time and thus constitutes a paradigmatic operation; (2) the sign's connotative meanings acquired over time are, of course, complementary and thus in syntagmatic relation; and (3) the annotative, dynamic potential of the sign is perceptible in terms of other signs and thus constitutes an analogic operation.

A synthesis

As the above examples illustrate, the dimensionality principle suggests a specific type of framework for relating signifying phenomena within representational systems to each other as well as an agenda for studying all representational systems. Its viability — which remains to be litmus-tested through actual analysis — rests on the presupposition

that: (1) all forms and subsystems of representation manifest a three-axial dimensionality (intra-dimensionality); (2) each dimensionality relates to other dimensionalities across the representational system (inter-dimensionality); and (3) there are at least two types of dimensional relations — coaction and correlation — that characterize representation.

The dimensionalities discussed above can now be summarized as follows:

Dimensionality	Structural Relation	Firstness	Secondness	Thirdness
Designational (Peircean)	coaction	representamen	object	interpretant
Designational (Saussurean)	coaction	signifier	signified	signification
Referential	colloaction	quality	singularity	convention
Modal	collocation	iconicity	indexicality	symbolicity
Interpretive	collocation	rhetic	dicent	argumentative
Temporal	coaction	synchrony	diachrony	dynamism
Notational	collocation	denotation	connotation	annotation
Operational	coaction	paradigm	syntagm	analogy

The dimensionality principle makes it explicit that there is an interconnectedness among the multifarious dimensions of representation and signification. It also allows us to establish a commonality among different representational systems. Because all such systems are composed of the same kinds of dimensionalities, the principle provides a basis for showing an interrelation and interdependence among all areas of knowledge, from language to science and the arts (Meystell 1995). A digit in numerical representation, for instance, has the exact same structural features in dimensional terms that, say, a noun in language has — i.e. both are signs that exist in designational, referential, temporal, operational and other kinds of three-dimensional spaces, deriving their form, functions, and meanings in terms of these dimensionalities. In practical terms, the dimensionality principle makes obvious the fact that both types of signs are structurally isomorphic in the ways in which they designate something, refer to the world, take on connotations, and so on. The difference between a digit and a noun is thus not to be located in structural patterns, but in the different functions of the representational systems to which they

pertain. This is why, despite their different cognitive and social functions, both systems are understandable in exactly the same way. In essence, the dimensionality principles makes it obvious why such seemingly diverse forms of representation as poetry and mathematics are not mutually exclusive — with adequate exposure to both, people will be able to extract meaning from either one of them in remarkably similar ways. Indeed, the dimensionality principle helps unravel the structural reasons why poetry and mathematics make their meanings, as different as they might appear to be, in comparable ways (see Sawyer 1959, Miller 1987, Baigrie 1996, Tufte 1997 for diverse, yet relevant, discussions of the interconnectedness between scientific and artistic forms of representation).

Modeling systems theory

It is instructive at this point to return to the discussion on representation and semiosis initiated above one more time because, in my view, the key to establishing the viability of the dimensionality principle in semiotic terms is provided by Sebeok's pivotal notion of modeling systems (e.g. 1976, 1979, 1981, 1986, 1991, 1994). Although this notion has roots in the work of various twentieth-century structuralists, as Sebeok himself acknowledges (e.g. 1994), it is Sebeok who has given this idea its most viable formulation. Modeling systems theory is a powerful analytical framework for explaining the etiology of representational systems, behaviors, and activities. Take, for instance, the emergence and patterned development of representational behavior in children. As discussed briefly above, the first knowledge-gaining behavior of preverbal infants is sensory cognizing which constitutes a strategy based on the sensible properties of things (i.e. on properties that can be sensed). This innate ability serves to enhance recognition of the same things without any further processing of sensory input. The child's ability to transcend this sensory phase and to engage in rudimentary representational activities (pointing and making imitative sounds) constitutes the earliest semiotic mode of knowing. This mode is a concomitant of the brain's primary modeling system (PMS). The PMS is an innate neural system that endows the human infant who has passed through the sensory cognizing phase with the capacity to represent objects through imitative or indicational semiosis. Now, as the child develops cognitively and socially, his/her

representational activities become more and more abstract (i.e. progressively more reflective of displacement). This secondary mode of knowing and representing is a concomitant of the developing brain's secondary modeling system (SMS). The SMS is a "higher function" neural system that endows the child who has passed through the PMS phase with the capacity to represent objects through verbal semiosis. Finally, at around 15–20 months the child manifests increasingly the ability to engage in abstract symbolism (i.e. to understand narratives, to follow picture sequences, etc.). This is a tertiary mode of knowing and representation that is a concomitant of the maturing brain's tertiary modeling system (TMS). The TMS is a highly complex neural system involving all areas of the neocortex that endows the verbal child with the capacity to know and represent the world in culture-specific symbolic ways.

The two crucial insights of modeling systems theory can be summarized as follows: (1) representation is tied to three semiotic phases; and (2) these phases are evolutionary — i.e. the development of complex symbolic activity (= a TMS endowment) is dependent upon a prior emergence of verbal representational activities (= a SMS endowment) which is itself dependent upon the development of early imitative and indicational semiosis (= a PMS endowment). In sum:

- Primary Modeling System (PMS) = the neural system that predisposes the human infant to engage in simulative forms of semiosis which in turn permit imitative and indicational representational activities.
- Secondary Modeling System (SMS) = the more complex neural system that predisposes the human infant to engage in verbal forms of semiosis which in turn permit linguistic representational activities.
- Tertiary Modeling System (TMS) = the highly complex neural system that predisposes the maturing child to engage in highly abstract forms of semiosis which in turn permit symbolic representational activities (narration, art, etc.). As Sebeok (1994: 127) remarks, the TMS is "the most creative modeling that Nature has thus far evolved."

Modeling system theory can be seen to provide a semiotic explanation of dimensionality. Indeed, the firstness axes of all the constituent (sub)spaces within representational systems are clearly concomitants of the brain's PMS. Thus, for instance, in designational, referential, modal, and other spaces, the firstness axis is a concomitant of the

sense-based propensity to produce signifiers that are simulative, iconic, denotative, etc. The secondness and thirdness axes of representational (sub)spaces are anchored respectively in the semiotic properties of the SMS and TMS respectively: i.e. they are concomitants of the brain's propensity to extend primary models into secondary and tertiary ones. Indeed, the whole representational hyperspace can be envisaged as being itself an evolutionary outgrowth of a coaction among these three modeling systems: i.e. it can be envisaged as a hyperspace configured by a firstness PMS axis, a secondness SMS axis, and a thirdness TMS axis.

Concluding Remarks

In this essay, I have put forward the notion of dimensionality as a target for discussion, linking it to semiosis in terms of modeling systems theory. Whether it is or is not a viable principle for conducting semiotic analysis remains to be seen. If nothing else, it raises some interesting questions for future work in semiotic theory:

- How many dimensional spaces are there in representational systems?
- Are there are other types of structural relations, in addition to coaction and collocation?
- Can the dimensionality principle be extended to the analysis of texts, codes, and other kinds of signifying phenomena?
- Are the axes of dimensional spaces reflective of psychic and emotional structures?
- Can the dimensionality principle be applied to artificial or computing systems?

The above are just a few of the questions that the dimensionality principle begs. But perhaps its most important role in semiotic method is permitting an investigation of the premise that all knowledge is interconnected with representation and ultimately with semiosis. Clearly, the descriptive apparatus of the dimensionality principle entails implies three phases of analysis: (1) establishing dimensionalities; (2) determining the kind of relation — coaction or collocation meaning: i.e, they are momentary points-of-arrival in the evolutionary proclivities that characterize all signifying systems. The dimensionality apparatus does not describe change. This is something that will have to be approached with other ways of studying representation. It

simply describes meaning patterns and structures in themselves. To make an analogy, it allows us to study how musical notation can be employed to make musical texts on paper. It describes how the texts contain musical meaning. It does not tell us how those texts got to be that way, nor does it tell us how the text is translated into music by the performer.

Its main intent is to show that the texts we use on a daily basis to make sense of things in our world — physical, psychological, and cultural — are constructed with the same properties of representation throughout societies. The semiotic agenda in the future should focus more, in my view, on showing how representation encodes knowledge in virtually the same way throughout the world, how the same features of representation allow us to acquire specific kinds of knowledge and skill, and how humans are able to match the representation to the task. It is interesting to note that among the first to suggest a study of knowledge as a semiotic process was the great Russian psychologist Vygotsky (see also Daniels 1996). As Vygotsky found in his study of children, signs invariably mediate knowledge and mental functions. As Davydov and Radzikhovskii (1985: 59) have observed, unfortunately the “studies of the sign mediated nature of mental functions have not developed further” since Vygotsky, but that this “can be considered a weakness that can be overcome in the future.” Work on modeling system theory and its corollaries, like the dimensionality principle discussed here will, in my view, go a long way towards overcoming that very weakness.

References

- Baigrie, B. S. (1996) (ed.). *Picturing Knowledge: Historical and Philosophical Problems Concerning the Use of Art in Science*. Toronto: University of Toronto Press.
- Black, M. (1962). *Models and Metaphors*. Ithaca: Cornell University Press.
- Danesi, M. (1995). *Giambattista Vico and the Cognitive Science Enterprise*. New York: Peter Lang.
- Danesi, M. (1997). From the fantasia through metaphor to knowledge: A Vichian perspective of conceptualization. In I. Rauch and G. F. Carr (eds.), *Semiotics around the World: Synthesis in Diversity*, 1–44. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Daniels, H. (1996) (ed.). *An Introduction to Vygotsky*. London: Routledge.
- Davydov, V. V. and Radzikhovskii, L. A. (1985). Vygotsky's Theory and the Activity Oriented Approach in Psychology. In J. V. Wertsch (ed.), *Cul-*

- ture, *Communication and Cognition: Vygotskian Perspectives*, 59–69. Cambridge: Cambridge University Press.
- Locke, J. (1690). *An Essay Concerning Human Understanding*. London: Collins.
- Meystell, A. (1995). *Semiotic Modeling and Situation Analysis: An Introduction*. Bala Cynwyd, Pa.: AdRem.
- Miller, A. I. (1987). *Imagery in Scientific Thought*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Morris, C. W. (1938). *Foundations of the Theory of Signs*. Chicago: Chicago University Press.
- Morris, C. W. (1946). *Signs, Language and Behavior*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Norman, D. A. (1993). *Things that Make Us Smart: Defending Human Attributes in the Age of the Machine*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Peirce, C. S. (1931–58). *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, Vols. 1–8, C. Hartshorne and P. Weiss (eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Saussure, F. de. (1916). *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot.
- Sawyer, W. W. (1959). *Mathematician's Delight*. Harmondsworth: Penguin.
- Sebeok, T. A. (1976). *Contributions to the Doctrine of Signs*. Lanham: University of America Press.
- Sebeok, T. A. (1979). *The Sign and Its Masters*. Austin: University of Texas Press.
- Sebeok, T. A. (1981). *The Play of Musement*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sebeok, T. A. (1986). *I Think I Am a Verb: More Contributions to the Doctrine of Signs*. New York: Plenum.
- Sebeok, T. A. (1991). *A Sign is Just a Sign*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sebeok, T. A. (1994). *Signs: An Introduction to Semiotics*. Toronto: University of Toronto Press.
- Tufte, E. R. (1997). *Visual Explanations: Images and Quantities, Evidence and Narrative*. Cheshire: Graphics Press.
- Vygotsky, L. S. (1962). *Thought and Language*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Vygotsky, L. S. (1978). *Mind in Society*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press.

“Принцип размерности” и семиотический анализ

Статья ставит перед собой цель объединить разные разработки репрезентационных систем, исходящих из теории Пирса, в общий и применяемый в практике принцип, обозначенный автором как “принцип размерности”.

Единая создающая знания активность, которую допускает семиозис, описывается посредством трех принципов:

- 1) знание взаимосвязано с репрезентацией (репрезентационный принцип)
- 2) репрезентация является продуктом биосемиозисного моделирующего процесса (принцип моделирования)
- 3) репрезентация имеет три измерения (принцип размерности)

Размерный принцип призван продемонстрировать, как Первичность, Вторичность и Троичность (в понимании Пирса) содержатся и интерактивируются во всех системах репрезентаций.

Также указывается, что деление моделирующих систем на три подгруппы может быть связано с тремя измерениями репрезентации.

“Dimensionaalsuse printsiip” ja semiootiline analüüs

Artikkel seab ülesandeks sünteesida C. Peirce'i teooriast lähtuvad representatsioonüsteemide käsitlused üldiseks ja praktiliselt rakendatavaks printsiibiks, mida autor nimetab 'dimensionaalsuse printsiibiks'.

Üldine teadmisi loov aktiivsus, mida semioosis võimaldab, on representatsioon (taasesitus), mis kirjeldub kolme printsiibi kaudu:

- (a) teadmine on vastastikku seotud taasesitusega (taasesituslik printsiip);
- (b) taasesitus on biosemiootilise modelleerimisprotsessi produkt (modelleerimisprintsiip);
- (c) taasesitusel on kolm dimensiooni (dimensionaalsuse printsiip).

Dimensionaalsuse printsiibi oluks on näidata, kuidas esmasus, teisesus ja kolmasus (Peirce'i mõttes) sisalduvad ja interakteeruvad kõigis taasesituse süsteemides.

Muuhulgas näidatakse, et modelleerivate süsteemide kolmeksjaotus võib olla seotud taasesituse kolme dimensiooniga.

Охота за ведьмами. Семиотика страха

Юрий Лотман

Публикуемая работа входит в цикл поздних исследований Ю. М. Лотмана, посвященных анализу семиотики общественного катаклизма и группирующихся вокруг монографии “Культура и взрыв” (Москва, 1992). Начало этому циклу положила статья «Об “Оде, выбранной из Иова” Ломоносова» (Изв. АН СССР, СЛЯ, т. 42, № 3, 1983), а второй публикацией должна была стать настоящая работа. Она была создана в двух вариантах: 1) *Охота за ведьмами. Семиотика страха* и 2) *Коллективный страх как историческое явление. Охота за ведьмами*. Оба варианта приблизительно равны по объему (второй на страницу длиннее), но существенно различаются как с точки зрения постановки проблемы, так и в семиотической направленности выводов. Второй вариант начинается с отсылки к идеям и публикациям И. Пригожина¹, что позволяет датировать его 1988-м — началом 1989 года (до отъезда Ю. М. Лотмана в Мюнхен).

Ю. М. Лотман крайне редко столь радикально переделывал уже готовую работу, предпочитая, в случае необходимости, написать новую (“еже писах — писах”, имел он обыкновение в таких случаях приговаривать). Уже само наличие двух готовых вариантов позволяет судить о важности для автора как данной темы, так и характера произведенных изменений. На памяти публикатора Ю. М. Лотман дважды заявлял о том, что ему приходится полностью переучиваться, даже учиться заново. Первый кризис пришелся на начало 1960-х годов и был связан с инте-

---

¹ Первая ссылка выглядит следующим образом: “О точках бифуркации в динамических процессах см.: Пригожин Илья, Стендерс Изабелла, Порядок из хаоса, М., “Прогресс”, 1986, с. 216–228. Prigogine Ilya et Stengers Isabelle, *Entre le temps et l'éternité*, ed. Fayard, 1988, p. 111–120 etc.

ресом к кибернетике, теории информации и к таким математическим дисциплинам как логика, теория игр и, особенно, топология. Второй кризис был связан с изучением процессов, лежащих на стыке семиотики культуры, истории и психологии массового сознания. Острый энтузиазм, с которым Ю. М. Лотман воспринял идеи И. Пригожина, был связан отчасти с тем, что на своем материале он сам подошел к в достаточной мере близким выводам.

К сожалению, в архиве Ю. М. Лотмана второй, переработанный вариант публикуемой работы сохранился лишь в неполном виде: отсутствуют страницы 15–20. Рукопись представляет собой 3-й экз. машинописи, что означает, что экз. 1–2 были либо сданы в печать, либо увезены в Германию; их судьбу пока установить не удалось.

Публикуемый вариант представляет собой правленную машинопись, почти готовую к печати (пропущены сноски 2 и 10, после стр. 11 следует стр. 13, но это, вероятно, не выпадение страницы, а перебой в нумерации), она не была сдана в печать (в архиве находятся 1-й и 2-й экз. машинописи), очевидно, в связи с пересмотром некоторых теоретических положений. Тем не менее, публикация и отброшенного варианта вероятно представляет определенный интерес.

Публикуется с сохранением авторской системы отсылок.

М. Ю. Лотман

В последние десятилетия историки, все больше внимания обращающие безымянной жизни масс, уделяют внимание чертам массовой психологии, коллективным иллюзиям и коллективным страхам, спорадически возникающим в те или иные моменты истории. История все более стремится сделаться наукой о массовом сознании.² Однако на этом пути она встречает существенное препятствие: массовое сознание, как правило, скупо и искаженно отражается в документах прошлого. Объект непосредственно не дан в документе — его надо реконстру-

---

² См.: *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная массовая культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой культуры. М., 1981.

ировать, применив весь арсенал дешифрующих механизмов, которые имеются в распоряжении современного ученого. И здесь на помощь приходит семиотика, которая считает совершенно естественным и элементарным рассматривать любой текст не как данность, а в качестве объекта дешифровки, прежде всего обращая внимание на породившие его кодирующие механизмы.

Такой метод особенно демонстративен при подходе к текстам, создаваемым в моменты острых интеллектуальных (следовательно и семиотических) конфликтов, отражающих кризисные напряжения социального развития человечества. Одним из наиболее ярких аффектов в подобных ситуациях является страх, и не удивительно, что именно страх сделался в последние десятилетия предметом внимания историков.³

Проблема страха ставит перед исследователем не только психологические, но и семиотические проблемы.⁴ При этом оказываются обнаженными такие механизмы культуры, которые в иных социо-культурных ситуациях скрыты от наблюдения и не демонстрируются с такою очевидностью. Известно, что изучение социума в кризисных состояниях является одним из наиболее удобных методов выявления некризисного (“нормального”) инварианта его структуры. Рассмотрение семиотических механизмов, актуализирующихся в обществе, охваченном страхом, интересует нас не только само по себе, но и как средство представить себе семиотический механизм культуры как таковой.

Рассматривая общество, делающееся жертвой массового страха, мы различаем два случая: 1. Общество находится под угрозой некоторой очевидной для всех опасности (например, “черной смерти” — эпидемии чумы, или вторжения турок в Европу). В этом случае, источник опасности ясен, страх имеет “реальный” адресат, и объект, его вызывающий один и тот же и для самой его жертвы и для изучающего ситуацию историка. 2. Общество охвачено приступом страха, реальные причины которого от него самого скрыты (порой скрыты и от историка, который вынужден прибегать к специальным исследованиям для их выявления). В этой ситуации возникают мистифицированные, семиотически конструируемые адресаты — не угроза вызывает страх, а страх

³ <Пропуск сноски в рукописи. — М. Л.>

⁴ Ю. М. Лотман. О семиотике понятий “стыд” и “страх” в механизме культуры. — Тезисы докладов IV Летней школы по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970, с. 98–103.

конструирует угрозу. Объект страха является социальной конструкцией, порождением семиотических кодов, с помощью которых данный социум кодирует самого себя и окружающий его мир. Именно эти случаи для нас особенно показательны. Классическим случаем такого рода может считаться охота на ведьм, пароксизм которой сотрясал Западную Европу в XVI–XVII вв.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что это явление охватило всю Западную Европу, без различия. Католические и протестантские земли в равной мере испытали психоз этого поветрия страха, а разница социально-исторических и культурных условий, отделявших Францию от Саксонии или Шотландию от Швейцарии, не оказала заметного влияния на самую сущность эксцессов страха перед ведьмами. Вторая характерная черта — трудность для историка обнаружить реальные причины эпидемии страха. Отказавшийся от веры в ведьм и колдовство и ищущий рациональных причин этой эпидемии историк оказывается в весьма затруднительном положении.

Новейшие исследователи все более настойчиво указывают на то, что росту страха способствовали успехи книгопечатанья, придавшие демонологической литературе неслыханный дотоле размах⁵, указывают на влияние Востока, роль открытия Америки и другие причины того, что страхи, тлевшие в период средних веков, вспыхнули тысячами костров в значительно более “просвещенную” эпоху Ренессанса и барокко, в самый канун Века Разума. Однако для нас сейчас важно, что эти причины самими жертвами страха не осознавались, да и историкам не так легко признавать столь неожиданные последствия того, в чем они традиционно привыкли усматривать лишь прогресс культуры⁶.

Конечно, столь категорическое разделение “мотивированных” и “немотивированных” страхов возможно лишь в абстракции — историческая реальность дает нам сложные соединения этих тенденций, лишь тяготеющие к тому или иному полюсу. При всем понимании условности такого деления оно оказывается полезным.

Жан Делумо на первых же страницах своего исследования ставит вопрос о периодической повторяемости страхов, их

⁵ Jean Delumeau. *La Peur en Occident XIVe – XVIIIe siècles. Une cité assiégée*, Ed. Fayard. Paris, 1978, p. 239–240.

⁶ Jean Delumeau, *Op. cit.*, p. 2.

цикличности в истории, и задает вопрос о типологии этого явления: “Au cours de notre histoire il y a eu d’autres peurs avant et apres la Revolution; il y en a eu aussi hors de France. Ne pourrait — on bien trouver un trait commun...?”⁷ Уверенность в оправданности такого подхода позволяет нам попытаться на основании обвинений, которые в разные исторические моменты выдвигались в разных документах, реконструировать инвариантный объект немотивированного страха, а затем уже посмотреть, как этот образ “работает” в разных исторических условиях.

Для того, чтобы представить себе принципы, по которым конструируется “объект страха” (а принципы эти с поразительным однообразием проявляются в разных и между собой не связанных традициях, порождая удивительно сходные тексты), полезно вспомнить текст III в. после Р. Х., принадлежащий, по свидетельству [пропуск в рукописи. — М. Л.] Марку Минуцию Феликсу. Это диалог “Октавий”, в котором для конечной апологии христианства собраны и опровергнуты все обвинения, которые умирающий языческий Рим предъявлял христианам. Для нас особенно существенно, что это сбор уличных сплетен — обвинителем выступает не языческий интеллектуал, а уличная молва. Один из участников диспута собрал все слухи. Он сам говорит: “Я не знаю, справедливы ли или ложны эти подозрения, но, бесспорно, что эти тайные обряды и моления, скрытые в ночи — достаточное основание, чтобы они родились”.⁸ Таким образом, мы получаем наиболее ценный для нас материал: голос анонимной массы, те глухие и темные разговоры, слухи и сплетни, которые порождаются атмосферой страха и без которых эта атмосфера невозможна.

Прежде всего о христианах утверждается, что “эта секта” очень малочисленна, но крайне опасна. Опасность эта объясняется, во-первых, плохими временами (“пороки растут день ото дня”) и, во-вторых, тем, что само это меньшинство составляет спаянную группу (“promisce appelant fratres et sorores,” р. 36). Сообщество это тайное и соучастники его легко узнают друг друга по тайным знакам, оставаясь для посторонних не узнаваемыми. Они отвергают все верования остального общества, пре-

⁷ “Mais n’existe-t-il pas une relation entre conscience des dangers et niveau de culture?” (J. Delumeau. Op. cit., p. 8).

⁸ <Пропуск сноски в рукописи. — М. Л.>

зирают богов и издеваются над святынями. Таким образом, обвиняемым приписывается не только безверие, но и святотатство. Отвергая богов и все, что дорого остальным людям, они поклоняются всему низкому: преступника, повешенного за свои злодеяния, они считают богом. Из креста они сделали святыню и, таким образом, поклоняются тому, что заслуживают. Предметом поклонения они сделали голову осла.

Занятия христиан представляются в следующем виде: тайные сборища при свете огней, ночью, завершающиеся вакханалией в полной темноте. Содержанием сборищ являются кровавые жертвоприношения и разнузданный разврат, сопровождаемый половыми извращениями (инцестом). Ритуальные акты совершаются в определенном порядке. Сначала новоприбывший совершает ритуальное заклятие ребенка: “*Is infans a tirunculo farris superficie quasi ad innoxios ictus provocato caecis occultisque vulneribus occiditur: hujus proh nefast! Sitienter sanguinem lambunt, hujus certatim membra dispertiunt, hac foederantur hostia, hac conscientia sceleris ad silentium mutuuum pignerantur haec sacra sacrilegiis omnibus tetriora*” (р. 40).⁹ Мотивы ритуального убийства ребенка (накрытого простыней, с замазанными глазами, с завязанными глазами или т.п.) и кругового причастия кровью, обеспечивающего сохранение тайны, будут нам многократно встречаться в текстах, заведомо генетически не связанных с “Октавием”. Ср., например: “Ведьма <...> подвела к нему дитя, лет шести, накрытое белою простынею, показывая знаком, чтобы он отсек ему голову <...>. Как безумный ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи <...>. Ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, как волк пила из него кровь”.¹⁰ Убийство как средство сохранения тайны, спаивающее участников тайных сборищ круговой порукой — в “Бесах” Достоевского.

Вторая часть заключается в оргии, сопровождающейся беспорядочными половыми общениями, причем всячески подчеркиваются инцестные ситуации. Это акцентирует отверженность

⁹ “Перед новоприбывшим ставят дитя, покрытое тестом, чтобы скрыть от него убийство, которое готовятся учинить. По их команде он наносит сквозь него многочисленные удары ножом. Кровь течет со всех сторон, и они ее жадно сосут. Общее преступление — залог общего молчания, гарантия тайны худшего из святотатств”.

¹⁰ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., Изд. АН СССР, <М.>, 1940, т. 1, с. 145–146.

данного сообщества, его враждебность божественным и человеческим законам, его аномальность. Особо выделяется то, что члены “секты”, будучи отверженными, “глупцами” и “свято-татцами”, имеют дерзость считать себя выше отвергнувшего их общества и глядеть на него *с насмешкой*.

Соответственно со всей системой кода, используемого против христиан враждебной им городской сплетней, конструируется и представление об их культуре. Они поклоняются существу самому отверженному и презренному — рабе, повешенному преступнику, ослу. Одновременно в культуре выделяется момент извращенной сексуальности: “разврат составляет часть их религии”, “также они почитают, как говорят, половые органы своих священников” (р. 39).

Обширный материал, касающийся веры в ведьм, колдовство, магию, и преследования ведьм и колдунов в Западной Европе средних веков и XVII и даже XVIII веков неоднократно исследовался и в последние годы вновь начал интенсивно привлекать внимание историков.¹¹ Однако, нас в данном случае интересуют не истоки этих верований (в качестве таковых называют и магию античных времен, и языческую религию германцев и кельтов, и народные верования альпийских и пиренейских горцев), а их синхронная структура и ее место в “культуре страха” того периода, который историки называют “золотым веком Сатаны”¹², т.е. второй половины XV – начала XVII вв.

Наивысший момент взрыва страха приходится на пятидесятилетие 1575–1625 гг.¹³

Для архаических обществ и их культовых представлений характерно отождествление понятий “чужое” и “сверхъестественное злое начало”. “Чужой”, “иностранец” и демон, представитель злых волшебных сил наделяются общими чертами. Такая связь устойчиво держится в массовом сознании до очень поздних времен, однако, не может не претерпевать изменений под влиянием более сложных культурных моделей. В реальной практике преследования ведьм постоянно перекрещиваются представления о злокозненном воздействии сатаны и существовании столь же

¹¹ Шарль Рише, Сомнамбулизм, демонизм и яды интеллекта, СПб., 1885, с. 211.

¹² <Пропуск сноски в рукописи. — М. Л.>

¹³ См.: Jean Delumeau. Op. cit., p. 240.

злокозненного тайного сообщества людей, причиняющих вред, подобный сатане. Даже киевский летописец XII века, монах, твердо убежденный, что источником всякого зла является дьявол, знает уже и зло, имеющее чисто человеческую природу. Начав с утверждения: “Бъси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми”, он вдруг завершает свое рассуждение неожиданно: “Бъси бо Бога боятса, а золь человекъ ни Бога боитса, ни человекъ састыдит”.¹⁴ Для нас особенно ценно, что последняя формула, видимо, представляла собой пословицу. По крайней мере автор “Моления Даниила Заточника” (XII в.) употребил ее же, характеризуя злых жен: “Зла бо жена <...> ни бога ся боить, ни людеи ся стыдить”.¹⁵ Таким образом, мы сталкиваемся с голосом той народной культуры, которая, начиная с Панчатантры и до басен Крылова, охотно разрабатывала сюжет о чорте, который не только не соблазняет монаха, а сам учится у монаха искусно грешить.

В обширной “дьявологической” литературе и в документах процессов о ведьмах ясно вырисовывается облик того мира, который общество той поры кодировало как “сатанинский”. Облик ведьмы, ее поведение, внешность и деятельность сатаны, ритуал шабаша — все отливалось в стереотипные формы. Обвинения, ответы, описания вредоносных действий, признания и самообвинения с утомительным однообразием повторяются из одного документа в другой на протяжении нескольких веков и на пространстве от Пиреней до Шотландии и от Скандинавии до Италии. Это позволяет говорить об исключительно стабильном коде, устойчивость и активность которого требует объяснений.

Сознавая условность такого деления и понимая, что в реальных текстах разграничение в ряде случаев практически невозможно, мы можем, все же, выделить в “комплексе ведьмы” признаки, которые будут нам встречаться и в других “колдовских”, “еретических”, “языческих” сообществах, т.е. будут соответствовать стереотипу “инаковерующего”, и признаки, которые в иных культурных ситуациях будут приписываться вредоносным политическим, криминальным, национальным или возрастным сообществам. Характер этих двух стереотипов различен: первый строится как “антивера”, как неправильная, еретическая

¹⁴ Полное собрание русских летописей, т. 1, М., 1962, стб. 135.

¹⁵ Цит. по: “Памятники литературы Древней Руси. XII век”, М., 1980.

вера и конструируется как перевернутая, вывернутая наизнанку, пародируемая правильная вера. За основу и отправную точку будет браться канонический культ, исходя из структуры которого создается анти-культ. В этом случае код остается, по сути дела, тем же, что и в каноническом культе, только “читается” он в противоположном направлении. Буквальным выражением этой веры является убеждение в том, что дьявольская молитва — это обычная молитва, но читаемая наоборот, а также представление о том, что колдовской язык — это говорение в обратном направлении. С этой точки зрения убеждение в том, что еврейские и арабские тексты, читаемые справа налево, имеют дьявольское происхождение и магическую силу, представляется не только естественным, но и очевидным.

Обвинения этого рода составляют устойчивый элемент процесса ведьм. Сюда относятся кощунственные пародии на литургию, являющиеся неизбежным элементом “черной мессы”: черные свечи, сделанные из человеческого (как правило, детского) жира, которые надо держать левой рукой огнем вниз, пародирование молитв, издевательский обряд причастия — издевательство над гостией, причащение не вином, а настоящей (детской) кровью или мочой (как вино в обряде причастия — знак крови Христа, так в пародийном обряде может употребляться пиво — знак мочи дьявола).¹⁶ Сюда же относятся все травестийные элементы: целование сатаны в задний проход и тому подобное, пародийные венчания во время шабаша и проч. Следует отметить, что, если общий тон христианского “правильного” мира — радостный и серьезный, то ему противостоит печальный и иронический мир сатаны. Сатана на шабаше появляется всегда с грустным, недовольным лицом. Говорит он в нос,¹⁷

¹⁶ “Wollen wir die Hexerei als ein Ganzes fassen, so erschei sie, vom Standpunkt der Doctrin betrachtet, als eine in sich vollendete diabolische Parodie des Christenthums” (Soltan’s Geschichte der Hexenprozesse. Neu bearbeitet von Dr. H. Heppe, Bd. I, Stuttgart, 1880, S. 313.

¹⁷ “Словно трубит через нос” (N. Remigius. Daemonolatriae libri tres. Francofurti, 1597, I, 19). Говорение в нос отличает в сатане иностранца, т.к. именно так изображается иноземная речь в немецком и русском (языках, не имеющих носовых звуков) балаганных представлениях. Ср. речь балаганного деда:

Греки говорят да вси они в нос,
То их приветство: *антрофас калос*.

кричит диким, звериным голосом.¹⁸ Веселие же его всегда имеет издевательский и пародийный характер.¹⁹

Однако в “комплексе ведьмы” явственно присутствует и другой пласт, который не является пародией и травестией, а имеет самостоятельную структуру, видимо, уходящую корнями в глубины архаического мышления и настойчиво повторяющуюся в массовом сознании на протяжении веков. Эту структуру можно определить как “вредное сообщество”.

“Следует отметить, — указывает исследователь, — что ведьмы, когда они желают причинить кому-либо вред, действуют всегда в одиночку, никогда не объединяясь с другими”. К этому наблюдению дается примечание: “10 апреля 1533 г. в городке Штильтах (ныне великое герцогство Баденское) ведьмы сообща вызвали эпидемию. Однако другого второго факта этого рода нам найти не удалось”.²⁰ Тем более примечательно, что все следствия над ведьмами направлены на то, чтобы раскрыть *заговор* и некое вредоносное сообщество. Следователи, применяя страшные пытки, допытываются у обвиняемых, кто их посвятил и вовлек в преступные действия, кто соучаствовал в замыслах, с кем вместе они совершали полеты на шабаши и проч. Трибуналы требуют от обвиняемых, прежде всего, *оговоров других лиц*, и казни всегда имеют групповой характер. Это не случайно. Страх диктует представление о враге, как о некотором опасном коллективе.

Каким же рисуется пораженному страхом обществу этот враг?

Первое основополагающее представление о ведьмах можно сформулировать так: ведьмы — опасное *организованное меньшинство*.

Первая черта объекта страха — быть меньшинством. Общество выбирает реально наименее защищенную свою часть, часть, терпящую наибольшее число социальных обид и возводит ее в ранг врага. В интересующий нас период таким меньшинством, бесспорно, являются женщины.

(В. Н. Перетц. Историко-литературные материалы, т. I. Из истории русской песни. СПб., 1900, с. 192. В нос говорят также шуты.)

¹⁸ Часто указывается, что голос его напоминает крик осла.

¹⁹ Густав Роскоф в главе “Дьявол как насмешник” пишет: “Der Teufel dient zur Belustigung durch seine negative Natur, die sich in seiner Neigung zum Travestiren aussert” (Gustav Roskoff. Geschichte des Teufels, Bnd. I, Leipzig, 1869, S. 399).

²⁰ Soltan's Geschichte ..., S. 303.

Если попытаться проанализировать признаки, которые делали наиболее вероятным для данного лица навлечь на себя обвинение в колдовстве, т.е. вызвать потенциальную возможность того, что общество начнет кодировать его понятием “ведьма”, то можно прийти к следующим заключениям: обычно, характерным для “ведьмы” считается возраст. Типичная “ведьма” — старуха.²¹ Однако типичен и противоположный случай: ведьмой оказывается девочка или молодая девушка. Так в списке двадцати девяти сожжений в Вюрцбурге в 1629 г. (в каждое из них сжигались от четырех до семи человек) в тринадцатый день в списке числились сожженные:

1. Старик-кузнец.
2. Старая женщина.
3. Маленькая девочка девяти или десяти лет.
4. Малышка, ее сестричка.²²

Сожжение в один день двух стариков и двух детей, в этом отношении, показательно. И в другие дни мы встречаем пометы: “девочка”, “девушка около 15 лет” и т.п. Очень частыми в списке являются пометы: “чужая женщина”, “чужой мужчина”, “три чужих ткача”, “чужая старуха”. Попадают указания на увечья: на двадцать восьмой день была сожжена слепая девочка.²³ Но опасно и противоположное: во время двадцатого сожжения погибла Бабелина Гёбель, около имени которой стоит помета: “самая красивая молодая женщина в Вюрцбурге”. В четвертый день была сожжена — признанная источником всей заразы — акушерка, *одевавшаяся слишком шикарно*. В восьмой день был сожжен городской голова Баунах, “самый толстый бюргер в Вюрцбурге”. Помета “толстая женщина” часто встречается в списке. Был сожжен и студент, “во многих языках искусный, превосходный музыкант — певец и исполнитель на многих инструментах”. Томас указывал, что основными жертвами обвинений

²¹ K. V. Thomas. Religion and the Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth Century England. — L., 1971, p. 400.

²² G. Roskoff, S. 339; составители списка использовали именно эти сентиментальные выражения (“Ein geringers, ihr Schwesterlein”), но это не спасло девочку.

²³ Там же, с. 341. Рассмотрение немых, глухих, слепых и увечных, больных падучей и сумасшедших как одержимых дьяволом, см.: Theatrum Diabolorum. Frankfurt am Main, 1587. II, S. 285–286; J. Janssen, VIII, 528.

делались “по преимуществу бедные женщины”. Но имеется достаточно данных о том, что и богатым было опасно быть.²⁴

Создается впечатление, что обвинителей привлекали не какие-либо качества их жертв, а сама полярность этих качеств: старые и юные, уродливые и красивые, очень бедные и очень богатые, т.е. все, кто обладал какими-либо ярко выраженными свойствами. Вырисовывается и облик обвинителя: это средняя масса, лишенная маркированных свойств и испытывающая страх, ненависть и зависть по отношению к тем, кто обладает каким-либо бросающимся в глаза качеством.

Другим основным обвинением было то, что колдовское меньшинство составляет сплоченный заговор. В сознании обвинителей существует твердое представление о том, что все ведьмы связаны друг с другом с помощью договора, который они заключили с сатаной. Поэтому даже, когда перед трибуналом проходят женщины, утверждающие, что они не знакомы друг с другом, последний, не веря им, рассматривает их как членов заговора. Признаками заговора выступают тайные знаки, которыми обвиняемые обмениваются друг с другом и их насмешливое отношение к другим людям.

Поиски этих тайных знаков весьма интересовали инквизицию, т.к. именно они были признаками *сообщества*. Так, в Испании в 1527 г. две девочки в возрасте от 9 до 11 лет, под влиянием угроз и обещаний, показали, что могут разоблачить большой заговор ведьм, участниц которого они узнают по особому знаку левым глазом, которым те обмениваются.²⁵

Вообще вопрос знаков, отличающих ведьм, весьма занимал следователей. В этом вопросе нарастает и, в конце концов, побеждает чисто семиотический подход. Исходными являются архаические, восходящие к дохристианской старине, приемы, смысл которых в том, чтобы обнаружить объективные особенности тела ведьм и их специфического поведения. Это испытания огнем и водой. Второе в христианизированном сознании охотников за ведьмами получало такое объяснение: тело ведьмы является “нечистым”, а вода, освященная крещением Христа в

²⁴ Утверждение Томаса, что богатые в Англии редко становились жертвой обвинений в колдовстве (цит. соч., с. 411) на материале континентальных процессов не подтверждается (см.: Soltan, I, 298).

²⁵ См.: G. Roskoff, Bnd. II, S. 295; Llorente, Geschichte der spanischen Inquisition, Bnd. II, s. 15.

Иордане, — сущность чистая. Поэтому она не приемлет тела ведьмы, которая, даже будучи связана особым образом, лишаящим ее возможности плавать, не тонет. От этих, наивно вещественных, улик следствие переходит к поискам *знаков* сообщества с дьяволом. Так возникает учение о пятнах и разнообразных стигматах, которыми дьявол закрепляет на теле ведьмы свой договор с нею. Исследование этих стигматов — важная составная часть всякого следствия по делу ведьм.

Однако, отсутствие всяких знаков на теле еще не означает снятия обвинения, а часто даже усиливает подозрения следователей. Здесь мы подходим к важной особенности психологической атмосферы, в которой только и возможны подобные культурные феномены, — атмосферы, в которой над всеми побуждениями, вызывающими доносы и казни: завистью, жадностью, ненавистью к соседу, мстостью, карьерными и материальными соображениями, фанатизмом и ханжеством висит непроницаемое облако страха, — делающие для людей естественными такие поступки, которые вне этой атмосферы могут показаться только безумными.

Психологически атмосфера вокруг охоты за ведьмами складывается следующим образом: сначала ведьмы представляются их преследователям как исключительно малое число злоумышленных особ, имеющих ясно выраженные черты (их можно отличить даже по внешности и поведению без каких-либо специальных исследований). Борьба с ними представляется нетрудной. Далее растущая атмосфера подозрительности создает представление о хитрости дьявола, искусно скрывающего своих адептов. Отсутствие признаков делается еще более подозрительным, чем их присутствие: в нем видят козни и уловки сатаны. Теперь подозрение могут вызывать не те, кто небрежно выполняют церковные обряды, а те, кто их выполняют слишком усердно: часто хождение в церковь — признак желания отвлечь внимание правоверных и усыпить их бдительность. Донос на соседку-ведьму уже не защищает саму доносительницу от обвинений в колдовстве, а влечет подозрения: не хочет ли она таким образом скрыть собственное преступление. Ряса и церковный сан также не защищают — сатана хитер. Обвинители, доносчики и сами судьи с неизбежностью вовлекаются в машину уничтожения и

становятся жертвами того самого страха, который они из разнообразных личных побуждений до этого раздували.²⁶

Так архиепископ Трирский Иоганн фон Шенебург сжигает на костре ректора университета, который до этого сам был судьей ведьм, а Бамбергский епископ Иоганн Георг II сжигает канцлера и всех бургомистров Бамберга, которые испытывают на себе неотвратимость логики водоворота, превращающего обвинителей в жертв новой волны обвинений.²⁷ В них видят замаскированных, т.е. наиболее опасных врагов.

Если на первом этапе ренегаты составляют часто не только авангард доносчиков, но порой и пополняют ряды наиболее рьяных следователей, то на втором они неизбежно сами превращаются из охотников в дичь. В упомянутом уже вюрцбургском списке из 158 сожженных 12 служителей церкви — 9 соборных викариев и два руководителя церковных хоров, что составляет внушительную цифру в 8%.

Поскольку наличие уличающих признаков преступления заранее отвергается в виду хитрости и мощи сатаны, покровительствующего подсудимым, основаниями для осуждения могут быть только интуиция судьи, заранее убежденного в виновности подозреваемых, и собственное признание подсудимого. Закономерным последствием этого был переход к пыткам как основному элементу судебного следствия. Вся процедура гарантий прав обвиняемого отменялась и следствие сводилось к вымоганию путем угроз и физических страданий требуемых судом признаний. Параллельно подвергались запугиванию адвокаты, пытавшиеся иногда защищать “ведьм”. Упрощенная процедура получала формально-юридическую санкцию со стороны таких законников как саксонский юрист Карпцов. Поскольку суд опирался не на букву закона, а на волю судьи, который получал свободу нарушать законы или их казуистически обходить (таково печально знаменитое утверждение, что применение пытки на

²⁶ Характерно, что в гонениях на моранов и морисков в Испании, на “обращенных” язычников в Мексике, развертывающихся в ту же эпоху, акцент переносится с убеждений (признание себя христианином) и выполнения церковных обрядов на “чистоту крови”. Именно “обращенные” вызывают наибольшее подозрение.

²⁷ H. R. Trevor-Roper, *The European Witch-Craze of the 16th and 17th Centuries*. — In: Trevor-Roper H. R. *Religion, the Reformation and Social Change, and Other Essays*. London-Melbourne etc., 1967, p. 148–152.

следующий день не есть запрещенная законом повторная новая пытка, а лишь продолжение той же самой первой), разница между подозрением, обвинением и осуждением стиралась. Обвинение означало осуждение, и судья лишь стремился вырвать собственные признания обвиняемого, которые формально подтвердили бы это осуждение.

Х. Р. Тревор-Ропер отмечает, что, если бы не применялись пытки, паника, охватившая Европу в XVI–XVII вв., была бы невозможна.²⁸ К этому можно добавить, что сами пытки были бы невозможны вне атмосферы панического страха, господствовавшего в это время.

Именно в этот период преследования ведьм достигают своего апогея: казни приобретают массовый характер и повсеместное распространение, и у преследователей возникает паническое ощущение неисчислимости и непобедимости слуг сатаны. Общественное большинство начинает переживать эмоции загнанного в угол меньшинства, преследователи субъективно ощущают себя преследуемыми.²⁹ Становясь жертвами разжигаемых ими же страхов, они живут, окруженные призраками, которые сами же создают. Возникает замкнутый круг между террором и страхом, в котором причина и следствие постоянно меняются местами.

Дойдя до своего апогея, пароксизм страха и террора резко идет во второй половине XVII в. на спад. О причинах этого мы попытаемся говорить ниже.

Фикция вредоносного сообщества, грозящего самому существованию человеческого общества, покоится на устойчивых и постоянно повторяющихся в истории культуры стереотипах обвинений. Обвинений этих два: убийства и сексуальные

²⁸ H. R. Trevor-Roper. Op. cit., p. 119. Следует отметить интересное наблюдение исследователя о том, что, вопреки распространенному убеждению, инквизиционные пытки не были наследием средневековья, которое обеспечивало подсудимым процедуру защиты, а являлись возрождением и распространением древнеримского права, представляя собой черту своеобразного ренессанса античности.

²⁹ Именно в этот период возникает психологический комплекс “осажденного города” — “une cité assiégée”, которым Delumeau определил психологию всей Западной Европы, охваченной психозом охоты за ведьмами. Большой коллектив, находящийся в состоянии агрессии, ощущает себя малым и со всех сторон осажденным могущественным врагом.

преступления. Оба эти мотива составляют основные черты стереотипа “шабаша” и постоянно фигурируют в допросах и сочинениях о ведьмах, куда они проникают из стереотипов массового сознания.

Характерная модель вменяемого ведьмам убийства — заклание младенца и высасывание его крови, чем должен открываться шабаш. Этот ритуал имеет характер анти-причастия и связан с образом посвящения новопринимаемых ведьм. Мотив этот имеет в “комплексе ведьмы” двойной функциональный смысл. С одной стороны, он имел религиозно-кошунственный характер пародии сатаны на заклание агнца и евхаристию. С другой стороны, если говорить не о генетическом, а о функциональном аспекте, мотив этот получает совершенно мирскую, внецерковную функцию: социальное большинство, мотивируя свой иррациональный страх перед ничтожным меньшинством, поставленным в условия, лишаящие его возможности самозащиты, моделирует совершенно мистифицированную ситуацию: само это меньшинство представляется таинственно могущественным (благодаря своей связи с сатаной или сплоченности своей организации, члены которой, оставаясь тайными для окружающих, безошибочно друг друга узнают и пр.). А большинство персонифицирует себя в образе незащитного ребенка, терзаемого и убиваемого опасными врагами. Религиозная окраска здесь не обязательна: не имеет религиозной окраски расистский миф о белой девочке, насилуемой черными. В сентябре 1933 г., через девять месяцев после гитлеровского переворота режиссер Штейнгоф поставил фильм “Юный гитлеровец Квекс”. В разгар погрома всех левых сил Германии на экранах появился фильм, рассказывающий как свирепые “левые” и коммунисты зверски убивают благородного и миролюбивого мальчика-нациста. Были приняты все меры для того, чтобы фильм вызывал у зрителей внеэстетические эмоции. Он преподносился как рассказ о подлинном случае, а роль самого главного героя, юного гитлеровца Квекса исполнялась непрофессионалом и имя его не было названо в афише — в сознание зрителей он должен был войти как живой ребенок — реальная жертва кровожадных либералов и коммунистов. Культивирование атмосферы осажденного города (ср. “Une cité assiégée” Delumeau) входила в культивируемую официальной пропагандой третьего рейха атмосферу (характерно, что факт международной изоляции не скрывался, а муссировался пропагандой Геббельса).

Символично, что последним фильмом третьего рейха стал “Коберг”, посвященный обороне осажденного города (эпизод из франко-прусской войны 1807 г.).

Мотив сексуальных преступлений функционально повторяет соответствующие обвинения из “Октавия” Минуция Феликса. Дословное повторение ритуальных целований гениталий выступает как знак подчинения ведьм сатане. Сатана и ведьмы наделяются исключительной похотливостью, и подробности сексуальной разнузданности поведения ведьм заполняют посвященные им трактаты и памфлеты. Смысл этого открывается при сопоставлении с стереотипным обвинением ведьм в стремлении лишить “околдованных” ими мужчин мужских потенций. Это одно из наиболее распространенных обвинений, которые предъявляют ведьмам во время процессов. Точно так же, как сплоченности сообщества ведьм противостоит их стремление посеять рознь среди людей, разрушить их коллективы, поссорить мужей и жен, соседей между собой, вызывать раздоры и убоицы, таким же образом их половая разнузданность связана со стремлением лишить других людей активности этого рода.

За подобными обвинениями ясно проглядывает страх мужского большинства за свое монополюльно-руководящее общественное положение. Антифеминистический характер процессов ведьм обнаруживается в этом аспекте мифа о ведьмах с такой же ясностью, как в расистских мифах о похотливости и сексуальной распущенности “низшей расы” выступает стремление к сохранению превосходства господствующей нации.

Таким образом, мы можем отметить, что на самом пороге наиболее просвещенной эпохи европейской цивилизации, в период, когда наука, техника, искусство, географические открытия, производство сделали значительные успехи — страх перед ведьмами и жестокость их преследования достигли интенсивности, неслыханной в средние века, что повлекло за собой не только регресс судопроизводства, но и возрождение глубоко архаических представлений.

Объяснение этого явления все еще встречает трудности, хотя литература, посвященная охоте на ведьм огромна и в последнее время бурно растет.

Представление о том, что суеверие и фанатизм — неотделимые спутники гонений (в них часто видели и причину), суть наследие “темного средневековья”, восходит к просветителям

XVII–XVIII вв. и отвечает их полемическим задачам в борьбе за “торжество разума”. Представление это прочно вошло в обыденное сознание человека XX века, который склонен фанатизм и “охоту за ведьмами” — в разных формах возрождающиеся в его эпоху — объявлять “возрождением средневековья”. Однако давно уже было замечено, что в средние века процессы ведьм были единичными явлениями, а связанные с ними пытки, нарушения прав обвиняемых в ходе судебного процесса и другие отмены законодательных гарантий, без которых только и возможны инквизиционные суды, были редкими исключениями. В первые века нового времени они стали правилом. Ни хронологически, ни по существу связать процессы ведьм с “духом средневековья” не удастся.

Протестантские теологи и историки церкви связывают эти события с известной буллой папы Иннокентия VIII и “*Malleus magicarum*” Инститориса и Шпренгера. На это их противники с основанием указывают, что апогей преследований имел место гораздо позже, почти сто лет спустя после этих выступлений. Возможно ли, чтобы следствие так далеко стояло от причины? Неоднократно делались попытки связать вспышку страха и суеверий с духом и практикой контрреформации. Однако, указание на то, что костры пылали без различия и в католической, и в протестантской Европе и пальму первенства, в этом отношении, невозможно отдать ни той, ни другой ее части, ослабляет ценность и этой гипотезы.

Неоднократно делались также попытки связать страх и массовую истерию XVI–XVII вв. с бедами, обрушившимися на Европу: эпидемиями, войнами, голодом. Однако давно уже отмечалось, что все эти несчастья были постоянным фактором на всем протяжении европейской (и, вообще, человеческой) истории, и связать их именно с XV–XVI вв. без предвзятости невозможно. Еще в 1906 г. Н. Сперанский писал: “По очень распространенному и очень поверхностному объяснению процессы ведьм возникли именно в XV веке, благодаря тем ужасам, которые пережила Европа в эпоху черной смерти и столетней войны: расстроенное этим народное воображение стало везде искать следов сатанинских козней. Но, если бы такое объяснение было достаточно, процессы ведьм неизбежно должны бы были возникнуть на много столетий раньше. Лютые голодовки и свирепая моровая язва в раннее средневековье были обычными

гостями в различных областях Европы, а венгерские и норманские набеги и усобицы князей тоже менее давали себя чувствовать народу, нежели шайки мародеров, грабивших Францию во время столетней войны”.³⁰ Действительно, достаточно вспомнить, что на конец VIII–IX вв. приходится кровавое вторжение викингов в Европу, заливших весь англосаксонский мир кровью и глубоко проникших в южную Европу. Между 806 и 829 гг. мусульманские пираты полностью парализуют торговлю и морское сообщение на древних средиземноморских путях, глубоко вторгаясь, одновременно, в континент, а с 899 по 955 гг. венгры совершают тридцать три опустошительных набега на Европу, доходя до Бремена (915 г.) и Орлеана (937 г.)³¹, чтобы понять, что видеть корень событий в каких-то бедствиях, потрясших народное воображение именно в XVI–XVII вв. — значит терять историческую перспективу. Почему в раннем средневековье, посреди всевозможных бедствий, ведьмы не внушали никому особенных опасений, а церковь считала своим долгом бороться с верой в колдовство как с языческим суеверием, а в XV–XVII вв. страх перед ними принял истерические формы, а церковь преследовала неверие в ведьм как опасную ересь — факт, который требует своего объяснения.

Видимо ближе всех подошли к разгадке те исследователи, которые заметили, что колдовская паника своими границами совпадает с границами Ренессанса (и его поздней стадии — барокко) и, что кривая ее динамики совпадает парадоксальным образом с прогрессом в области культуры и науки. Мы вплотную оказываемся перед вопросом, поставленным Жаном Делюмо: “Mais n'existe-t-il pas une relation entre conscience des dangers et niveau de culture?”³² Действительно, преследование ведьм (вместе с преследованием евреев и мусульман) начинается в XII в. — в эпоху, когда темп культурной жизни резко убыстряется. В дальнейшем, по мере роста ренессансных настроений, когда, по словам Боккаччо, человека “не в состоянии удовлетворить полная свобода делать все, что только он пожелает” (“Декамерон”, день третий, новелла 1) растет и страх и связанные с ним процессы ведьм. В

³⁰ Н. Сперанский. Ведьмы и ведовство. М., 1906, с. 82.

³¹ Georges Duby, *Guerriers et paysan, VII–XII siècle, Prem essor de l'économie européenne*. Gallimard, <Paris, 1973>, p. 130 et squ.

³² Jean Delumeau. *Op. cit.*, p. 8.

эпоху барокко и то и другое достигает своего апогея, и затем, в период рационализма вдруг наступает отрезвление: ужасы нескольких столетий рассеиваются в три-четыре десятилетия настолько, что люди с трудом могут поверить в их реальность. Тогда-то возникает миф о том, что страх и фанатизм были порождением чуть ли не доисторической эпохи.

Witchhunts: semiotics of fear

This article, written in the middle of 1980s, remained unpublished for unknown reasons, and is published here from the finished manuscript. It belongs to the series of studies by Lotman on the interdisciplinary field between semiotics of culture, psychology of the masses, and history.

Already in 1970s, Lotman formulated two basic mechanisms of social behaviour — fear and shame. Despotic systems of ruling develop the former and inhibit the latter. An ideal subordinate (subject) is guided in his/her behaviour by fear, and the opposition to power often starts not from political, but psychological motives — a person refuses to do what may bring shame upon him.

Besides the despotic regimes which stimulate fear from above, fear can also be distributed from below (i.e., from the masses) upwards (i.e., to the ruling and intellectual elite). When a despot terrorises people, this may cause their protest. But when the masses frighten themselves their own accord, animosity is then directed not against the source, but against the object. Fear and the behaviour of the masses has mostly been studied from the psychological point of view; here J. Lotman investigates the cultural semiotic mechanisms of these processes.

First, he shows that these mechanisms are very stable and exist in different times and different cultures. One of the basic elements is fear of the dissimilar — dissimilar is hazardous. This is connected with the universal opposition *own-alien*, however, it does not come down automatically to this, since the matter is complicated by the opposition *visible-invisible* — phobias are called forth by the invisible, secret alien.

Second, he considers the importance of the metaphors of light. On one hand, fears are connected with darkness, on the other hand they produce this darkness themselves — the fight against “dark forces”, whose primordial element is darkness, occurs usually under the cover of darkness.

Third, this fight is interlaced with the paradoxical dialectics of *minority-majority*. The common initial assumption is that “we” are the

majority, but among us there are people who represent secret hostile forces, which need to be unmasked and neutralised. But quite soon this phobia reaches the next stage, where the masses begin to perceive themselves as the minority: we are encircled by hostile forces.

And finally, the boundaries between witches and the hunters of witches become fuzzy: yesterday's witchhunter may himself tomorrow be a witch; malefice is infectious.

Analysing the mechanism of the origin of fear in the masses, Lotman shows that the myth of the Enlightenment, according to which phobias and superstitions originate from archaic times and the light of science is dispelling them, is entirely unfounded. Fears appear in periods of transition, when it seems that time has started to speed up, and they are reactions to the development of science and engineering.

Nõiajaht. Hirmu семиотика

Artikkel on kirjutatud 1980ndate aastate keskel, kuid jäi mingil põhjusel publitseerimata. See kuulub uurimuste sarja, mis käsitleb kultuuri-semioteetika, massipsühholoogia ja ajaloo piirimaile jäävat valdkonda. Veel 70ndatel aastatel formuleeris Juri Lotman ühiskondliku käitumise kaks põhimehhanismi. Need on *hirm* ja *häbi*. Despootlikud valitsemis-süsteemid arendavad neist esimest ja suruvad alla teist. Ideaalne alam juhendub oma käitumises üksnes hirmust ning vastuseis režiimile algab tihti mitte poliitilistest motiividest, vaid psühholoogilistest: inimene keeldub tegemast seda, mis tema meelest teda häbib.

Kuid hirmu ei õhuta üksnes despootlikud režiimid. Vahel ei levi hirm nõ ülalt alla, vaid vastupidi, alt (st rahvahulkadest) üles (st võimu- ja intellektuaalse eliidini). Kuid siin on üks oluline vahe: despoot terroriseerib elanikkonda ja see tema tegevus tekitab viimases protesti. Mass aga hirmutab ennast ise ning tema viha on sihitud mitte hirmu allikale, vaid sellele objektile. Massi hirmu ja käitumist on uuritud ennekõike psühholoogilisest vaatevinklist, kõnealusel artiklis uurib Lotman nende protsesside kultuurisemioteetilisi mehhanisme. Ta näitab esiteks, et need mehhanismid on ülimalt stabiilsed ning esinevad eri ajastutel eri kultuurides. Üks põhilisemaid elemente on hirm teistsuguse ees: teistsugune on ohtlik. See on seotud universaalse opositsiooniga *oma-võõras*, kuid ei taandu sellele automaatselt, kuna on komplitseeritud opositsiooniga *nähtav-nähtamatu*: foobiat tekitab nähtamatu, salajane võõras. Teiseks on oluline valguse metafoorika. Hirmud on ühelt poolt seotud pimedusega, teiselt poolt aga produtseerivad ise seda pimedust: võitlus "tumedate

jõududega”, kelle stiihia on pimedus, toimub ise tavaliselt pimeduse katte all. Kolmandaks, seda võitlust läbib *vähemuse-enamuse* paradoksaalne dialektika. Lähtepunktiks on arusaam, et “meie” moodustame valdava enamuse, kuid meie seas on salajasi vaenulikke jõude esindavaid inimesi, keda tuleb paljastada ja neutraliseerida. Ent üsna pea saavutab see foobia taseme, kus mass hakkab end tundma vähemusena: meie oleme ümber piiratud vaenulike jõudude poolt. Ning lõpuks — piirid nõia ja nõiajahtijate vahel muutuvad ähmaseks: eilne nõiakütt võib homme osutada ise nõiaks — nõidus on nakkav.

Analüüsides massihirmu tekkemehhanismi, näitab autor, et Valgustusaaja müüt, mille kohaselt foobiad ja ebausud on pärit arhailisest ajast ning teaduse valgus hajutab need, on täiesti alusetud: massihirmud tekivad üleminekuperioodidel, mil tundub, et aeg hakkas kiiremini liikuma, ning on reaktsioonideks teaduse ja tehnika arengule.

The concept of text in cultural semiotics¹

Göran Sonesson

In this article, I will be concerned with interpreting a concept — or rather, several concepts masquerading under one single label — of a particular system of interpretation, Semiotics of culture, as introduced by the Tartu school, and later developed by, among others, Roland Posner. Since my goal is, in the last analysis, to understand something about the interpreted domain, rather than about this particular system of interpretation, I will feel free to have recourse to other systems of interpretation, including the vernacular, to the extent that they use the same label and/or the same concept.

Text as interpretation

The label involved is “text”. The occasion for raising the question “what is a text” is the generalisation of this word from its vernacular sense in the Semiotics of culture. Specifically, the question was generated by my own use of the Tartu school model, to analyse a particular domain of culture, the art world, in particular under the regime of Modernism. This then prompted me to return to the foundational writings of Lotman, Uspenskij, and their colleagues, as well as to the systematisation of the system by Posner.

“Text” here appears as that which is going in and out of “culture”. It may also be described as that which is (should be or could be) subject to interpretation. But this is where the problems begin.

---

¹ Earlier versions of this paper were discussed at the Third Congress of the Nordic Association for Semiotic Studies, in Trondheim, October 1994, and within the project “Meaning and Interpretation”, Stockholm University, 1996.

The Tartu school model

In the conception of the Tartu school, cultural semiotics is concerned with making a model of the model implicitly held by any member of a culture (Fig. 1).² It is taken for granted that, in the ordinary case, members of any culture will think of themselves as insiders, while persons from other cultures are outsiders. On the inside, life is ordered and meaningful; outside of it, it is chaotic, disorderly and impossible to understand. Also, the inside is normally more highly valued.

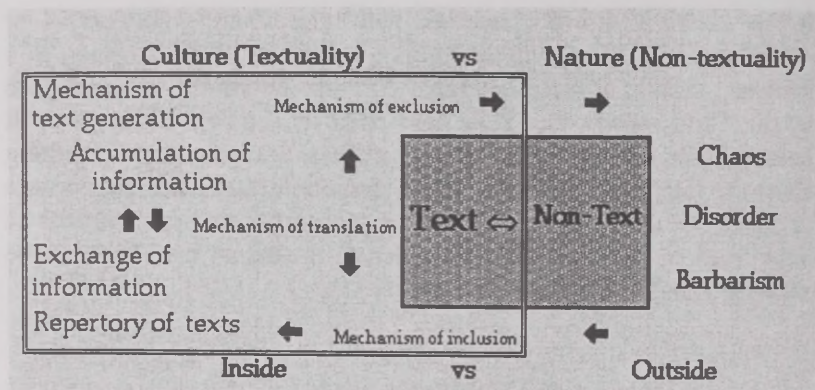

Figure 1. The Tartu school model

Under these circumstances, "texts" (which, as a first approximation are anything inside the culture which can be understood) cannot exist outside culture: but there is at least a potentiality for "non-texts" coming from the outside being transformed into "texts". More commonly, however, non-texts are excluded by the peculiar mechanism of exclusion which exists inside the culture; or they are received, but in a deformed way, by the mechanism of inclusion. In due time, however, the accumulation of many deformed texts may give rise to a new mechanism of interpretation which makes it possible to understand

² Torop (1993) argues what no single doctrine is common to the members of the Tartu school. However, it seems to me that a certain number of articles written, mostly by Lotman and Uspenskij in collaboration, sometimes by Lotman alone, and in a few cases involving other scholars, form a fairly coherent doctrine about the nature of culture. This is that it understood by the term "Tartu school" in the present article.

them inside culture; and even to a mechanism of generation, which allows culture to create its own texts of the kind earlier only existing outside culture.

The Tartu school uses this model, notably, to understand the relationship between Russia and the West, during the time of Peter the Great and the slavophiles, for whom the part of culture is played by the West and Russia, respectively. However, I have suggested that the art-sphere, particularly during Modernism, can be conveniently understood using the Tartu school model, and substituting the opposition between art and non-art for that between culture and non-culture (Sonesson 1992; 1993a; 1994a,b). The same rules of inclusion/exclusion, translation, impossibility of translation, and translation as deformation, will then be found to pertain. I am not familiar with any use, by the Tartu school members, of this model to study the relationship between art and non-art; yet, in order to adopt the model, the art-world simply has to be conceived as a sub-domain, a "sub-culture", inside the totality of Occidental culture, which, under the regime of Modernism, tends to absorb other "sub-cultures" into its domain.

In discussing the process of inclusion into the art world, I have mainly given two examples, in both cases works by Marcel Duchamp: his "L.H.O.O.Q." consists of a reproduction of Leonardo's "La Gioconda" with a moustache and a pointed beard. Since similar "La Gioconda" modifications have appeared before in satirical magazines, we could consider this a transference from another sphere of picture production. Duchamp's "Fountain" is simply a urinal placed in the context of an art exhibition; it is, so to speak, transferred from the sphere of tools or use objects to that of aesthetic contemplation.

The whole history of Modernism may be seen as a process of transforming ever more non-texts into texts. However, within Modernism there is also a second movement, which tends to exclude ever more texts from the artistic domain, trying to isolate that which is really "art". The latter is particularly true of such currents as abstract expressionism, minimalism, and everything that the American critic Joseph Greenberg would call Modernism. The second movement starts out from Dadaism and includes what is nowadays called Postmodernism. However, even the second tradition transforms some texts into non-texts, notably, for a large part of Modernist history,

works which depict things of the perceptual world (Sonesson 1992; 1993a; 1994a,b).³

One may wonder, nevertheless, whether these are really "texts". In the second of the Duchamp examples, no change (apart from the signature) has been made to the material artifact (only to the interpretation procedures); in the first case, the modifications do not seem to be comparable to the substitution of units, the combinations of which make up the artifact called text in verbal language. But how should we then respond to the suggestion, made by a student of mine, that tiger hides are "non-texts" in Swedish culture? Unlike "La Gioconda" and the urinal, these are natural objects. Perhaps it could be said, however, that they are texts in relation to an African or Indian usage which is foreign to Swedish culture. But the questions then become: 1) whether they are cultural objects (certainly if even fire is a cultural object, when considered inside the frame of the semiotics of the natural world, as Greimas 1970 suggests); 2) whether they are signs: it is true that, according to Barthes' (1965) classical discussion, all objects in a culture acquire a sign function, but this is then derived and parasitic (cf. tools with a parasitic sign function), not transformed into signs like the urinal in the art gallery.

If "text" is simply anything going out and in of "culture", cultural semiotics will be a diffusionist model in the sense of anthropology — though there is more emphasis on what is done with that which is received (exclusion, deformation), even admitting that modern diffusionists are also quite conscious of the necessity for the receiving culture to be prepared for the reception.

"Text" as that which belongs

The wide use of the term "text" in cultural semiotics is anticipated in semiotics generally: everything which "belongs" to (may be accounted for by) a particular system of interpretation is considered to be a "text". There has been a lot of rather unpremeditated uses in semiotics of terms like visual text, behavioural texts, etc. In pictorial semiotics, it is true, the common term has been "visual discourse", but the generalisation of the latter term poses a similar problem. There has

³ It seems to me that history is a powerful mechanism for transforming text into non-texts, as well as the opposite, but as far as I know, this second aspect is not considered by the Tartu school.

also been a generalised use of "text" in hermeneutics, media studies and cognitive psychology, particularly in the study of oral as opposed to written culture.

The idea of "belongingness" (and not much else) is clearly implied by the characterisation of culture, by the Tartu school, as "a collection of texts". It is not easy to find any succinct definition of text in the articles written by members of the Tartu school. In an early article, Lotman (1966) variously tells us that "a text is a separate message that is clearly perceived as being distinct from a 'non-text' or 'other text'"; "A text has a beginning, end, and definite internal organisation"; and it is not "an amorphous accumulation of signs".

Taking this in a more precise sense, we may end up with the conception of the linguists Halliday & Hasan (1976), according to whom "text" is defined by consistence as to register and cohesion, that is by inner connection, as well as connection to the situation.

On the other hand, we may also be reminded of several notions of text which are notoriously difficult to grasp, such as "text" as "productivity" (the late Barthes and Kristeva), opposed to work, "œuvre", i.e. that which transforms language, redistributing its resources. Bakhtin (1986: 103ff), who is one of the averred precursors of the Tartu school, has also written an article about the notion of text, which he describes as "the primary datum of the human sciences"; "the immediate reality (reality of thought and of experience) within which this thought and these disciplines can exclusively constitute themselves".

Every use of the term "text" outside of verbal language would seem to be subject to the perils of what I have elsewhere called *ontological and epistemological panlinguisticism*: i.e. of either presuming that all meaning is built on the model of language, or that it is only accessible for use through the mediation of language (cf. Sonesson 1994c). Both the Tartu school and the early Barthes seem to hesitate between these two doctrines, with the former leaning towards the first alternative and the latter towards the second one: all texts are built on the model of verbal language (secondary modelling system); all other sign systems are received (and analysed) by means of verbal language (Barthes 1965: "objects of our civilisation as far as they are spoken"). However, it should be possible to use the label "text" simply to point to some kind of analogy, without prejudging on the question of causality.

Posner's three generalisations

Roland Posner (1989) has divided the process of generalisation from "text", in the ordinary language sense, to the sense found in Cultural semiotics, into three phases: from writing to speech, from speech to any sequence of coded (i.e. conventional) signs; and from any coded sequence to any coded sign, even when it does not enter into a sequence (cf. Fig. 2).

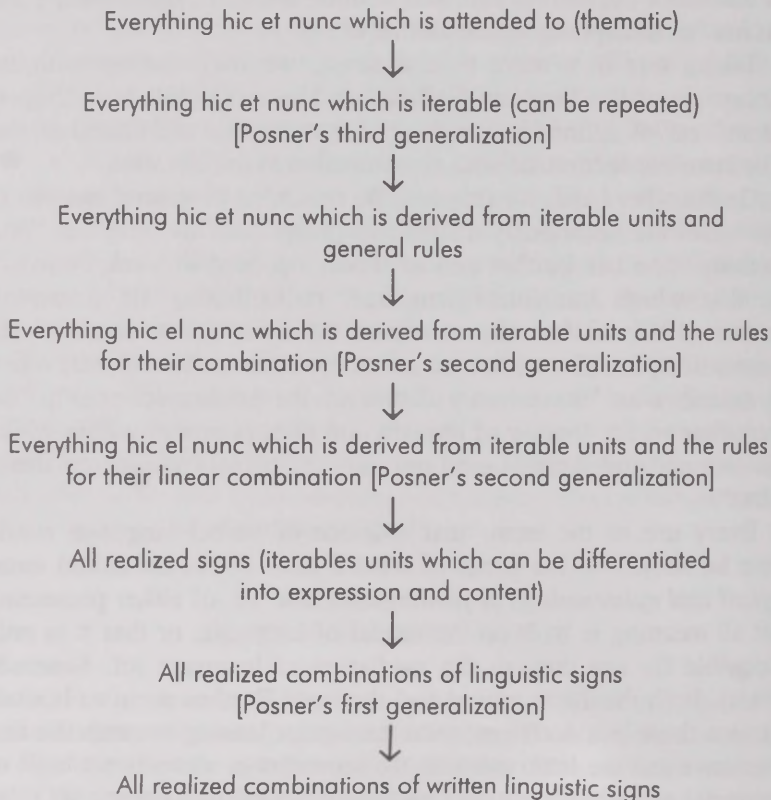

Figure 2. The first hierarchy of textuality: From attention to writing

The *first generalisation*, then, goes beyond mere writing to include *speech*: any sequence of words, not only persistent language artifacts but also instantaneous ones, can be called a "text", as long as the

content is determined by a code. According to Posner's definition, a code should be taken, in this context, to be a conventional or innate relationship correlating content and expression, but if we attend to his examples, things regularly perceived as going together will also fall into this category. This generalisation is the most common, and the most straightforward, one. It is as far as Halliday & Hasan (1976) are prepared to go, and it is also where Bakhtin (1986) says he would like to stop, although he goes on to talk about "the 'implied' text which could be music, fine art, etc."

Posner's *second generalisation* brings us from spoken or written signs only to *any sequence of coded signs*. At this second stage, certain traffic signs will be included: thus, a sign instructing you to reduce your speed to 80 km, then to 60 km, followed by "roadwork ahead", a notice that the two lanes will merge, etc. It may be remembered that Mounin (1970) denied semiotic status to traffic signs precisely because they did not form any sequence. However, it could be argued against Posner that continuity between the signs is merely produced by the contents, not by the expressions, i.e. there is no anaphoric chain, and the like. If a text is a semantic unit, i.e. is defined by consistence as to register and cohesion, as Halliday & Hasan (1976) claim, then this is a text; yet the very book in which they give their definition is mainly about anaphors and cataphors. Other traffic signs do not form sequences, as Posner himself shows, and would thus not be texts in this sense.

The *third generalisation* abandons the notion of sequence: *every coded sign* (token), even if it does not form a sequence, may be called a text. Thus, text seems to be simply anything which may be reproduced (token in relation to type). Posner here refers to Goodman (his *allographic* art as opposed to *autographic*) but does not develop the issue. Perhaps we should start out from the distinction type/token (from Peirce to linguistics).⁴ Contrary to Goodman's claim, pictures cannot be entirely *autographic*, i.e. they are not only repeatable as wholes, since they contain categories, as defined by perceptual psychology, which set the limit for density (Sonesson 1989; 1995b). If so, even pictures could be texts, to the extent that they are coded in Posner's sense.

Posner's analysis is enlightening, as far as it goes, but it has only a limited relation to the notion of text as used in the Tartu school model.

---

⁴ In linguistics, of course, the opposition language/speech is very complex, as shown by Jakobson, Hjelmslev, and Coseriu interpreting Saussure.

The Tartu notion is much richer. Probably the latter is too rich — but before we abandon it for this reason there may be further insights to gain from its analysis. Actually, even Posner uses aspects of this richer notion of text when he later assimilates the concept couples “culture vs non-culture” to “semiotisation vs dessemiotisation” and applies them not only to extra-cultural and non-cultural as opposed to cultural but also to that which is more or less central in culture. If something becomes more semiotic by entering culture, and by going from its margins to its core, then it seems that some texts are more texts than others — more “meaningful”! But that seems to raise questions of value and interest for which there is no place in Posner’s hierarchy.

Reading the dictionaries

There is no reason to believe, as perhaps some Oxford philosophers, and certainly the Greimas school, claimed, that the solution to our analytical problems can be found in dictionaries, whether they are the “Oxford English Dictionary”, or “Le Petit Robert”. But is useful to have a look at a number of dictionaries, if only just to realise that the meaning of “text”, in ordinary language, is so much more than just “a combination of verbal signs conveyed in written form”, which Posner takes as his point of departure.⁵

In the Oxford Advanced Learner’s Dictionary (1987), “text” is defined in opposition to non-verbal sign systems, considered as marginal contributions to the meaning process (opposed to “the main body”), and there is a reference to singularly important contents, such as those of the Bible.⁶ In the favourite source book of the Greimas school, *Le Petit Robert* (1977), content is again emphasised, although with more reference to the expression side, at least its order; and there is also a concern for some particular contents, those of the Bible (just as in the English quotes) and of famous authors. Only in one instance is there mention of something outside written signs, but then only as

⁵ Ideally, of course, we should have consulted Russian and/or Estonian dictionaries, but that must wait until another occasion.

⁶ “*main body* of a book or printed page (contrasted with notes, diagrams, illustrations, etc.”; “*original* words of an author, apart from anything else in a book”; “short passage, sentence, esp. of Scripture, as the subject of a sermon or discussion”.

the written basis of non-written works, and then order, Posner's sequence, continues to be important.⁷ Also definitions in Swedish dictionaries concern books and similar objects, opposed to pictures (and music), and content, as opposed to expression.⁸

In all the language considered, there seems to be a particular Biblical sense to "text", sometimes extended to important non-religious authorities. In all the languages, "text" is thus used to refer to what the Prague school would call "exemplary works" (part of the Canon); in other words, something which Foucault would term a "monument" as opposed to a "document", i.e. something to which you add comments, which is the pretext of further verbal productions. This interpretation seems to be implicit in much of the use of the term in the Tartu school, as is more obviously the case in hermeneutics, and, more strangely, in the work of the cognitive psychologist David Olsson.

The "text" is often seen as the original. English and French dictionaries talk about the original, as opposed to the copies or the falsification — which is a paradox, since writing, followed by print, made possible the reproduction which, at least according to Benjamin, should abolish the distinction. The metaphorical use of the term often seems to repose on this general idea about the *autographic* as opposed to the *allographic* (in Goodman's sense). Indeed, rather than abolishing it, printing may actually render the distinction possible, for it could be said that mediaeval codices do not allow an absolute distinction between original and copies, since every manuscript is a new variation on the earlier one. But causal links to the original is that which guarantees the authenticity of the object.

The "text" could also be seen as that which is most important. This is suggested by the expression "the main body", and the same idea is implied by the opposition between text and illustration — which again is a normative element. However slight this suggestion may be in ordinary language, it looms large in Tartu semiotics.

---

⁷ "les termes, les phrases qui constituent un écrit ou une œuvre"; "Écrit considéré dans sa rédaction originale et authentique"; "passage de l'écriture sainte"; "page, fragment d'une œuvre, caractéristique de la pensée ou de l'art de l'auteur"; "tout document écrit prévoyant un ordre déterminé d'opérations à la radio, à la télévision, au cinéma et au théâtre".

⁸ "det som är att läsa i en bok m.m. Mots. *illustration*: ord till melodi; stycke (i bibeln m.m.) över vilket predikan hålles" (Främmande ord). "en skrifts egentliga *inhåll*; bibelställe; ord till sång" (Wessén, *Våra ord*).

The term "discourse" is often generalised in the same way as "text". Faircloughs (1992) considers "discourse" to be something more general than "text", such as the social conditions of production (à la Foucault), whereas "text" is used in the sense of Halliday. However, the Greimas school uses "discourse" as others use "text", e.g. plastic discourse, etc. The dictionaries give us a similar repertory of meanings.⁹ In the vernacular, discourse has more to do with spoken language, and should thus offer a more ready base for a generalisation. But it does seem to offer less foundation for a normative generalisation, if we except the French cognitive interpretation.

The first hierarchy of textuality: From attention to writing

If, like Posner, we start out from the linguistic sense of text, we will at once come up against a generalised usage, which is already broader and also, in some respects, in contradiction to the vernacular usage. The Danish linguist Louis Hjelmslev (1943) who was an important source of information for the French structuralists and the Tartu school, placed text in opposition to the system, more or less like Saussure placed "parole" in opposition to "langue" (for which another disciple of Saussure, Buysens, used the terms "discours" and "langue"). Where Hjelmslev clearly deviates from common usage is in not requiring any kind of closure of the text (beginning and end, standing out from the non-text, which is important to Lotman, as we saw).¹⁰ However, the opposition between text and system for him at once subsumes two more elementary oppositions: between that which is present *hic et nunc* and the rules having some more subtle mode of existence; and between isolated instances and combinations of signs.

---

⁹ According to Le Petit Robert, it is a "développement oratoire fait devant une réunion de personnes"; "écrit littéraire didactique"; "expression verbale de la pensée"; "pensée discursive, raisonnement": The Oxford Dictionary tells us it is "speech; lecture; sermon; treatise".

¹⁰ Thus, this is more general than the text concept of text linguistics, according to which a text is not only a contiguity of signs, which supposes coherence/cohesion, anaphoric chains, etc., and in particular Halliday's idea that texts are not a mere combinations of sentences but are found on a higher level — thus forming a new whole, a Gestalt.

These two aspects are hardly possible to distinguish in Hjelmslev's theory. That which can be perceived *hic et nunc* is opposed to something which is presupposed by it, which is at the same time a vocabulary of units which may be repeated (*iterable* units, in Husserl's parlance) and the rules for combining these units. The same applies to generative grammar. If the system is identified with a generative grammar, which recursively generates all possible "texts" (and the Tartu school often uses these terms), the categories and their combinations are given at the same level, and thus grammaticality and "belongingness" are the same.

The metaphor of combinatory rules is certainly presupposed by the notion of "ungrammatical texts", often found in the Tartu articles and elsewhere in semiotics. It is explicit in Lotman et al. (1975) theses about the study of culture, where "non-texts" correspond to that which is "ungrammatical". It is arguable, of course, that an ungrammatical sentence does not (entirely) belong to the system, for, while it reproduces the vocabulary of the system, it does not follow the rules of combination.

It is common to suppose that combinatory rules concern the (linear) ordering of the elements. In ordinary language, as we saw, sequence is important in the definition of "text". This seems to be true of two popular metaphorical applications, first introduced by Barthes (1965; to which Posner refers when discussing the notion of text), the menu and clothing.¹¹ Although one may argue, as I have done elsewhere (Sonesson 1993b), that there are two combinatory dimensions in clothing (not only body parts, but also layers of clothing), both are spatially ordered and linear. Linguists and anthropologists like Halliday and Douglas, who have developed the menu analogy in comparisons with non-western cultures, also find linearity to reign supreme (i.e. certain kinds of food are eaten before, and others after, the main course). Even behaviour, to which both Lotman and Posner refer to as texts, may to some extent follow linear rules, though the sequence is usually temporally, rather than spatially, distributed (but

---

¹¹ These are of course not sign system, but only symbol system, in Hjelmslev's sense (no separation of expression and content), so it is not clear that he would be ready to apply the term "texts" to them. However, space does not allow me to discuss sign criteria here.

this, of course, also applies to spoken "texts", the first level of Posner's generalisations).¹²

But it is pictorial text which most obviously contradicts the grammar analogy. In the Tartu theses, a basic distinction is made between "discontinuous (discrete) vs continuous (non-discrete) texts". Lotman et al. (1975) articles refer to "text as composed of discontinuous or continuous signs", claiming that the former, as exemplified by painting, dance, sculpture, television, film, dominate in contemporary culture. But clearly, if these texts are really made up of discontinuous signs, we could not expect them to obey the grammar analogy. Indeed, there are no rules for where certain objects should appear in pictures (apart from some very restricted genres, like Russian icon painting), and so it is not possible to break any linear rules of combination (cf. Sonesson 1992).

However, Hjelmslev (1943: 35ff) defines text/process as units in "relation" (both-and-relations), opposed to the system which is in "correlation" (either-or-relations). Jakobson has made similar generalisations when talking about the "syntagm" as the axis of combination, and the "paradigm" as the axis of selection. In this sense, we could say that any combination of elements, which does not accord to the norms, whether these concern spatial and/or temporal distribution, or something else, will yield "non-grammatical" texts or "non-texts".

In this way, the distinction can also be applied to pictures and other visual artifacts. A collage (e.g. a combination of paint, subway tickets, newspapers, etc.) could be said to contain "un-grammatical" combinations in relation to earlier art, although there are of course no rules for their spatial and temporal distribution, only their realisation inside the same general category. This also applies to ready-mades: Duchamp's urinal in the art gallery demonstrates a lack of "pragmatic acceptability", i.e. it is not consistent as to register, in Halliday's terms.

We could also consider at least some happenings as "ungrammatical" behaviour in this sense. Thus, to put a bottle of jam on a car is "ungrammatical", not because it fails to follow the menu syntagm in Barthes' sense, but because it introduces the jam bottle into a category which is not in the food system at all. Some actions typically included in happenings may similarly be inappropriate to the general sphere of "spectacles" of which happenings are a part (again a case of not being "pragmatically acceptable"), either because they are things normally

¹² Lotman (1979: 85) even refer to situations as texts, in which case linearity seems irrelevant.

done in private, or because they appear to be routine doings not normally considered interesting to watch (which brings us into the neighbourhood of our second hierarchy of textuality).

Groupe μ have discussed similar examples in terms of visual rhetoric: the collage, which we mentioned above, but also, for instance, a red flag in a black-and-white movie (Eisenstein's "Potemkin"), or a figurative representation in an Abstract Expressionist painting (e.g. de Kooning's women). To Groupe μ , ungrammaticality, or, as they prefer to say, rhetoricalness (admitting that the operation takes place at a secondary level) occurs in the visual domain in the form of non-permitted *combinations* of transformation rules. An excellent example would be Picasso's paraphrase of Velázquez "Las Meninas" or, even better, Hamilton's paraphrase of the latter. But why should we not also consider non-permitted transformations (Cubist transformations before Cubism was accepted, etc.) as being "ungrammatical", or "rhetorical", in themselves? In this case, every one of Picasso's and Hamilton's figures are "ungrammatical", each in a different way (cf. Sonesson 1996; 1997b).

This then brings us to a further generalisation of the opposition between system and text. The system could involve rules of another kind than the *rules of combination*, typically presupposed by the grammar metaphor, e.g., *rules of transformation*, which serve to map the perceptual world into the picture plane. That pictorial meaning must in fact be accounted for in terms of perceptual transformations was a conclusion of my critique of the critique of iconicity (Sonesson 1989; 1997a,b,c).

It will be observed that the most general feature of the "system vs text" opposition is still retained: we have something general, of the order of rules, which contrasts with something particular, individuated in space and time. We may still refer to Peirce opposition of type and token ("legisign" vs "sinsign" functioning as a replica): indeed, it will be remembered that to Peirce the "legisign", as Thirdness, is essentially a rule.

Typicality in time and outside of it

There is a problem with identifying "text", as Posner suggests, with the Peircean token; for, although we may certainly sometimes use the word "text" to refer to instances presented *hic et nunc*, we also often

employ the same word when talking about something which is rather of the order of types. While I am writing this article, I may refer to it as a "text", thinking about the single token which is still in my computer; however, when I afterwards ask you to look at page 12 of the text, the text I am talking about is a kind of type, and you will probably all look at different spatially individuated tokens of it.

Lets begin by making a distinction between two kinds of typicalities, in the sense of recurrent units, or rule-like entities, i.e. Peircean Thirdness. These could be called type 1 and type 2 typicalities, or, with somewhat more descriptive terms, *temporally unbound* and *temporally bound typicalities*, respectively (cf. Sonesson 1997d).¹³ In the first case, different tokens are derived from a type, without the type being perceived as emerging in time, as is the case with phonemes, letters, and words (Fig. 3). We can think of this typicality as omnitemporal and omnispacial in Husserl's sense. This is of course a fiction, for even words and phoneme change, but time is not relevant, or must be supposed to stand still, at least during the act of communication.¹⁴

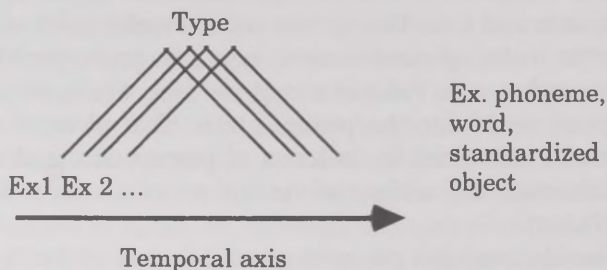

Figure 3. Temporally unbound typicalities

As temporally unbound typicalities I also count what are ordinarily called standardised objects (usually factory-made), such as a particular model of an iron, a glass recipient, a urinal, etc. In many ways, such

¹³ There is a relation, though not a clear-cut one, to Goodman's distinction between autographic and allographic arts.

¹⁴ Naturally, some words or perhaps even some phonemes are felt to be old-fashioned, but contrary to Jakobson's claim, this does show that diachrony in inside synchrony, in any interesting sense — at least not in any sense which is interesting in this context.

objects appear to be much more clearly “dated” than a phoneme or a word. Perhaps they should really be assigned to some third type of typicality. However, from the point of view of the user, their date of fabrication is of no avail (apart from such accessory interest as acquiring the latest model, or knowing if the warranty is still valid, which is a question pertaining to the copy). Here, then, we will continue to count them as temporally unbound typicalities.¹⁵

In the second case, the type is constituted in time by a particular subject at the same time as he creates the first token (Fig. 4). This is of course the case of the original painting in relation to all its reproductions, and of the photographic plate in relation to all the copies made of it (Indeed, photography was the first context in which I encountered time-bound typicalities).

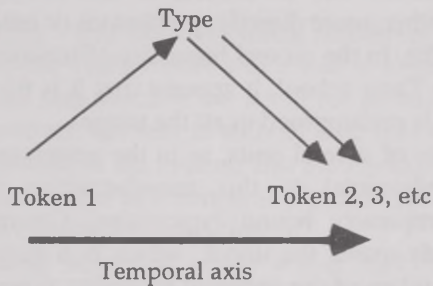

Figure 4. Temporally bound typicalities

Sketches and models may have preceded the original but do not constitute the type.¹⁶ Contrary to what Eco (1992) suggests in his article about “doubles”, temporal priority is not enough to distinguish the original from its copies. The painter’s sketches, many computer print-outs, some photographic prints, and the model of a building, precede the constitution of the type. More extreme examples are offered by Warhol, Sherrie Levine, Koons, etc. making originals by copying temporally prior advertisements, art-works, or hand-crafted

¹⁵ I am not discussing, as a philosopher could do, what “really” exists, but what must be supposed to exist for the user of meaning systems.

¹⁶ The case of music and architecture is not so clear to me; in architecture there may even have been a historical development in what counts as the work, i.e. as constitutive of the type.

objects. Only an attribution of value can decide which objects, in the temporal chain, should count as the original, or, more generally, as the token constitutive of the type. In our society, it is often the identity of the producing subjects which decide the value, separating, for instance, a paraphrase of Velázquez "Las Meninas" by Picasso or Hamilton, from a copy, made by an obscure contemporary of the original painter; or even Linde's token of the ready-made types created by Duchamp (and the tokens which are really copies of Linde's copies) from the paraphrases by Roland Jones and Sherrie Levine.

Now, in the way that the word "text" is often used in ordinary language (though our dictionaries do not specifically mention this), it applies to an artifact manifesting a time-bound typicality, itself made up of combinations of temporally unbound types. The temporally unbound typicalities are, of course, in the ordinary case, words, phonemes (or rather, more directly, graphemes or letters), grammatical rules, and the like. In the second hierarchy of textuality, referred to in the work of the Tartu school, it appears that it is this typicality sense of "text" which is presupposed in all the usages.

Combinations of several units, as in the grammar analogy, are not necessarily fundamental to this transformation from temporally unbound to temporally bound typicalities. Consider the case of Duchamp's ready-made, the urinal, which is a factory-made object, and therefore a token of the unbound typicality type; when it is made into a work of art (by being presented in a gallery), this token is transformed into a type, but now of the temporally bound kind, which means new tokens can be made with reference to it, as were those by Linde and others (Fig. 5). These things do not only happen in the strange world of Modernist art: incunabula, for instance, are tokens of a type which have become so rare, that they may be treated as types from which new tokens can be made (but in this case both type levels may well be experienced as time-bound)

The artifact, which, in the Prague school model is subject to different concretisations, would in this sense be a time-bound typicality. Like Posner, then, we may well use the term artifact as a more general term than text, though in a rather different sense: both would, in our analysis, be some kind of typicalities.

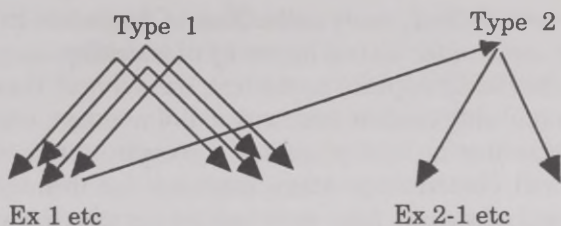

Figure 5. Transformation of unbound into bound typicality

Closing the text

In ordinary language, a text has a beginning and an end, i.e. “closure”; as the members of the Tartu school will claim, it even stands out “on all sides” as against that which is not a text (or perhaps another text). To Hjelmslev, however, the text is without end, it is the sequence of all possible realisations of the system. But the Hjelmslevian text is at the level of a token. A text as a temporally bound typicality, however, could normally be expected to have closure.

There are several senses in which a text may be said to have closure or not. Clearly taking the cue from Hjelmslev, Kristeva and the late Barthes talked about “texte” opposed to “œuvre”, where the former is considered to be a continuous process, while the second has fixed limits. Certain more or less contemporary literary works were hailed as “texts” in this sense. It is not clear how this feature of openness, which Hjelmslev ascribed to the token level, could be retained at the level of time-bound typicality, with which literature is concerned.¹⁷

When discussing the fragment as opposed to the text, however, it is instead the text which is supposed to have closure, this time of a more local, internal kind, absent from the fragments. Even if the fragments do not form a text, each one of them individually must possess this

¹⁷ Bakhtin (1990) very clearly demonstrates the necessary “closure” or time-bound typicalities, in terms of “finalisation”, though it seems that in some later works (on Rabelais, notably) he failed to take this demonstration into account.

kind of closure. Indeed, many collections of fragments have become texts, in the sense of the second hierarchy of textuality.

Rather than being opposed to the text, the intertext is contained in it. All texts probably contain some amount of intertext, which may be taken to mean that no text possesses a complete closure (which is really a trivial observation). Many intertexts are themselves highly organised, and may really form some super-texts together with the text of departure. This is true of many of those "paratexts", "architexts", and "metatexts" discussed by Genette (1982).

A particular case could be the opposition between text and hyper-text. It is not clear, however, whether the hyper-text is a kind of text or something beyond it.¹⁸ If we take notes to be an example of a hyper-text, in this sense, then it is certainly opposed to text, in the dictionary meaning of "main body of work". The computer mediated hyper-text would then be a kind of hypertrophy of the note apparatus, in which the notes (like in the proverbial German dissertation) are transformed into the main body of the work.

Something more is perhaps meant by the opposition of cyber-text to ordinary text. Text is usually understood as a monologue, but cyber-space is, at least potentially, a place of dialogue, of interchange, and like all dialogues, it cannot have closure in any strict sense. On the other hand, to the extent that dialogue is a sequence of behaviour, it may well acquire textuality in another way — or rather, in another sense. In spite of the importance of closure for many definitions of text, we will not explore it further here. We will merely note that it is presupposed in all the senses of text appearing in the second hierarchy of textuality.

The second hierarchy of textuality: From interpretability to excellence

At one point, Hjelmlev (1943) actually imagines text to be "everything which is the case", i.e. everything which is present (or could be present) *hic et nunc*. In this sense, text is continuous in a different way from the one considered above; or, as Hjelmlev puts it himself, it is "heterogeneous". However, since different parts of this text have

---

¹⁸ The latter interpretation is suggested by the comparison with such terms as "hyper-marché".

different "connotations" (in Hjelmslev's specific sense, not in the familiar logical or stylistic senses, e.g. as each sentence in Danish connotes "I speak Danish"; cf. Sonesson 1989: 119ff, 179ff), hetero- — geneous text can be divided into several homogeneous ones. It will be noted that, unlike the heterogeneity found, for instance, in the intertext, this one is found on the type-level (actually the temporally unbound type level), not on the token level (or perhaps rather: not on the temporally bound type level).

What Hjelmslev actually says is that all "real" texts are heterogeneous. So we should distinguish a "text-for-a-system" and a "real text". The closest we come to this notion in the model of the Tartu school would seem to be the idea of "the cultural text", which is the sum total of all texts in a culture. This text is heterogeneous, whenever its parts are ascribed to the language system, the picture system, the behaviour system, and so forth. It is, however, homogeneous when considered in relation to the culture system. The situation is really more complex: when considered in relation to Swedish culture, art is heterogeneous for being art; and when considered in relation to the system of art, Swedish art is heterogeneous for being Swedish. Art made by Latin American exiles living in Sweden would be even more multiply heterogeneous.

Behind this distinction is a more general notion of "belongingness" than suggested by the grammar analogy: something is a non-text because it does not belong to the system at all, it lacks both the vocabulary and the rules, not only the combinations. Lotman (1966) actually claims that something could be a text from a linguistic point of view without being it from the legal point of view; analogously, something may be a text from the point of view of the picture system, but not from that of the art system (for instance the "La Gioconda" with moustaches before Duchamp introduced it into the art sphere).

The second hierarchy of textuality emerges from the different meanings attributed to something which is a text, as opposed to a non-text (Fig. 6). Sometimes, a text is that which can be interpreted, in contrast to that which is *impossible to interpret*. This meaning is implied by the notion of system in the model of the Tartu school: texts can be interpreted, because they are inside culture, where there are systems for their interpretation: "non-texts" cannot be interpreted, because they are excluded by culture or deformed by being interpreted according to systems other than those by means of which they were engendered. It is easy to see how this sense of "non-text" emerges out

of Hjelmslev's structuralist world-view, according to which "substance" without "form" cannot even be thought.

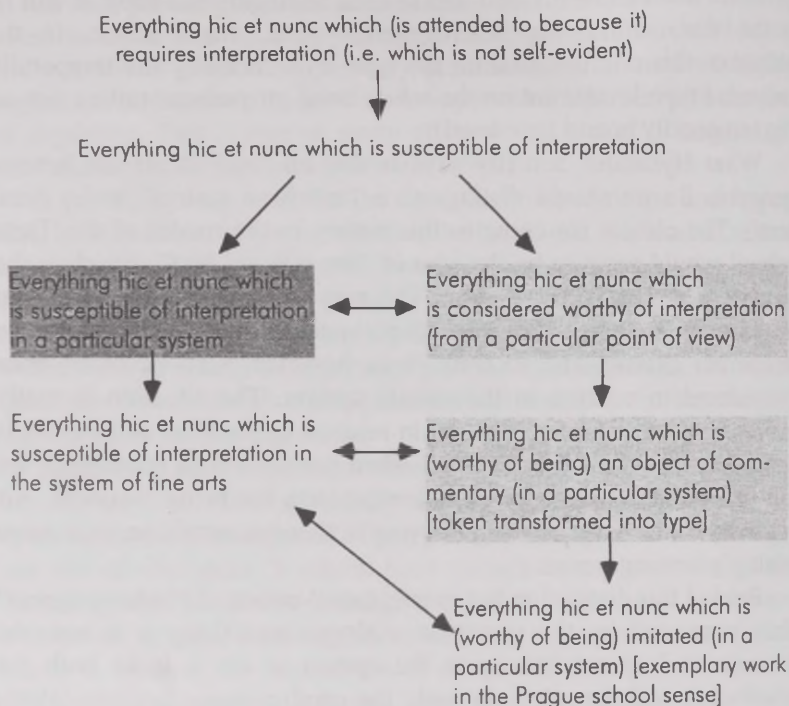

Figure 6. The second hierarchy of textuality: From interpretability to excellence

Sometimes, however, the non-text is that which is *not worth interpreting*, the text then being that which is worth while. Lotman & Pjatigorskij (1968) talk about "a mass of non-texts" which form "the background against which a group of texts is distinguished as displaying traits of an expressiveness that is complementary and meaningful in the cultural system".¹⁹ When writing is invented, not everything is considered worth writing down, or, alternatively not everything is worth being orally conveyed. In some cultures, written texts, in the linguistic sense, but not oral ones, are texts in culture, and

¹⁹ This seems to mean that there are non-texts also inside culture!

in other cultures, the reverse is the case. Or rather: some texts are more texts than others!

In the prehistory of Russian semiotics, the formalist Jakubinski termed "aperceptive mass" (a term taken over by Vygotsky) that which is so obvious that it is interpreted without the process ever becoming conscious. It is something which does not require any particular interpretative work, but is given as a matter of course, equivalent to that which is present in the Lifeworld, in the sense of phenomenology. Now it would seem that this characterisation should apply to most texts, certainly in the linguistic sense, particularly those which are more perfectly grammatical (or perhaps rather, more perfectly "acceptable"). The non-text would then be that which *resists interpretation*. There is indeed a hint of this conception in the idea of non-texts being deformed when they enter the culture. But we saw in the last quote, from Lotman & Pjatigorskij (1968) that it is rather the non-texts which constitute the "aperceptive mass".

In his article about the Decembrists' semiotisation of ordinary life, Lotman (1984a) claims that routine behaviour is not semiotic "Semiotic behaviour is always the result of a choice". However, non-semiotic behaviour becomes semiotic, Lotman continues, for those who do not master the code, for instance for foreigners.²⁰ This is analogous to Ricœur's position in hermeneutics: text appears when there is no ready interpretation. It is the non-text which is *interpreted as a matter of course*.

But this is a real paradox. It means that routine behaviour will be a text for those who do not belong to the culture in question, for the outsiders, those who use other codes — and this seems to be quite the opposite of the linguistic analogy, as if we were saying that something is a text for those who do not understand the language. Here then, we have arrived at two concepts of texts which are not simply different, but appear to exclude each other. If text in the linguistic sense (grammar of combinations) could be seen as a more specific case of the sense of "belongingness", then it seems that something which is a text according to the linguistic analogy must be a non-text in the sense of offering no resistance to interpretation.

There is the text of the other (which requires "outsideness", in the sense of Bakhtin), and there is the text of the ego.

---

²⁰ It should be noted that it is Posner, not the Tartu school, which claims the texts differs from the non-text in being "more semiotical". Still, in the same article Lotman (1984a: 87) does talk about "behaviour-texts".

Meaning as attention and value

Semiotisation would seem to mean that something is transformed into a sign, thus having an expression separate from its content — which means that, given the expression, there is something to interpret. But to the Tartu school, semiotisation often seems to mean simply attracting attention. Lotman (1984a) says that, to the Decembrists, behaviour in ordinary life “has become a subject of attention, in which value is attached not to the acts themselves but to their symbolic meaning”; and Lotman & Uspenskij (1971) claim that “against the background of non-culture, culture appears as a system of signs”.

Actually, this seems to mean that something becomes a sign merely by being attended to. Nevertheless, simply because we attend to something, we do not have to differentiate it into expression and content, to apply the criteria of Piaget and Husserl, (cf. Sonesson 1989: 49ff). There are some particular cases in which attention may well have this function: thus, for instance, to be recognized as such, instruments may have to signify their use, as Posner suggests; and every use may even, in contemporary society, be transformed into the sign of this use, as Barthes famously indicated. But these seem to be special cases.

But we could take Lotman’s discussion of the Decembrists to show that, to him, a minimal requirement of something being a text is *that it is attended to*. This means that something is singled out as important, that it stands out as something we should attend to, perhaps interpret, that it is not understood as a matter of course.²¹ All other requirements of textuality, with the exception of text as that which is taken for granted, would then add further requirements.

In this sense, a routine action or an everyday object which is placed in a context where it will be attended to, such as an art gallery, or on a scene, etc., will become a text. This would be true of many parts of a happening and of most ready-mades. Of course, Lotman’s examples actually illustrate a case which is the opposite of the one just mentioned: the acts of the Decembrists take place in the middle of ordinary life, but they have a spectacular quality about them which attracts an audience.

---

²¹ According to Husserl’s criteria, of course, a sign is an entity in which that which is perceived is precisely not attended to, not “thematic”. What is singled out is that which is not perceived, the content.

Sometimes, becoming the subject of attention implies, for the Tartu school, being *conventional*. Thus Lotman claims that when death is exchanged for honour in the Roland song, this is a conventional sign and therefore semiotic, as are the acts of the upper classes generally, whereas the life of other social classes is not semiotic (cf. Lotman 1984a,c). But perhaps at least the second example could be reduced to the last one, if we admit that the life of the upper classes is more attention-getting than that of the others (once upon a time at the scene of the court, and now by the mediations of the media).

The cognitive psychologist David Olsson (1991) defines text as that which is the subject of comments, that which is discussed, i.e. that which is a quote or is considered worth quoting. In other words, a text is something which gives rise to a *meta-text*. Originally, he had supposed these properties to apply only to that which is called a text in ordinary language, i.e. instances of written language. However, when anthropologists demonstrated to him that many oral pronouncements are treated in the same way in other cultures, he chose to generalise the notion of text to that which is quoted and which invites commentary. In fact, he could also have generalised from the dictionary meanings of Biblical, or otherwise Classical, quotations.

There are only indirect hints at such a notion of text in the Tartu school writings. According to Lotman & Uspenskij (1971), texts serve to select that which is to be remembered or forgotten, thus changing the concept of "facts to be remembered". Again referring to the Decembrists, Lotman (1984a) says that "the very act had to be seen as significant, to deserve the memory of posterity and the attention of historians, and to be of the utmost value".

Quotation means that a token is in a way promoted to a type, more precisely to a time-bound type.²² In this sense even actions may be quoted. This could apply to the actions of the Decembrists, discussed by Lotman (although he does not describe them in that way). It certainly applies to a lot of what happens in the "Queste of Grail", where those who are involved in an "adventure" repeatedly ask themselves "what it means". The adventure often is retold several times, notably to hermits, who furnish the interpretation — thus becoming subject to commentary. In this case, the actions, unlike

---

²² More strictly metalinguistic uses of quotation marks, to refer to the lexicon entry "word", etc., are of course temporally unbound types. The case considered here is the quotation of sentences or even larger stretches of discourse.

those of the Decembrists, actually become signs, since the meaning which the knights ask for is not the cause, nor intentions or social norms, not even unconscious motives as in contemporary hermeneutics — it is a separate “content” which is retrievable in heaven (cf. Sonesson 1997c).

When the knights tell about their adventures, they are of course “quoting” their behaviour in a verbal metalanguage. A more interesting case, also found in the Grail story, is when that which does the quoting is behaviour itself. Thus, the different adventures refer to each other, and, more fundamentally the actions of the knights refer to the acts of Joseph of Aramithea, which refer to the acts of Christ, etc. Still this remains a reference which could only be clear in the world of the story, that is, conveyed by language (for once Barthes is right about linguistic determination).

Marshall Sahlins (1981) gives some other examples of actions which are quoted. Kmahehmeha said to Captain Vancouver that both should jump, and that the one whose god helped him to survive would decide the religion of the people, but the same event is also found in the myth about Paa. When Captain Cook later arrived he inadvertently came to repeat the Lono ritual and therefore was killed.

All ritual and ceremony could be seen as behaviour quoting other behaviour. As in the Grail story, the behaviour quoted would itself be “significant”, that is, have a value in itself, as Lotman says about the acts of the Decembrists. A more pure case of an action quoting another action would therefore be the happening, in which the quoted action has no value, apart from the fact that it is quoted.

In the Tartu school, texts are not everything which is quoted but rather something which is worth quoting. They are what the Prague school called “exemplary works” — of which the dictionary senses of quotations from the Bible or Classical Authors are special cases. Often, it seems, texts are even something more particular, a certain type of quotable work, art works.

Ougebenine (1981), a former member of the Tartu school, claims that when opposing culture to non-culture, Lotman is thinking about literary culture, indeed that he is referring to the distinction between culture and civilisation familiar to earlier Russian thinkers (and, as far as I know, even more to German ones). Such an interpretation is confirmed by Lotman’s & Uspenskij’s (1971) claim that “culture never encompasses everything, but forms instead a marked-off sphere”, as well as by Lotman’s (1970) affirmation that only the most

qualified members are concerned with culture. But in the same article Taylor's well-known definition of culture, which inaugurates anthropology, is referred to: "the aggregate of all non-inherited information and the means for organising and preserving it", where information is anything which is not a material object. Since culture is also repeatedly defined as the sum-total of texts, the notion of text itself will vary between everything which is not a (mere) material object, and that which is a recognized work of art.

This value-laden concept of text is also the one which, implicitly, as opposed to explicitly, is taken over by Posner. According to the Tartu school, texts coming from the outside enter culture from the margins, and then sometimes make their way into the centre. From the point of view of literature, the central texts are of course those which are recognised inside culture as being the most valuable ones. Now, Posner, who posits a difference between non-culture and extra-culture (outside our culture but inside other cultures), claims there is a process of semiotisation (which we encounter already in Lotman's work) which proceeds, as texts go from non-culture to extra-culture, from extra-culture to intra-culture, and from the margin to the centre. But this means that, even to Posner, not all texts are created equal: some texts are more texts than others.

Conclusion: a diversified approach

We are indebted to the Tartu school for having made visible all these different meanings of the notion of text. Of course, the different meanings really only become visible on a second or third reading, but they are clearly there, in the context of enunciation of the label "text". It may be argued that it would have been better to have different terms for such divergent concepts as those which we have encountered here: but we have to accept these new concepts as they were born, sharing a single name.

It could be argued that the Tartu model represent a prototypical case, in which the borders between different oppositional pairs happens to occur at the same point (in space, time, and whatever): here, the limit between signs and behaviour patterns which are possible to understand and those which are not appear at the same place as the limit between those which are worth while interpreting and those which are not, from the point of view of a given culture or a

group in the culture. Thus, to the slavophiles, not only were old Russian texts the only one which could really be understood (as opposed to Western non-texts), but they were also the only ones which merited the effort of interpretation. However, it seems to me that, already in the case of Peter the Great, the respective domains of that which is most readily understood, and that which is considered worth interpreting, come apart: however Westernised the upbringing of Peter had been, it seems probable that Russian signs and behaviours were intrinsically easier to interpret than Occidental ones, and so were his texts in the sense of those most readily understood, and yet he certainly considered Western behaviours and signs to be his texts, in the sense of being the ones which merited interpretation. In the same vein, it may be possible to imagine an ideal situation, in which the domain of objects subject to commentary is the same as the domain of objects worthy of being interpreted, and in which the latter corresponds with the domain of objects worthy of being imitated, itself identical with the art sphere. The interesting situations will occur about then these domains fail to coincide. A domain *intensionally* contained in a wider domain may or may not be *extensionally* identical to the wider domain in a particular culture. But the identification or separation of the principal sub-domains (such at that which is possible to interpret and that which is worthy of interpretation) may be even more significant.

It should be clear that it is the second hierarchy of textuality, not the first, which is the most fundamental one: it concerns values and interests, which serves to show that the project of a semiotics of culture is a sociological project. In this sense, it may be seen as a foundation for that study of the life of signs in society, from which Saussure finally opted out; but also, more importantly, as a new start for the study of dialogicity uniting the *ego* and the *alter*, which was sketched long ago, in so many divergent ways, by the members of the Bakhtin circle.

References

- Bakhtin, M. M. (1986). *Speech genres and other late essays*. Austin: University of Texas Press.
- Bakhtin, M. M. (1990). *Art and answerability*. Austin: University of Texas Press.
- Barthes, Roland (1965). *Le degré zero de l'écriture/Élément de sémiologie*. Paris: Gonthier.
- Eco, Umberto (1992). Forgeries, Originals, and Identity. In *Signs of Humanity. L'homme et ses signes. Proceedings of the 4th International Congress of the International Association for Semiotic Studies. Barcelona/Perpignan, March 30, April 6, 1989*, Balat, Michel and Deledalle-Rhodes, Janice (eds.), 605–618. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Fairclough, Norman (1992). *Discourse and social change*. Polity Press.
- Fleicher, Michael (1989) *Die sowjetische Semiotik. Theoretische Grundlagen der Moskauer und Tartuer Schule*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.
- Genette, Gérard (1982). *Palimpsestes*. Paris: Seuil.
- Greimas, A.J. (1970). *Du sens*. Paris: Seuil.
- Grzybek, Peter (1989). *Studien zum Zeichenbegriff der sowjetischen Semiotik*. Bochum: Brockmeyer.
- Halle, M., Matejka, L., Pomorska, K. and Uspenskij, B. (eds.) (1984). *Semiosis. Semiotics and the history of culture*. Ann Arbor: Michigan Slavic Contributions.
- Halliday, M. A. K. and Hasan, Ruqaiya (1976). *Cohension in English*. Longman: London.
- Hjelmslev, Louis (1943). *Omkring sprogteoriens grundlæggelse*. University of Copenhagen. (Reprint 1966: Akademisk forlag, Copenhagen.)
- Lotman, J. M. ([1966] 1977). Problems in the typology of texts. In Lucid, David, *Soviet Semiotics*, Baltimore: John Hopkins University Press, 119–124.
- Lotman, J. M. ([1967] 1977). Problems in the typology of culture. In Lucid, David, *Soviet Semiotics*, Baltimore: John Hopkins University Press, 212–221.
- Lotman, J. M. ([1970] 1976). Culture and information. In *Dispositio. Revista hispánica de semiótica literaria* 3(1), 213–215.
- Lotman, J. M. (1975). The discrete text and the iconic text: remarks on the structure of narrative. *New Literary History* 6(2).
- Lotman, J. M. (1977). Theater and theatricality in the order of early nineteenth century culture. In: *Semiotics and structuralism*, Henryk Baran (ed.), 33–63. New York: International Arts and Sciences Press.
- Lotman, J. M. (1979). Culture as collective intellect and problems of artificial intelligence. In *Russian Poetics in Translation*, vol. 6, University of Essex, 84–96.

- Lotman, J. M. (1984). The decembrist in everyday life. In Ann Shukman (ed.), 71–124.
- Lotman, J. M. (1984b). The stage and painting as code mechanisms for cultural behavior in the early nineteenth century. In: Ann Shukman (ed.), 165–176.
- Lotman, J. M. (1984c). The poetics of everyday behaviour in Russian eighteenth century culture. In: Ann Shukman (ed.), 231–256.
- Lotman, J. M. (1990). *Universe of Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London: Taurus.
- Lotman, J. M. and Pjatigorskij, A. M). Text and function. In Lucid, David *Soviet Semiotics*, Baltimore: John Hopkins University Press, 125–135.
- Lotman, J. M. and Uspenskij, B. A. ([1971] 1978). On the semiotic mechanism of culture. *New Literary History* 9(2), 211–232.
- Lotman, J. M. and Ouspenski [Uspenskij], B. A. (eds.) (1976). *Travaux sur les systèmes de signes*. Bruxelles: Editions Complexe.
- Lotman, J. M., Uspenskij, B. A., Ivanov, V. V., Toporov V. N. and Pjatigorskij, A.M. (1975). *Thesis on the semiotic study of culture*. Lisse: The Peter de Ridder Press.
- Lucid, Daniel (ed.) (1977). *Soviet Semiotics*. Baltimore and London: John Hopkins University Press.
- Matejka, Ladislav, et al. (eds.) (1976). *Soviet semiotics of culture* (= Special issue av *Dispositio* 1(3)).
- Mounin, Georges (1970). *Introduction à la sémiologie*. Paris: Minuit.
- Olson, David (1991). Literacy as metalinguistic activity. In *Literacy and orality*, David R. Olson and Nancy Torrance (eds.), 251–270. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ougebine, B. (1981). The Semiotic Approach to Human Culture. In *Image and Code*, W. Steiner (ed.). Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Posner, Roland (1989). What is culture? Toward a semiotic explication of anthropological concepts. In: *The Nature of Culture*, Walter Koch (ed.), 240–295. Bochum: Brochmeyer.
- Sahlins, Marschall (1981). *Historic Metaphors and Mythical Realities*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Singer, Milton (1984). *Man's Glassy Essence*. Bloomington: Indiana University Press.
- Segre, Cesare (1984). Culture et texte dans la pensée de Yurij M. Lotman. In: Halle et al., 3–15.
- Shukman, Ann (ed.) (1984). *The semiotics of Russian culture*. Ann Arbor: Michigan Slavic Contributions.
- Sonesson, Göran (1987). *Bildbetydelser i informationssamhället*. Projektrapport. Lund: Inst. för konstvetenskap.
- Sonesson, Göran (1989). *Pictorial Concepts. Inquiries into the Semiotic Heritage and its Relevance for the Analysis of the Visual World*. Lund: Lund University Press.

- Sonesson, Göran (1992). *Bildbetydelser. Inledning till bildsemiotiken som vetenskap*. Lund: Studentlitteratur.
- Sonesson, Göran (1993a). Beyond the threshold of the people's home. In: *Combi-nación — imagen sueca*. Umeå, 47–64.
- Sonesson, Göran (1993b). The multiple bodies of man. Project for a semiotics of the body. *Degrés* 74, d1–d42.
- Sonesson, Göran (1994a). Sémiotique visuelle et écologie sémiotique. *RSSI* 14(1–2), printemps, 31–48.
- Sonesson, Göran (1994b). The culture of modernism. *Semio-Nordica* 2(3).
- Sonesson, Göran (1994c). Pictorial semiotics, perceptual ecology, and Gestalt theory. *Semiotica* 99(3/4), 319–399.
- Sonesson, Göran (1995a). Livsvärlden mediering. Kommunikation i en kultursemiotisk ram. In: *Medietexter och mediatolkningar*, Claes-Göran Holmberg and Jan Svensson (eds.), 33–78. Nora: Nya Doxa.
- Sonesson, Göran (1995b). On pictorality. The impact of the perceptual model in the development of pictorial semiotics. In: *Advances in visual semiotics*, Thomas A Sebeok and Jean Umiker-Sebeok (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Sonesson, Göran (1996a). An essay concerning images. From rhetoric to semiotics by way of ecological physics. *Semiotica* 109(1/2), 41–140.
- Sonesson, Göran (1997a). The ecological foundations of iconicity. In: *Semiotics Around the World: Synthesis in Diversity. Proceedings of the Fifth International Congress of the IASS, Berkeley, June 12–18, 1994*, Berlin: Mouton de Gruyter, 739–741.
- Sonesson, Göran (1997b). Approches to the lifeworld core of pictorial rhetoric. *Visio* 1(3), 49–76.
- Sonesson, Göran (1997c). Iconicity in the ecology of semiosis. In *Iconicity*, M. Skov and T. D. Johansson (eds.). Copenhagen (to be published).
- Sonesson, Göran (1997d). Semiótica cultural de la sociedad de la imagen. *Heterogénesis* 20, 16–43.
- Sonesson, Göran (1997e). The multimediation of the Lifeworld. In *Semiotics of the Media. Kassel conference*, Wienfried Nöth (ed.) (to be published).
- Torop, Peeter (1993). La escuela de Tartu como escuela. In: *Iuri M. Lotman y la escuela semiótica de Tartu, treinta años despues*, Manuel Cácares Sanchez (ed.), 31–46 (= *Discurso* 8).

Концепция текста в семиотике культуры

Со времени создания семиотики культуры Тартуской школой, понятие «текста» было одной из ее ключевых метафор, которая остается центральной и для теоретической реконструкции Роланда Познера. Несмотря на то, что настоящая статья оформлена как чисто филоло-

гическое исследование, его задачи гораздо шире. Действительно, основная часть статьи посвящена демонстрации того, как лексема «текст» широко варьируется в употреблении в работах Тартуской школы (эта неоднозначность также проходит и сквозь познеровские реконструкции), однако, нас в большей степени интересует выявление всего разнообразия концептов, покрываемых термином «текст». Мы показываем, что все употребления этого термина имеют своим источником обыденный язык (в приложении к разным языкам западной традиции). Простейшим выходом было бы предложение дать этим концептам в научной реконструкции различные наименования. Тем не менее, в конце мы предлагаем другое решение.

«Текст» в качестве оппозиции к «не-тексту» всегда (пред)полагает определение, что находится «внутри», а что — «вовне», в грандиозной игре Культура versus Природа. Однако, критерии весьма разнообразны. Познер четко описал одну из весьма очевидных иерархий такого разнообразия, проведя нас от всех зафиксированных на письме комбинаций лингвистических знаков, через все комбинации лингвистических знаков и все линейные комбинации знаков, до всех знаков, которые могут быть воспроизведены (повторены), т.е. до всех элементов, которые могут быть приняты за дифференциальные признаки инварианта или типа. В нашей работе нам удалось добавить несколько промежуточных ступеней в эту иерархию, а именно, комбинации, не являющиеся линейными, и правила, которые не применимы к комбинациям. Кроме того, мы выявляем два различных типа зависимости между признаками и инвариантом. Основным объектом рассмотрения является вторая иерархия текстуальности, имеющая своим основанием то, что нуждается в интерпретации, сводимой затем к тому, что подвержено интерпретации, однако, до этого разделенной на две линии, не являющиеся с необходимостью параллельными: ту, что может быть интерпретирована в конкретной системе (например, в искусстве), и ту, что подлежит интерпретации с конкретной точки зрения, или потому что она является субъектом комментария, и/или поскольку она рассматривается как образец жанра. Эти две линии различаются уже в классическом для Тартуской школы примере Петра Первого, где то, что наиболее очевидно для понимания и то, что рассматривается как требующее интерпретации, едва ли могут считаться идентичными. Так, несмотря на вестернизированное воспитание Петра, русские знаки и программы поведения кажутся для него внутренне более легкими для интерпретации, чем западные, и именно такими были его «тексты» по линии наибольшей легкости понимания, но с другой стороны, Петр вне всякого сомнения рассматривал именно западные

программы поведения и знаки в качестве своих «текстов», в том смысле, что они заслуживают интерпретации.

Далее говорится, что Тартуская модель являет собой прототипический случай, при котором границы между различными бинарными оппозициями всегда совпадают (в пространстве, времени и в чем бы то ни было): здесь, граница между знаками и моделями поведения, которые могут быть поняты, и теми, которые непонятны, оказывается в то же время границей между тем, что требует интерпретационного усилия, и тем, что такового не требует, с точки зрения данной культуры или внутрикультурной группы. Так для славянофилов древнерусские тексты не только были единственными, которые могут быть по-настоящему поняты (в противовес западным «не-текстам»), но они также были единственными достойными интерпретационного усилия. Однако эта гармония отсутствует в модели, используемой Петром Первым. Мы используем термин «прототип» здесь в понимании Роша: случай наиболее вероятного совпадения качеств. Однако это означает, что существует множество случаев, когда совпадение не будет иметь места, и именно эти случаи могут представлять интерес для семиотики культуры, что доказывает пример Петра Первого, один из наиболее ранних примеров приложения семиотики культуры к реальной истории.

Teksti mõiste kultuurisemiootikas

Alates ajast, mil Tartu koolkond rajas kultuurisemiootika, on “tekst” olnud selle üks alusmetafoore, ning see jääb keskseks ka Roland Posner’i poolt rekonstrueeritud teoorias. Hoolimata käesoleva essee filoloogilisest lähtepunktist, on selle eesmärgid palju laiemad. On tõsi, et artikli põhiosa käsitleb seda, kuidas sõna “tekst” asetatakse Tartu koolkonna kirjutistes mitmekesisesse kasutusväljadesse, ning et vastuolud säilivad ka Posner’i rekonstruktsioonis, kuid tegelikult huvitume me selle termini kõigi erinevate algkontseptide esiletoomisest. Näitame, et kõigi kasutuste toitepinnas on tavakeel, nagu võime seda leida mitmete keelte puhul lääne traditsioonis. Lihtne lahendus võiks olla ettepanekus, et teaduslikus rekonstruktsioonis tuleks neile mõistetele anda erinevad nimetused. Siiski — lõppkokkuvõtteks soovitame teistsugust lahendust.

Suures mängus Kultuur vs. Loodus on “tekst” vastandatuna “mitte-tekstile” alati selle teenistuses, et määrata, mis on “sees” ja mis “väljas”. Kuid kriteeriumid on suuresti lahknevad. Posner on lahknevushierariat (kahtlemata kõige ilmsemat) selgesti kirjeldanud, viies meid üldtunnusta-

tud kirjalikest keelemärkidest, esmajoones keelemärkide kombinatsioonidest ja igasugustest lineaarsetest märgikombinatsioonidest, kõigi niisuguste märkide juurde, mida saab korrata, st elementide juurde, mida saab käsitleda kui teatud tüüpi esindavaid märke. Me lisasime sellele hierarhiale mõned vahepealsed astmed, mis on märkimisväärsed neisse kombinatsioonidesse puutuvalt, mis pole lineaarsed ning nende reeglite suhtes, mis ei kehti kombinatsioonidele; oleme sedastanud ka erinevused märkide ja tüüpide kahe suhestatusviisi vahel.

Selle artikli üks keskseid arutlustemasid on aga tekstuaalsuse teine hierarhia, mille aluseks on see, mis nõuab interpretatsiooni ning mis on seejärel omakorda allutatud interpretatsioonile. Eelnevalt jaotub see kaheks liiniks, mis ei pruugi olla paralleelsed: see, mida saab interpreteerida teatud süsteemides (nt kunstis) ning see, mida peaks interpreteerima teatud vaatepunktist — võibolla seepärast, et ta on kommenteeritav ja/või seetõttu, et teda peetakse oma žanri näidisteoseks. Need kaks joont lahknevad juba Tartu koolkonna klassikalises näites Peeter Esimesest, milles see, mis on kõige valmimalt arusaadav ning see, mida vaadeldakse kui interpreteerimist vajavat, on vaevu samased: kui läänelikustatud Peetri kasvatamine ka polnud, näib tõenäosena, et vene märgid ja käitumisprogrammid olid tema jaoks kergemini interpreteeritavad kui õhtumaised; samuti ka ta "tekstid" valmimalt arusaadavamad, kuid ometi pidas ta Lääne käitumist ja märke enda "tekstideks" selles mõttes, et need väärised interpreteerimist.

Väidame, et Tartu koolkonna mudel esindab prototüüpset juhtumit, kus piirid erinevate vastandpaaride vahel alati kattuvad (ruumis, ajas, kus iganes): siin ilmneb piir nende märkide ja käitumismallide vahel, millest on võimalik aru saada ning millest pole, samas kohas piirina nende vahel, mis on antud kultuuri või grupi vaatepunktist interpreteerimist vajavad ja mis mitte. Nii olid slavofiilide jaoks vana-vene tekstid ainukesed, millest võis täienisti aru saada (vastandina lääne "mittetekstidele") ja ka ainukesed, mis olid interpreteerimisvaeva väärt; kuid see harmoonia ei kehti enam Peeter Suurele rakendatud mudelis.

Me kasutame "prototüüpi" tähenduses nagu kasutas Rosch: enim võimalik omaduste kokkulangemiste juhtum. Kuid see tähendab, et on palju juhtumeid, kus see kokkulangemine aset ei leia, ning need juhtumid võivad osutada kultuurisemiootikas tõepoolest huvitavaks, nagu kinnitab seda ka näide Peeter Suurest, mis on varasemaid näiteid kultuurisemiootika rakendustest reaalsele ajaloofaktile.

On post-colonial semiotics*

Eero Tarasti

Post-colonial analysis covers an amazingly broad field of phenomena, ranging from imperialistic to other ideologically subordinating discourses. Even Europe itself is internally divided into colonizers and colonized. Semiotically, Saussure's signifier/signified relationship must be broadened to include the one which — or who — signifies or makes something signify (*signum facere*), that is to say, the one who has the modal competence to provide something with a meaning. The signified, in turn, is that which has been provided (notice the tense!): that which has *de facto* become the signified or object of a particular exercise of semiotic power. He, she or it has had no control over what significations have been joined to it. Therefore post-colonial sign analysis is always the rebellion of the signified, or *colonialisé*, against the signifier, the *colonialisant*. For the Modernist project it was typical of signifiers — things or thing-like signs — to revolt against the signifieds which had been forced upon them. The Russian Formalists discovered that art was the sum of artistic devices; and Raymond Queneau, with his *Exercices stylistiques*, in turn showed how the message (the narrated) depended completely on the narrating elements or signifiers.

Colonializing discourse is omnipresent throughout the collective memory of history. Any message can become part of the colonializing act of signification, and it often proves futile to try to change this situation by emphasizing the inherent value of the colonized. The fault does not lie in the content of the sign, but in the ways in which another sign system grasps, frames, defines, and finally deprives it of use by the larger, "Great Society" (this term comes from Josiah Royce, American philosopher and a contemporary of Peirce). To be colonized, however, does not mean that one would have no access to the *langue* of the Great Society. Without a *langue* one cannot

---

* See p. 132.

communicate at all. Rather, the colonizing language, while accessible to all, at the same time abducts the *langue* into its own possession and denies others any right to it.

Post-colonial theory, as it has taken shape in the last several years as part of post-structuralist thought, contains discussions about experiences of various kinds: migration, suppression, resistance, representation, difference, race, gender, place, and responses to the influential master discourses of imperialistic Europe, such as history, philosophy and linguistics, and the fundamental experiences of speaking and writing by which all these come into being (These are discussed in detail, in the *Post-colonial Studies Reader*; Ashcroft et al. 1995; for the above list, see p. 2). None of these characteristics is “essentially” post-colonial, but together they form the complex fabric of the field. Stephen Slem, in his contribution to the *Post-colonial Studies Reader*, “The Scramble for Post-colonialism”, defines the concept as follows:

Post-colonialism, as it is now used in its various fields, describes a remarkably heterogeneous set of subject positions, professional fields, and critical enterprises. It has been used as a way of ordering a critique of totalising forms of Western historicism; as a portmanteau term for a retooled notion of “class”, as a subset of both postmodernism and post-structuralism (and conversely, as the condition from which those two structures of cultural logic and cultural critique themselves are seen to emerge); as the name for a condition of nativist longing in post-independence national groupings; as a cultural marker of non-residency for a third-world intellectual cadre; as the inevitable underside of a fractured and ambivalent discourse of colonialist power; as an oppositional form of “reading practice”, and — and this was my first encounter with the term — as the name for a category of “literary” activity which sprang from a new and welcome political energy going on within what used to be called “Commonwealth literary studies” (in Ashcroft et al. 1995: 45)

Post-colonial theory has emerged in societies under the sway of European imperial power, although it has not always appeared in the form of theoretical texts. As a rule, the term has been used to indicate the process of imperialist suppression in the institutions and discursive practices of all the relevant societies. Moreover, no community is so small and subordinated that it would not, in its turn, become the colonizer (for examples, consider the Finnish in the Baltic countries and Carelia, and the Estonians towards the *inkeriläiset* and *setukaiset*).

One colonizing technique is that of silencing. Pre-colonial practices are suppressed simply by the fact that one no longer talks

about them. The colonized subject keeps silent, since that is his only possibility for transcendence: the colonizing discursive practice has taken the voice into its possession. The “natives” either fall silent and talk about “tacit knowledge”, or they attempt to turn weakness into a virtue.¹ The truth of the matter is that a discursive space has to be taken in the same way as physical space (Le Corbusier once said that the first cultural act of man is to take space into his possession). One result discursive practices that have a silencing or muting effect can be seen in international public discussions. There, the representative of a peripheral, colonized country is not supposed to take strongly held, principled positions; the voice of such a representative must not speak too loudly. Instead, such voices are occasionally permitted to speak on a symbolic level, as representatives of the domain of “art”, where their exotic qualities can be admired (many years ago Lévi-Strauss spoke about this role of “art” as the “savage mind” of our time).

The position of a colonized object cannot be improved by its being shifted to the status of a colonizing object, that is to say, by subordinating others to it or by trying to emphasize the excellence of its inner qualities. The only real solution would be the dissolution of the relationship of signifying — that of subordinating/subordinated, or dominant/dominated — which in most cases is an impossible venture. In fact, every semiotic act — at the same moment one identifies, delimits and fixes the relationship of signifier/signified — such an act includes within itself the relationship of dominant/dominated. Knowing this helps us to peer into the hidden power mechanisms of those non-verbal discourses that represent so-called “tacit” knowledge. (A cautionary word: The dominant/dominated distinction should not be identified with gender dichotomies, although in certain phases of Western history it does coincide with them, such that masculine = dominant, and feminine = dominated).

Here is the essential problem in the post-colonial situation of the “colonized” nations of Europe — and this concerns all peripheries, i.e., the so-called “nationalistic” cultures, since the dominant cultures usually do not represent themselves in the colonizing discourse as national but as universal types; and sometimes the problem is pushed into the background by the use of other dichotomies such as German/Latin (as Adolphe Appia has done): How can we distinguish, within the European cultural heritage, its colonizing elements from its

---

¹ See the recent studies in Finland about the semiotics of silence, by Pirjo Kukkonen (1993) and Hannele Koivunen.

real *langue*, which even the “natives”, we as Europeans, have the right to speak? For we naturally do not want to adopt the values of colonizing discourse when expressing our innermost experiences. The answer is, One has to leave space around every subject and society, a space which transcends words, gestures, signs and objects. That space must be, first of all, empty; it is not the same as the semiosphere, which is already filled with signs and signifying units. Therefore, liberation from the sign relations of dominant/dominated starts as early as with the creation of an empty space, in which signs can be detached from their earlier, fixed signifying relations. Consequently, the first semiotic act is not that of signifying. Rather, it is an event that has already taken place before the subject grasps the sign. A semiotic act is the negation of the signified, an abandonment the ready-made meaning. Thus, it is also an existential moment, it is choice, it is a breaking free from the power of the signified and the creation of a new (transcendental) space. Post-colonial theory is therefore intimately related to existential semiotics, which always emphasizes the situation of an individual and his abilities to influence the signifying process. A subject can change his or her own position as a subject, define him-/herself, and so escape the power of dominant signs.

In this connection, it is worth noticing the hidden anti-existential nature of many postmodern theories, a kind of pessimism, which could be called our *mal de siècle*, a sense of hopelessness. George Henrik von Wright once described this situation as the “dictatorship of conditions”. Moreover, postmodern society is qualified by too much everything: a surfeit of communication, knowledge, words, or in the words of Baudrillard, an “ecstasy of communication”. Vattimo, in turn, argues that we can no longer speak about reality and truth, but only of their imitations, their *simulacra*. It has been further said that semiotics cannot represent a so-called “first philosophy”, because of its inability to deal with ontological and metaphysical questions. Yet existential semiotics is precisely first-philosophy. The real problem is that the world of *communication* has attained such an exaggerated position that one has forgotten the other side of the semiotic project, that of *signification*, from which entirely new theoretical avenues are opened. The world of communication can be colonized, but there are always ruptures, from which the voice of the subordinated subaltern breaks through. This voice must be encouraged to speak. For only in such a way can it understand how its *Dasein* opens into transcendence and how it is capable of comprehending transcendent ideas, the

categories that throw light on communication in such a way that the semiosis appears in a completely new critical aspect. In this way, post-colonial theory is also existential semiotics.

It is also argued that we live in a world of interpretations and interpreting. We do not speak about matters of truth directly, but dwell upon what has been said about them. (Greimas said this decades ago, when he stated that there is no *vérité* but only *véridiction*.) Thus the present media world is a kind of reified nominalism. It runs contrary to the ideas of existential semiotics, which go deeper into the moment before the formation and fixation of discourse, before the act of signifying — which always includes a certain exertion of power.

Always when we signify or provide something with significance, we create a sign which serves as a tool of power. This is particularly the case if this signification becomes a type or legisign to some token sign occurrence. The Venezuelan writer José Manuel Brincedo de Guerreiro, in his essay “L’enfance d’un magicien”, depicts how one goes beyond words and dissolves the act of signifying.² In the same way, the creation of the social sphere (semiosphere) is portrayed in the novel *Friday*: when it does not exist, it must be invented by a solitary man on a deserted island. Yet the lack which Robinson soon notices is that the signs he creates do not have any “Other”; they do not have the subordinated or dominated content before the man Friday appears. The author, Tournier, shows how Western society is quintessentially based upon a colonial experience. At the end of the story, there remains a kind of Other of Other: the Estonian boy who stays on the island after Friday has left, and becomes emancipated.³

The post-modern situation may be put into the following dichotomies, which indicate the shifts from one category to another:

- we have moved from representation to production (this means almost the same as the above comment on the difference between the semiotics of signification and that of communication);
- from realism to a reified nominalism (we cannot reach the truth but only simulacra, not Plato’s ideas, just shadows in a cave);
- from an authentic message to a media message;

---

² I am indebted to Drina Hocevar for bringing this interesting author to my attention.

³ For many of these ideas, I am thankful to the attendants of my seminar on semiotics at the University of Helsinki during the school term of 1997–98. Among others attending were Kristian Bankov, Drina Hocevar, Luiz Fernando de Lima, and Mikko Kuusimäki.

- from the optimism of a unique experience to the pessimism of repeated mechanical experiences;
- from one whole subject to many fragmentary subjects, which appear without any unifying factor;
- from explicit colonialism, in which the dominant/dominated aspect is determined conspicuously and unequivocally, to implicit colonialism (often called post-colonialism) — a state in which the relationship dominant/dominated still prevails, but masked as the less noticeable power of the media.

In the emancipation of a subject, it is of course essential which of the following alternatives he/she chooses: 1) hybrid communication, whereby he tries to change the colonial signifying process from within: the subject assumes the dominant *langue* by which to express his/her own Otherness; 2) or going outside the whole relationship of dominant/dominated by establishing one's own *langue* and producing one's own *parole* within it. The latter case brings with it the danger that the subject will exaggerate his/her own *langue*, i.e., will elevate it, in turn, to a colonializing status (for instance, a text created on the "periphery" is raised to the level of having a national-patriotic originality).

How do nationalism and patriotism related to this situation? In the first phase, the colonial state, they are positive forces. But in the second phase, or postcolonial state, aggressive and marked nationalism becomes negative, since by defining itself as national a state, at the same moment, establishes itself as the external "Third world" and not the authentic "First world". The whole process can be taken as the background for the formation of icons and idols.⁴

According to Abdul R. JanMohamed, colonial literature scrutinizes and represents the world at the borderlines of civilisation, the world which European signification has not yet tamed or encoded in a detailed way with its own ideology. This world is conceived as uncontrolled, chaotic, unreachable and basically evil. In his will to occupy and rule, the imperialist conceives the colonial reality as an opposition, which is based upon differences among race, language, social habits, cultural values and ways of production.

Faced with an incomprehensible and multifaceted alterity, the European theoretically has the option of responding to the Other in terms of identity

---

⁴ I have discussed the formation of icons and symbols elsewhere; see Tarasti, *The Enchanted Signs* (forthcoming).

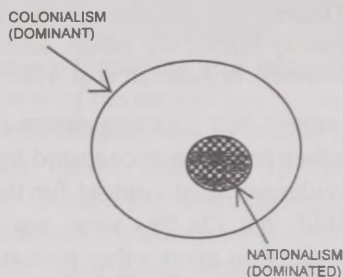
or difference. If he assumes that he and the Other are essentially identical, then he would tend to ignore the significant divergences and to judge the Other according to his own cultural values. If, on the other hand, he assumes that the Other is irremediably different, then he would have little incentive to adopt the viewpoint of that alterity: he would again tend to turn to the security of his own cultural perspective. Genuine and thorough comprehension of Otherness is possible only if the self can somehow negate or at least severely bracket the values, assumptions, and ideology of his culture (JanMohamed, in Ashcroft et al. 1995: 18).

JanMohamed further argues that “if every desire is at base a desire to impose oneself on another and to be recognized by the Other, then the colonial situation provides an ideal context for the fulfillment of that fundamental drive” (ibid: 20). On this view, we could say that post-colonial theory is connected to many other post-structuralist doctrines of psychoanalysis, gender theory, the Kristevan definition of the subject, and the like.

According to another writer in the anthology, Homi K. Bhabha, colonialism does not simply refer to a “person”, to a power struggle between self and the Other, or to a distinction between a mother culture and alien cultures. The trace of a disapproved culture is not repressed but repeated as something different, as a mutation, a hybrid (the Derridean *différance*, which indicates both “differing” and “deferring”, applies to this situation). This view parallels those of the cultural semiotic school around Yuri Lotman, whose scholars speak about the integration of such completely “different” elements (representing the non-culture) into the culture in the proper sense: those elements must remain “exotic” in order to fulfill the function of non-cultural counter-force, by which the culture properly speaking can measure or be seen to constitute its own sameness.

Colonial praxis is therefore not only an unambiguous repression, but a subtle, mixed, and ambivalent discursive practice. What is involved in colonialism — and its flipside, nationalism — is often precisely the subjectivity, suppression of an individual and his/her emancipation. Among other questions, one might ask, What is that suppressive element in the colonized cultures, which quite often makes the careers of their artists, politicians, and intellectuals finish prematurely? It is the colonialisng, subordinating discursive practice, the invisibly masked Power as the Other, which exhausts the resources of those whose energy is consumed in their endless fight against it.

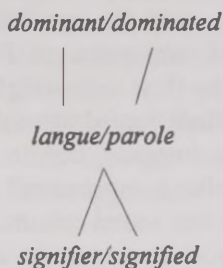
Nationalism can be seen as the flipside of colonialism. To the latter it is a counteraction, a resistance phenomenon to the dominant, colonialising culture according to the following scheme, which puts nationalism in the place of the dominated phenomenon:

One must further ask, What kinds of signs, in this broader dichotomy, occupy the place of dominated. That is to say, what kind of sign practices can this relationship absorb into its usage. The case is somewhat analogous to Roland Barthes's model of the mythical sign system, in which the signified of the original sign is pushed aside, and is replaced by the new signified of bourgeois ideology. In this case, the relation dominant/dominated does not influence the contents of the relation signifier/signified: the sign remains as sign, but instead has an impact on the relation indicated by the slash (/) between signifier and signified. Those signs in which this relationship has solidified into something more stable are susceptible to getting into this subordinate position, the more fixed the relationship is. In the extreme case this appears as marked stereotype signs, which have been elevated to the position of an icon or even idol. They do not permit any kind of space to move to the signified. If this relationship is already sedimented in the sign, the subordination is easily realized. In those signs, in turn, in which it has not yet been crystallized, the falling to the right-most position in the scheme dominant/dominated puts the signs in their subordinate position.

The dominant/dominated relation also concerns the relationship of *langue/parole*. Very often the subordinated voices can speak — have their voices heard — only after they have adopted the *langue* of the dominant culture. *Langue* is, however, always a collective contract, which the dominant society has signed for the dominated before it can even think about it. In Heideggerian terms, the dominated is always

“thrown” into its lower position. The revolt of the dominated signs takes place as the detachment of the signified from its signifier, as its opening to redefinitions. Yet it can also occur as a rebellion of the signifier, as a new physical quality, appearing as subversive to the dominant, who forces itself into a reevaluation. Therefore, we face a chain of three sign relations:

In the first instance, a dominated voice can make itself heard by dissolving the signifier/signified relation within the conveyed *parole*. For example, in the music of Jean Sibelius there appears a new aesthetic quality which is distinct from “European rationality”, a quality which one could only call the voice of Nature. Even a quite newly published Sibelius study, by an Englishman Guy Richards, launches with this statement: “More than any other single factor, the music of Jean Sibelius is quintessentially the product of the natural landscapes (physical, ethnic, historical and political) of his native country”. A more typically colonializing statement one could hardly find. In it, Sibelius is articulated strictly as a peculiarity to be found in a certain place. Thus one cannot apply to him those normal categories of the rationality of Western art music, by which we evaluate the so-called universal composers such as Beethoven, Brahms, Mahler, and the like. The phrase is also racist — with its reference to physical ethnicity — and chauvinist, by stating that Sibelius manifests the history and politics of a certain, particularly peripheral nation: in a word, the composer is situated as part of the colonial discourse. The only thing missing here is the gender definition. But even this found, among other places, in Charles Ives’s statement about the effeminate quality of Sibelius’s music.

One must remember that categories of dominant/dominated are not only an umbrella concept for subordinated sign processes, but they represent the positions of two different subjects. The dominant one is the colonizing subject, who sees all sign processes from its own point

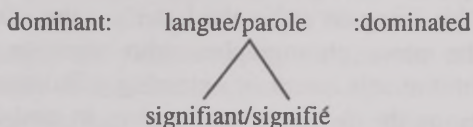
of view. The dominated position, in turn, is occupied by the subordinated subject, who either accepts the situation without question, or who itself wants to occupy the dominant position. It may strive to gain this status by fulfilling all the requirements of the colonizing discourse as “by the book” or as thoroughly as possible, or by transgressing them — in which case it wants to revolt. This rebellion or resistance is possible on levels mentioned earlier. For one, the signifiers can refuse to carry the signifieds thrust upon them from above. This is a kind of subversion of Firstness, an outbreak of qualities and phenomena by their own weight, their detachment from the heaviness of the signifieds forced upon them, and riddance of the *langue* guiding them. For instance, certain gestures may no longer sublimate into a “spiritualized expression” within the limits of the prevailing aesthetics, such that sound colours do not find enough place within conventional musical frameworks, or rhythms and melodies may abandon traditionally accepted codes (for instance, those of periodicity and quadratic phrasing). Also, in the background an entirely new signified may arise. If there occurs the emancipation from the gendering sign relationships, then the whole unlimited field of khora, body, desire and inclination rises up in the foreground.

Resistance can also appear if the *parole* as a whole is so penetrated by new signifiers and signifieds that it becomes an idiolect, a new species of speech, which cannot be decoded with the rules of the dominant *langue*. This shuts the dominated into a tragic and devastating loneliness, unless he or she can find for this new speech a community, even the smallest, in which it would be accepted and understood. Thus the rebellion of the *parole* and its success depends on the social semiotic conditions, in the form of the response which the dominated, rebellious subject can receive from other individuals in the same position.

Yet another possibility for revolt would be to grasp directly the *langue* that is determined by the dominant and thus properly sanctioned. This — to become oneself a reformer of language — is the most difficult task. It is much easier to adopt the *langue* of a new content or *parole*, with its own fresh signifiers and signifieds. This is the only way an artist born in the periphery can become accepted by the dominant colonialisng society. The fact of being approved also implicitly justifies the dominant *langue*, its extraordinariness and exquisiteness and stability: “Look, he came from such a remote country, without no civilized traditions and institutions. But in spite of

this he rose to the top of our art." So long as he keeps within the boundaries of the *langue*, such an artist is willingly permitted to convey his "picturesque" ethnic and racial features. For the dominant culture, this only shows forth its tolerance and all-encompassing nature — its ability to accommodate the most varied cultures within itself.

From the dominated subject's point of view, this often manifests the attitude of "he showed the world, he ran, played, painted, drew us a the map". But then one does not ask what or who that world is, to whom something is shown. One does not realize that it is the colonializing, dominant world in which the signs are stationed at those places where the dominant had once put them. Therefore our scheme should be corrected to the following form:

Stephen Slemon equates post-colonial discourse and postmodernism, and quite rightly, since the postmodern thesis that "everything has been said" is only a variant of colonialism's view that nothing new can exist outside of the dominant culture, beyond the prevailing systems of communication. No new meaning can emerge from the process of signification. There is no freshness of Firstness for postmodern man.

In the postmodern era everyone is (or experiences themselves as being) dominated, but the dominant is nameless. Sign relations have been established by some agent prior to the dominated subjects. This agent is not a precise media figure or spokesperson, nor all of them together; it is not one of the pundits or opinion builders, from Bernard Pivot to Larry King, but rather their "ideal type" (in Max Weber's sense). The meanings of media and communication are already fixed and ready; the much touted freedom of choice in programming is a ridiculous fiction. Modern media technology has colonized the entire globe. All are dominated, and forced to look at the stream of communication from this position. Therefore post-colonial theory extends to the whole sociosemiotic situation of contemporary man. The only exit is the semiotics of the resistance and de-subordination, as discussed above. Clearly one can see how the various aforementioned solutions are already being used by different groups: 1) those who wish to

reform the *langue* of communication (are semioticians among them?); 2) those who want to provide communication with either a new content or new *parole* (“dissidents”, “village idiots”, and other “odd-balls”, whose thoughts are met with amusement, since by allowing their speech, the dominant power justifies the functioning of the system and its “democracy”); 3) those who want to explode the relationship of signifier/signified, either by believing in the power of new “qualities” — certain kinds of avant-garde art, displaying “roadkill” (animal carcasses struck by cars) as art, shock effects in the movies, experiments with new musical timbres, new culinary signs, and so on — or by putting faith in the force of new signifieds; for example, in new ethical and religious movements.

Moreover, the absolute majority is formed by the dominated, who want to distinguish themselves at meeting the conditions of the dominants and by doing so attain the latter’s status. One sees this in the case of the news photographer who went to Sarajevo and Tshetshenia with the sole intent of obtaining a Pulitzer prize. He did not stop to question the dominant media ploy, in post-colonial countries, of producing a certain amount of catastrophes so as to titillate the dominated receivers (television watchers, readers, listeners, etc.) so that they do not become bored (this is the interpretation of Jean Baudrillard). Sports and musical competitions also exemplify ways in which dominant cultures try to legitimize themselves.

If one thinks of the dominant and dominated as juxtaposed subject positions, they could be easily identified with sender and receiver. For a seed of subordination is latent in any communication, nurtured by the fact that the sender forces the receiver to “read” his/her message. And yet the situation is not so one-sided. That is to say, the dominant could be the receiver and the dominated the sender. If I say, “Your Excellency is so kind; do allow me to add cream to your coffee”, then I am a sender who, by the content of the message, tries to show that he considers the receiver to be of a higher status than himself. A semiotic act as such does not contain the articulation of power into signifier and signified, but can also include it. As a semiotic act one may take that activity whereby something immanent is made manifest. I have an idea in my mind, and I realize it through my act. Is, then, any act whatsoever a semiotic act? No, since according to the term itself, an act has to be significant — it has to create, destroy, promote, prohibit, preserve, frame, elevate, reward, punish, glorify something meaningful. In other words, it has to be related with a meaning. (On the other

hand, signification can be also of a completely inner nature. But rather than engage that issue now, I shall consider it below, with a theory of the semiotic act.)

The idea of the dominant and dominated can be generalized to cover one basic situation in existential semiotics, in which a subject treats another subject as an object. This always involves the reification of the Other in the terms of the dominant. Thus we have here an essential application of existential semiotics to the social field. By contrast, the Bakhtinian concept is that in a dialogue the sender is not necessarily the dominant and the receiver the dominated, but both subjects construct themselves freely during the communication process. The meaning effects (Greimas's *effets de sens*) which emerge during this process result from the transcendental values of both subjects. Someone might argue that no transcendental values are needed for the creation of significations. The social significations are those which simply are yielded in this process and nothing else; they only have validity in this dialogue, not outside of it. One might even take this as a particularly existential semiotic standpoint, viewing the resultant significations as completely immanent and unattached to any preexisting categories. Yet this is not true, since the criteria for social significations are not their functionality, efficiency and fruitfulness in social communication, but that the partners of the dialogue both compare them to their own transcendental categories and their own positions between the two transcendences of nothingness and plenitude (both as a distance and proximity, as well as the inevitable changes of the corporeal life between life and death in the bio- and psychosemiotic process; on the axis of inchoativity, durativity and terminativity, to use Greimassian terms). In a certain sense such a comparison is also a semiotic act which establishes a relationship to the encyclopedic store, as Umberto Eco puts it.

What is essential in the emancipation of the subject is naturally which alternative he or she chooses: 1) hybrid communication — the attempt to change the colonial signification process from within by adopting the subordinating *langue* in order to express his/her own Otherness in its context; or 2) communication which transgresses the whole relationship of dominant/dominated by creating its own *langue* and by producing its own *parole* in this framework. In the latter case there is the danger that the subject exaggerates his own *langue*, i.e., elevates it in turn to the colonizing position.

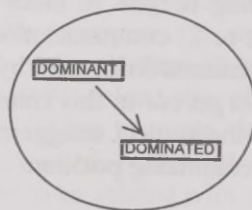
We can try to define nationalism and patriotism from this viewpoint. They are positive forces in the colonial state (phase 1), but in phase 2 (the post-colonial state) the aggressive, marked nationalism is transmuted into the negative, since by defining itself as national it at the same time also consigns itself to an external "Third" world and not an authentic First world. This whole process can be also seen as the background process of building so-called national "icons" and idols.

How then should the dominant and the dominated encounter each other, such that communication and signification would fulfill the emancipatory function which is immanent in existential semiotics? Must the dominant continually make the dominated aware of the hierarchical difference between them (as in some universities where the professor prohibits the students to address him in familiar terms, in order to make plain their subordinate status)? Or should the dominant conceal or mask the difference as carefully as possible, although both parties remain aware that it still exists? How should the dominated behave; in what manner should he/she approach the dominant?

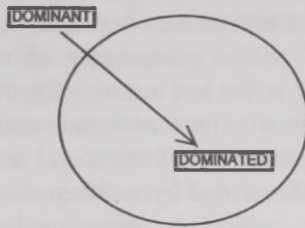
He may try to identify with it, despite the fact that *Quod licet Iovi, non licet bovi*. Or he may try to position himself in clear rejection and resistance, perhaps by foregrounding those signifiers which he/she knows will irritate the dominant as something alien to its sameness (*épater le bourgeois*). Or one can absolutely refuse to communicate, and withdraw into one's own world — which does not of course abolish the colonialist relationship as such.

The communication between the dominant and the dominated is also influenced by their position in the *Dasein*. If they inhabit the same *Dasein*, in the society or community, they cannot avoid interaction and encounters are unavoidable. If they live in different *Daseins*, as in different "worlds", they may encounter each other only on the discursive level. This may be illustrated by the following diagrams:

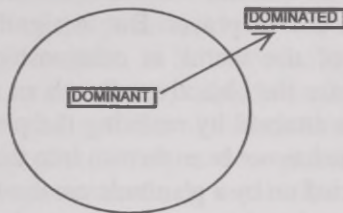
1) dominant and dominated occupy the same *Dasein*:

2) the dominant is outside of the *Dasein* of the dominated (where the emphasis lies on the *Dasein* of the dominated):

3) the dominated is outside of the *Dasein* of the dominant (where the main stress lies upon the *Dasein* of the dominant):

Construed as a theoretical problem, the semiotic act, as such, consists of two aspects: rendering something manifest and making a decision immanently, within one's mind, such that this solution is the origin of a change. These differences could also be connected to other categories, namely to the distinction between communication and signification. An act can be a communicative act; it can be addressed to another subject or to the destinator of the communication, it can be an act solely creating significations, and not directed towards communication, i.e., the world of various subjects acting in the *Dasein*. A semiotic act thus takes shape differently in various discursive practices and semiospheres. In aesthetic discourse, when a semiotic act is addressed to another subject, a message is produced which is an artwork addressed to a certain community as partners in a dialogue. But when merely experiencing the aesthetic meaning is involved, then we limit ourselves to the area of aesthetics, such that the parallels are as follows: aesthetics = signification, art = communication.

As to ethics, when we do something moral to another subject, for instance an act of goodness, we are dwelling in the world of ethical communication. But when we only get a moral idea, conceive the

moral content of some event or phenomenon, then we are trying to grasp its moral and ethical meaning or signification; as seen, for instance, in notions such as solidarity, compassion, reverence, and so on.⁵ The objective of an ethical act of communication can naturally be some reward allotted to the community of communication, some benefit or pleasure, but in the last instance the only content of such an act lies in itself, i.e., in the transcendental category which opens via one's grasping the signification of the moral act. Moral acts are thus realized in the world threatened by nothingness. Their background of resonance is emptiness, which recognizes neither good nor evil. Still, one can perform a moral act as its own reward (in fact, in the world of *Dasein* a moral act just as often brings disadvantage to the actor and thus does not lead to any conspicuous glorification).

In the religious dimension, the semiotic act can be realized in communication as a cult or prayer. But in signification it appears as the "illumination" of the world in relationship to what is called "pleroma". In that case the objective of such an act is the experience of a particular grace attained by realizing the plenitude of being; i.e. experiencing that one has not been thrown into the emptiness of being, but that being is carried on by a plenitude greater than oneself.

In the economic realm, the semiotic act can be realized in communication as an exchange of things, and in the sense of signification it is the experience of its value, the compensation for work performed. In the linguistic area the act of communication is naturally the production of discourse via *langue*. Signification here means that the intention of the speaker is enacted in the form of its particular meaning effect.

In all these cases, the issue is to what extent the world of communication or *Dasein* penetrates to the world of signification, and to what extent the act of signification can again change the world of communication. The concept of act always carries the idea of a certain energy invested in the act by the actor. Two questions to be addressed come to mind immediately: How is this determined in the various cases above, and how does it influence the situation? (It is likely that the theories of Italian semioticians Ferruccio Rossi-Landi and Augusto Ponzio can offer us help in this field.)

In any case, according to Aijaz Ahmad, such a theoretician of the postmodern as Fredric Jameson divides the world into those who make history and those who are its objects. Ahmad argues that anyone

---

⁵ See the categories of Josiah Royce and Wladimir Solowjew.

who believes in the theory of three worlds (not in the Popperian sense) — where the Third World has been defined purely with the terms of colonialism and imperialism — has to admit that one of the strongest counterforces to it is nationalism. With only a slight exaggeration one could claim that every text of the Third World is inevitably a national allegory.

Yet even more interesting is the contrary thesis: are all the manifest national texts logically “Third World” texts? For instance, nationalism in Finland necessarily relates it to colonialism, and determines the position of Finland as one of being colonized, dominated, subaltern, and then leads to a result completely different from what was desired. The more national celebrations, the more patriotism is underlined; the such (auto)communication purports to strengthen the inner feeling of coherence of the dominated society. Seen from outside, from the position of the dominant, it is a clear-cut sign that the dominated nation is in its proper place in the colonial hierarchy of nations, as an inferior, subordinated people, which is not capable of a really “universal” act of communication in the semiotic sense. As a rule, nationalist activity and emphasis are of course communication that conveys to somebody outside (to the dominant or the aspiring dominant) that what it is planning — the other’s subordination — will be useless: it is strong enough to withstand such a threat. Nationalism thus is a rejoinder to the sense of being threatened.

To conclude we may ask, In what historical phase do the texts produced in a colonized country become Third World texts? Naturally it is only the reading of these texts which makes them such. But it is also a function of space. Are texts that are classified according to their geographical place and origin already Third World texts? Consider the texts produced in Finland, the Baltic countries, Russia, Hungary, the Czech Republic, Poland, Bulgaria, Portugal or Greece — are all these to be considered “Third World” texts? as having something “national” in their relation to the central axis in Europe, which represents the universal culture and only to which the categories of European rationality are applied? Sometimes such an argument can be masked in beneficent tones, as may occur when one praises a country and its people, applauds how faithfully its artists and poets reflect its nature, and the like. But it is precisely by this technique that excludes text from the “universal” community, from what Goethe called the *edle Geisterschaft*, the noble society.

Note

* This essay is part of a larger text in which I mostly focus on European nationalism and on Finland particularly, with special emphasis on Jean Sibelius as a cult figure in the North as well as elsewhere. The whole text stems from the idea that many phenomena of contemporary European cultures, like Finland, are understood only if one takes into account a remarkably broader context.

That broader aspect is simply colonialism — and post-colonialism as its continuation. The latter typically belongs to the conceptual arsenal of the 1990s, along with deconstruction, postmodernism, gender studies, etc. Post-colonialism is a notion particularly associated with English literary studies. To music it has not yet often been applied. I had encountered similar ideas earlier, when studying Brazilian culture, and found in one treatise dealing with Latin American literature, the term “colonialized imagination”. It meant that Third-World people do not know how to appreciate their own achievements, their own leaders and “icons”, but believe only in the pertinence of the values and models imported from outside, from Europe. As early as that time, it dawned upon me that the term also aptly portrayed certain phenomena in Finland, particularly the Finns’ sense of inferiority and their worship of everything foreign. But only now have I realized that the colonial heritage concerns as well and expressly my own country. The theme is now more topical than ever, since Europe can be divided into colonizers and colonized. There is no doubt in which category a country like Finland belongs.

Thus, post-colonialism is the right term to depict not only such cases as Finland, but also Estonia. In Estonia, the years 1944–1990 saw not so much the sovietisation of the society as its colonisation. The Finns believe that colonialism does not concern us, at least after 1917. In fact, however, it has concerned and still concerns us. Patriotism is a reaction to colonialist ideology, which is distinctive, racist and essentialist.

Nevertheless, when the physical threat of colonialist suppression has been removed, there remains the imagined post-colonial threat. The anti-subject is imagined since patriotism must always have it. Nationalism in all its forms is an ideology of distinction, which determines itself as a subject, i.e. the people in relation to something not-subject or anti-subject. The situation is very much similar in other European countries as well. Nothing threatens them physically, thus one has to ask, Where does this zeal of national distinction originate? From inner uncertainty. Patriotism, which serves to replace the lack of inner certainty, is as dangerous as colonialist-expansionist patriotism, i.e., the intruding of one’s own culture into others. In Finnish neopatriotism, nationalism is not expanded to anywhere; it is communication which fulfills the function of pure autocommunication.

References

- Ashcroft, Bill, Gareth Griffiths, Helen Tiffin (eds.) (1997). *The Post-colonial Studies Reader*. London and New York: Routledge.
- Barthes, Roland (1957). *Mythologies*. Paris: Editions Seuil.
- Eco, Umberto (1975). *A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press.
- Eco, Umberto (1992). *Les limites de l'interprétation*. Paris: Bernard Grasset.
- Fisch, Max H. (1986). *Peirce, Semeiotic, and Pragmatism* (Essays by Max. H. Fisch, edited by Kenneth Laine Ketner and Christian J. W. Kloesel). Bloomington: Indiana University Press.
- Kukkonen, Pirjo (1993). *Kielen silkki. Hiljaisuus ja rakkaus kielen ja kirjallisuuden kuvastimessa*. Helsinki: Yliopistopaino.
- Royce, Josiah (1951). *Royce's Logical Essays*. Iowa: Dubuque.
- Solowjew, Wladimir (1965). *Philosophie, Theologie, Mystik. Deutsche gesamttausgabe der Werk von W. S.* Vol. VI. Freiburg: Erich Wewel Verlag.
- Tarasti, Eero (1995). *A Theory of Musical Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press.
- Tarasti, Eero (1996). *Heitor Villa-Lobos. Life and Works*. Jefferson, North Carolina: McFarland Publishers.
- Tarasti, Eero (forthcoming). *The Enchanted Signs*. Advances in Semiotics. Indianapolis, Bloomington: Indiana University Press.
- Vattimo, Gianni (1985). *La fine della modernità. Nichilismo ed ermeneutica nella cultura post-moderna*. Milano: Garzanti.

О постколониальной семиотике

В основе проблематики работы лежит типологическое распространение сосюрховской дихотомии означаемое/означающее на соотношение социо-идеологических понятий колонизируемого/колонизатора. Таким образом, в семиотической терминологии последняя оппозиция интерпретируется как отношения тех, кто имеет право на означение, и тех, кто подлежит означению. Соответственно, ситуация пост-колониализма (например, в идеологии модернизма) описывается как настойчивые претензии означаемого означать. В качестве одной из наиболее важных стратегий колонизирующей тенденции называется стратегия 'умалчивания' или 'замалчивания'. Идеологические характеристики при этом взаимобразно распространяются на лингвистические понятия, и сфера означающего характеризуется

как доминирующая, а сфера означаемого как подчиненная. Равным образом описывается соотношение языка и речи.

С этих позиций строится модель семиотического акта, в процессе которого происходит отмена сущностного пред-значения означаемого (или отмена потенциальности его значения). В этом смысле позиции автора по вопросу о постколониальных стратегиях преодоления колониализма в сфере означения (ряд этих стратегий подробно рассматривается в статье) смыкаются с положениями экзистенциальной семиотики.

Ситуация постмодернизма (эквивалентная ситуации постколониализма) описывается как ситуация глобального семиотического подчинения (т.е. принадлежности к сфере означаемого). Подробно анализируются практики преодаления этой семиотической подчиненности.

В заключении семиотический акт рассматривается с точки зрения его двусторонней природы: коммуникативной и собственно сигнификационной. Преобладание той или иной функции прослеживается в различных сферах культуры: искусство, эстетика, этика, религия, экономика.

Postkoloniaalsest semiootikast

Artikli problemaatika aluseks on Saussure'i tähistatava/tähistaja dihhotoomia tüpoloogiline laienemine sotsio-ideoloogilistele mõistetele koloniseeritav/koloniseerija. Semiootilises terminoloogias on viimane opositsioon interpreteeritav kui suhe nende vahel, kes omab õigust tähistamisele ja kes kuulub tähistamisele. Vastavalt sellele võib postkolonialistlik situatsioon (näiteks, modernismi ideoloogias) olla kirjeldatud kui tähistaja järjekindel pretensioon tähistada.

Koloniseerimise tähtsaima põhistrateegiana on nimetatud 'maha-vaikimine'. Ideoloogilised iseloomustused levivad samas lingvistilistele mõistetele, tähistaja sfäär saab domineerivaks tähistatava kui allutatu üle. Sarnaselt on kirjeldatav keele ja kõne suhe.

Eeltoodud positsioonidelt on ehitatud semiootilise akti mudel, mis kirjeldab tähistatava olemusliku eel-tähenduse või potentsiaalse tähenduse ljkvideerimist.

Autori positsioon kolonialismi ületamise strateegiate suhtes tähistamise sfääris (rida selliseid strateegiaid on artiklis üksikasjalikult käsitletud) haakuvad eksistentsiaalse semiootika seisukohtadega.

Postmodernismi situatsioon (autori hinnangul ekvivalentne postkolonialismile) on kirjeldatud kui globaalne semiootilise allumise situatsioon (kui tähistatava sfäär). Artiklis on põhjalikult analüüsitud nimetatud semiootilise allumise ületamise praktikaid.

Töö lõpus vaadeldakse semiootilist akti tema kahepoolsest — kommunikatiivsest ja puhtmärgistavast — olemusest lähtuvalt. Erinevates kultuurisfäärides: kunstis, esteetikas, eetikas, religioonis, majanduses domineerib üks neist kahest funktsioonist.

Границы перевода (социо семиотический аспект семиотики перевода)

Пезтер Торон

Исторически семиотика перевода является частью как переводоведения, так и семиотики. Особенности развития этой дисциплины отражают тесные взаимосвязи между переводоведением и семиотикой, прежде всего семиотикой культуры. Эти контакты между переводоведением и семиотикой не привели еще к возникновению нового междисциплинарного синтеза. Скорее можно говорить о взаимоописаниях, о приближениях более на уровне метаязыка, чем в рамках общей методологии. Проблемы перевода осмысливаются в современной науке на стыке множества дисциплин, что свидетельствует о перемещении исследовательского интереса от отношений между двумя языками и текстами к вопросам социального и культурного функционирования переводческой деятельности. Сдвиги в интересе к проблемам перевода могут быть описаны в рамках мультидисциплинарности. В результате и семиотика перевода отражает в большей степени общие изменения в отношении к переводческой деятельности, являясь в меньшей степени единой дисциплиной.

Попыткой приближения к созданию дисциплинарного единства можно считать поиски Дж.Холмса, который еще в 1978 году писал о необходимости выделения в рамках переводоведения четырех комплементарных теорий перевода. Теория процесса перевода (*theory of translation process*) призвана осмысливать все то, что происходит в ситуации, когда человеку вздумается что-то перевести. Теория переводного текста (*theory of translation product*) необходима для фиксации специфики перевода как особого рода текста. Для понимания поведения перевода в принимающей культуре нужна теория функций перевода (*theory of translation function*). Наряду с указанными описательными и

ненормативными теориями должна существовать и теория дидактики перевода (theory of translation *didactics*) как нормативная теория (Holmes 1988: 95).

По сути Дж. Холмс сформулировал программу междисциплинарного переводоведения, реализуемую в настоящее время в разной степени в разных теориях перевода. Дж. Холмс предвидел это, назвав уравновешенное переводоведение дисциплинарной утопией (Holmes 1988: 109).

В рамках переводоведения приближаются к семиотике некоторые тенденции, связывающие переводческую деятельность с исследованием культуры (cultural studies) и даже помещающие переводоведение в контекст изучения культурных контактов под названием интеркультурных исследований (intercultural studies). С данной перспективы и этапы развития современного переводоведения приобретают особые признаки. Во-первых, выделяется влияние теории полисистем, различаются разные дискурсы перевода и сама переводческая деятельность связывается с поисками для перевода места в иерархии дискурсов принимающей культуры. Во-вторых, это зависимость переводчика и текста от конкретной ситуации и типа манипулирования текстами. Третьим признаком является плюрализм как в осмыслении подлинника, так и в поисках метода перевода. Это результат влияния постструктурализма (Bassnett 1993: 145–148). Характерно, что исследователи, прибегающие к сопоставительным анализам, склонны связывать конкретные языковые и литературные явления с культурным фоном и видеть в филологии дисциплину, изучающую культуру посредством изучения языка и литературы (ср.: "...I think philology as the discipline which studies a culture in and through its language and literature, or languages and literatures...": Frank 1995: 211).

Оставаясь на позиции переводоведа можно на фоне указанных аспектов различать две возможности дисциплинарного самоопи- сания: 1) плюралистская точка зрения, вытекающая из признания метаязыковой и теоретической пестроты как результата появления новых концепций; 2) историческая точка зрения, исходящая из проекции новых концепций на преемственные линии развития традиционного переводоведения и попытки их синтеза. Вторая точка зрения требует методологической подготовленности для сопоставления старого и нового, первая же приводит к призна- нию отсутствия концептуальной связности (the conceptual incohe-

gence of translation studies: Delabastita 1991: 138; ср и: Snell-Hornby 1988) в развитии переводоведения.

Решение вопроса о **границах перевода** зависит от отношения в переводоведении к проблемам переводимости. Это касается как параметров переводимости, так и дискуссий вокруг понятий неопределенности перевода и радикального перевода (см. подробнее: Тороп 1995: 57–82).

Таким образом, **исходным является вопрос о границе между переводом и непереводом**. Так как ответ может привести к определениям типа *перевод* — это все называемое переводом, то понятие границы необходимо уточнить. В результате можно выделить еще две границы: **границу между переводом и подлинником** и **границу между переводом и принимающей культурой**. Если граница между переводом и подлинником является традиционным объектом исследования и лежит в основе различения разных типов перевода как разных реализаций процесса перевода или переводческого поведения, то граница между переводом и принимающей культурой актуализировалась в переводоведении в связи с целью перевода (ср.: “Die Dominante aller Translation ist deren Zweck”: Reiss, Vermeer: 1991: 96). Характерно, что уравнивающие концепции, стремящиеся к достижению внутреннего дисциплинарного единства, добиваются методологического приближения этих границ. Например, в методологии переводоведческого анализа подлинника может занять важное место телеологический аспект, по которому результатом процесса перевода является функциональный текст, связь которого с подлинником устанавливается в зависимости от цели перевода: “... translation is the production of a functional target text maintaining a relationship with a given source text that is specified according to the translation skopos” (Nord 1991: 232). Таким образом, рассматриваемые границы могут быть проведены внутри текста и источниковость переводного текста касается как подлинника, так и его возможного восприятия в новой культурной среде. То есть, перевод сам постулирует особенности своих границ и тем самым постулирует и особенности переводческого поведения: “What the target-oriented approach to translation is geared to, in fact, is the retrospective study of the production of translated texts, not their reception and consumption. To be more precise: it purports to contextualize translation and present it as conditioned type of behaviour in culture...” (Toury 1993: 17–18).

Границы переводного текста могут быть **обрамляющими**, когда мы понимаем под переводом не просто текст, а изданный текст. Книжное или журнальное существование перевода материализует дополнительные признаки границ при помощи добавляемых метатекстов: предисловия переводчика, статьи об авторе подлинника и тексте, рецептивные руководства в виде глоссариев, пресуппозиционных или интерпретирующих комментариев и т.п. Наибольшей экспликацией границ можно считать именно книгу, допускающую максимальное количество дополнительных признаков границ перевода. Можно сказать, что обрамляющие границы являются прежде всего внетекстовыми.

Границы переводного текста могут быть и **знаковыми**, расположенными внутри текста. Применение семиотики в переводоведении привело к осознанию семиотики границ на уровне отдельных элементов (знаков) текста. Это может быть выделение семиотической релевантности факторов построения текста (Wilss 1980: 16–17). Это может быть поиском конкретных пограничных знаков: “The study of translational paratexts is the study of signs that not only signal translational status but also represent the distance of a non-translational text, retrospectively called the source or original” (Pym 1992: 185; ср. и: Nord 1995). В крайней форме это может превратиться в рассмотрение перевода как знаковой ситуации: “In translation the relation between the source language text (A) and its receptor translation text (B) stands as the semiotic relation of sign (S) to object (O), or of signifier to signified. In brief, source to translation is as sign to object” (Barnstone 1994: 91). В любом случае мы можем сказать, что посредством контактов с подлинником и принимающей культурой перевод строит свою онтологию и любопытно, что это традиционное понимание подтверждается и логикой деконструктивистского подхода к переводному тексту: “...the target text belongs neither to its source nor to its target linguistic systems. It exists in a realm that is in-between the two possibilities; it is incorporation only (*in + corpore*: “in the body”) — not rebirth” (Dass 1993: 2).

Выходя из рамок переводоведения и становясь на позицию семиотика культуры проблема границы приобретает новые черты. Переводоведческое понимание границ перевода как понимание онтологии переводного текста дополняется понятием текста культуры. Например, если границы переводной книги обрамляют текст перевода и подчеркивают его внутреннее

единство, то выделяемые семиотикой культуры границы перевода лишь частично совпадают с границами, выделяемыми в переводоведении. Перевод на язык, перевод в книгу (текст) и перевод в культуру суть разные ипостаси переводческой деятельности. Культурная источникность любого текста допускает два принципиальных подхода. Литературный текст, например, входит в традицию отечественной или региональной литературы, являясь **диахроническим текстом истории литературы**. В то же время он является **синхроническим текстом культурной системы**. Между литературным и культурным существуют интертекстуальные связи (White 1989: 301, 294).

Культура сама становится текстом, сопоставимым с конкретным текстом перевода. Если литературный аспект устанавливает эстетическую дистанцию с текстом, то культурный аспект лежит в основе идентификации текста (Assmann 1995: 241, 242). Культурный аспект идентификации текста допускает двойкий подход. Во-первых, функционирующие в культуре тексты взаимосвязываются и формируют **репертуар культуры**, динамизируемый каждым новым текстом (ср.: Even-Zohar 1997: 355–363). Оказываясь в новом текстовом окружении, где существует определенная привычка (хабитус) чтения-потребления текстов, меняется и рецепция элементов текста — они становятся элементами репертуара: “In translation, textemes tend to be converted into repertoremes, where a **TEXTEME** is any sign, irrespective of its rank and scope, which is subordinated to **textual relations** and hence carries **textual functions**, and a **REPERTOREME** — any sign (again, regardless of rank and scope) which forms part of an **institutionalized repertoire**” (Toury 1991: 187). Неизбежность становления репертуаром всех новых текстов отражается в переводоведении в отказе от старомодного понятия адекватности перевода и в его замене понятиями применимости (applicability) и акцептируемости (acceptability). Эти понятия признаны даже ключевыми для переводоведения (см.: Doherty 1997: 2). Тем самым стираются границы между своим и чужим, подлинником и переводом, причем переводность становится признаком очень разных текстов. Это заставило Г. Тури ввести в обиход понятие подразумеваемого перевода (assumed translation) для уточнения границы между переводами и непереводами (Toury 1995: 31–35). Когда культура стирает границы, переводчик должен их охранять. Ответственность переводчика связывается в такой ситуации не только с

качеством перевода, но и с умением сохранять автономность текстов (ср.: Lane-Mercier 1997: 43–68).

Во-вторых, текст может идентифицироваться при помощи проекции на некоторый представимый образец, **текст культуры** в конкретном проявлении. Например, петербургский текст русской культуры является кодовым текстом, инвариантным для множества конкретных литературных текстов. Такой инвариантный свертхтекст выражает как связь с городом (экстенсивный аспект), так и связь каждого текста, входящего в петербургский текст, с общим корпусом всех текстов, составляющих петербургский текст (интенсивный аспект; см подробнее: Топоров 1995: 275, 280). Петербургский текст превращается в “устройство, с помощью которого и совершается переход а *realibus ad realiora*, пресуществление материальной реальности в духовные ценности” (Топоров 1995: 259), что, в свою очередь, позволяет сказать, что текст “обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы” (Топоров 1995: 259).

Проекция конкретного текста на текст культуры как средство его идентификации напоминает некоторые поиски в переводоведении, в которых инвариантность смысла трактовалась “не как абсолютная категория, а как инвариантность по отношению к построенному **языку-посреднику**” (Ревзин, Розенцвейг 1964: 68). Существование условных языков или текстов в функции посредника приводит нас к вопросу о понимании семиозиса с точки зрения осознания границ перевода.

Рассмотрение проблемы семиозиса с позиции проблем перевода лежит в основе формирования семиотики перевода как самостоятельной дисциплины. В одном из направлений семиотики перевода, опирающемся на пирсовскую семиотику введен термин семиоперевод (*semiotranslation*), понимаемый как переводческий семиозис — перевод протекает в условиях договорного семиозиса (*contractual semiosis*: Gorfée 1993: 212 и сл.). Процесс перевода по этому подходу принципиально комплексен: “In translation real exchange “degenerates” into complementarity” (Gorfée 1993: 213). В результате устанавливается для понимания текста перевода договорный семиозис, не допускающий статического описания: “Nothing is fixed in sign translation: the translating text-sign, the translated text-sign, the (non)linguistic codes, the translator, the translational and general-cultural norms, all

are subject to continual interaction and change, even to a minute degree" (Gorlée 1993: 223).

В рамках семиотики культуры существует попытка различения семиозисов разных рангов: с одной стороны, сопоставляются семиозис культуры и семиозис в культуре, изучаемые семиотикой культуры и этнологией семиозиса (коррелирующей с культурными фактами семиозиса). По этой логике и лингвистика становится частью этнологии семиозиса (Kelkar 1984: 132–133). И для лингвиста конструирование культурного значения является сопоставлением разных семиотических систем: "Any construct of cultural meanings — that is, any social context — is realized in the form of acts of meaning in the various semiotic modes of which language is one" (Halliday 1984: 9).

Социальный параметр описания семиозиса (семиозисов) вытекает из концепции М. Бахтина: "Жизнь стремится забиться вовнутрь себя, уйти в свою внутреннюю бесконечность, боится границ, стремится их разложить, ибо не верит в существенность и доброту извне формирующей силы; неприятие точки зрения извне. При этом, конечно, культура границ — необходимое условие уверенного и глубокого стиля — становится невозможной; с границами-то жизни именно и нечего делать, все творческие энергии уходят с границ, оставляя их на произвол судьбы. Эстетическая культура есть культура границ и потому предполагает теплую атмосферу глубокого доверия, обнимающую жизнь. Уверенное и обоснованное создание и обработка границ, внешних и внутренних, человека и его мира предполагают прочность и обеспеченность позиции вне его..." (Бахтин 1994: 251). В указанном М. Бахтиным соотношении внешнего и внутреннего существует универсальный семиотический дуализм: "Возможно двойное сочетание мира с человеком: изнутри его — как его кругозор, и извне — как его окружение" (Бахтин 1994: 165). О таком же кругозоре и окружении можно говорить и в связи с переводным текстом. На этой границе кругозора и окружения стыкуются основные концепции переводческой деятельности, описанные М. Бахтиным *ante factum*.

Понятие неограниченного семиозиса (unlimited semiosis) Ч. С. Пирса также допускает соответствующую интерпретацию: "The process of unlimited semiosis postulated by Peirce suggests that our linguistic competence is best explained within the format of an encyclopedia rather than dictionary" (Eco, Nergaard 1998). Понятно,

что и словарь содержит элемент энциклопедии, как понятно и то, что энциклопедия не покрывает всех особенностей словаря. В культуре чтение текстов конвенционализируется и любой новый текст в каком-то смысле уже прочитан до появления самого текста. И в этом смысле любое чтение или восприятие любых артефактов протекает в интертекстуальном пространстве. Можно говорить и об интертекстуальном семиозисе. *"Intertextual semiosis constitutes itself in the interaction between text and reader, depending on a (given or assumed) "intertextual disposition" of texts and on aspects of intertextually oriented text processing"* (Holthuis 1994: 77). Интертекстуальное знание (intertextual knowledge) является и аспектом лингвистического и энциклопедического знания (Holthuis 1994: 84) и их отношения зависят от цели интерпретации. О трудности достижения оптимального восприятия пишет и У. Эко: *"Thus every act of reading is a difficult transaction between the competence of the reader (the reader's world knowledge) and the kind of competence that a given text postulates in order to be read in an economic way"* (Eco 1992: 68).

Культурное пространство всегда интертекстуально и различение первичных, вторичных, третичных и т.п. текстов затруднено. Одни тексты потребляются через другие, чистых текстов практически не существует, т.е. вокруг любого текста имеется контактная зона с другими текстами, усложняющая определение границ текста. Проблема не только в том, что усложняется осмысление порождения текстов, но и в том, что они то теряют старые, то приобретают новые свойства (ср.: *"Culture therefore invariably invites comparison and juxtaposition; it is not only the place where meanings are born, but the space in which they are being exchanged, "transmitted" and seek to be translated from one cultural language into another"* Toporov 1992: 30).

С точки зрения переводческой деятельности и ее теоретического осмысления имеет большое значение установление границ онтологии и интерпретации текстов. Читатель свободен в чтении. Хотя переводчик тоже читатель, он лишен свободы, так как должен установить степень переводимости (свое отношение к языку, дискурсу, тексту, интертекстуальному пространству) в соответствии с целью перевода и выработать стратегию перевода. Экспликация границ облегчает как работу переводчика, так и восприятие читателя.

Семиосферическая граница. В концепции семиосферы Ю. М. Лотмана понятие перевода применяется в широком смысле слова. Исходным является признание, что языки культуры могут существовать и развиваться лишь во взаимных контактах: “Таким образом, любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *семиосферу*” (Лотман 1996: 165). Семиосфера и семиозис соотносятся по этой логике как семиозис культуры и семиозис в культуре. Таким же образом можно говорить о границе семиосферы и о границах внутри семиосферы: “Поскольку все уровни семиосферы — от личности человека или отдельного текста до глобальных семиотических единств — представляют как бы вложенные в друг друга семиосферы, каждая из них является одновременно и участником диалога (частью семиосферы), и пространством диалога (целым семиосферы)...” (Лотман 1992: 24).

Граница играет в семиосфере важнейшую роль, являясь билингвильным механизмом, переводящим внешние сообщения на внутренний язык семиосферы, отделяющим свое от чужого, превращающим внешние не-сообщения в сообщения (Лотман 1992: 14). По сути осознание границы позволяет понимать особенности семиотизации или возможности “перевода текстов чужой семиотики на язык “нашей”” (Лотман 1996: 183).

Семиосферическая граница как система переплетающихся границ может быть описана при помощи понятия интерсемиозиса. Современная культура автономизирует более отдельные знаки чем знаковые системы, но как для узнавания знаков, так и для их понимания необходима возможность их проекции на разные системы. Для переводческой деятельности это означает различение языковых, текстовых и культурных кодов и выработку приемов их передачи (ср., например: Delabastita 1993: 33–39). Методологически важен переход от уровня знаков на уровень знаковых систем, даже когда разные знаковые системы имеют и некоторый общий корпус знаков. Таким образом, семиосферическая граница является переводящим механизмом, причём

перевод конкретных знаков превращает текст в систему условных семиозисов или интерсемиозиса.

Топологическая граница является не просто механизмом перевода, но и сохранения инвариантных свойств текста. С одной стороны, сюда входят экранизации, инсценировки, иллюстрации литературного текста, которые в процессе интерсемиотического перевода или трансмутации или меняют знаковую систему, или оказываются переданными при помощи нескольких разных знаковых систем. Любой перевод является трансформацией текста и с точки зрения культурной коммуникации интересно следить за миграцией в культуре разных трансформаций одного текста как его разных ипостасей. С другой стороны, и в интертекстуальном пространстве существует возможность целостных реконструкций. В. Н. Топоров, например, считает, что “главная задача “интертекстологии” состоит в выяснении типологии знаков, реализующих разные виды подобия, и функций “подобного” в текстах художественной литературы” (Топоров 1993: 20).

Обрамляющая граница устанавливает внутреннюю целостность текста при помощи выделения доминанты. Оформление является условным и вытекает из желания установить конкретную источниковость текста и его целостность по одному или нескольким параметрам (национальные, субкультурные, политические, географические и т.п. знаки). Отдельно необходимо сказать о текстовых знаках. Это могут быть знаки начала (заглавие, эпиграф, посвящение) или конца (оглавление, указатели, библиография); это может быть оформление текста метатекстами (введение, послесловие, комментарий, глоссарий и т.п.) в книге или журнале.

Линейная граница является разделительной границей и актуализирует оппозиции, лежащие в основе различения языковых, ментальных, социальных, идеологических и т.п. миров в тексте. Переводческая деятельность как более рациональная по сравнению с писательской работой неизбежно наталкивается на необходимость реконструкции или экспликации границ текста и от результата этой деятельности зависит возможный мир перевода. Границы перевода внутри границ культуры позволяют видеть в тексте иерархию границ, лежащую в основе интерпретации как отдельных знаков, так и знаковых систем.

На понимание системы границ перевода опирается определение разных аспектов семиотики перевода. Не вдаваясь в подроб-

ности в данной статье, укажем лишь основные аспекты семиотики перевода: 1) **семиотика перевода как перевод семиотики** (языка, культуры, текста); 2) **комплементарная семиотика перевода**, изучающая совокупность текстов метакоммуникации и тотального перевода (текстовый, метатекстовый, интекстовый, интертекстовый, экстратекстовый перевод); 3) **социальная семиотика перевода**, включающая проблемы постколониального перевода и семиоперевода, а также постмодернистских подходов к переводу (социальная и дискурсивная практика, хабитус, грамотность и т.д.); 4) **процессуальная семиотика перевода** как семиотическое описание разных актуализаций процесса перевода и создание модели процесса перевода для единого описания разных типов перевода; 5) **радикальная семиотика перевода** как предоставление семиотических средств для описания интерсемиотического перевода.

Семиотика перевода во многом примыкает к семиотике культуры. Но в то же время ситуация интерсемиозиса и интертекстуальности приводят нас к необходимости учитывать не только семиотическую разнородность текстов. Смешение текстов и знаковых систем как смешение границ приводит нас к острым социальным проблемам адаптации человека с обществом, подчиненности человека инкультурации, аккультурации и мультикультурализма в системе образования и средств массовой коммуникации, а также к проблемам интермедиальности (изменений в соотношениях вербального, визуального, аудитивного). В итоге можно сказать, что семиотика перевода должна быть и социосемиотикой перевода.

Литература

- Бахтин, Михаил М. (1994). Автор и герой в эстетической деятельности. In: М. М. Бахтин. Работы 20-х годов. Киев: Next, 69–255.
- Лотман, Юрий М. (1992). О семиосфере. In: Ю. М. Лотман. Избранные статьи. Том I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 11–24.
- Лотман, Юрий М. (1996). Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. Москва: Языки русской культуры.
- Ревзин, Исаак И., Розенцвейг, Виктор Ю. (1964). Основы общего и машинного перевода. Москва: Высшая школа.

- Топоров, Владимир Н. (1993). О “резонантном” пространстве литературы (несколько замечаний). In: *Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. V. Polukhina; J. Andrew, R. Reid (eds). Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 16-60.
- Топоров, Владимир Н. (1995). Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (Введение в тему). In: Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Москва: Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 259-367.
- Тороп, Пезтер (1995). Тотальный перевод. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Assmann, A. (1995). Was sind kulturelle Texte? In: *Literaturkanon — Medienereignis — Kultureller Text. Formen interkultureller Kommunikation und Übersetzung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Barnstone, Willis (1994). Translation Theory with a Semiotic Slant. *Semiotica* 102 (1/2), 89-100.
- Bassnett, Susan (1993). *Comparative Literature. A Critical Introduction*. Oxford UK, Cambridge USA: Blackwell.
- Dass, Nirmal (1993). *Rebuilding Babel: The Translations of W. H. Auden*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Delabastita, Dirk (1991). A False Opposition in Translation Studies: Theoretical versus/and Historical Approaches. *Target* 3(2).
- Delabastita, Dirk (1993). There’s a Double Tongue. An Investigation of Shakespeare’s wordplay, with special reference to “Hamlet”. Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Doherty, M. (1997). “Acceptability” and Language-Specific Preference in the Distribution of Information. *Target* 9(1).
- Eco, Umberto (1992). *Interpretation and Overinterpretation: Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler, Christine Brooke-Rose*. Cambridge a.o.: Cambridge University Press.
- Eco, Umberto; Nergaard, Siri (1998). *Semiotic Approaches*. — *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London, New York: Routledge.
- Even-Zohar, Itamar (1997). The Making of Culture Repertoire and the Role of Transfer. *Target* 9 (2), 355-363.
- Frank, Armin Paul (1995). Transatlantic Responses: Strategies in the Making of a New World Literature. In: *Literaturkanon — Medienereignis — Kultureller Text. Formen interkultureller Kommunikation und Übersetzung*. Hrsg. von A. Poltermann. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 211-231.
- Gorlée, Dinda L. (1993). *Semiotics and the Problem of Translation. With Special Reference to the Semiotics of Charles S. Peirce*. Alblasterdam: Offsetdrukkerij Kanters B.V.
- Halliday, M. A. K. (1984). Language as Code and Language as Behaviour: a Systemic-functional Interpretation of the Nature and Ontogenesis of Dialogue. In: *The Semiotics of Culture and Language*. Vol. 1. Language as Social Semiotic. R. P. Fawcett a.o. (eds). London, Dover N. H.: Frances Pinter (Publishers).

- Holmes, James S. (1988). Translation Theory, Translation Theories, Translation Studies, and the Translator. In: J. S. Holmes. *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam: Rodopi.
- Holthuis, Susanne (1994). Intertextuality and Meaning Constitution. An Approach to the Comprehension of Intertextual Poetry. In: *Approaches to Poetry. Some Aspects of textuality and Intermediality*. J. S. Petöfi, T. Olivi (eds). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 77–93.
- Kelkar, Ashok R. (1984). Prolegomena to an understanding of semiotics and culture. In: *The Semiotics of Culture and Language*. Vol. 2. Language and other Semiotic Systems of Culture. R. P. Fawcett a.o. (eds). London, Dover N. H.: Frances Pinter (Publishers), 101–134.
- Lane-Mercier, G. (1997). Translating the Untranslatable: The Translator's Aesthetic, Ideological and Political Responsibility. *Target* 9(1), 43–68.
- Nord, Christiane (1991). Text Analysis in Translation. Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis. Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Nord, Christiane (1995). Text-Functions in Translation: Titles and Headings as a Case in Point. *Target* 7(2), 261–284.
- Pym, Anthony (1992). The Relations Between Translation and Material Text Transfer. *Target* 4(2), 171–189.
- Reiss, Katharina; Vermeer, Hans J. (1991). *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer.
- Snell-Hornby, Mary (1988). *Translation Studies: An Integrated Approach*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Toporov, Vladimir N. (1992). Translation: Sub Specie of Culture. *Meta* XXXVII (1), 29–49.
- Toury, Gideon (1991). What are Descriptive Studies into Translation Likely to Yield apart from Isolated Descriptions? In: *Translation Studies. The State of Art*. K. M. van Leuven-Zwart, T. Naajikens (eds). Amsterdam, Atlanta: Rodopi.
- Toury, Gideon (1993). "Translation of Literary Texts" vs. "Literary Translation": A Distinction Reconsidered. In: *Recent Trends in Empirical Translation Research*. S. Tirkkonen-Condit, J. Laffling (eds). Joensuu: Joensuun yliopisto, 10–24.
- Toury, Gideon (1995). *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.
- White, L. (1989). New Historicism: A Comment. In: *The New Historicism*. H. Aram Veesser (ed). New York, London: Routledge.
- Wilss, Wolfram (1980). Semiotik und Übersetzungswissenschaft. In: *Semiotik und Übersetzen*. W. Wilss (Hrsg). Tübingen: Gunter Narr Verlag, 7–22.

The limits of translation: the socio-semiotic aspect of translation semiotics

Determining the concept of 'translation text' occupies a relevant position in the scientific interpretation of translation activity. Most of the translation theories avoid establishing the borders between translation and non-translation, because in the intertextual and intersemiotic space of present culture, the borders between any kind of texts are very vague.

From the point of view of translation studies, the ontological definition of a translation text proceeds from determining the concepts of 'original' and 'translation', as well as 'translation' and 'recipient culture'. In the first case, the borderline marker is a type of translation which constitutes a sign of the nature of the relationship between the translation and the original. In the second case, the borderline marker is the purpose of translation, the constructive dependence of translation on its supposable future function. Therefore, the definition of 'translation' in translation studies is mostly process-oriented.

The intrusion of semiotics into translation studies, and the interest of cultural semiotics in translation activities, have changed the attitude towards the nature of translation. On the one hand, the translation semiotics deals with contractual semiosis which observes the text in translation process not as a coherent, but a complementary whole. On the other hand, it deals with intersemiosis as the situation in which the differing/differentiating codes and sign systems of a translation influence each other, and isolated individual signs can simultaneously belong to several sign systems. The problem of the limits of translation arises in connection with the need to retain the possibility for integral cognition of texts even in such cultural spaces that consist of totally intermingled texts. Every translation book can create its own borderline system to guarantee the integral approach.

The present article displays the typology of the limits of translation, as well as the following disciplinary approaches to translation semiotics that emerge from it: translation of semiotics, process-oriented translation semiotics, complementary translation semiotics, social translation semiotics, radical translation semiotics. Distinguishing between these approaches in the translation semiotics, it is important to consider that their interpretation requires a socio-semiotic background.

Tõlkepiirid (tõlkesemiootika sotsiosemiootiline aspekt)

Tõlketegevuse teaduslikus mõtestamises on olulisel kohal tõlketeksti mõiste piiritlemine. Enamik tõlketooriaid väldib piiri tõmbamist tõlke ja mittetõlke vahele, sest tänapäeva kultuuri intertekstuaalses ja intersemioosiselises ruumis on piirid igasuguste tekstide vahel väga haprad.

Tõlketeaduse poolt vaadatuna toimub tõlketeksti ontoloogiline piiritlemine originaali ja tõlke ning tõlke ja vastuvõtva kultuuri piiritlemise kaudu. Esimesel juhul on piiri tähistajaks tõlketüüp kui märk tõlke ja originaali vahekorra iseloomust. Teisel juhul on piiri märgistajaks tõlke eesmärk, tõlke konstruktiivne sõltuvus tema oletatavast tulevasest funktsioonist. Seega piiritleb tõlketeadus tõlget protsessikeskselt.

Semiootika tungimine tõlketeadusesse ja kultuurisemiootika huvi tõlketegevuse vastu on muutnud suhtumist tõlke olemusse. Ühelt poolt võib tõlkesemiootikas rääkida kokkuleppelisest semioosisest (contractual semiosis) kui teksti vaatlemisest tõlkeprotsessis mitte sidusa, vaid komplementaarse tervikuna. Teiselt poolt tuleb rääkida intersemioosisest kui olukorrast, milles tõlkes eristuvad/eristatavad koodid ja märgisüsteimid mõjustavad üksteist ning üksikud märgid osutuvad samaaegselt mitmesse süsteemi kuuluvaks. Tõlkepiiride probleem tõusebki päevakorda seoses vajadusega ka segunenud tekstidest koosnevas kultuuriruumis säilitada võimalus tekstide terviklikuks tajumiseks. Iga tõlkeraamat võib luua oma piiride süsteemi tervikliku lähenemise tagamiseks.

Artiklis on välja pakutud tõlkepiiride tüpologia ja sellest tulenevalt tõlkesemiootika distsiplinaarsed võimalused: semiootika tõlkimine, komplementaarne tõlkesemiootika, sotsiaalne tõlkesemiootika, tõlkeprotsessiline tõlkesemiootika, radikaalne tõlkesemiootika.

Tõlkesemiootika piiritlemise aluseks on sotsiosemiootiliselt interpreteeritava taustsüsteemi arvestamine.

Пространство и время Петербурга с точки зрения микромифологии

Елена Григорьева

В результате слово “уст” предстает в виде точки, венчающей затянутый заключительный период. Контраст с длиной периода (да и всего сонета) доведен до максимума односложностью последнего слова, узостью гласного и глухостью согласных. Напряженный период разрешается еле слышным коротким выдохом — согласно принципу, сформулированному в другом стихотворении, “сходя на конус, // вещь обретает не ноль, но Хронос” (“Я всегда твердил, что судьба игра”)

А. К. Жолковский. Блуждающие сны.

Предлагаемое изложение необходимо предварить следующим замечанием, что категории пространства и времени понимаются автором именно как понятия микромифологические, т.е. скорее как некие образы сознания, чем его категории¹. В этом смысле,

---

¹ Литература по проблемам взаимоотношения пространства и времени едва ли поддается хотя бы и беглому обзору. Критический обзор физических теорий и концепций пространственной и временной конгруэнтности от Ньютона до Эйнштейна можно найти в книге: Grunbaum, A. *Philosophical Problems of Space and Time*. New York. 1963. (Русский перевод — М. 1969). Там же представлена и литература к проблеме. Также можно указать книгу Whitrow, G. J. *The Natural Philosophy of Time*. London; Edinburgh. 1961 (русский перевод: Уитроу, Дж. *Естественная философия времени*. М. 1964), в наиболее общем виде рассматривающую указанную проблему. Из отечественных работ необходимо упомянуть дискуссии 60–70-х годов, результатом которых явился в том числе и не потерявший своей актуальности по сей день сборник “Ритм, пространство и время в литературе и искусстве” (Л. 1974), к авторам которого мы будем еще апеллировать. Исключительный интерес представляет аналитический разбор теорий времени, а также собственная теория времени текста в работе В. Руднева: Руднев,

говоря, например, что слово длится во времени, или, различая пространственные и временные формы искусства, мы исходим из распространенного “вполневозможностаблуждения”, которое и является для нас оперативным полем исследования. То, насколько эти и подобные “вполневозможностаблуждения” человеческого сознания представляют собой стройную систему и каким образом они структурируют макромифологические образования (каковым с нашей точки зрения является например ‘петербургский миф’), нам хотелось продемонстрировать в настоящих заметках.

Как представляется, время закономерно и неизбежно оформляется всегда пространственным образом в системе культуры. Собственно время дано нам естественно в пространстве — движение Солнца или Луны, перемещение теней по плоскостям и объемам есть естественная трансформация пространства временем. Каждый вертикально ориентированный объект представляет собой стрелку часов, каждый горизонтально ориентированный — циферблат. Соответственно, измерение времени осуществляется практически неизбежно при помощи пространства. Так солнечные часы являют непосредственное отражение этого принципа. Механические, стрелочные часы имитируют путь Солнца, заставляя двигаться тень — проекцию на горизонтальную плоскость. Водяные или песочные часы измеряют время еще более очевидными пространственными объемами.

Пожалуй, единственным способом измерения или выражения времени временем² является бой часов или отбивание склянок. Но и здесь возможность подобного измерения — выражения обеспечивается цикличностью времени в представлении, вернее,

В. Морфология реальности. Исследование по “Философии текста”. М. 1996. (Забавно, что работа Руднева вышла в серии изданий под грифом “Пирамида” Библиотеки журнала “Логос” и сопровождается стилизованными изображениями мумий — вариациями на тему “мумификации”). Исключительный интерес представляет недавний сборник “Логический анализ языка. Язык и время” (М. 1997), в особенности, собранные в нем публикации важны для лингвистических аспектов нашего анализа.

² Уникальную и героическую попытку объяснения времени временем представляет собой труд Гуссерля “Феноменология внутреннего сознания времени” (Гуссерль 1994).

повторяемостью этого цикла, т.е. ритмом, который, разумеется, есть категория, пространственно маркированная, поскольку один сигнал был бы в этом процессе бессмыслен — смысл имеет только отрезок, предполагающий одновременное удержание в сознании как минимум двух точек. Повторяемость заставляет обращаться, т.е. останавливает время и дает представление о пространстве — здесь как возможности увидеть время как промежуток (характерно, что само понятие 'промежутка' может быть в равной степени отнесено как к пространству, так и ко времени).

Если же говорить о трансформации пространства временем в сознании, то надо отметить, что и оно не наблюдаемо вне того, что нам представляется временем. Пространство в видении³ или, что для нас важнее, в имитации этого видения, строится как сочетание световых и теневых пятен. Пожалуй, вне времени можно увидеть только плоскость. Чтобы плоскость обрела объем, ее нужно шатировать. Таким образом, на каждом изображении пространства как бы стоит указание на время. Свет и тень создают естественную комбинацию пространства и времени, существование одного в другом. Разделение этих двух субстанций, или абсолютизация света или тени, упраздняет понятия пространства и времени в человеческом представлении. То есть ни свет, ни тень по отдельности не обладают ни одной из этих характеристик, но обозначают уже безвременье и беспространственность, а также непознаваемое как следствие невозможности перевода.

Раннеренессансная религиозная живопись, византийская икона поэтому имитируют не пространство, но свет — золотой фон — это и есть обозначение той беспространственности и безвременья, которые нельзя постигнуть, но в которые можно поверить. Когда в изображение вводится источник света, изображение тем самым опускается в пространственно — временной континуум. И если обратная перспектива еще дает возможность некоей нефиксированной пространственно — временной

---

³ Мы не обсуждаем здесь очевидную зависимость ощущения пространства в пролонгированности этого ощущения.

точки зрения, или точки зрения как бы с другой стороны⁴, то уже прямая перспектива предполагает прямую зависимость взаимного расположения зрителя и изображения, т.е. пересечение реального пространственно — временного континуума с изображенным, имитированным⁵.

Другой способ постижения пространства при помощи времени (или наоборот — это процесс взаимного перевода, здесь не стоит вопрос о первичности-вторичности) — это жест или движение. Этот процесс также может быть назван ритмом. Длительность движения, измеряемая в промежутках, трансформирует категории в ощущение их единства. Основой, соединяющей эти категории, является пульсация крови в сосудах и венах человеческого тела⁶. На эту основу накладывается двигательно-тактильная, звуковая информация. В этом смысле любое проявление человеческой деятельности определимо в понятиях взаимного перевода пространства и времени.

При этом очевидно, что человек может быть описан и как устройство для объединения в восприятии временного (звукового) и пространственного (образного) рядов. Неслучайно, что когда романтизм пытается отказаться от жесткой эмблематической схемы, то он идет по пути педалирования соматических и физиологических нарушений в человеке, и при абсолютизации музыки как наиболее беспространственной формы искусства, пытается как можно больше очистить ее. Так появляется образ ‘слепого музыканта’ (поздний романтизм Короленко) или ‘глухого музыканта’, что еще более показательно, а идеальным материалом здесь является, разумеется, жизнь Бетховена (например, в “Русских ночах” Одоевского).

⁴ Как продемонстрировал Флоренский, прямая перспектива не была неизвестна, но не востребована до определенных перемен в сознании — см. Флоренский (1993: 190).

⁵ Или, если воспользоваться концептуальным разделением пространственно-временных отношений в произведении искусства, предложенным Зобовым и Мостепаненко, то в описанном случае следует говорить о пересечении реального, концептуального и перцептуального пространства-времени. См. Зобов, Мостепаненко (1974: 14).

⁶ О зависимости временных представлений от пульсации крови см.: Элькин (1969: 78–79).

Но вне всякого сомнения, любое искусство оперирует обеими категориями⁷, и в принципе не отрицая деления на пространственные и временные формы искусств в качестве некой отправной точки коллективной интуиции⁸, мы сосредоточились на том моменте, когда и как средствами одного элемента выражается другой и наоборот.

В этой связи исключительный интерес представляет процесс выражения времени и пространства естественным языком, поскольку именно он фиксирует непосредственный коллективный опыт осмысления человеком названных категорий и является неосознанной основой дальнейших построений. Наиболее удобным для демонстрации принципа выраженности времени пространством для нас оказался пример немецкого языка, в анализе которого мы исходили из ориентированной на Штайнера поэтической теории звукопорождения А. Белого, а также собственных переживаний при освоении этого языка. Кроме того, наш выбор определялся интуитивным ощущением того качества немецкого языка, наличие которого мы попытаемся доказать ниже, а именно — его преимущественно пространственной природы, что в подобной системе знаков, каковой является язык, реализующийся прежде всего во времени, само по себе привлекает внимание.

Разумеется, мы будем говорить лишь о некоторых тенденциях, впрочем, в нашем случае достаточно стабильных.

Как легко предположить, доказательство этого положения имеет своим началом структуру немецкого предложения, поскольку, разумеется, нас будут в первую очередь интересовать грамматические, а не лексические средства выражения.

---

⁷ Мы уже не говорим о принципиально построенных на подобном смещении 'пространственного' и 'временного' вида искусства, где традиционными являются всевозможные проявления театра, а совсем новыми — мобильные скульптуры, например, Ники де Сен-Фаль, или берлинская стенная живопись, рассчитанная на точку зрения из проносящейся мимо машины, что превращает рисунок в рисованный фильм и т.д.

⁸ Ср. с этим: "Разумеется, видовые различия между временными и пространственными искусствами существуют в самой их структуре, однако их противопоставление не является безусловным и в значительной степени сглаживается в самой практике творчества и восприятия" (Мейлах 1974: 4).

В первую очередь здесь примечательно то, что глагол, именно призванный играть основную роль в процессе обозначения движения, изменения во времени⁹, оказывается более чем неравнодушным к занимаемому 'месту' в предложении. Чтобы построить немецкое предложение, нужно сначала как бы невидимой булавкой прикрепить глагол к невидимой доске и уже затем организовать вокруг него все предложение. Поскольку это правило чисто формальное, т.е. не зависит от смысла глагола или всего высказывания, можно рассматривать его как структурирующую функцию самого понятия глагола, иными словами, входящую в его определение.

Кроме того исключительно характерной чертой немецкого глагола является печально известная всем когда-либо пытавшимся изучить этот язык (в том числе, согласно известной остроте, и Марку Твену) отделяемость приставки. Части глагола ограничивают, маркируют начало и конец предложения. И поскольку эти части при отделении инверсируются (начало глагола попадает в самый конец предложения), то при чтении или слушании приходится в конце предложения возвращаться к его началу, только тогда предложение получает законченный смысл. Это вынуждаемое самой структурой возвращение, припоминание, схоже с рифмой в стихе, заставляющей смысл оборачиваться.

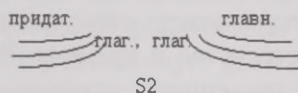
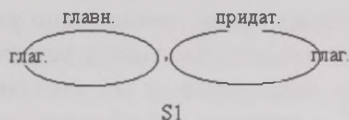
В одну и ту же реку можно войти дважды, если поток внезапно оказывается перегороженным двумя дамбами, между которыми образуется озеро. Не стоит труда продолжать метафору, чтобы уяснить, в каком случае пространство будет обладать над временем¹⁰.

⁹ Неслучайно в старославянском языке, равно как и в латыни, 'глагол' имеет значение 'речи', 'говорения' — в этом смысле слова Державина "глагол времен" звучат почти тавтологией.

¹⁰ То, что мы оперируем и апеллируем к метафорам в нашем изложении, не должно рассматриваться как поэтическая вольность, недопустимая в академическом изложении, поскольку предметом нашего исследования именно являются коллективные метафоры, выработанные человеческим сознанием, — специфические сгустки ментального опыта, порожденные мифом и мифопорождающие. Уподобление же течения воды течению времени принадлежит к подобным архетипическим метафорам, значимость которых не требует комментариев.

Тем более, что сами отделяемые приставки зачастую указывают на пространственную ориентацию глагола, совпадая с пространственными предлогами *ab-*, *auf-*, *an-*, *vor-*, *nach-* и т.д. Подобный принцип ‘рамочной’ конструкции описывает также составное сказуемое: ‘личный глагол + инфинитив’, перфект и т.д.

При присоединении к главному предложению придаточного, конструкция с фиксированным глаголом определяет пространственно ориентированное движение, которое метафорически можно уподобить системе шлюзов или прибору для создания искусственных волн [S 2]:

В дпящемся тексте при подобной отмеченности, фиксированности определенных членов предложения, это движение можно уподобить пульсирующей звезде: глаголы по краям — стягиваются к центру (запятой) — вновь разбегаются по краям.

Чрезвычайно важно и то обстоятельство, что в немецком языке изменение времен по большей части осуществляется при помощи также составной конструкции: ‘вспомогательный глагол + причастие’, в главном предложении образующей ‘рамку’. Вспомогательный глагол при этом не несет самостоятельного значения, в то время как причастие уже не является глаголом. Оно обозначает уже не движение, а качество, вызванное движением, не процесс, а результат, т.е. память о процессе. В подобной конструкции причастие неизменяемо и по сути равнодушно ко времени. Время здесь не имеет семантических средств выражения. Оно как бы выдавливается в пространство между вспомогательным глаголом (который при этом в наиболее распространенной конструкции — перфекте — стоит еще и в настоящем времени) и причастием.

Разумеется, существует еще одна форма прошедшего времени — *Präteritum* — простое прошедшее. И с правильными глаголами все обстоит по правилам¹¹. Но огромное количество неправильных глаголов вновь привлекает вполне определенное внимание. В большинстве случаев изменение во времени осуществляется при помощи изменения корневого гласного: *lesen — las, riechen — roch, dürfen — darf ... usw.* Мы вновь наблюдаем здесь пульсацию: *e — a, ie — o, ü — a*.

Время выражается здесь при помощи пульсации гортани и губ и, тем самым, обретает пространственное бытие¹². Этот феномен сопоставим с устройством песочных часов, где также время выражается при помощи пространства — очень маленького пространства, что также существенно (одно уменьшается за счет другого). К тому же это отсылает нас к устойчивым культурным представлениям, в том числе и в значительной степени к эмблематическим¹³, о времени как об очень маленьких частицах, объемах: песок, пыль, капли, насекомые¹⁴.

Маленькое отверстие между сосудами здесь как бы ‘место и время’ встречи пространства и времени. В случае же с языком это отверстие еще и пульсирует, заставляя, так сказать, ощущать проходящее время самого говорящего.

Вообще подобная соматика смысла типична для немецкого языка — например, изменение качества вокалов умлаутом иногда

¹¹ Хотя нельзя не отметить и здесь некоторую культурную аллюзию, а именно то, что время вводится в глагол в виде буквы *t* (*wollen — wollten*), указующей, с одной стороны, на латинское имя *i*, с другой стороны, имеющей форму креста в основе, что будет важно для наших дальнейших построений. Выбор графического оформления “временной” буквы представляется иероглифическим, самая же форма обозначения времени — исключительно устойчивой в европейской культуре.

¹² См. также: Жинкин (1959: 77–114).

¹³ Понятие и принцип эмблемы в теоретическом аспекте вообще очень важны для наших рассуждений, однако, в настоящих заметках мы не имеем возможности подробно осветить эту значимость. Более подробно см. Григорьева 1989 и Григорьева 1997.

¹⁴ Ср. напр.: “Vokale, — geringe Insekten, // Unsichtbar über den Luft, // Fallen als Asche nieder...” (Karl Krolow 1959: 43). Примеры можно умножать до бесконечности. Об эмблематической связи бабочки с душой и смертью см.: Waldemar (1954: 47–86).

почти иконографично как в случае с *lachen* — *lächeln*¹⁵ или в конъюнктиве, когда неполнота, предполагаемость действия выражена в определенном сужении вокала.

Все вышеописанные факторы повышают мнемонические возможности языка. Разумеется, язык всегда система, хранящая информацию в той же мере, как и ее продуцирующая, однако, кажется очевидным, что чем более элемент языка конвенционален, очищен от мотивировки, тем меньшим объемом памяти он обладает и тем большими возможностями приобретать новые смыслы.

Немецкий язык представляется в наибольшей степени для зафиксированного конвенциональной письменностью языка направленным на сохранение мотивировки. В первую очередь это наблюдается в словообразовании. Если английский язык (в первую очередь речь идет о его американской разновидности) пошел по пути легитимизации жаргона — слова, теряющего мотивировку по выходе за пределы определенного круга носителей, то немецкий язык, напротив, по пути агглютинации корней — принципу, сохраняющемуся даже в новообразованиях, когда слово практически равно подробному описанию, а часто и инструкции по употреблению, названного им предмета.

---

¹⁵ Ср. с этим известный анализ Ф. Зелинским фразы каторжника из “Записок из мертвого дома” Достоевского: “Как тилисну (ее) по горлу ножом”: «Есть ли сходство между артикуляционным движением слова “тилиснуть” и движением скользящего по человеческому телу ножа? Нет, но зато это артикуляционное движение как нельзя лучше соответствует тому положению лицевых мускулов, которое инстинктивно вызывается особым чувством нервной боли, испытываемой нами при представлении о скользящем по коже (а не вонзаемом в тело) ноже: губы судорожно вытягиваются, горло щемит, зубы стиснуты — только и есть возможность произнести гласный *и* и языковые согласные *т*, *л*, *с*, причем в выборе их, а не громких *д*, *р*, *з*, сказался и некоторый звукоподражательный элемент» (Зелинский 1911: 185–186). Для нас здесь важно то, что исследователь подчеркивает именно **соматические** моменты в ‘изобразительности’ данного неологизма: произнесение слова заставляет **мимически** испытать обозначенную эмоцию. По аналогии с якобсоновской “поэтической функцией языка” это явление можно охарактеризовать в качестве ‘мими(ти)ческой’ функции языка, при которой слово как бы дублируется в телесно-пластической форме.

Продолжая далее параллель, можно заметить, что немецкое произношение, в отличие от английского, подчиняется более жестким закономерностям, что, соответственно, также облегчает возможность воспользоваться заключенной в слове инструкцией — памяткой.

Кажется весьма симптоматичным, что Андрей Белый в своих полу-метафорических, полу-иероглифических теориях звукопорождения, вдохновленных Рудольфом Штейнером (теории которого, разумеется, имеют свои корни именно в немецком языке¹⁶), основывает мифологию смыслопорождения на зависимости звука от аппарата, его воспроизводящего:

“В ‘и’ отчетлив глубокий колодезь гортани; и ‘и’ первородно, как *Uhr*; в ‘и’ мы чувствуем глотку; и кажется: кануть в прошедшее”
Белый (1922: 73)¹⁷.

¹⁶ Думается, что вообще многие особенности и проявления немецкой культуры коренятся в экстраординарных пространственных свойствах немецкого языка. Так, например, теория музыкальной драмы Рихарда Вагнера в качестве побудительного мотива очевидно имеет невозможность совместить ‘скульптурность’, отдельность немецкого слова с нерасчлененностью музыкально-речевого потока в традиции итальянской оперы. См.: Вагнер (1978: 540–566; 567–624).

¹⁷ Здесь и далее курсив в цитатах авторский, жирный шрифт — мой. — Е. Г. Ср. с этим графико-фонетический анализ словоформы ‘констриктор’ в “Школе для дураков” Саши Соколова: «И вот констриктор — это как бы неполучившийся конструктор (устойчивое советское сочетание “инженер-конструктор”). [...] Констриктор — это кастрированный, лишенный производительной интеллектуальной силы, неполноценный, сошедший с ума конструктор. [...] Буква “у” по своим очертаниям — фаллическая, буква “и” может быть прочитана как две ноги с отсутствующим фаллосом. Сама фонетическая характеристика этих звуков показательна: низкий зв “у”, при произнесении которого губы “фаллически” вытягиваются в трубочку, и высокий “и”, при произнесении которого губы поджимаются (низкий голос — признак мужественности, высокий голос — у кастратов (!)» (Краснов 1998: 33–34). Для нас важно присутствие в сознании самой возможности проведения аналогии между органами воспроизводства и органами говорения посредством выявления культурно-миме(ти)ческой функции графем и фонем языка.

Это как бы перевод на язык теософии “Вечности жерло” Державина. Неслучайно объединение Белым понятий времени *Uhr* и древности *ur-*:

“Из борьбы ‘a’ и ‘e’ зарождается время — трагедия мира: *Arche* родит *Chronos*; и время укрыло борьбой благородного ‘r’ безвременности *Uhr*’а; — герой, побеждающий *Ура* — *Урана* есть — *Хронос*; он — *Herr*, ‘*ha — er — ha*’ — крик и хруст: хрип борьбы, удушение *Ура*” Белый (1922:45).

Так Хронос (Сатурн) совмещается со своим эмблематическим атрибутом — песочными часами — в пульсирующем немецком словом горле.

Поскольку мы оперируем здесь не историческими рядами, а мифологемами¹⁸, это сопоставление имеет для нас методологическую силу, равно как и сопоставление с другой ипостасью Хроноса (Сатурна), поглощающего, пожирающего своих детей, т.е. пропускающего минуты — свою плоть, части, из которых он состоит, через свою глотку. Античная эмблема таким образом оказывается вполне точным описанием прибора, измеряющего время (или наоборот: прибор устроен по принципу этой эмблемы).

Но этот эмблематический образ времени оказывается шире, чем описание его однонаправленного течения. Во всяком случае, он обладает большими связующими возможностями. Мы имеем в виду связь с кастрационным комплексом, честь установления и описания которого принадлежит Э. Пановскому (Panofsky 1980 (Кар. “Vater Chronos”); Klibansky, Saxl, Panofsky 1964), мы же пользуемся уже результатом его рассуждений. В первую очередь речь идет об анализе изображения Хроноса¹⁹, пожирающего младенца, в то время как другой младенец его кастрирует.

¹⁸ Вернее, микромифологемами — элементами неопознаваемыми в качестве мифа, но потенциально его составляющими, поскольку грамматика немецкого языка, например, не подпадает под определение мифологемы, но может быть мифологизирована, иначе — описана в категориях мифа, как это делает Белый для фонетики, мы же, по всей видимости, распространили это и на грамматику, хотя и здесь у нас были предшественники — уже упомянутый Марк Твен.

¹⁹ Фигуры Сатурна, Хроноса и Крона имели тенденцию смешиваться уже в античности — см.: Klibansky, Saxl, Panofsky (1964: 133).

После всего вышесказанного достаточно очевидной кажется аналогия с общей схемой информационного процесса, при котором возрастание информации сопровождается возрастанием энтропии²⁰. Отсекание генетической памяти, т.е. идея энтропии, здесь выражена с античным простодушием и откровенностью, мы же оформляем ее в нейтральных терминах. Право, знание существует всегда, оно лишь в разные эпохи выражено разными языками²¹.

Впрочем, образы также оказываются необыкновенно живучими. В связи с развитием русской литературы мы еще будем иметь случай рассуждать более подробно. Здесь нам хотелось бы упомянуть один достаточно недавний пример, а именно “Большую жратву” Марко Феррери — фильм, настолько плотно занятый обсуждаемым нами комплексом проблем, что невозможно не подвергнуть его хотя бы конспективному разбору.

Четверо мужчин кончают жизнь самоубийством при помощи необыкновенного поглощения пищи — накопления информации до тех пор, пока она не начинает превышать энтропию (один из героев умирает непосредственно от затруднений с испражнением, уподобляясь при этом как бы стрелке часов с фиксированной осью в районе чрева). Возрастающая пространственность героев здесь самоочевидна и выражена с гротескной раблезианской откровенностью. Еда вообще является исключительно точным средством описания перетекания информации в энтропию. Жизнь, вводимая с одного конца, неизбежно вытекает с другого. Попытка увеличения пространственной информации на одном полюсе приводит к взрыву энтропии на другом (сортир,

²⁰ Данные термины мы употребляем вполне традиционно, следуя основополагающим работам Норберта Винера. См.: Винер 1958, Винер 1983.

²¹ Положение о том, что вся ментальная деятельность человека подвержена принципу “вечного возвращения”, отрефлектировано психоанализом, особенно ярко в работах К. Г. Юнга в его теории архетипов — см., напр., Юнг 1994. Этот постулат можно считать абсорбированным современной научной мыслью — ср., напр., следующее высказывание: «Возврат к мифологическому представлению об особом “дона начальном” времени можно было бы видеть в современных космогонических гипотезах, предполагающих образование вселенной благодаря “взрыву” сверхплотного вещества, сосредоточенного в одном “атоме”» (Иванов 1974: 41).

фонтанирующий фекалиями). Но и относительное равновесие в этом процессе в мужском варианте также бесплодно. Это по сути дела описание физиологической жизни с точки зрения теории информации (или наоборот, что также верно).

Сказанное особенно очевидно в случае с одним из героев, который умирает над пудингом в виде женских грудей. При этом известно, что родители его рано умерли, и его вырастила **кормлица** (очищение смысла идеи жизни как питания, постоянного поглощения), которая при этом удовлетворяет его мануально, т.е. выдаивает, как и сама жизнь, все, что ему скормила. Впрочем, надо заметить, что при подобном 'нормальном' течении этого процесса, герой умирает последним²².

---

²² То что этот мотив связан с сексом, обращает нас к идее 'женского вампиризма', столь характерного для творчества Марко Феррери. Единственная женщина в фильме, поглощая наравне с мужчинами пищу, увеличиваясь в объеме, и не думает умирать, только все хорошеет. Гипертрофия пространственного элемента, кроме всего прочего противопоставленного мужскому как 'природа' 'культуре' (все мужчины имеют какое-либо 'культурное' пристрастие: музыка, техника, архитектура), вытесняет временной элемент, становящийся в подобной оппозиции временным. Культурная традиция не всегда предлагает подобное распределение 'пространственности' между мужчиной и женщиной, однако, вполне регулярно проявление именно указанного. Достаточно вспомнить великанш Феллини, особенно в варианте "Казановы", где любовь как техника, механика, искусство Казановы (механическая птичка, кровать — заводная шкатулка, женщины — куклы) побеждается самой жизнью в образе великанши, перед которой мужчины не более чем карлики. Или "бабищу дебелиую — жизнь" Федора Сологуба, его "маленького человека", опоенного уменьшающими каплями объемистой супругой.

Исключительно интересным примером, демонстрирующим, что распределение сексуальных функций не зависит от пола партнеров, является здесь Фассбиндер с "Горькими слезами Петры фон Кант" — отчаянная попытка иссушенной интеллектуалки протезировать свое почти несуществующее тело при помощи рубенсовской плоти в росписях на стенах мастерской и живой плоти юной Брунгильды. Этому противопоставлению интеллекта и плоти Фассбиндер подчиняет и свою изысканнейшую трактовку "Отчаянья" Набокова — идея двойничества здесь объединяется с идеей толстеющей, разбухающей, совокупающей, размножающейся жизни, которой противостоит единичное и всегда ошибающееся умствование.

Эта метафора распространяется и на искусство: создание произведения искусства лишь для того, чтобы его потребить, уничтожить, подставить под разрушение времени. Феррери как бы манифестирует обращенный взгляд на величайшие творения человечества. Им переворачивается история создания собора св. Петра в Риме. Как известно, само здание было спроектировано Браманте, после его смерти строительство вплоть до барабана под купол продолжал Микельанджело, после смерти которого собор был завершен под руководством Джакомо делла Порта. Этот процесс преемственности обыгрывается у Феррери. Герой фильма — повар, творец всей жратвы, что на фоне аллюзий на апостола Петра иронически обыгрывает догмат папства и подсвечивает весь сюжет иронией над романтическим комплексом уподобления художника Творцу, — создает паштет в виде собора и умирает, поедая его, но купол завещает доесть своему другу. Это как бы показ истории наоборот: имеется целый собор, который постепенно уничтожается и перестает существовать. Вновь, создание съедобного объекта, а затем его поедание оказывается исключительно точным метафорическим описанием зеркально — обращенного процесса, и кроме того отсылает нас снова к распространеннейшему в эмблематике сюжету Старика-Времени, грызущего памятники античной скульптуры и архитектуры. (См.: Klibansky, Saxl, Panofsky 1964).

Кроме того, здесь весьма примечателен сам материал, из которого строится эта курьезная модель собора — паштет, который настойчиво сравнивается с экскрементами, т.е. нечто, уже один раз употребленное, пропущенное через глотку времени. Это в какой-то степени ироническое обыгрывание платоновской формулы “искусство — подобие подобия”.

Однако, в еще большей степени нас здесь привлекает момент, явный в этой метафоре и своеобразно иллюстрирующий законы термодинамики вкупе с теорией информации (напр. в изложении Н. Винера), а именно — измельчение, дробление, распыление в процессе продуцирования-потребления информации. Таким образом пресловутый ‘черный ящик’ в процессе продуцирования новых текстов с этой точки зрения предстает как некое подобие самоувеличивающейся мясорубки. Феррери дает форсированный вариант описания информационно-энтропийного процесса, акцентируя при этом некоторые ключевые моменты,

иллюстрирующие глобальное увеличение энтропии (т.е. отходов) при локальных возможностях обратного (гипертрофированное разрастание персонажей), что конечно не очень согласуется с более обыденным и мифологически насыщенным законом Ломоносова-Лавуазье²³.

Здесь срабатывает принцип Феникса, сгорающего до пепла и вновь из него возрождающегося. То, что Феникс является распространенной эмблемой Христа²⁴ (так же как и Пеликан, **кормящий** своею кровью птенцов), представляется весьма показательным в нашем рассуждении. Идея мученической смерти умирающего и возрождающегося бога, в христианской традиции прочно увязанная с поклонением орудиям Страстей и системой мучеников, представляющей варианты возможного расчленения и уничтожения с почти каталогизирующей полнотой, а также не теряющая связи с древнейшими ритуалами **поедания** тела бога с целью получения новой жизни, дает возможность рассматривать всех участников религиозного процесса как авто-модель порождающего-поглощающего информационного устройства. Разумеется, мы не собираемся утверждать, что религиозная система христианства сводится к этой модели — это лишь один из ее многочисленных модусов.

Однако, история Слова, становящегося плотью, представляется исключительно показательной для демонстрации трансформации пространства во время и наоборот. В этой связи интересно, что историческое время также представляется движущимся к Христу с двух сторон (или от Христа) как к нулевой точке на оси, т.е. историческое время протекает через эту нулевую точку и накапливается по обе стороны от нее.

Самый Крест — Распятие — предстает как перекресток, то же 'место и время' встречи Времени, обретшим пространственную

²³ То, что мы в наших рассуждениях не делаем видимого различия между постулатами так называемых "точных наук" и так называемых "гуманитарных наук" и "поэтических выкладок" является принципиальной позицией. См., напр.: Клайн 1984.

²⁴ Равно как и бессмертной души в ожидании Бога — ср., напр.: "Феникс, баснословная птица, значит вечность, воскресение из мертвых, надежду будущей блаженной жизни, ибо древние думали, что он **непрестанно** из своего пепла перерождается, и бывает бессмертным", а также — №№ 135, 649 (Maksimovic-Ambodik 1989).

жизнь и в тот же момент ее потерявшим, и Пространства, как идеи возможности членения, а значит, возможности различения света и тени, а значит, превращения во время. Сама графическая формула Креста является моделью проекции вертикали на горизонталь, т.е. как бы стрелкой часов, замершей на границе цикла: пол-день, пол-ночь²⁵. Акцентированный разрыв, разомкнутость цикла — Крест задает алгоритм членения пространства до превращения его во время: пополам, еще раз пополам...²⁶ В этом смысле крест, разумеется, противопоставлен кругу, фиксируя разомкнутость цикла, и поэтому и визуально представляет собой переход от мифологически замкнутого единства пространства-времени к идее их диффузии в одной точке.

Впрочем, противопоставление не означает несовместимости. Графическая идея Креста предполагает возможность поворотной симметрии, т.е. восстановления круга, цикличности²⁷, что мы с

²⁵ Тот факт, что стрелочные часы не были известны в эпоху зарождения христианства, не исключает возможности воздействия этой гораздо более древней схемы (см. следующее прим.) на позднейшее сознание, оформляющее привычное нам устройство привычным для нас образом. Здесь для нас важно сходство принципов организации, а не историческая последовательность их появления.

²⁶ Разумеется, эта схема еще более архаична, что помогает понять в том числе и современное сознание с позиций высокой степени генерализации. Ср. с этим: “С этой вертикальной иерархической структурой древнекитайского общества чжоуской эпохи согласуются представления о четырехчленной структуре пространства, имеющего центр, соответствующий местонахождению ритуального царя в центре царского храма. По мысли Гране, иерархическая упорядоченность пространства и времени заменила сохраняющееся еще в мифах представление, основанное на идеях двоичной противоположности (типа категорий *инь* и *ян* в древнекитайской теории чисел)” — Иванов (1974: 43).

²⁷ Ср. с этим авангардную попытку обратного превращения креста в колесо, анализируемую Мих. Ямпольским в связи с интертекстуальной ситуацией вокруг фильма Абея Ганса “Колесо” (1921): «Бешено вращающийся крест принимает форму колеса. Вот почему на вершине Вашей голгофы, Ганс, находится “Колесо”». И далее: “Религиозными мотивами можно объяснить и то, почему средневековые теологи с такой яростью нападали на вечное движение и исповедывали конечность движения, объявляя *perpetuum mobile* несовместимым с наукой о Боге” — Ямпольский (1993: 219, 223).

наибольшей степенью наглядности можем наблюдать в стрелочных часах²⁸.

То, что Распятие Христа находится в нулевой точке времени, иконографически в средневековой и возрожденческой живописи решалось как погружение всей евангельской (впрочем, как и всей библейской) истории в настоящий исторический момент. Распятие происходит ‘здесь и теперь’, каждый день, перемещаясь вместе со зрителем во времени, т.е. оставаясь постоянно в нулевой точке настоящего момента (который только и может считаться наделенным пространственностью) между прошлым и будущим.

Поэтому еще существенно самое композиционное расположение Распятия на оси симметрии в изображении, и, когда здесь происходят определенные сдвиги (как, например, в “Распятии” Лукаса Кранаха Ст. (1503. Старая Пинакотекка. Мюнхен), когда Крест с Христом разворачивается в профиль, т.е. Христос композиционно попадает на место традиционных предстоятелей или

---

²⁸ То, что этот принцип не ограничивается “утилитарностью”, хотя мы склонны полагать, что утилитарность неизбежно оформляется в согласии с наиболее общими архетипами человеческого сознания, равно как и порождается ими, может быть продемонстрировано также на достаточно поздних произведениях искусства. См. аналитический разбор С. Даниэля “Снятия с креста” и “Союза Земли и Воды” Рубенса — Даниэль (1986: 50–51). Принцип модифицирован у Микельанджело в “Положении во гроб” (1508. National Gallery. London): вся композиция закручена вокруг фигуры Христа как в танце, и само положение фигуры Христа дано в фазе предшествующей повороту — это как бы “ввинчивание во гроб”. Т.е. перед нами как бы верхняя часть водоворота-воронки. Вероятно, наиболее демонстративен здесь пример композиции Брейгеля “Несение креста” (1564. Вена. Музей изящных искусств). Голгофа и Крест здесь разнесены. Голгофа, видимая в отдалении напоминает действительно лысину-тонзуру, пустое эллиптическое пространство, окруженное толпой, визуальнo рифмующееся с колесом современной художнику казни. Сам Крест, несомый Христом, различим с трудом, зато акцентирована мельница на высокой скале в левой верхней части холста. Это и есть настоящая Голгофа в данной композиции — реципиент ищет в первую очередь наиболее возвышенную точку для опознания в ней места сакральной казни. Мельница же в своем устройстве являет объединение идей колеса и креста.

донаторов),²⁹ это дает ощущение необычайной экспрессии. Разрушение канона здесь равнозначно утверждению: “Он не эмблема, Он — Человек”. Но, разумеется, подобные отклонения возможны только на фоне устойчивой композиционной схемы, которая имеет тенденцию осознавать себя с очевидностью в авангардном искусстве — например, в графической композиции Шагала “Распятие с часами”³⁰, где фигура Христа с лицом-циферблатом совмещается с напольными часами, а маятником служит рыба. При этом надпись на традиционной табличке “JNRI” заменена на “Chagal”, что существенно для ниже-следующего анализа.

В этой связи исключительно интересна композиция “Воздвижения Креста” Рембранта (1632. Старая Пинакотекка. Мюнхен), представляющая момент, когда стрелка еще движется к зениту, причем, в обратную сторону, что в подобном освещении обозначает победу над временем. Тот же смысл — победы над историческим временем — имеет лицо капитана, командующего казнью, ассоциирующегося с Пилатом, которое Крест заслонил бы — заслонит, когда будет поднят. При этом в центре симметрии, на оси которой закреплена стрелка Креста, у самых ног Христа, пронзенных гвоздем, Рембрант помещает свой автопортрет, что должно означать ‘здесь и теперь’ происходящего и специфическую роль художника в этом процессе фиксации пространства и времени истории на нулевой точке ‘здесь и теперь’.

Это, разумеется, сигнализирует совершенно новую точку зрения на роль художника, что становится особенно очевидно при сопоставлении композиции Рембранта с более ранними ‘стрелочными’ композициями. Так Мартин Шонегуэр в гравюре

²⁹ Таким же сдвигом является и появление светского портрета, изображающего лицо в фас — это знак эмансипации индивидуума, личности, от которого уже рукой подать до романтических комплексов.

³⁰ Воспроизведение см.: Апчинская (1990: № 202). Там же можно найти воспроизведения интереснейших в нашем контексте композиций: “Движение” (№ 27), где движение обозначено расположением конечностей почти в полном соответствии с солярным знаком с помещенным в центре симметрии лицом, и “Посвящается Аполлинеру” (Апчинская 1990: 190), где фигуры отделяющихся друг от друга Адама и Евы помещены на циферблат-мишень с осью симметрии на гениталиях.

“Несение Креста” (Unterdenlinden Museum Colmar)³¹ помещает в центре лицо Христа (единственное данное в анфас), от которого расходятся перекладыны Креста, т.е. центром симметрии здесь является страждущий Христос. Кроме того, аналогия со стрелками подкрепляется многочисленными повторениями — перекрещиваниями копий.

Подобная композиция, кстати, ориентирует не только движение взгляда по плоскости, но и задает перпендикулярную изображению ориентацию — мы имеем в виду взгляд Иисуса. В обоих последних примерах таким образом мотив горла визуально представлен взглядом.

Это существенно для понимания процесса изменения функции визуального искусства вообще. Пограничной точкой здесь представляется творчество Джотто. Если до него (да еще и долгое время после) актанты изображения вообще принципиально не встречаются глазами, т.е. они конечно видят друг друга, но видят где-то вне изображенного и видимого пространства³², то Джотто в “Поцелуе Иуды” (Фреска капеллы Скровеньи. Между 1305–1313) заставляет Христа и Иуду встретиться глаза в глаза, что также очень резко опускает происходящее в ‘здесь и теперь’ (‘место и время’)³³.

То, что Христос предстает как горловина, пропускающая время через пространство³⁴, представляется чрезвычайно важным

³¹ Воспроизведение можно найти в: Panofsky (1948: 15). См. там же: The Housebook Master. The Bearing of the Cross (Panofsky 1948: 16).

³² Ср. с этим: «И именно так характеризует современный исследователь сам тип средневековой культуры: “Осмелимся назвать средневекового человека слепым...”» — Даниэль (1990: 41). Под современным исследователем подразумевается: Степанов (1981: 151–158).

³³ Неслучайно П. Флоренский считал фигуру Джотто поворотной в развитии нового, личностного, эгоистического сознания — см.: Флоренский (1993: 209–210).

³⁴ Ср. с этим уже упомянутый “глагол времен” (Слово), а также исключительно аккумулятивный текст Бродского “Глаголы” (1960), характерно абсорбирующий “петербургский” комплекс мотивов: “Но, возводя город, возводят не город, // а собственному одиночеству памятник воздвигают. // И уходя, как уходят в чужую память, // мерно ступая от слова к слову, // всеми своими тремя временами // глаголы однажды всходят на Голгофу. // И небо над ними // как птица над погостом, // и,

для понимания мотива **поцелуя** и **удушения** Иуды. С одной стороны, это отсылает к распространеннейшей культурной мифологеме поцелуя, приносящего смерть, или поцелуя, принимающего последнее дыхание, обусловленной в свою очередь представлением о том, что душа-время как и слово, покидает тело, плоть-пространство через рот³⁵. С другой стороны, позволяет увидеть эту встречу как соприкосновение двух сосудов устами (существенно и то, что Христос причащает своим телом первого Иуду — это не демонстрация безграничного прощения, поскольку грех Иуды не может получить прощения, — но момент избранничества и указания на аналогию жертвоприношения с принятием пищи, которую Иуда потом возвращает в виде поцелуя). Это соприкосновение губительно для обоих, но, если смерть Христа относительна и по сути обозначает бессмертие, то

словно стоя перед запертой дверью, // некто стучит, забивая гвозди // в прошедшее, // в настоящее, // в будущее время” Бродский (1992: 41).

³⁵ Для нас существенна здесь связь с мотивом “времени-насекомыми” и “бабочкой-душой” — см. прим. 14. Ср. с этим также у Бродского: “Мы не проколем бабочку иглой // Адмиралтейства — только изувечим...” — и далее: “Твой образ будет, знаю наперед, // В жару и при морозе-ломоносе // Не уменьшаться, но наоборот // В неповторимой перспективе Росси” (“Похороны Бобо”). Здесь исключительно важен “геометрический” образ расходящихся после точки симметрии линий-“перспектив”. Живописная и архитектурная перспектива здесь у Бродского парадоксальным образом представлена геометрической моделью симметрии, соответствующей принципу организации песочных часов. Также существенен кивок в сторону “вертикалей” и “горизонталей” Петербурга, о чем подробнее ниже. Но также для нас важен мотив перехода сквозь горловину (измельчение до насекомого-времени) в обретении бессмертия, что фактически пересекается с описаниями психоделических натальных (мортальных) переживаний по Грофу (Гроф, Хэлифакс 1996). Гораздо более сложный и, соответственно, тонкий вариант дает Державин в *своей* “Бабочке”: “На цветы с цветов летая, // В поле бабочка живет; // Не тоскуя, не вздыхая, // Сладкий мед один с них пьет. // Что счастливее сей доли, // Как бы бабочкою быть, // На своей всегда жить воле, // И любви лишь сладость пить? // Я бы пил, — и, вновь влюбляясь, // Лишь в веселье дни провел // И с духами сочетаясь, // Был нетления символ” Державин (1987: 79).

смерть Иуды абсолютна, что и выражено перекрыванием отверстия сосуда — удавкой на его горле³⁶.

Данте, спускаясь со своим проводником до самого дна Преисподней, обнаруживает там Дьявола (отпавшего, предавшего Бога) вечно гложущим другого предателя — Иуду³⁷. И согласно композиции всей “Комедии”, эта глотка оказывается путем наверх во все расширяющиеся небесные сферы³⁸.

³⁶ Согласно исследованиям Пановского, Сатурн специально заведовал ‘меланхолическими’ типами смерти, каковыми являлись: “drowning, hanging, chaining-up and dysentery” — Klibansky, Saxl, Panofsky (1964: 141) — последний тип смерти отсылает также и к комплексу “Большой жратвы” Феррери.

³⁷ По легенде, пересказанной Вазари в “Жизнеописании Джотто”, Данте был близким другом художника и сочинял сюжеты для его фресок — Данилова (1970: 5–6). На фреске “Страшный суд” (1305–1313. Капелла Скровеньи) Джотто в нижней части композиции под изображением креста помещает повесившегося Иуду. — Данилова (1970: 16).

³⁸ То, что в Средние века и в эпоху Возрождения ад устойчиво изображается как пасть некоего чудовища, свидетельствует о типичности этого образа у Данте. Замечательным примером устойчивости данных мотивов и образов представляется следующий пассаж, сделанный по другому поводу современным комментатором “Исповеди опиофага” де Квинси: “Поводом для рокового знакомства с опиумом является зубная боль. Само по себе это значимо: во-первых, анестезия зубной боли нередко бывает первым импульсом к знакомству с наркотиками, во-вторых, зубы непосредственно связаны с “трансцендированием” с “путешествиями в иной мир”. Зубы — единственное место нашего тела, где “внутреннее-мертвое”, кость, часть скелета выходит на поверхность. Зубы — горная цепь, полукруг каньонов, определяющих ландшафт полости рта. По ним путешествует наш язык, ошупывая то одно, то другое ущелье этих “гор”, и мы на каком-то уровне нашего сознания постоянно живем в этом ландшафте, сведения о котором нам поставляет чувствительный язык. Зубы — это также забор, балюстрада, крепостные сооружения рта, это — преддверие входа в таинственный “Ад” нашего тела. Я думаю, концентрические горные ландшафты и полукруглые замки дантовского “Ада” подсознательно детерминированы “геологией рта” — вообще описания “Ада” и ковыряние в зубах можно было поставить в один ряд процедур, прозвище которым — дантизм. Ад и геенна огненная изначально связаны с зубами через такие предельно лаконичные описания, как “там тьма и скрежет зубовный”. Наркотики и

Описанный принцип, оформленный выделенными в ходе анализа мотивами, может быть наблюдаем в самые различные эпохи, в различных видах искусства и национальных культурах. Он присутствует в композиции “Благовещенья” Эль Греко, закрученной на голубе как на винте, от которого свет расходится в форме песочных часов³⁹; в идеях и образах романтиков — в особенности у Гофмана⁴⁰; в кошмаре “Земляничной поляны” Бергмана, сопологающем человека без лица с часами без стрелок — это то пустое ‘место’, которое потом, как известно, заполняется памятью⁴¹.

Чрезвычайно существенен этот комплекс для понимания идеи колокола, особенно важной для русской культуры — вплоть до “Страстей по Андрею” Тарковского, где выкалывание глаз, вырезание языка, заливание свинца в глотку, обет молчания самого Рублева — Страсти по Андрею распинаемой России — компенсируется отливкой огромного колокола — возрождением, Воскресением голоса России — и ее зрения в золотых фресках

анестезия — это то, что позволяет входить в “ад” (то есть в “кабинет дантиста” и “кабину Данте”) без страха и боли, бесстрашно исследовать его машины, архитектуру, технологию, географию, экономику, политическую систему”. — Пепперштейн (1994: 133).

³⁹ Воспроизведение: Тиссен-Борнемиса (1983: 75). Ср. с этим особую роль Св. Духа в Благовещеньи, т.е. в превращении Слова в плоть, а также в Пятидесятнице — наделении Апостолов способностью вешать на всех земных языках (благодаяние, направленное на исправление последствий Вавилонского столпотворения, симметричное ему). Образы Эль Греко вообще имеют тенденцию закручиваться вокруг некоей точки симметрии — ср. также “Mater Dolorosa” (Bode Museum, Берлин) и, в особенности, “Непорочное зачатие” — Тиссен-Борнемиса (1983: 73).

⁴⁰ Связь в “Песочном человеке” лже-Творца, механика-изобретателя, дьявольского часовщика с глазами и песком вне приведенных выше аллюзий представляется вообще необъяснимой.

⁴¹ О значении понятия ‘места’ в системе мнемотехники см. в первую очередь: Yates 1966. Ср. с этим эмблематический мотив часов без стрелок и цифр: “Zifferblatt ohne Zahlen, Zeiger und Totenschadel: Ungewisse Todesstunde. Auf dem Zifferblatt, das nicht bezeichnet ist, kreist der Zeiger ohne Unterlass; der Tag des Sterbens ist nicht angegeben, die Todesstunde ungewiss” — Henkel, Schöne (1967: 1345).

Рублева. Характерно, что здесь наличествует четкое разделение голоса-слова и видения-образа, но и их единство.

Кажется очевидным, что этот принцип имеет универсальное культурологическое значение. Далее мы сосредоточимся на некоторых примерах специфически свойственных русскому менталитету.

В заключении же данного общего экскурса мы позволим себе привести еще одну цитату из “Глоссолалии” А. Белого:

“В звуке ‘hr’ нам скрещение линий истечения жара с другой мощной линией: возставания ‘r’ среди окружности, полости: крест в окружности — ‘hr’; это — *хрест*: ‘*cruх, croi*’. Перед твореньем мира в космической среде (во рту) — воздвигается крест” — Белый (1922: 45).

Наконец, обратившись к связи всего вышеизложенного с ‘петербургским мифом’, в первую очередь надо отметить, что самая идея создания и строительства Петербурга оказалась исключительно мифогенной, и в свете наших эмблематических штудий эта мифопродуктивность имеет свое объяснение.

Тот факт, что город создается творческим усилием человека, а не разрастается естественно на месте поселения, существующего с незапамятных времен, задает инерцию постигаемости, объяснимости этого явления. Соответственно, факторы, которые в прочих случаях воспринимаются как данность, здесь обретают осознанность. О факторах этих в приложении к Петербургу говорено достаточно. Наиболее важными для нас здесь являются: расчлененность города рекой и его пограничное положение.

Сочетание воды с городом само по себе задает эмблематическую пару как объединение пространственного, объемного, вертикально ориентированного элемента с временным, горизонтально ориентированным. Это положение интенсифицируется тем, что город расположен практически в устье реки, т.е. как пробка затыкает горло на ее пути к морю. Пограничное же положение определяет функциональную двойственность: с одной стороны, это пробка, с другой — окно, отверстие, т.е. клапан (в сущности, и в песочных часах отверстие одновременно пропускает и задерживает течение песка). То, что весь город дробится бесчисленными каналами и протоками, также укладывается в развитие излюбленной нами метафоры и, соответственно, может быть описано как диффузия пространства и времени.

То, что закладка города с подобными структурными параметрами совпадает с эпохой тотальной эмблематизации в русской культуре⁴², естественно включает это явление в общий эмблематический ряд не только мифологически, но и исторически. Петр закономерно представляется в этой связи как демиург, часовщик⁴³, заново начинающий отсчет времени, открывающий новую эпоху, запускающий механизм нового информационно-энтропийного процесса при помощи перемещения нулевой точки перекрестка пространства и времени в 'здесь и теперь' — в данном случае Петербурга.

Известное старинное пророчество: "Санкт-Питербурху пустет будет!", иногда повторяемое в варианте: "Быть пусту месту сему"⁴⁴, якобы имевшее место уже при начале строительства города, фиксирует эмблематическую чуткость современников — именно место должно опустеть.

Процесс, заведенный Петром, разумеется, кощунственен, поскольку вызывает слишком явные религиозные ассоциации — об 'антихристовой' природе Петра также сказано уже достаточно, мы лишь добавляем еще одно (структурное) объяснение.

Мотив пустоты отзывается первой же строкой пушкинского "Медного всадника", вобравшего и породившего обширнейшую литературную традицию (см. об этом: Осповат, Тименчик 1987): "На берегу пустынных волн..." — это пустота до Творения, вернее, в точке Творения, разумеется, не без аллюзий на "Земля была пуста и безвидна. И Дух Божий носился над водами", что в историческом контексте не может не получить пейоративной оценки. Соответственно, и наводнение описывается как нарушение естественного течения воды — времени:

⁴² См. об этом классическую работу: Морозов, Софронова (1979: 13–87); а также: Морозов (1974: 184–226).

⁴³ Ср. у В. Одоевского о Петре I: "Он нашел в нем [организме России. — Е. Г.] размеры огромные, силы исполинские, крепкие, закаленные зубчатые колеса, прочные упоры, быстрые шестерни — но этой огромной системе недоставало маятника". — Одоевский (1975: 181).

⁴⁴ Нельзя не отметить фонетическую выразительность этой формулы, а именно, расположение вокалов: ы - у - е - е - у.

*Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова...—*

и далее:

Все вокруг вдруг опустело...

В этой связи весьма характерно, что создание заградительной системы защиты от наводнений Петербурга, пресловутой дамбы, вызывает мгновенный и панический ужас особенно среди питерской интеллигенции. Характерно, что, как правило, с ужасом рассуждали именно неспециалисты в гидросооружениях — автор настоящих заметок не исключение. Это ужас в значительной степени мифологический — еще одна пробка — это уже удавка на шее Иуды, т.е. вторая смерть, окончательная и бесповоротная. Первая, ознаменованная наводнениями, это хотя и кошунственно, но при зеркальном отображении информационно-энтропийного процесса, повторяет его. Это, разумеется, тоже гибель, но уже ставшая привычной.

Описанная нами проблематика нашла исключительно полное отражение в творчестве Андрея Платонова. В первую очередь мы имеем в виду “Епифанские шлюзы” (1926), где инженер-иностранец в возрасте Христа (“Бертрану шел тридцать четвертый год” — Платонов (1983: 292) по приказу Петра пытается построить **заградительно-пропускные** сооружения (шлюзы), для чего пробивает в ложе озера дыру, куда уходит вся вода и которая постоянно заполняется песком:

“На Иван-озере, на самом низком дне, он обнаружил бездонный колодезь — **окно**. Оттуда поступало в озеро столь много ключевой воды, что ее хватит на дополнительное питание **каналов** в мелководные сухие годы. Следует только на Иван-озере подсыпать прошлогодний **земляной вал** еще на сажень, чтобы собирать из колодца в озеро больше воды, а затем пускать эту воду в каналы по особому спуску, когда надобность в том явится. Перри [...] приказал тот колодезь желонкой расчистить и опустить в него **большую трубку с сеткой**, чтобы колодезь не заилился вновь” Платонов (1983: 311).

И далее:

“В восемь часов вечера, 25 июля, желонка перестала таскать вязкую глину и вынималась **сухим мелким песком**. [...] Я приказал бурение

кончить и немедля начать забивку скважины. Для сего мы опустили в подводный колодезь чугунную крышку аршин в поперечнике, но ее сразу утащило в подземную глубину, и она пропала. Тогда начали забивать в скважину **обсадную трубу**, набитую глиной. Но и ту трубу **засосала скважина**, и она утащилась туда. И **сосание** то длится и посейчас, и вода из озера гнетется туда безвозвратно” Платонов (1983: 313).

В этом легко опознаваемом ‘петербургском’ комплексе мотивов (каналы, окно, управление водой) для нас также важно соседство с мотивом ‘насыпи’, ‘вала’ (ср. ‘дамба’) и измельчения, дробления (‘труба’ с ‘сеткой’), превращающих живую воду в мертвый песок — естественное течение времени в историю (время в его измерение, в песочные часы). Кошунственное воздействие на природу — здесь, конечно, очень важны сексуальные ассоциации — приравнивается к извращению и приносит гибель его проводнику в столь же извращенной форме⁴⁵.

В этой связи показательны также, что ‘дамба’ мифологизировалась в указанном нами смысле задолго до своего создания и совсем в другой национальной традиции — в финале “Фауста” Гете. Так даже классик из классиков не нашел более подходящего **места для остановки мгновения времени** чем Петербург. При этом Фауст уже слеп, т.е. лишен одного элемента двустороннего процесса — пространственного, — ему оставлен только звуковой ряд, который он и принимает за абсолютный, в то время как воображаемый им город оказывается его могилой⁴⁶.

⁴⁵ Единственный в своем роде финал повести закономерен только в таком освещении. При этом сексуальный аспект всего этого комплекса мотивов придает дополнительную емкость известному понятию ‘окна в Европу’.

⁴⁶ То, что Фауст полагает, что **возводится город**, в то время как на самом деле **роется яма**, вызывает дополнительные аллюзии — достаточно вспомнить “Шпиль” Голдинга. Весьма характерно, что в европейской традиции ‘шпиль’ имеет устойчивую тенденцию обнаруживать свою иллюзорность, в то время как ‘яма’ — страшную реальность. Кроме того, в этой связи получает вполне определенное толкование устойчивое сочетание могилы с обелиском, а также сочетание шпиля с куполом в ‘луковичных’ куполах русских храмов — ср. в “Епифанских шлюзах”: “Особо восхитил Перри храм Василия Блаженного — это страшное усилие души грубого художника постиг-

Мы позволим себе привести обширные выписки из текста Олега Охупкина по 'петербургскому' тому "Голубой лагуны" К. Кузьминского, где этот факт демонстрируется еще раз переработанным в мифологическом котле виде:

"Кстати, Гете в поздние годы как раз последний раз проснулся от русского наводнения в 24 году. "Медный всадник" не единственный импульс того стихийного бедствия, но и финал "Фауста"⁴⁷. Гете следил за полемикой в газетах вокруг этого наводнения, и, кажется, предложил один из первых построить дамбу, **подняв уровень насыпи** и т.д. Правда, сам-то он (Фауст) не знал, что роет себе могилу. [...] Итак мысль Гете осуществилась. Строят и дамбу. Фаустовская культура привилась не в одной только Голландии, но и в России.

Кстати, сия фаустовская культура (определение Освальда Шпенглера) прямоком проистекает из самого Египта, если не из Шумерийской древности. [...] Небезынтересно заметить, что великая пирамида стоит на пересечении 30° северной долготы и 30° северной широты. Сей 30 меридиан проходит как раз через Маркизову лужу, где пересекается с 60° северной широты, т.е. с параллелью того же порядка, только удвоенной по градусу. И если Нил течет с юга по нашему меридиану, то Нева с востока по параллели. [...] Отношение власти и рабской подчиненности подданных — дело глобальное [...] на протяжении всей человеческой истории. Там строили каналы и пирамиды. Здесь каналы и ГЭС, и Бам. Будет и дамба. Это и есть тот самый социализм, который так понравился Гете, что он его провозгласил как верховный смысл всей человеческой деятельности, остановив то самое мгновение, которое знаменовало уже ни что иное, как гибель. [...]

Я так и называю строительство в нашей округе — фаустовские работы. Говнокачалка качает дерьмо (что верно, то верно — чистый фекалий, сам работал гидрологом! — ККК) из Маркизовой лужи. Оно оседает вместе с глиной на месте чухонских блат. [...]

"Быть пусто месту сему". И "Был он пуст и весь разрушен". А как следствие этого разрушения — железная необходимость в фаустовых работах, то есть в социализме — могиле культуры и цивилизации,

---

нуть тонкость и — вместе — круглую пышность мира, данного человеку задаром". — Платонов (1983: 299).

⁴⁷ Кстати, здесь происходит странная аберрация, если это не описка, что, впрочем, также не меняет сути дела, перевода прецедент в область бессознательного, — а именно: что является импульсом чего — "Медный всадник" наводнения или наводнение "Медного всадника"?

ибо таковы судьбы всего человечества даже от начала истории в Египте и при конце оной в России” Кузьминский (1987: 19–20).

Здесь учтено очень многое и, что особенно для нас важно, даже связь с пирамидами и могилами (последнее, разумеется, явствует из самого текста “Фауста”, а первое, как известно, еще и восхищало великого Гете как величайшее творение рук человеческих)⁴⁸. Кроме того, нельзя не отметить связь с экскрементами (перерабатываемое во второй раз — вспомним Феррери). А также вышеприведенное рассуждение добавляет интересную мысль о перпендикулярности Нила и Невы, что вызывает определенные ассоциации со стрелками — проекциями.

Соположение социалистического рабства с египетским имеет еще одну вполне ‘перестроечную’ параллель — мысль о том, что вся Россия концентрически сосредоточена вокруг могилы-мавзолея (центр России — Москва, центр Москвы — Красная площадь, центр Красной площади...), в самой архитектурной идее которого заложена пирамидальность⁴⁹. Идея Николая Федорова о жизни на кладбище в какой-то степени осуществилась. — Федоров 1982.

Кстати, философская система Федорова в значительной степени повлияла на концепцию переделывания природы, борьбы с ней, и в варианте Мичурина, и еще менее симпатичного Лысенко, и в варианте Циолковского⁵⁰, и, в конечном итоге, на идею

⁴⁸ Пирамида представляет собой наглядную модель постепенного сведения пространства к точке, возвращая нас снова к неоднократно приведенной метафоре. В связи с этим ср. включенные в эпиграф настоящей работы строки Иосифа Бродского, которые могут быть охарактеризованы как подарок нашим рассуждениям, особенно в обрамлении Александра Жолковского, сделанном по иному поводу. О мнемонической и эмблематической функции пирамиды см.: Григорьева (1997: 425–448). Ср. с этим также анализ ‘геометрии’ Бродского в прим. 35 настоящей работы.

⁴⁹ Пирамиды в качестве надгробного памятника или мавзолея в новое время не редкость — см., напр., Colvin (1991: 337–341) — но только советское государство ставит ее в центр — после Египта, — причем, авторитет этого государства держался в значительной степени на блаженной мифологизированной памяти о дедушке Ленине.

⁵⁰ Об этом говорила в своих лекциях З. Г. Минц в начале 80-х годов, замысел статьи которой о Ник. Федорове к сожалению остался

поворота сибирских рек вспять и строительство питерской дамбы. Так, постоянно провозглашая идею стремления вперед, постоянного прогресса, советская власть в основных своих начинаниях на самом деле постоянно поворачивала время назад или запирала его.

Неслучайно, эпоха, предшествовавшая 'перестройке', получила наименование 'эпохи застоя'. Валентности слова 'застой' в русском языке довольно ограничены: 'застой в крови', 'застойная вода', обычно связанная с понятием 'болота' (Петербург), лужи (вспомним "Миргород" Гоголя) или 'пруда' (вспомним "Пруд" Ремизова) — и теперь — 'застойная эпоха'. Все понятия, связанные со временем.

Последствия подобного мифологического сознания (или подсознания?) подчас сказываются реальной исторической трагедией. Так, несмотря на кощунственность этого предположения, мы беремся утверждать, что блокада Ленинграда является также проявлением этого мифа. Ни один другой город в новейшее время не был поставлен в такое положение. И Рим, и Париж были открыты. В русской истории есть прецедент сдачи Москвы Наполеону — быть может, это вообще свойственно городам, основанным на холмах, — но с Питером подобное было невозможно. И немецкое, и русское сознание были слишком хорошо подготовлены к иному течению событий. Конечно, и географическое расположение сыграло существенную роль, но

нереализованным. В связи с творчеством Платонова об этом уже говорилось неоднократно — см., напр., статью С. Г. Семеновой и комментарии Е. А. Яблокова к пожалуй наиболее компетентному изданию "Чевенгура" (М. 1991). Особенно характерным для наших рассуждений является следующий пассаж: "Никто до Федорова так беспощадно и прямо не ставил вопрос о глубокой постыдности для человека, существа чувствующего и сознающего, природного способа существования, что стоит на взаимном пожирании, борьбе, вытеснении предыдущего последующим. Человек, как и все живое в природе существует за счет другой жизни — растений, животных и себе подобных. Дети, рождаясь, подрастая, истощают силы своих родителей и неизбежно вытесняют их, чтобы быть вытесненными в свою очередь своими детьми. Медленное измождение, постепенное омертвление матери, многократной роженицы, буквально отдающей жизнь своим детям, — один из самых личных и сильных образов у Платонова". — Семенова (1991: 498).

надо помнить, что и оно было выбрано не произвольно, а также согласно все тому же мифу.

Здесь сошлось очень много факторов воедино, совершенно разнородных, разноуровневых, гетерогенных. В том числе, в последнее время много говорилось о совпадении по сути дела намерений Гитлера и Сталина, равно направленных на уничтожение города. Наше объяснение не должно казаться излишним — почему, собственно, признавая, что мифы управляют человеческим сознанием, не признать тем самым их влияние на человеческую историю?

Очевидно, что связь ‘заката Европы’ с ‘фаустовской культурой’ по Шпенглеру, а финала “Фауста” со строительством дамбы в Петербурге — новом городе, ориентированном на создание центра европейской цивилизации в азиатской стране, а значит и на ‘предательство’ ‘исконных’ стереотипов, делает узел проблемы ощутимым и очевидным как для той так и для другой стороны (ощутимым, в частности, вплоть до Шпенглера — с той и Бердяева — с этой). Соответственно, как строительство, так и восприятие дамбы предопределено специфической идеологической атмосферой. Шпенглер провозглашает гибель ‘фаустовской культуры’ — чем тогда является в исторической перспективе возведение по ‘фаустовской’ модели города как не создание заранее обреченного, причем обреченного также согласно определенной схеме. Как можно заметить, жесткость предопределенности здесь сродни естественному закону⁵¹.

Нам представляется также вполне вероятным, что Берлинская стена, являясь очевидной аллюзией на Блокаду Ленинграда, продолжала развитие все того же мифологического комплекса, циркулировавшего в двух национальных менталитетах.

---

⁵¹ Ср. рассуждение Бердяева о неоригинальности Шпенглера: “Культура происходит от культа, она связана с культом предков, она не возможна без священных преданий. Цивилизация есть воля к мировому могуществу, к устройению поверхности земли”. Нельзя не заметить, что советская власть пыталась объединить и то, и другое (мавзолей и дамба). И далее: “Различие культуры и цивилизации чрезвычайно плодотворно. [...] Но новы ли эти мысли? Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями”. — Бердяев (1994: 385).

Литература

- Апчинская, Н. (1990). *Марк Шагал. Графика*. Москва.
- Белый, А. (1922). *Глоссология*. Берлин.
- Бердяев, Н. (1994). Предсмертные мысли Фауста. Бердяев, Н. *Философия творчества, культуры и искусства*. Т. I. Москва.
- Бродский, И. (1992). *Сочинения Иосифа Бродского*. Санкт-Петербург. Т. 1.
- Вагнер, Р. (1978). *Избранные работы*. Москва.
- Винер, Н. (1958). *Кибернетика и общество*. Москва.
- Винер, Н. (1983). *Кибернетика, или управление и связь в животном и машине*. Москва.
- Григорьева, Е. (1989). Эмблема и сопредельные феномены в семиотическом аспекте их функционирования. *Труды по знаковым системам 21*. Тарту.
- Григорьева, Е. (1997). Эмблема. Принцип и явление. *Лотмановский сборник 2*. "О.Г.И." Москва.
- Гроф, С., Хэлифакс, Д. (1996). *Человек перед лицом смерти*. Москва; Киев.
- Гуссерль, Э. (1994). Феноменология внутреннего сознания времени. Гуссерль, Э. *Собрание сочинений*. Т. 1. Москва.
- Данилова, И. (1970). *Джотто*. Москва.
- Даниэль, С. (1986). *Картина классической эпохи. Проблема композиции в западноевропейской живописи XVIII века*. Ленинград.
- Даниэль, С. (1990). *Искусство видеть*. Ленинград.
- Державин, Г. (1987). *Анакреонтические песни*. Москва.
- Жинкин, Н. (1959). Произношение слов. Концепция глоточного образования слога. *Journal of Slavic Linguistics and Poetics 1/2*. Hague Mouton.
- Зелинский, Ф. (1911). Вильгельм Вундт и психология языка: жесты и звуки. Зелинский, Ф. *Из жизни идей*. Санкт-Петербург. Т. II.
- Зобов, Р., Мостепаненко, А. (1974). О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства. *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. Ленинград.
- Иванов, В. (1974) Категория времени в искусстве и культуре XX века. *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. Ленинград.
- Клайн, М. (1984) *Математика. Утрата определенности*. Москва.
- Кузьминский К. (1987). *The Blue Lagoon. Anthology of Modern Russian Poetry*. New York. V. 2 B.
- Краснов, П. (1998). Несколько уроков в школе виртуального секса имени Саши Соколова. *На Посту. Культура/Искусство*. Июль.
- Мейлах, Б. (1974). Проблемы ритма, пространства и времени в комплексном изучении творчества. *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве*. Ленинград.

- Морозов, А. (1974). Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени. *Восемнадцатый век*. Сб. 9. Ленинград.
- Морозов, А., Софронова, Л. (1979). Эмблематика и ее место в искусстве барокко. *Славянское барокко*. Москва.
- Одоевский, В. (1975). *Русские ночи*. Ленинград.
- Осват, А., Тименчик, Р. (1987). *“Печальную повесть сохранить...”* Москва.
- Пепперштейн, П. (1994). Тело, текст, препарат. (Наши колонии в мозгу).
- Томас де Квинси. *Исповедь англичанина, употребляющего опиум*. Москва.
- Платонов, А. (1983). *Цветок на земле*. Москва.
- Семенова, С. (1991). Мытарства идеала. Платонов, А. *Чевенгур*. Москва.
- Степанов, А. (1981). Две формы чувственности в генезисе городской среды. *Культура и искусство западноевропейского Средневековья*. Материалы научной конференции (1980). Москва.
- Успенский, Б. (1974). *Поэтика композиции*. Москва.
- Тиссен-Борнемиса (1983). Шедевры из собрания барона Тиссена-Орнемиса. (Западно-европейская живопись XIV–XVII вв.). Каталог выставки. Париж.
- Флоренский, П. (1993). Обратная перспектива. Флоренский, П. *Иконостаc. Избранные труды по искусству*. Санкт-Петербург.
- Элькин, Д. (1969). Восприятие времени как моделирование. *Восприятие пространства и времени*. Ленинград.
- Юнг, К. (1994). *Проблемы души нашего времени*. Москва.
- Ямпольский, М. (1993). *Память Тиресия. (Интертекстуальность и кинематограф)*. Москва.
- Colvin, H. (1991). *Architecture and the after-life*. Yale; London.
- Henkel, A., Schöne, A. (1967). *Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des 16 und 17. Jahrhunderts*. Stuttgart.
- Klibansky, R., Saxl, F., Panofsky, E. (1964). *Saturn and Melancholy. Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art*. London.
- Krolow, K. (1954). *Transit. Gustav Rene Hocke. Manierismus in der Literatur*. Hamburg.
- Maksimovič-Ambodik, N. (1989). *Emvlemy i Simvoly. (1788). The First Russian Emblem Book*. Edited, with translation and introduction by Anthony Hippisley. E. J. Brill. Leiden; New York; Kobenhavn; Köln.
- Panofsky, E. (1980). *Studien zur Ikonologie. Humanistische Themen in der Kunst der Renaissance*. Du Mont Buchverlag. Köln. (Kap. “Vater Chronos”);
- Panofsky, E. (1948). *Albrecht Dürer*. London. Vol. 2.
- Waldemar, D. (1954). The Grab and the Butterfly. A Study in Animal Symbolismus. *Journal of the Warburg Courtauld Institutes* 17.
- Yates, F. (1966). *The Art of Memory*. London.

St. Petersburg's time and space from the micromythological viewpoint

This article operates with stable images circulating in cultural consciousness, treating the basic conceptual opposition of 'time' and 'space'. So the main problematics of the work concern ways and means of collective mind arrangement and representation in visual or even material shape of abstract notions and concepts. Or perhaps more precisely, the work proceeds from the idea of the certain parallelism (but not direct dependence!), usually not explicated, of conceptual and demonstrative mental activities.

Within the opposition under analysis, I attempted to follow how 'time' is represented or expressed by means of 'space'. In other words, how 'time' is translated into 'space' as it is patterned in such cultural phenomena as the classical emblem taken as a combination of visual (spatial) and verbal (temporal) elements. Reciprocity of the process here is not balanced or strictly symmetrical, still the problem of the temporalising of 'space' can also be discussed (movement as such, for example, can be interpreted as deformation of 'space' by 'time'). In my work I demonstrate 'iconical' means of 'time' indication by natural language on the basis of the German language involving the poetical and anthroposophical statements of Andrej Belyj.

Applied to the system of cultural images or micromythology, the process of 'time-to-space transformation' in one of it's most general directions can be represented as the process of 'depriving of dimensions'. A variant of it, is the process of dissecting, mincing space or spatial entities until they can be accepted as 'time'. The variety of examples underlying this principle is enormous so I have not attempted to observe the domain in it's whole amplitude, only the most demonstrative and powerful exertions of it.

The Cross and Crucifixion considered as a visualised algorithm of 'space' dissection is one and perhaps the most important example for the European mentality. The very plot of the history of 'Word embodied in Flash' (or Verb transformed into Image that corresponds to the general construction of the emblem) is evidently reversed from this standpoint in the act of Crucifixion. Combined with the cultural motif of a throat, mouth, hole (or Hell according Dante's construction), treated as a specific filter or valve through which life is passing, the visual idea of Cross and Christ responds, on the one hand, to a mechanisms measuring or materialising 'time' and on the other — to the general theory of information accompanied by entropy.

In the Russian tradition the problem of the 'time' and 'space' crossroad, arranged with extracted motives, seems to be especially actual in its application to the mythological complex of St. Peterburg as a specific ideological conceptual and spatial construction. Geographical location, political disposition and historical destiny of this town gain their mythological motivation through images of more general regularity according to which 'time' and 'space' interdependence is realised in cultural consciousness.

Peterburi aeg ja ruum mikromütoloogia vaatepunktist

Artiklis on vaatluse all aegruumiliste seoste põhiopositsiooni kirjeldavad püsivormid kultuuriteadvuses. Töö analüüsib mooduseid, millede abil kollektiivne teadvus representeerib (eelkõige visuaalselt) seda, mida filosoofilises ja teaduslikus diskursuses on tavaks nimetada abstraktseteks mõisteteks või kategooriateks.

Põhitähelepanu on seejuures suunatud "aja" ja "ruumi" omavahelisele tõlkeprotsessile. Taolise ülekande üheks mudeliks või mehhanismiks on muuhulgas klassikaline embleem, mida vaadeldakse kui visuaalse (ruumilise) ja verbaalse (ajalise) elementide seost. Autor näitab, et sellise ülekande pööratavus ei ole samas ei täielik ega rangelt sümmeetriline. Eelkõige demonstreeritakse töös aja tähistamise "ikoonilisi" vahendeid, kuigi teatud käsitlemist on leidnud ka ruumi "temporalisatsiooni" probleem.

Rakendatuna kultuurivormide (või autori määratluses mikromütoloogemide) süsteemile, võib "aja" "ruumiks" transformerumisprotsessi ühes oma põhisuundadest iseloomustada kui "mõõdete reduktsiooni", mille variandiks on ruumi ja ruumiliste moodustuste vähendamine, jaotamine kuni piirini, mil neid võib hakata pidama ajaks. Artiklis vaadeldakse seda seaduspärasust kõige näitlikumalt illustreerivaid juhtumeid.

Risti ja Krutsifiksi vaadeldakse sellega seoses kui ruumi jaotamise visualiseeritud algoritmi. Samuti võib ka evangeelset süžeed Sõnast, mis sai Lihaks (mis vastab embleemi organisatsioonilisele põhiprintsiibile) interpreteerida kui spetsiifilist tõlkeprotsessi ühest keeletüübist teise.

Näidatud printsiip spetsifitseerub samuti seoses kultuuriliste "kurgu", "suu", "augu" motiividega (näiteks Dante põrgu konstruktsioonis), mida tõlgendatakse kui filtrit või klappi.

Vene traditsioonis osutub antud visualisatsiooni süžee eriti aktuaalseks motiivide kompleksis, mis koondub nn. "peterburi müüdi" ümber. Peterburgi vaadeldakse sellest seisukohast kui spetsiifilist ideoloogilist, kontseptuaalset ja ruumilist konstruktsiooni. Linna geograafiline ja poliitiline seisund, ajalooline saatus on määratletud mütoloogia ja kujunditega, mis kirjeldavad üldisemat seaduspärasust, millele vastavalt realiseerub aja ja ruumi vastastikune sõltuvus kultuuriteadvuses.

Граница и проволока

Галина Пономарева

Возникновение новых государств после развала СССР в 1991 году, установление новых государственных границ, в том числе и эстонско-русской границы, привлекают внимание ученых и к проблеме восприятия границы в 1920–30-х годах в русской культуре Эстонии. Мы считаем, что данный вопрос можно исследовать не только в историческом, но и в семиотическом плане, например, как проблему коммуникации.

Рассмотрим вначале проблему эстонско-советской границы в историческом плане. В 1920–30-е годы Эстония граничила с Финляндией (морская граница), Латвией и СССР (сухопутная граница). Если на границе с Финляндией и Латвией эстонским пограничникам приходилось бороться с контрабандистами, то граница с Советским Союзом была политическая. Случаев контрабанды было мало, но зато часто приходилось задерживать нарушителей границы. При этом самыми опасными нарушителями оказывались уголовные преступники и коммунисты, поэтому это была единственная граница, огражденная колючей проволокой (Матиссен 1995, Mattisen 1993, Piirivalvur 1932).

Эстонско-советская граница была установлена в 1920 г. после подписания Тартуского мирного договора. Колючая проволока была проведена эстонскими пограничниками весной 1920 года, а подготовительными работами занималась рабочая дружина, состоящая из русских, бывших военных Северо-западной армии (Свобода России 1920).

Если Эстония хотела создать в пограничной зоне, отстоящей в 10–12 километрах от этнической границы, зону безопасности, удобную для стратегических целей (Матиссен 1995: 72), то Советский Союз, наоборот, хотел образовать красный пояс из русского населения Эстонии, проживающего в пограничной зоне, настроив его просоветски.

Для русского населения Эстонии проведение границы было шоком. За границей осталась часть земли, церкви, кладбища, родственники. Ухудшилось экономическое положение рыбаков, которые уже не могли ловить рыбу по всему Чудскому и Псковскому озеру. Был потерян российский рынок сбыта.

Еще более сложное отношение к советской границе было у эмигрантов, составлявших из 92 тысяч русского населения Эстонии 18 тысяч (к 1932 г. в Эстонии было только 10 тысяч эмигрантов). Здесь на первый план выходили не экономические трудности, как у крестьян, а глубокие политические разногласия с большевиками.

До середины 1930-х годов Советский Союз был совершенно не заинтересован в укреплении советско-эстонской границы. Историк Николай Андреев вспоминал о советской границе в 1927 г.: «На всех границах по-прежнему стояли арки, на западной стороне которых было написано: «Привет трудящимся Запада!», а на внутренней советской стороне: «Коммунизм сотрет все границы!»» (Андреев 1996, I: 231). Второй лозунг выражал надежды на мировую революцию и убежденность в том, что Эстония скоро станет тоже коммунистической страной. Естественно, что проволочные заграждения при этом исчезнут. Проволока — часть буржуазного мира, который должен разрушиться.

Такая же точка зрения на проволоку проводилась и в прокламациях. В 1924 г. (год восстания коммунистов в Эстонии) в газете «Последние известия» появилось сообщение: «Коммунистические летучки вновь появились в Ревеле. Часть из них напечатана в советской России, другая часть, очевидно, в Эстонии. Содержание их — старая песня о том, что эстонский народ начнет благоденствовать лишь после того, как исчезнут между СССР и Эстонией проволочные заграждения.» (ПИ 19246).

В 1928 году на митингах, организованных на границе советскими пограничниками по случаю 1 мая, «потрясались кулаки в сторону Эстонии и было обещано в скором времени смести проволочные заграждения, дабы и тут создать «рай», наподобие советского» (СНЛ 19286).

В 1930 году по вине советского пограничника от брошенного окурка сгорели столбы проволочных заграждений. «Советские власти, несмотря на их вину, отказываются, однако, от участия в ремонтной работе» — сообщала нарвская газета (СНЛ 1930). В 1933 году, когда эстонские власти предложили советским погра-

ничникам совместно отремонтировать проволочные заграждения, то «советская пограничная власть отказалась от предложения, саркастически заметив, что “не нуждается в изгороди для скота”» (СНЛ 1933).

Отношение советских пограничников к проволочным заграждениям изменилось в 1936 г., когда “советские пограничники на своей территории тоже соорудили линию заграждений, отстоящую от наших несколько поодаль на советской территории” (СНЛ 1936). Укрепление границы продолжалось осенью 1937 г. “На эстонской границе, в районе Россонь, советские власти приступили к сооружению бетонных блиндажей и проведению новой линии первоначального заграждения. К месту постройки материал доставляется на грузовых автомобилях” (СНЛ 1937). Известно, что в эти годы СССР были укреплены западные границы.

Рассмотрим теперь проблему восприятия границы в плане сознания. В языке русских газет и языке русской литературы Эстонии 1920–30-х годов (эти языки очень близки между собой, поскольку писатели были одновременно и журналистами) эстонско-советская граница наряду с традиционными названиями “граница” и “рубеж” обозначается как “проволока”. В газете “Последние известия” была рубрика “За проволокой”, а в газете “Старый Нарвский Листок” рубрики: “За проволокой” и “Из-за проволоки”. Граница была политическая, и хотя до 1936 г. на границе были проволочные заграждения, установленные только эстонской стороной, никогда не писали “эстонская проволока” или “эстонско-советская проволока”, а всегда “советская проволока” или “красная проволока”.

Там, где проволочные заграждения было трудно провести, границу определяли по ориентирам. Если летом на Чудском озере рыбаки из Эстонии различали границу по маякам, то зимой эстонские пограничники ставили на льду озера еловые ветки, обозначавшие границу. Это была своего рода “проволока”. На болоте в Принаровье проволоки не было, поэтому ягодницы могли случайно оказаться на советской территории. (См., например, газетную статью “Ягодницы очутились за советской проволокой” (СНЛ 1929)).

Рассмотрим теперь семиотическую природу проволоки. Проволока амбивалентна. С одной стороны, она препятствует коммуникации и принадлежит к такого рода границе, как Берлинская стена или Великая Китайская стена. С другой стороны, в колючей

проволоке заложена возможность коммуникации, что связывает ее с телефоном и телеграфом (Тименчик 1988: 153–163). По внешнему виду колючая проволока (если мысленно убрать острые колючки) напоминает провода. В языке 1920-х годов “проволока” и “провода” употреблялись как синонимы. См., например, в повести А. Н. Толстого “Голубые города”: “Вместо базарной площади — широко кругом дымилось черное пожарище, торчали обгоревшие трубы, валялись листы железа и одиноко над пеплом стоял телеграфный столб с повисшими **проволоками**” (Толстой 1983: 45; <выделено мной. — Г. П.>). Провода призваны соединять людей, но проволока с ее острыми шипами их разъединяет. В первой половине 1920-х годов после образования новой границы в Печерском уезде, относившемся до революции к Псковской губернии, в деревнях пели такую частушку: “Кабы не эта граница, / Не железны **провода**, / То ходил бы ко мне дральчик / До кажинны вечера” (Курушев 1926; <выделено мной. — Г. П.>).

Пограничная проволока — канал связи, но однонаправленный. Советская власть воспринимала пограничную зону как агитационную площадку. Помимо советских радиопередач, рассказывающих про “рай” в СССР, агитационную роль играли выкрашенные в красный цвет трибуны, расположенные в нескольких десятках метров от границы, с которых вещали коммунистические агитаторы в дни революционных праздников. “Речи рассчитаны главным образом для разжигания коммунистических идей среди рабочих Нарвы, которые собираются в такие дни у проволоки, правда, далеко не в большом количестве” (Новиков 1927). Просоветски настроенные нарвские рабочие, отправляясь к границе, надевали одежду красного цвета: мужчины — трико, женщины — красные блузы и платочки. Свободой слова среди советских граждан пользовались только пропагандисты. В 1927 году журналист из Эстонии пытался поговорить через проволоку с женщиной, но не получил ответа. “Полковник Л. Трейк объяснил мне о строжайшем запрещении всем пограничным жителям разговаривать через проволоку. За это им грозит суровая кара” (Новиков 1927). В 1930-е годы в период укрепления советской границы возможность общения с советскими людьми была сведена к минимуму, поскольку “в полосе эстонской границы были выселены и ликвидированы почти все деревни и хутора” (Маттисен 1995: 72).

Общение происходит там, где нет проволоки: на озере и на болоте. Коммуникацию осуществляют и те, кто проводит людей через границу или сам нарушает линию границы: проводники, контрабандисты, шпионы, коммунисты, просто перебежчики.

В особом положении находились советские пограничники. В отличие от телеграфистов и телефонисток, которые соединяют людей между собой, их функция, — препятствовать коммуникации. Советский пограничник — амбивалентный образ. Это чужой, которого вначале принимают за своего, потому что он русский. В рассказе Петра Алексеева “Грехи отцов” сын эмигранта, выросший на чужбине, тоскует по родине и вместе со спутником переходит границу. На советской стороне границы он встречается с пограничниками. “А всадники уже подле — **русские** <выделено мной. — Г. П.>. И хочется протянуть им руки: обнять — рассказать, как много накопилось на душе страданий в тоске по родной земле; по ним — этим всадникам, но... Мрачен и чужд вид всадников. Злое светится в их глазах. Тайна в сердцах их, а на восторженные крики пришедших ответом служит циничный, угрожающий смех” (Алексеев 1934: 2). Оба юноши были расстреляны пограничниками.

В газетных сообщениях советский пограничник — это человек, который отводит перебежчика в тюрьму, истязает его. Приведу только один пример. В 1931 г. газета “Старый Нарвский Листок” сообщала: “Недавно в Ямбургском районе, недалеко от эстонско-советской границы, имел место жуткий самосуд. Советскими пограничниками был арестован перебежчик, который был заключен в тюрьму. Несчастного зверски избили и мучили. В конце концов истязуемого привязали к бревну, которое волочила за собою лошадь. Подобная пытка продолжалась до тех пор, пока несчастный не испустил дух” (СНЛ 1931). Пограничник играет в сознании русских роль палача и тюремщика.

По-иному воспринимаются нерусские пограничники. Среди советских пограничников, служивших на советско-эстонской границе, было много солдат азиатского происхождения. В 1923 году после открытия нового нарвского моста эстонскими журналистами “совершена была поездка до советской границы, где воочию могли убедиться в правильности передаваемых сообщений о наличии значительного количества инородцев в красной охране. Около половины состава поста пограничной службы состоит из монголов” (ПИ 1923). Журналисты видят пограничников

на расстоянии. Их национальность они не знают и судят только по монголоидным чертам лица. Но само наименование пограничников “монголами” навеивает цепь ассоциаций о большевистском иге, которое в эмигрантской печати часто сравнивали с татаро-монгольским игом. Граница между Эстонией и Советским Союзом воспринималась как граница между Западом и Востоком. Английский историк А. Тойнби писал о СССР 1920–30-х годов: “В своих предвоенных границах Советский Союз в отличие от прежней Российской империи лежал в основном вне пределов Европы, ибо на той стадии не включал в себя цепь стран с западной культурной традицией, которые, собственно, и вводили Российскую империю в сообщество европейских государств” (Тойнби 1995: 81). (У Тойнби речь идет о республиках Прибалтики, Финляндии и Польше). Советскую границу между Западом и Востоком охраняют красные монголы, т.е. большевизм ассоциируется с татаро-монгольским игом.

Ю. М. Лотман в статье “Понятие границы” связывал границу с противостоянием двух пространств: внутреннего (“своего”) и внешнего (“их”) (Лотман 1996: 175). Выведение Занаровья и Печорского края из состава Петербургской и Псковской губернии и введение их в состав Эстонии, с одной стороны, было перемещением их в “чужое” пространство, а, с другой стороны, существование русских деревень с прежним дореволюционным укладом жизни на окраинах бывшей Российской империи, сохраняло “свое” пространство в “чужом”. С 1924 г. в официальных сношениях Советского Союза с другими странами слово “Россия” было заменено словом “СССР” (ПИ 1924а). В Советском Союзе же все, что было связано с дореволюционной Россией, с православием, подвергалось уничтожению и осмеянию. И обломки старой России, сохранившиеся в приграничных странах, были русским эмигрантам, жившим вдалеке от России, намного ближе, чем СССР. Так, в начале 1930-х гг. Эстонию посетила журналистка из Бельгии Зинаида Шаховская. Она не была в России с 1920 года и в какой-то мере поездка в Эстонию была для нее и посещением старой России. Через много лет она вспоминала: “Три дня провела в Печорах — в России — не скрою, почувствовала себя там больше на родине, чем в Москве в 1956 году” (Шаховская 1991: 289).

Граница изменила восприятие пространства. Телефон, телеграф, с которыми связана проволока, помогают преодолеть про-

странство. Колючая проволока, наоборот, препятствует его преодолению. От Нарвы, входившей до конца 1917 г. в состав Петербургской губернии, до Петербурга всего 120 километров. Бывший петербуржец, известный критик и журналист Петр Пильский, проходя в 1923 году по железнодорожному мосту в Нарве (а железнодорожная дорога от моста вела в Россию, к Петербургу) размышляет: “Все время кажется, будто между когда-то великолепным царственным городом, величавой Петровской столицей и этим мостом пролегло тысячное непобедимое пространство. А ведь до Петербурга отсюда, поистине, рукой подать” (Пильский 1923). Как бы частью проволоки является и окрашенный в красный цвет шлагбаум, стоящий на границе рядом с проволочным ограждением и останавливающий на время движение поезда или машины, пересекающих границу.

Проведение границы изменило и восприятие времени. Для детей, воспитывавшихся уже в Эстонии, события, происходившие незадолго до революции 1917 года, воспринимались также, как исторические события, происходившие несколько веков назад. Тамара Петровская-Халили, вспоминая детство в Эстонии, писала: “Для нас, выросших уже вне России, то, что было до революции, или то, что происходило при Тишайшем царе, — приблизительно одно и то же. По ощущению давности и реальности разницы не было” (Петровская-Халили 1994: 22). Совсем другое ощущение времени было у русских эмигрантов, покинувших Россию в годы гражданской войны. Они воспринимают все, происходившее до революции, как совсем недавнее прошлое. Эмигранты не понимают, что возник не только пограничный, но и временной барьер. Кажется, что еще совсем недавно они расстались со своими родственниками и друзьями в России, но за это время их родственники и друзья убиты или высланы или живут в нужде в коммунальных квартирах. И сам эмигрант для советской власти — “чужой”. Попытки не видеть этого временного барьера кончаются крахом. В рассказе Владимира Гущика “На озере” изображен простой деревенский парень Никанор, служивший в годы гражданской войны у белых. Он живет в Финляндии на берегу озера у кладбищенского сторожа Яна и страстно тоскует по России, хотя живет в эмиграции уже шестой год. Парень решил вернуться в Россию. Никанор переходит границу и оказывается снова на родине. “Ему казалось, что не дальше как только **вчера** <выделено мной. — Г. П.> он ушел из

деревни и вот сегодня с рассветом войдет в родную избу и заживет своей прежней крестьянской жизнью” (Гущик 1929: 118). Его эйфорическое настроение быстро исчезло после встречи с советскими пограничниками. Никанора посадили в чулан. Парень услышал, что получен приказ его расстрелять и, вышибив замок, сбежал из чулана. Он снова переходит границу и возвращается жить к сторожу Яну. После пережитой трагедии для Никанора время, связанное с деревней под Череповцом, с Россией — это уже не “вчера”, даже не пять лет назад, а какое-то нереальное прошлое, близкое ко сну. “Теперь родина была далеко, и уже казалось, что вся его жизнь прошла около Яна, а деревня, Череповец и Россия были где-то во сне” (Гущик 1929: 121). Восприятие времени взрослым человеком в рассказе Гущика приближено к восприятию времени русскими детьми, выросшими вне России.

Пограничная проволока в сознании русских Эстонии полисемантическая. В конце 1919 года, когда официально установленной границы еще не было, перейти проволочные ограждения, отделяющие эстонскую территорию от России, для беженцев, отступающих вместе с Северо-западной армией, означало одно — спастись от большевиков. Семья беженцев Сидяковых, благодаря пропуску, проходит через проволочные ограждения. В грязной одежде, с мешками они бредут по Ивангороду. “Направо и налево тянулись заборы, деревянные дома <...> Начали попадаться вывески, преимущественно русские, с такими для нас, выходцев из “советского рая”, дикими надписями, как “чайная”, “трактир”, “торговля разными продуктами” и т.д. Как-то вдруг почувствовалось, что мы вступили в другой мир, резко отличный от того, который остался сзади, за проволокой, и что эта проволока окончательно ставила границу между нами и большевиками” (Сидяков: 283). Если попасть в Эстонию через проволоку — спастись от большевиков, то быть высланным за проволоку — погибнуть от рук тех же большевиков. Вскоре после окончания гражданской войны было 150 случаев высылки русских эмигрантов в советскую Россию. Комитету русских эмигрантов в 135 случаях удавалось отменить или смягчить меру. Купеческая семья Сидяковых, благополучно перешедшая через ворота в проволочных ограждениях, тоже подлежала высылке, но им удалось уехать в Латвию. Сергей Сидяков вспоминал: “Если бы мы не нашли, куда выехать, то нас должны были доставить по этапу на

советскую границу и выдать большевикам, т.е. на верную смерть” (Там же: 315). Теперь мы можем определить значение выражения “**выслать за проволоку**” — “выслать на смерть”. Такую же семантику имеет этот оборот речи в художественной литературе. Эпизод высылки за проволоку мы находим в романе А. Чернявского-Черниговского “Семь лун Блаженной Бригитты”. В романе изображены бывшие белогвардейцы-летчики, которые пытаются завладеть царским золотом, привезенным большевиками в Таллинн. В какой-то момент пропадает один из бывших офицеров. Его другу в Таллинн позвонили из нарвского отдела комитета русских эмигрантов. В отдел прохожим был доставлен раненый поручик Ганжулов. “По его словам, его **выслали накануне за проволоку**. Но эстонский пограничник, узнав, что он бывший белый офицер, сжалился над ним. В стороне от дороги, он вывел его за проволочное ограждение и там оставил, вместо того, чтобы передать красным. Красная стража заметила беглеца. Стреляла. Раненый, он прополз в болоте под проволочными заграждениями на эстонскую территорию. Ночью, кое-как перевязав свои раны, пришел обратно в Нарву. Случайные прохожие доставили его в комитет” (Чернявский-Черниговский 1938: 348; <выделено мной. — Г. П.>). Случаи высылки “за проволоку” характеризуют неустойчивое положение эмигрантов в 1919–1920 году, когда они враги для большевиков и “чужие” для эстонцев.

В русских газетах Эстонии пограничная проволока постоянно сравнивается с проволокой концентрационных лагерей в СССР или с советской тюрьмой. Вот характерный пример: “Обстоятельства, в которые попала несчастная Россия при большевиках, поразительно напоминают условия концентрационного лагеря. Красные границы превратились в колючую проволоку огромной тюрьмы” (Орский 1922). Газеты буквально пестрят сообщениями об эстонских гражданах, случайно перешедших границу, а затем попавших в тюрьму или на Соловки (СНЛ 1932а, 5; СНЛ 1939).

Можно выделить еще одно значение пограничной проволоки — изгородь для скота, связанное с ее первоначальным предназначением. В эстонских русских газетах указывалось, что колючую проволоку изобрел в 1874 г. американский фермер Глиден, и вначале она получила широкое распространение на сельскохозяйственных фермах, где ею окружали большие пространства (СНЛ 1940). В какой-то мере пограничная проволока вы-

полняла и эту функцию, поскольку границу довольно часто переходили как дикие, так и домашние животные. В метафорическом значении употребляют это выражение советские пограничники, заявляя, что «не нуждаются в этой “изгороди для скота”» (СНЛ 1933). В 1928 г. советский спекулянт, отбывший наказание в тюрьме, был доставлен на советскую границу и, несмотря на его протесты, ему было приказано перелезть через проволочные заграждения. “Павлов упирался и советские пограничники силой протолкнули его через колючую проволоку, на которой в клочьях осталось висеть его платье” (СНЛ 1928). Мир границы — жестокий мир, в котором как нарушители, границы, так сами пограничники уподобляются животным. В рассказе В. Гущика “На озере” чуть не расстрелянный советскими пограничниками Никанор снова переходит границу, возвращаясь в Финляндию. “Никанор, как **собака** кинулся в соседний кустарник и, припав на живот, быстро пополз к проволоке. Он полз, как преследуемое **животное**, распростершись на мокрой траве, напряжив все мускулы, и от страха и злобы скалил зубы, готовый к любой борьбе” (Гущик 1929: 120; <выделено мной. — Г. П.>). У Гущика не только его Никанор, чтобы спасти свою жизнь, ведет себя, как животное, но он видит таких же животных в чуть не расстрелявших его пограничниках: “Скоты! Скоты! Звери-анафемы!” (Там же: 121).

Можно выделить еще одно значение проволоки — решето. После заключения Тартуского мирного договора с Россией в 1920 году Эстония была одной из тех пограничных стран, которые должны были стать барьером от большевизма. Пограничные страны стали санитарной зоной, кордоном между Западом и Востоком. Положение лимитрофов было нелегким, если принять во внимание активную деятельность Коминтерна под руководством Г. Зиновьева в первой половине 1920-х годов, когда под предлогом распространения мировой революции были совершены попытки революционного переворота в Польше, Болгарии, Германии, Бессарабии и Эстонии. В редакционной статье газеты “Последние известия” “Будто без проволоки” показано, что колючей проволоки, отделяющей пограничные страны от агрессивного красного соседа, недостаточно. Если Западная Европа, у которой на границах не митингуют коммунисты, успокоилась, решив, что проволоки достаточно, то пограничные страны думают по-другому. “Стала проволока, как дырявое **решето**”

пропускающее в Европу и агитаторов, и пропагандистов, и шпионов, и спекулянтов” (ПИ 1924в; <выделено мной. — Г. П.>). Интересно, что эта статья написана за две недели до вооруженного коммунистического восстания 1 декабря 1924 года в Эстонии, когда большинство коммунистов прибыло из России по поручению III интернационала, перейдя проволоку.

С образом сита — частого решета, наоборот, связывается мысль о возвращении эмигрантов в Россию. В рассказе В. Гущика “Колесо жизни” бывший ротмистр, эмигрант Сытин буквально клеймит русскую эмиграцию: “Жизнь наша кончена. Жизнь начнется там после коммун, но и России, даже, если она выйдет на чистый путь, такого говна, как эмиграция, не нужно. Эмиграцию будут процеживать через пограничную проволоку, как через сито и девяносто процентов могут рассчитывать на вечное шатание по чужим землям” (Гущик 1931: 108; <выделено мной. — Г. П.>).

Россия на чистый путь не вышла, но после июня 1940 года, когда в советской Эстонии начались аресты, русскую эмиграцию стали действительно “процеживать”. Ю. Иваск писал: “Исчезали преимущественно русские: в первую очередь, крестроссы, младороссы, заправили Обще-Воинского Союза” (Иваск 1987: 136). Тех, кого не расстреляли, отправляли через пограничную проволоку (в первый год советской власти в 1940–1941 году жителей Эстонии в Россию не пускали и граница зорко охранялась советскими пограничниками) в Сибирь за проволоку концлагерей.

Ю. И. Абызов писал о Державе, догнавшей беглецов в 1940 г. в Прибалтике (Абызов 1997: 20). Русского эмигранта, историка Николая Андреева, выпускника Таллиннской русской городской гимназии, Держава догнала через 5 лет в Чехословакии. В 1945 году в Праге повторился процесс процеживания: “Еще более откровенно, чем нацисты, коммунисты начинают процеживать население сквозь свое **решето**. В этот момент чехи еще не находятся под их контролем, но русская эмиграция уже всецело в лапах советских контролеров” (Андреев 1996 II: 202–203; <выделено мной. — Г. П.>).

Ю. М. Лотман писал о границе: “Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет” (Лотман 1996: 183). Проволоке как метафоре границы присущи те же черты. В написанной в эссеистическом духе статье Ярослава Воинова “У венца тернового” выведен религиозный аспект

пограничной проволоки, редко встречающийся в русских газетах. Колючая проволока — венец терновый “на России, во Христа облеченной” (Воинов 1922). В эссе изображен старик, который восстанавливает кресты неподалеку от границы. Он говорит о необходимости проволоки как символа страдания: “Без тернового венца не по Христову было бы. Без крестной муки — не Голгофа. А без того и другого — нет надежды на воскресение. Ни Россию от мира, ни мир от России железной колючкой не отгородишь, сколько рядов ее не вколачивай. Проволока эта и не пограничная мера и не военная защита. Она — символ. Ее стальные шипы назначены не пролазам по спекулянтскому делу и не передовому солдату с любой стороны. Они для нашей души, для всех, кому заказан путь войти и выйти”. Старик в эссе Воинова, у которого во время гражданской войны погиб сын, надеется, что со временем “злобные колючки в сердце” (Там же), которые гораздо важнее пограничной проволоки, у людей отпадут, красные и белые сольются. Здесь дан не только религиозный, но и коммуникативный аспект проволоки. Проволока — то, что объединяет людей, колючие шипы на ней — то, что разъединяет. Соединение людей возможно лишь тогда, когда отпадут шипы.

Подведем итоги. В романе эстонского писателя Эмиля Тодэ “Пограничье” (Tode 1993; Тодэ 1997) Эстония, которая в романе ни разу не называется — одна из восточноевропейских стран. Это Восток. В 1920–30-е годы Эстония была одной из стран Западной Европы, через которую проходила граница между Востоком и Западом. Границей же служила не высокая, хорошо охраняемая Берлинская стена, а колючая проволока, через которую можно было легко перейти. Падение Берлинской стены привело к расцвету демократии и объединению Германии, исчезновение проволоки на эстонско-советской границе, напротив, усилило тоталитарный режим и раздвинуло границы СССР на Запад. Граница возникает вновь там, где есть память о границе. Эту границу помнили русские путешественники, пересекавшие границу реки Наровы в XVIII–XIX веках. Память о границе сохраняли и эстонцы в годы советской власти. Но если в 1920–30-е годы существовала “Россия в Эстонии”, воспринимавшая границу как проволоку, то не менее сложное и болезненное отношение к эстонско-русской границе у русских в Эстонии и сейчас.

Литература

- Абызов, Ю. (1997). Эскапизм как подоснова русско-балтийского бытия. *Русские Прибалтики. Механизм культурной интеграции (до 1940 г.)*. Вильнюс.
- Алексеев, П. (1934). Грехи отцов. *Панорама*. 3.
- Андреев, Н. (1996). То, что вспоминается. Т. I–II. Таллинн.
- Воинов, Я. (1996). У венца тернового. Последние известия. 13 авг.
- Гущик, В. (1929). Христовы язычники. Таллинн.
- Гущик, В. (1931). На краю. Таллинн.
- Иваск, Ю. (1987). Повесть о стихах. Нью-Йорк.
- Курушев, М. (1926). Современные песни деревни. День русского просвещения. 6 июня.
- Лотман, Ю. (1996). Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. Москва.
- Матиссен, Э. (1995). Эстония — Россия. История границы и ее проблемы. Таллинн.
- Mattisen, E. (1993). *Eesti-vene piir*. Tallinn.
- Новиков, С. (1927). На границе совдепии. Наша газета. 4 окт.
- Орский (Воинов Я.) (1922). Рецептик самогонки. Последние известия. 26 мая.
- Петровская-Халили Т. (1944). Рассказы о русских людях в Эстонии. "По дороге оттуда". В Америке. Нью-Йорк.
- Piirivalvur (1932). 1922–1932. Tallinn.
- Пильский П. (1923). Нарва. Статья первая. *Последние известия*. 23 сент. Последние известия 1923 (далее — ПИ). *Открытие нарвского моста*. 13 дек.
- ПИ 1924а. "России" нет — есть "СССР". 13 февр.
- ПИ 1924б. Хроника. 28 марта.
- ПИ 1924в. Будто без проволоки. 14 нояб.
- Свобода России (1920). На рубеже. 4 апр.
- Сидяков С. Летопись беженства. Публ. Ю. Сидякова.
- Балтийский архив. *Русская культура в Прибалтике*. Таллинн., без г. т. П.
- Старый Нарвский Листок 1928а (далее — СНЛ). *Перешел границу в нижнем белье*. 12 мая
- СНЛ 1928б. *1 мая на советской границе*. 5 мая.
- СНЛ 1929. Ягодницы очутились за советской проволокой. 11 июля.
- СНЛ 1930. О проволочном заграждении. 29 мая.
- СНЛ 1931. Замучили до смерти. 22 окт.
- СНЛ 1932а. Бежал с Соловков. 26 нояб.
- СНЛ 1932б. Мытарства эстонского гражданина в СССР. 8 дек.
- СНЛ 1933. Пограничные столбы нуждаются в ремонте. 11 мая.
- СНЛ 1936. На границах двойные проволочные заграждения. 16 дек.
- СНЛ 1937. Хроника. 4 окт.

- СНЛ 1939. *Нарвлянин о Соловках. Жуткий рассказ бежавшего с советской каторги*. 13 авг.
- СНЛ 1940. Кто изобрел колючую проволоку? 19 июня.
- Тименчик Р. (1988). К символике телефона в русской поэзии. Уч. зап. Тарт. Ун-та. Вып. 831. *Тр. по знаковым системам*. 22. Тарту.
- Тодэ Э. (1997). Пограничье. Пер. В. Рубер. *Дружба народов*, 12.
- Tode E. (1993). Piiriikiik. Tallinn.
- Тойнби А. (1995). Цивилизация перед лицом истории. СПб.
- Толстой А. (1983). Голубые города. *Собр. соч. в 10 тт.* т. 4. Москва.
- Чернявский-Черниговский А. (1938). *Семь лун Блаженной Бригитты*. Таллинн.
- Шаховская З. (1991). *В поисках Набокова. Отражения*. Москва.

Border and the barbed wire

In our article we consider how the Soviet–Estonian border was received by Russian cultural strata in Estonia in the 1920s and 30s not only in a historical but also in a semiotic aspect as a problem of communication. In the texts of Russian writers and in Russian newspapers in Estonia, the Soviet–Estonian border was not only called a ‘boundary’ but also a ‘wire’. The semiotic nature of ‘barbed wire’ is ambivalent. On the one hand it prevents communication which places it together with such boundaries as the Chinese- or Berlin Wall. On the other hand, ‘wire’ can provide communication similarly to the telegraph or telephone. The function of ‘communication providers’ in those cases, however, is different. While the telegraph and telephone help to overcome distance, ‘border wire’, on the contrary, hinders communication. The image of a Soviet frontier guard was also ambivalent. He was simultaneously regarded as ‘alien’ (Soviet) and as one of us (Russian). The reception of time by emigrants and their children was different. For grown-ups pre-Revolutionary life belonged to the recent Past while for their children it was already Pluperfect. We analyse the semantic connotations of the ‘border wire’ in Russian mentality in Estonia. The expression ‘to send beyond the wire’, connected with the repatriation of emigrants to Russia by the Estonian government in 1919–20, meant ‘to send to death’. The ‘border wire’ maintained also its primary meaning: ‘cattle wire’. The ‘barbed wire’ that could be easily penetrated, was compared with a ‘sieve’. Sometimes the religious connotation could also be observed: the ‘barbed wire’ as a wreath of thorns. At the end of the article, the ‘wire’ is characterised in its historical application as an unreliable boundary between East and West in the 1920s and 30s.

Piir ja okastraat

Artiklis vaadeldakse eesti-nõukogude piiri mõistmist 20–30-ndate aastate eesti vene kultuuris ajaloolisest ja semiootilisest aspektidest lähtuvalt kui kommunikatsiooniprobleemi. Eestimaal ilmunud vene ajakirjanduses ja ilukirjanduslikes teostes nimetati eesti-nõukogude piiri tihti *okastraadiks*. *Okastraadi* semiootiline olemus on ambivalentne. Kui traattõke ta takistab kommunikatsiooni ja kuulub selliste piirirajatiste hulka nagu Hiina müür või Berliini müür. Teisalt omab “*provoloka*” *traadi* tähenduses sarnasust telefoni ja telegraafiga kui sidekanal, mis reaalselt siiski kommunikatsiooni pigem takistab kui võimaldab. Nõukogude Liit kasutas piiri ühepoolseks suhtlemiseks — kommunistliku propaganda levitamiseks. Selleks puhuks olid piiri lähedusse ehitatud “punased” tribüünid. Bolševike eesmärgiks oli hävitada piir ja muuta Eesti kommunistlikuks maaks. Alles seoses Saksamaa kallaletungi ohuga tugevdab NSVL 30-ndate aastate teisel poolel piirirajatisi. Niisiis, rajades omalt poolt okastraattõkked alles enne sõda, pidas NSVL pikka aega okastraati eesti-nõukogude piiril “võõraks”. 20-ndate aastate alguses eesti piirivalve poolt paigaldatud okastraati ei pidanud “omaks” ka siin elavad venelased. Eesti venelaste jaoks oli okastraat nõukogude poolele kuuluv, ajalehtedes nimetatakse piiri valdavalt “nõukogude okastraadiks” või “punaseks okastraadiks”. “Okastraadi taga” on poliitilised vaenlased, aga samas on sinna jäänud ka “omad”: sugulased, sõbrad, kelledega soovitakse kontakte. Siit ka vastuoluline suhtumine piiri, mis ühtaegu pakub kaitset ja lõhub sidemeid. Väärib märkimist, et 30-ndate aastate lõpuks oli küllalt ka neid venelasi, kes sümpatiseerisid bolševikele ja kellede suhtumine piiri kujunes sellele vastavaks.

Artiklis käsitletakse seose piiriga ka Eesti venelaste ettekujutusi ajast ja ruumist üldisemalt. Analüüsitakse “okastraadi” tähendusi kui teadvuse probleemi. Väljend “saata okastraadi taha”, mis seostus vene emigrantide maalt väljasaatmisega eesti võimude poolt, omas, näiteks, tähendust “saata surma”. Piiri tähistav okastraat assotseerus NSVL koonduslaagrite okastraadiga, säilitades ka tähenduse “okastraat loomakarja jaoks”. Okastraati võrreldakse ka sõelaga. Harvem seostub ta religioosse sümbolikaga — okastraat kui okaskroon. Artikli lõpus määratletakse okastraati kui ajaloolises mõttes ebakindlat piiri Lääne ja Ida vahel 20–30-ndatel aastatel. Piiri kaotamine Eesti ja NSVL vahel tähendas nõukogude totalitarismi levikut kaugemale Läände.

О системах стихосложения (преимущественно на материале эстонского и русского стиха)*

Михаил Лотман

Памяти Яака Пыльдмяэ

1. Проблема

В истории науки нередко встречается, что наиболее фундаментальные понятия являются одновременно и наиболее устаревшими, не соответствующими современному состоянию научного знания. Одним из таких основополагающих и в то же время устаревших понятий в науке о стихе является понятие системы стихосложения (в дальнейшем — СС). Утвердившись в русском стиховедении в самом начале его развития, понятие СС осталось практически неизменным, представляясь, по-видимому, в достаточной мере очевидным.

Существует немало различных определений СС, но если отвлечься от малосущественных деталей, смысл всех их сводится примерно к следующему. СС — это:

совокупность основных принципов и правил, в соответствии с которыми производится построение стихотворной речи (Беляев 1966)¹.

---

* Работа над этой темой была начата еще в 1970-е годы (Лотман 1974; 1982), возможности завершения ее автор обязан поддержке Фулбрайтовского фонда (грант #19951).

¹ От других, с содержательной точки зрения аналогичных, приведенное определение выгодно отличается именно своей краткостью.

Стандартный набор СС, известный еще А. Х. Востокову и Н. Остолопову, включает **метрическое** (квантитативное), **силлабическое** и **тониическое** (акцентное) стихосложение. Используются и комбинированные наименования, наиболее распространенным из которых является **силлабо-тоника**. Приведенное определение и список будем называть **стандартной теорией СС**.

Стандартная теория сталкивается с целым рядом проблем при решении как теоретических, так и дескриптивных вопросов. В теоретическом плане на первый план выступают следующие проблемы:

- (а) каково место СС в механизме стиха, каково соотношение их, в первую очередь, с факторами метрики и языковой просодики;
- (б) насколько полным является набор СС и существуют ли какие-либо критерии его полноты;
- (с) как соотносятся между собой различные СС.

В отношении (а) существует несколько принципиально между собой не совместимых мнения. Поскольку, согласно стандартной теории, в СС заключены самые основные принципы построения стихотворной речи, следует предположить, что факторы, связанные с метрической и просодической структурой стиха, выступают по отношению к СС как вторичные, производные от них. Не менее распространенной, однако, является и противоположная точка зрения, согласно которой именно лингвистические (и, в частности, просодические) факторы имеют определяющее значение, а метрика и СС являются производными от них (таково, например, мнение Л. И. Тимофеева и некоторых его последователей; ср. ниже о концепции Я. Пыльдмяэ).

Бессодержательность понятия СС приводит к тому, что многие авторы в своих наиболее принципиальных исследованиях обходятся вообще без него; наиболее впечатляющий пример: грандиозная как по охвату материала, так и по детальности его обследования монография М. Л. Гаспарова (Гаспаров 1974); в следующей книге М. Л. Гаспаров придерживается более или менее традиционного подхода к СС (Гаспаров 1984) и только в обобщающем очерке истории европейского стиха сам материал подсказывает более дифференцированный подход, во многом приближающийся к предлагаемому в настоящей работе (см. Гаспаров 1989).

Что касается (*b*), то очевидно, что ни о какой полноте стандартного набора СС говорить не приходится: китайский, библейский, древнетюркский, русский народный стих, народный стих прибалтийско-финских народов (эст. *regivärss*, финск. *Kalevalan mittä*), современный *vers libre* и мн. др. не могут быть естественным образом отнесены к какой-либо СС из стандартного списка. Даже если соответствующим образом расширить стандартный список, то и тогда уверенности в его полноте нет и не может быть, поскольку не ясен сам принцип выделения СС. Так, Б. В. Томашевский относил русские двусложные и трехсложные размеры к различным СС (Томашевский 1959), Е. Д. Поливанов, пересматривая привычное соотношение силлабизма и тоники, выделял следующие СС: силлабическую (сюда он относил классическое японское стихосложение), силлаботоническую (сюда он относил французское стихосложение, традиционно считающееся силлабическим) и тонико-силлабическую (к этой СС он относил русскую классическую поэзию XVIII–XX веков, которую в XVIII–XIX вв. обычно называли тонической, а в XX в. — силлаботонической; Поливанов 1963; ср. также Леонтьев 1978).

Нет ясности и в вопросе о соотношении различных СС. Так, очевидно, что метрические и силлаботонические стихи в каком-то отношении подобны друг другу; на этом подобии основывалось, в частности, перенесение античной стиховедческой терминологии в силлаботоническое стихосложение новоевропейских поэтических систем. С другой стороны, в каком-то ином отношении силлаботоника сближается с чистой тоникой, поэтому оказываются возможными (например, в русской поэзии) переходные формы между ними.

В дескриптивном отношении основным неудобством стандартной теории является заведомая неопределенность критериев отнесения некоторой стихотворной формы именно к данной СС (ср., например, многочисленные споры и недоразумения, касающиеся русского народного стиха, русской силлабики, стихосложения Маяковского и т.п.; но, вероятно, наиболее показательной является дискуссия относительно русского классического стихосложения: если в XIX веке оно по традиции, идущей от В. К. Тредиаковского считается тоническим, то Н. В. Недоброво называл его силлаботоническим и даже силлабическим (Не-

доброво 1912), Б. В. Томашевский, со ссылкой на Третьяковского, — снова тоническим², Е. Д. Поливанов — тонико-силлабическим, а Б. Я. Бухштаб выделяет в нем две разновидности: силлабо-тоническую и акцентно-силлабо-тоническую (ср. ниже). Не удивительно поэтому, что многие исследователи стиха в своих штудиях предпочитают обходиться вообще без термина СС (наиболее значимый в этом отношении пример — Гаспаров 1974). Не менее показательным и то обстоятельство, что многие из современных учебных и справочных пособий также, по сути дела обходятся без понятия СС (Руднев 1990, Sherr 1986, Princeton 1985³, Hobsbaum 1996 etc).

2. Попытки ревизии стандартной теории СС

Недостатки стандартной теории стали в русском стиховедении очевидны уже в 1920-е годы, когда понятие СС и стандартный их набор неоднократно становились предметом специального анализа; было предпринято также несколько попыток их новой систематизации и даже исчисления⁴. Наибольший интерес пред-

---

² Ср.: Наше стихосложение строится не на двух началах, а на одном: на законе распределения ударений. Равенство слогов в стихах одинакового размера — автоматическое следствие первого принципа. Поэтому правильнее было сохранить название, присвоенное системе русского стиха еще Третьяковским: тонические размеры (Томашевский 1957, 128).

Справедливости ради стоит отметить, что В. К. Третьяковский, который ввел это стихосложение, называл его не ‘тоническим’, а ‘тб-тоническим’.

³ Также обстоит дело и в позднейших изданиях этого справочника.

⁴ Идея исчисления систем стихосложения (и — шире — феноменов поэтики и стилистики вообще) в 1910–40-е годы в русском стиховедении, что называется, “носились в воздухе”. В этом контексте следует рассматривать стиховедческую деятельность В. Брюсова (Брюсов 1919 и 1924; ср. также Гиндин 1970, 1973 и др.), отчасти Б. И. Ярхо, в научной личности которого парадоксальным образом сочетались скрупулезный эмпирик со страстным систематизатором; к этому же времени относится и работа М. П. Штокмара над “менделеевской системой” систем стихосложения, которая однако так и осталась незавершенной (ср. Гас-

ставляют в этой связи работы В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского и Е. Д. Поливанова; позже близкие идеи были высказаны в работах ряда западно-европейских и североамериканских исследователей, например, Дж. Лотцем в рамках его концепции “метрической типологии” (Lotz 1960), П. Лейно (Leino 1979) и др. Названные авторы убедительно вскрыли недостатки стандартной теории, однако меры по преодолению этих недостатков носят у них половинчатый характер.

Наиболее кардинальному пересмотру стандартная теория подверглась в исследованиях Я. Пыльдмяэ, посвященных эстонскому стихосложению, и Б. Я. Бухштаба, посвященных стихосложению русскому.

2.1. Аксиоматический подход: концепция Я. Пыльдмяэ

В основе подхода Я. Пыльдмяэ лежит представление (высказанное ранее его научным руководителем Вяч. Вс. Ивановым⁵), что все возможные в поэзии некоторого языка СС можно вывести из свойств его фонологической системы. Такой подход к выделе-

---

паров и др. 1987). Р. О. Якобсон в этом отношении (как и во многих других) должен рассматриваться как своего рода мост между русской (и — шире — европейской) филологией и американской. Опубликованная в 1941 году в Стокгольме совместная с Дж. Лотцем работа, посвященная аксиоматическому описанию мордовского стихосложения, стимулировала многие исследования в этой области (Jakobson, Lotz 1941); ср. хотя бы последующие работы Дж. Лотца.

⁵ Эту идею, очевидным образом восходящую к Р. О. Якобсону и Дж. Лотцу, Вяч. Вс. Иванов впервые высказал на совещании по применению математических методов в литературоведении в Горьком в 1961 году; ср. краткое ее изложение в обзоре А. К. Жолковского:

Одним из плодотворных путей развития поэтики является аксиоматическое описание метрических систем, позволяющее выводить не только существующие, но и все мыслимые метрические системы на основе знаний о фонологических системах соответствующих языков (Жолковский 1962, 96).

Очевидно, что дело идет здесь не о метрических системах, а именно о СС.

нию СС получил название аксиоматического. Так, для эстонского языка значимыми являются следующие просодические характеристики:

- (а) фонологическая выделенность всех слогов (безударные слоги не редуцируются);
- (б) по крайней мере частичная фонологичность словесного ударения;
- (с) фонологичность слогового квантитета.

В результате этих особенностей эстонский язык создает предпосылки для следующих восьми СС:

1. **Силлабическая система**, в которой упорядочено число слогов в стихе.
2. **Просодические системы**: упорядочено число слогов, отмеченных некоторыми просодическими признаками (но не упорядочено общее число слогов):
  - а. **Квантитативная система**. Упорядочено чередование долгих и кратких слогов в стихе.
  - б. **Акцентная система**. Упорядочено число слогов, несущих основное ударение.
  - с. **Акцентно-квантитативная система**. Упорядочено как число слогов, несущих основное ударение, так и чередование долгих и кратких слогов в стихе.
3. **Силлабо-просодические системы**: упорядочено как общее число слогов в стихе, так и число слогов, отмеченных некоторыми просодическими признаками:
  - а. **Силлабо-тоническая система**. Упорядочено появление слогов, несущих основное ударение, и общее число слогов в стихе <...>.
  - б. **Силлабо-квантитативная система**. Упорядочено общее число слогов в стихе, а также чередование долгих и кратких слогов.
  - с. **Квантитативно-силлабо-тоническая система**. Упорядочено появление слогов, несущих основное ударение, общее число слогов в стихе, а также чередование долгих и кратких слогов.
4. **Свободный стих**. Не упорядочено ни число слогов, ни число ударений, ни чередование долгих и кратких слогов; от прозы этот стих отличается (помимо различий в синтаксисе,

грамматике и лексике) особым ритмико-интонационным членением. (Pöldmäe 1978, 84–85)⁶

Особенно примечательно, что по мнению Я. Пыльдмяэ все восемь названных СС не только возможны теоретически, но и реально встречаются в практике эстонского стихосложения, что представляется совершенно уникальным в мировой поэтической практике явлением.

Система Я. Пыльдмяэ, привлекающая своей наглядностью и простотой, по сравнению со стандартной теорией обладает еще одним несомненным достоинством: построенная по правилам комбинаторики, она оказывается в состоянии дать исчерпывающий (в рамках этой системы) ответ, сколько и какие СС в принципе возможны в поэтической культуре данного языка. Не приходится поэтому удивляться, что подход Я. Пыльдмяэ нашел применение при описании поэтических систем самых различных языков.

Так, несколько модифицировав методику Я. Пыльдмяэ, Б. Ф. Егоров (Егоров 1973) предложил аналогичное исчисление СС для русского стиха. В отличие от Я. Пыльдмяэ, Б. Ф. Егоров различает системы, основанные на *счете* ударений в стихе при постоянном числе слогов (например, логазды и изосиллабические дольники), от систем, основанных на *расположении* ударений при постоянном числе слогов (традиционная силлаботоника), что делает его систему более гибкой⁷. Учитывая в качестве системообразующего фактора еще и рифму, Б. Ф. Егоров получает шестнадцать СС, возможных в русской поэзии. Другие модификации подхода Я. Пыльдмяэ были применены для аксиоматического описания киргизского и финского стихосложения (Шаповалов 1978, Leino 1979, 1982, 1986).

Таким образом, в рамках аксиоматического подхода теория СС приобретает, наконец, очертания, приемлемые для современного стиховедения. Вместе с тем, при всех его несомненных

⁶ Ср. также Пыльдмяэ 1970.

⁷ В своем отзыве на докторскую диссертацию Я. Пыльдмяэ Б. Ф. Егоров, который был официальным оппонентом на ее защите, указывал, что аналогичное разграничение следовало бы произвести для количественного: это позволило бы различать системы, основанные на счете длительностей, от систем, основанных на их расположении.

достоинствах, подход этот в том виде, в каком он предстает в работах Я. Пыльдяэ, представляется уязвимым по крайней мере в следующих отношениях:

- (а) соотношение принципов стихосложения с параметрами структуры ЕЯ трактуется излишне прямолинейно;
- (б) при этом анализ просодической системы ЕЯ недостаточно детален;
- (с) аксиоматическая база страдает нечеткостью;
- (d) *vers libre* определяется чисто негативно.

Что касается первой из этих проблем, то сама установка на исчисление СС на основании лишь фонологических данных не представляется реалистичной. Языковые данные — лишь один из факторов, участвующих в формировании системы стиха. Основополагающий в этом смысле тезис был сформулирован Р. О. Якобсоном еще в начале 1920-х годов:

Стихосложение никогда не может быть выведено целиком из наличного языка. (Якобсон, 1923)

За прошедшее с тех пор время тезис этот не только не устарел, но и нашел подтверждение все новыми примерами. Влияние иноязычной поэтической системы, культурно более авторитетной нежели национальная, может стать более значимым фактором, чем структурные характеристики национального языка. Так, в тюркских языках, не знающих слогового квантитета, был привит аруз, основанный именно на противопоставлении долгих и кратких слогов и т.п.

В отношении (b) необходимо отметить, что наличие в языке того или иного просодического принципа вовсе еще не означает, что он может быть естественным образом использован в качестве конститутивного признака СС. Просодические признаки, равно как и любые другие языковые элементы, следует рассматривать не атомарно, но системно: в соотношении их со всеми остальными компонентами просодической системы языка. Так, любое использование силлабического принципа (не только в чистой силлабике, но и, например, в силлаботонике) в языках с сильным динамическим ударением блокируется количественной редукцией безударных слогов. Подобным же образом сильное динамическое ударение блокирует действие квантитативного принципа даже в тех языках, где есть фонологическая оппозиция

долгих и кратких слогов (Якобсон 1923). Поэтому при анализе языковой базы той или иной СС следует иметь ввиду не отдельные признаки, а **просодическую систему** языка (см. п. 4)⁸.

С точки зрения (с), необходимо отметить принципиальную несоразмерность признаков, вводимых Я. Пыльдмяэ и его последователями. Так, у ударения функции принципиально иные, нежели у долготы⁹, поэтому возможно, например, стихосложение, основанное на счете лишь ударных слогов при полном игнорировании слогов безударных, однако аналогичных количественных построений, ведущих счет лишь долгим слогам и игнорирующих все краткие, как будто, не зарегистрировано¹⁰.

Чисто негативное определение *vers libre* — отсутствие какой бы то ни было упорядоченности (Я. Пыльдмяэ), “нулевая система стиха, где отсутствуют какие-либо показатели ритма” (Б. Ф. Егоров) — не может считаться удовлетворительной и, вероятно оно не удовлетворяло и самого Я. Пыльдмяэ, который, для того, чтобы отделить *vers libre* от прозы, вводит дополнительные оговорки *ad hoc*, не имеющих аналогий при выделении других СС и явно нарушающих логику классификации (Гаспаров и др. 1987).

---

⁸ Когда автор этих строк в устной беседе с Я. Пыльдмяэ высказал это возражение, то последний не только выразил свое принципиальное согласие, но и в своей последней книге (Põldmäe 1978) постарался дать более гибкую, по сравнению с предшествовавшими публикациями аргументацию (ср. Гаспаров и др. 1987).

⁹ Если использовать терминологию Н. С. Трубецкого (Трубецкой 1960), то долгота выполняет в языке дистинктивную функцию, в то время как ударение — дистинктивную и кульминативную функцию в языках со свободным ударением, а в языках с фиксированным ударением — кульминативную и делимитативную.

¹⁰ Ср. впрочем интересный, но далеко не бесспорный подход Е. Куриловича к анализу древнегерманского и латинского стихосложения (Курилович 1962a, 1962b, Kuryłowicz 1975).

2.2. Основы и типы русского стиха: подход Б. Я. Бухштаба

По сравнению с глобализмом аксиоматического подхода, Б. Я. Бухштаб в своих стиховедческих публикациях преследует гораздо более скромные цели: не разработку универсального подхода к определению и исчислению СС в любом языке, а выявление и описание основ русского классического стиха (о путанице в этом вопросе ср. выше). Тем не менее работы эти представляют существенный интерес и с точки зрения общей теории стихосложения.

Б. Я. Бухштаб вводит важное понятие **принципа** стихосложения, выполняющего функции своего рода дифференциального признака СС (самого термина СС Б. Я. Бухштаб не употребляет, предпочитая говорить о **типах** стиха). По мнению исследователя, в классическом русском стихосложении учитываются по крайней мере следующие три принципа:

- (1) **Силлабический** принцип урегулированного числа слогов в стихе;
- (2) **Акцентный** принцип урегулированного числа ударений в стихе;
- (3) **Тонический** принцип урегулированного распределения сильных и слабых слогов в стихе (Бухштаб 1973, 104).

Далее, подобно тому, как это делалось в системе Я. Пыльдыяз, возможно исчисление различных типов стиха; обозначив акцентный, силлабический и тонический принципы начальными буквами А, С и Т, Б. Я. Бухштаб предлагает такую типологию русского стихосложения:

А Акцентный стих

С Силлабический стих

Т Вольный стих¹¹

АТ Полноударный стих с вариациями анакруз

СТ Урегулированный неполноударный стих

АСТ Урегулированный полноударный стих.

(Бухштаб 1973, 109)

---

¹¹ Под вольным стихом здесь понимается, в первую очередь, вольный ямб.

Еще один, возможный по логике классификации, тип АС (т.е. “равноударный силлабический стих”) не свойственен, по мнению Б. Я. Бухштаба, русскому стихосложению (правда, он сам приводит пример такого стиха: стихотворение Кольцова *Могилы*)¹².

Уже здесь можно отметить определенную двойственность в определении основных понятий. Во-первых:

Под урегулированным числом понимается равное число либо в каждом стихе, либо в стихах, связанных между собой: в корреспондирующих стихах строф, в стихах, принадлежащих к тому же звену полиметрической композиции и т.п. (Бухштаб 1973, 104).

Приведенное определение является по сути дела тавтологичным, поскольку урегулированность определяется через корреспонденцию, в то время как последняя есть частное проявление урегулированности. Далее:

Акцентный принцип имеет место только в полноударном стихе, в неполноударном равенства или урегулированного числа ударений нет (Бухштаб 1973, 108–109).

Вот это положение представляется уже совершенно неудовлетворительным: если нет урегулированности (т.е. корреспонденции) ударных позиций, то как вообще можно говорить о полноударности или неполноударности, т.е. различных вариантах реализации определенной урегулированности¹³.

¹² Поскольку Б. Я. Бухштаб все же не готов к отождествлению понятия принципа стихосложения с его дифференциальным признаком, он не может явным образом приписывать ему отрицательное значение; поэтому он, в отличие от Я. Пыльдыяз, не предусматривает даже теоретической возможности такого типа стиха, который характеризовался бы лишь отрицательно, т.е. –С, –А и –Т (неявное же приписывание отрицательных значений, разумеется, имеет место: фактически тип С означает +С, –А, –Т; тип А означает –С, +А, –Т и т.п.).

¹³ Данный пассаж представляется сомнительным не только в теоретическом, но и в фактическом отношении: *неполноударность* вовсе не обязательно влечет за собой *неравноударность*. Так, в русском Я4 или Х4 преобладают трехударные стихи, поэтому не приходится удивляться тому, что значительные куски, а то и целые тексты, написанные этими размерами, состоят лишь из трехударных стихов, ср.:

Основной особенностью концепции Б. Я. Бухштаба является разграничение А и Т принципов, позволяющее ему, в частности, отказаться от дихотомии метр/ритм¹⁴. Проследим некоторые следствия, вытекающие из этого положения.

Силлабическим стихом может считаться только изосиллабический стих, акцентным — только изотоничный. Это создает искусственную проблему позиционно урегулированных (или — в традиционной, но менее удачной терминологии — строфически урегулированных¹⁵) и вольных силлабических и акцентных стихов¹⁶, а в случае силлабического стихосложения не ясно даже как следует оценивать альтернацию клаузул. Такое положение представляется тем более искусственным, что для русского классического стихосложения возможность вольного стиха не только допускается, но специально предусматривается (как типа

В темном пламени свечи	— ∪ — ∪ — ∪ —
Зароились как живые,	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Мигом гибнут огневые	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Брызги в трепетной ночи,	— ∪ — ∪ — ∪ —
Но с мольбою голубые	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Долго теплятся лучи	— ∪ — ∪ — ∪ —
В темном пламени свечи.	— ∪ — ∪ — ∪ —

(И. Анненский *Свечка гаснет*)

¹⁴ Бухштаб 1969.

¹⁵ Неудачность традиционной терминологии состоит в том, что она может создать неадекватное представление о характере чередования. Так, в зависимости от длины строфы обычно различаются четверостишия Я4343, шестистишия Я434343, восьмистишия Я43434343 и т.п., в то время как вполне очевидно, что в таких случаях конфигурация стопностей определяется вообще не типом строфы, но исключительно позицией стиха: все нечетные стихи 4-стопны, четные — 3-стопны. Поэтому мы и предпочитаем говорить о позиционной урегулированности и обозначать этот размер как Я43.

¹⁶ Если позиционно урегулированные размеры с известной долей условности системой Б. Я. Бухштаба допускаются (ср. выше о корреспондировании строк), то вольный стих вне традиционной силлаботоники — нет. Гораздо более тонкий подход к решению этой проблемы был предложен В. М. Жирмунским (Жирмунский 1964).

стиха, основанного только на принципе Т, без учета принципов А и С); более того — существование “вольного классического стиха” служит одним из обоснований разграничения А и Т принципов.

С вольным стихом связана еще одна трудность. В основе концепции Б. Я. Бухштаба лежит следующее представление:

Классический русский стих <...> имеет две разновидности: полнударную, состоящую исключительно из полнударных строк <...> и вторую, состоящую как из полнударных, так и неполнударных строк (Бухштаб 1973, 108)¹⁷.

Иными словами, для описания русского классического стиха Б. Я. Бухштаб использует два типа: АСТ (т.е. изоакцентный, изо-силлабический стих, с урегулированным распределением сильных и слабых слогов) и СТ (то же, но без полнударности). В вольном стихе такое разграничение проведено быть не может и весь вольный стих относится к неполнударному типу. Столь же искусственным представляется отнесение стиха с переменной анакрузой лишь к полнударному типу.

Для преодоления по крайней мере части из этих трудностей следовало бы отграничить принцип равностопности от полнударности (у Б. Я. Бухштаба принцип А обозначает и равностопность, и равноударность одновременно), что однако привело бы к значительной перестройке всей системы. Такое разграничение позволило бы, в частности, дать и более содержательную интерпретацию неполнударного дольника (пример которого приводит сам Б. Я. Бухштаб, поскольку дольник — по Бухштабу — должен быть лишь и изоакцентным, и полнударным. Однако даже и такое разграничение не позволило бы решить все проблемы, возникающие в рамках подхода Б. Я. Бухштаба.

Думается, что в основе перечисленных трудностей лежат особенности общестиховедческой концепции Б. Я. Бухштаба, заключающейся в отрицании какой бы то ни было формообразующей роли стихотворного метра¹⁸ и стремление все

¹⁷ Подробнее этот тезис обосновывается в Бухштаб 1969.

¹⁸ Ср. в этой связи его сочувственную интерпретацию взглядов Б. В. Томашевского:

формообразующие факторы стиха объединить в наборе его “основ”.

* * *

Концепции Я. Пыльдмязэ и Б. Я. Бухштаба знаменуют существенный прогресс по сравнению со стандартной теорией, сохраняя однако один из существенных ее недостатков: область СС не достаточно четко отграничивается от смежных областей: языковой просодики (Я. Пыльдмязэ) и метрики (Б. Я. Бухштаб). Представляется, что следующим шагом в разработке теории СС и должно быть четкое разграничение этих явлений.

3. Понятие СС: генеративный подход

В ходе дальнейшего изложения мы будем исходить из представления, что стих есть реализация метрического задания в языковом материале, т.е. стих представляется системой двойного кодирования: языкового и метрического (используя структуралистические оппозиции **язык↔речь** и **метр↔ритм** можно сказать, что стихотворное сообщение выступает по отношению к языку в функции речи, а по отношению метра — в функции ритма).

СС мы определяем как отображение, ставящее элементам метрической структуры в соответствие определенные элементы структуры языка или, иными словами, **способ реализации метра средствами естественного языка:**

МЕТР $\xrightarrow{СС}$ **ЕЯ ПРОСОДИКА** → **СТИХОТВОРНЫЙ ТЕКСТ**

При таком подходе именно СС является центральным компонентом механизма стиха и, следовательно, теория и типология СС должна занимать соответствующее место в общей теории стиха.

Метр должен пониматься как обобщение закономерностей всех ритмических вариантов, охватываемых им, а не как регулятор, извне навязываемый стиху (Бухштаб 1969, 393).

Мы же исходим из прямо противоположной трактовки природы и роли стихотворного метра.

Очевидно также, что такой подход устраняет опасность смешения СС как с факторами просодического, так и метрического характера. Перед тем как перейти к типологии СС следует хотя бы самым кратким образом остановиться на характеристике как языковой просодики, так и метрических систем.

4. Просодические системы

В настоящем разделе предпринята попытка синтеза основополагающих для типологии просодических систем идей Н. С. Трубецкого (Трубецкой 1960) и К. Л. Пайка (Pike 1946). Первый различал слогосчитающие и моросчитающие языки, второй — языки тактосчитающего и слогосчитающего ритма.

В качестве основной мы выделяем оппозицию языков тактосчитающего и нетактосчитающего ритма. Среди последних мы различаем языки слогосчитающего и моросчитающего ритма. Таким образом, мы выделяем три типа языков:

- А. Языки тактосчитающего ритма**, характеризующиеся сильным динамическим ударением, градацией силы ударения, редукцией безударных слогов и заметной распространенностью явлений проклизы и энклизы. Таковы английский, немецкий, русский и др. языки.
- В. Языки слогосчитающего ритма**, характеризующиеся просодической самостоятельностью слога (независимостью его от ударения, т.е. отсутствием редукции) слабым и, как правило, фиксированным ударением. Среди языков этого типа можно выделить два подтипа:
- В1.** Языки, в которых есть фонологическая оппозиция долгих и кратких слогов (чешский, венгерский, эстонский и т.п.).
- В2.** Языки без фонологически значимого квантитета (итальянский, испанский и т.п.).
- С. Языки моросчитающего ритма**, характеризующиеся тем, что в них минимальным просодическим элементом является не слог, а единица длительности — мора (древнегреческий, санскрит и др.). Языки этого типа также не знают редукции безударных слогов, а ударение в них еще слабее, чем в языках типа В и, как правило, имеет не динамический, а мелодический характер.

Приведенная типология имеет очевидные последствия для теории СС: в языках тактосчитающего ритма, где нет фонологически релевантного квантитета¹⁹, имеется естественная база для акцентного (тонического) стихосложения, но нет такой базы для стихосложения силлабического или квантитативного. Таким же образом языки слогосчитающего ритма тяготеют к силлабическому, а моросчитающего — к квантитативному стихосложению.

Понятие просодической системы не может заменить понятия СС, однако оно имеет важное значение при анализе, например, истории некоторой СС в поэтической системе данного языка, ее естественности для этой поэтической системы и т.п. Тем не менее, отсутствие естественнойязыковой базы вовсе, как уже было указано выше, не является непреодолимым препятствием для введения соответствующей СС: есть достаточно много примеров квантитативного стихосложения (например, по образцу античного или арабского стихосложения) в языках не знающих фонологического квантитета, а также акцентного стихосложения в языках нетактосчитающего ритма.

5. Метрические системы

Стихотворный метр мы определяем как абстрактную трансляционно симметрическую структуру, элементарный период симметрии которой называется стопой. В зависимости от числа типов элементов, составляющих стопу, соответствующие метры относятся к метрическим системам 1-ой, 2-ой, ... , n-ой степени (в дальнейшем — MC^1 , MC^2 , ... , MC^n); наибольшее практическое значение имеют MC^1 и MC^2 .

MC^1 состоит из множества цепочек над алфавитом из одного символа (делимитаторы — разграничители цепочек — мы обо-

---

¹⁹ Ср. однако принципиально иной подход в работах А. Принса, М. Либермана (Prince 1989, Liberman and Prince 1977), П. Кипарского (Kiparsky 1989) и др., развивающих стопную теорию просодики. Так, П. Кипарский в устной беседе с нами указал, что для него английский и финский относятся к языкам просодически однотипным: в обоих есть долгота, измеряемая морами (наличие сильной редукции в английском и отсутствие ее в финском для типологии П. Кипарского — иррелевантный фактор).

значаем символом &). По способу урегулированности вхождения цепочек мы различаем

(А) равностопные размеры:

&A&A&A& ... 1-стопный

&AA&AA&AA& ... 2-стопный

...

&A...A& A...A& A...A& ... n-стопный

⏟   ⏟   ⏟
n   n   n

(В) (неравностопные) позиционно-урегулированные размеры:

&AAA&AA&AAA&AA&... 32-стопный

&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A& ... mn-стопный

⏟   ⏟   ⏟   ⏟   ⏟   ⏟
m   n   m   n   m   n

&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A& ... kkl-стопный

⏟   ⏟   ⏟   ⏟   ⏟   ⏟
k   k   l   k   k   l

...и т.д.

(С) вольные (неравностопные неурегулированные) размеры:

&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A&A...A& ... стопность — произвольная

⏟   ⏟   ⏟   ⏟   ⏟   ⏟
k   l   m   n   o   p

MC^2 состоит из множества цепочек над алфавитом из двух символов; обозначим их соответственно как А и В. Примеры стоп в MC^2 : АВ, АВВ, АВА, АВВВ, ВВAB, АВВА и т.п. Важным подклассом являются стопы, в которых один из символов имеет только одно вхождение (здесь и далее будем считать А таким символом). Примеры таких стоп:

АВ	АВВ	АВВВ	АВВВВ
ВА	ВAB	ВABВ	ВABВВ
	ВВА	ВВAB	ВВABВ
		ВВВА	ВВВAB
			ВВВВА

и т.п.

Как и в MC^1 , в MC^2 стопы сочленяются в метрические последовательности более высоких рангов и могут образовывать равностопные, неравностопные урегулированные и вольные размеры.

МС³ состоит из множества цепочек над алфавитом из трех символов и т.п.

6. Типология систем стихосложения

Отображение метра на языковые цепочки осуществляется при помощи **правил соответствия**, совокупность которых и определяет СС. Естественно, что различные МС будут реализовываться в разных СС. Соответствие между МС и СС является одно-многозначным: каждой МС соответствует определенный класс СС. Таким образом, при описании модели той или иной СС следует различать метрические структуры (MS) и правила соответствия (CR).

6.1. СС, соответствующие МС¹

6.1.1. С₁: Чисто-квантитативный стих

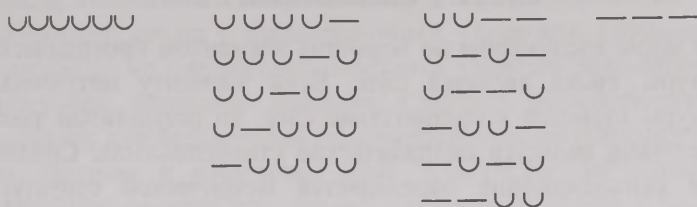
Для начала рассмотрим искусственный пример. Минимальной единицей просодической структуры (моросчитающего — см. 4) языка является мора. Представим себе такое стихосложение, в котором регламентировано только общее число длительностей в стихе, но никак не упорядочивается их внутрстиховое распределение. Такая СС описывается следующей моделью.

(MS1) &AAA...&

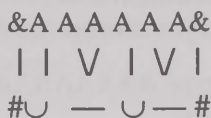
(CR1) (i) Каждому символу 'А' из MS1 в стихе соответствует одна и только одна мора;

(ii) & соответствует словораздел (#).

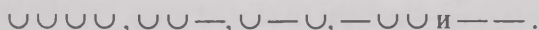
Если предположить, что в этой СС встречается шестиморный стих (в основе которого лежит метрическая структура &AAAAAA&), а слоги разделяются на одноморные (∪) и двуморные (—), то следующие конфигурации должны быть признаны в качестве правильных реализаций метрической схемы (в дальнейшем такие конфигурации будут называться метричными):

Если взять, к примеру, стих U — U — , то его соответствие метру может быть продемонстрировано следующей схемой:

Такую СС следовало бы назвать **квантитативной** (или чисто-квантитативной). Из всех известных типов стиха к ней в наибольшей мере приближаются санскритские размеры *джати*²⁰. Так, размер *вайталия* представляет собой четверостишие, в котором четные стихи имеют длительность 14, а нечетные — 16 мор; размер *арья* состоит из семи с половиной четырехморных *ган*²¹, причем гана допускает все пять возможных вариантов слоговой реализации:

И, тем не менее, санскритское стихосложение *джати* лишь с известной натяжкой может быть определено как чисто-квантитативное, поскольку содержит определенные органичения на сочетаемость различных вариантов ган.

²⁰ Санскритское стихосложение развилось из ведийского путем его дифференциации. Ведийское стихосложение было силлабическим с квантитативными ограничениями, касающимися преимущественно окончания стиха. В санскритской поэзии квантитативный и силлабический принцип разъединились, образовав, с одной стороны, квантитативные размеры *джати* и, с другой стороны, силлабические размеры *вритти* (Keith 1953).

²¹ *Гана* обычно переводится как 'стопа'.

6.1.2. C'_2 : Силлабическая CC

После моры следующим по величине элементом просодической структуры языка является слог. Если элементу метрической структуры ставится в соответствие слог, то результатом такого соответствия является силлабическое стихосложение. Силлабическое стихосложение определяется метрической структурой $MS1$ и правилами соответствия $CR2$:

- ($CR2$) (i) Каждому символу 'A' из $MS1$ в стихе соответствует один и только один слог;
 (ii) & соответствует словораздел²².

Так, метрической структуре &AAAAAA& может быть поставлен в соответствие такой текст:

Алфавит собранный
 Рифмами сложенный
 От святых писаний
 Издревних речений
 На пользу всем чтущим
 В правой вере сущим...
 (Цит. по Остолопов III, 229)

Силлабическая CC , таким образом, определяется двумя принципами: метрической релевантностью слога и позицией постоянного словораздела — цезуры (и только ими).

Иногда высказывалось мнение о необходимости “тонического стержня” или акцентной “константы” в силлабическом стихе²³. Такое мнение представляется некорректным, поскольку основывается на смешении CC с факторами, связанными с языковой просодикой. В языках без динамического ударения (к ним относятся, в частности, все моросчитающие языки), ни о каком “тоническом стержне” речи, естественно быть не может (ср. японское классическое стихосложение, которое Е. Д. Поливанов именно на этом основании отделял от французского —

²² Правило ($CR2$)(ii), в точности повторяющее ($CR1$)(ii) не является специфичным ни для морного, ни для слогового стихосложения, но характеризует все CC ; поэтому в дальнейшем оно не будет специально оговариваться, но подразумеваться “по умолчанию”.

²³ Тимофеев 1928; 1958.

ср. п. 1; Поливанов 1963, Леонтьев 1978). В языках же слого-считающего ритма с фиксированным ударением (французский, польский и др.) акцентная константа является автоматическим следствием фиксации позиции ударения относительно словораздела, а не результатом самостоятельного метрического задания. Поэтому и нарушение этой “константы” не приводит к нарушению метричности стиха²⁴. Наконец, в языках с нефиксированным ударением наличие тонической константы (если таковая действительно имеется²⁵) должно считаться реализацией самостоятельного метрического задания, в результате чего такой стих не может уже считаться чисто силлабическим, но переходным к силлаботоническому.

Иногда же и единственная тоническая константа переводит стих в силлаботоническую систему. Так, в “кольцовском” пяти-сложнике имеется такая константа: ударение на третьем слоге,

²⁴ Ср. Холшевников 1968, Папаян 1972 и 1980, Золян 1976.

²⁵ В этой связи весьма показательны споры о природе русской силлабики. Как известно, русский силлабический стих вообще и его основные метрические модели — 13-сложник (7+6) и 11-сложник (5+6) — в частности, были заимствованы из польского стихосложения. Однако, если в польском стихе паракситоничность окончания предцезурной позиции всецело определялась языковой просодикой, то в русском стихе оно было результатом реализации самостоятельного метрического задания. Т.о. если, например, польский 11-сложник — явно силлабический стих, в основе которого лежит следующая метрическая структура:

&&AAAA&AAAA&&&,&

то русский 11-сложник первоначально имел ввиду несколько другую метрическую структуру:

&&AAABA&AAABA&& (где символу ‘В’ ставился в соответствие ударный слог).

Однако эта схема скорее отражала идеальные стремления, а не реальную практику, допускавшую и мужские, и дактилические окончания. В ходе дальнейшего развития судьбы паракситонизма в конечной и предцезурной позиции резко расходятся: если в клаузуле он стабилизируется, то в предцезурной позиции он теряет всякую обязательность.

В качестве типологической параллели здесь можно указать на ведийское силлабическое стихосложение, в котором были определены квантитативные органичения, касающиеся окончания стиха. В этом случае следовало бы говорить о переходе от силлабического стихосложения к силлабо-квантитативному.

поэтому и возведение его лишь к схеме &ААААА& не является достаточным²⁶. (В связи с этим можно отметить, что и *Алфавит собранный...*, приведенный в качестве примера чистосиллабического стиха, небыстречен из-за того, что в нем всегда безударен последний слог; однако, константная *неударяемость* одного лишь слога — настолько слабый ритмический сигнал, что им можно и пренебречь; следует, кроме того, помнить, что клаузула вообще во многих видах стиха подчиняется особым закономерностям).

Силлабический стих может быть равносложным (т.е. равносложным, поскольку в силлабическом стихосложении стопа реализуется слогом), так и позиционно урегулированным (например, польская “сапфическая строфа” и т.п.) или вольным, неравносложным неурегулированным (например, басни Лафонтена). Следует особо настаивать, как это делал В. М. Жирмунский (Жирмунский 1964), на том, что вольный силлабический стих не есть *vers libre*. Различия между ними касаются как метрики, так и просодии. В вольном стихе стихи разные, но узнаваемые: во французском стихосложении это в основном четносложные стихи с преобладанием 8-ми, 10-ти и 12-сложников, привычных в равносложном и позиционно урегулированном стихе, в то время как в *vers libre* счет на слоги вообще не идет. Отсюда и просодические различия. Вольный стих, поскольку его слоги несут метрическую информацию, сохраняет все условности классического силлабического стихосложения (например, *e-muet*), в то время как *vers libre*, естественно, ничего этого не знает.

---

²⁶ Иногда указывается, что таких констант две: ударность 3-го слога и безударность 4-го (т.е. стих строится по схеме $xx\text{---}\cup x$), однако стремление к безударности 4-го слога есть, скорее всего, следствие предшествовавшего ему константного ударения; в литературном 5сл четвертый слог действительно безударен, в то время как в фольклорном встречаются структуры типа *осетра́-рыбы*, где ударение в четвертом слоге ослаблено, но не исчезает вовсе.

6.1.3. Акцентный и словный стих

Следующим по величине элементом языковой просодики является просодическое слово (чаще употребляется термин “фонетическое слово”, который представляется менее удачным, поскольку не позволяет разграничивать просодические и фонематические факторы).

В языках тактосчитающего ритма в функции просодического слова выступает *такт* — множество слогов, объединенных ударением, причем конституирующим элементом может быть как словесное, так и синтагматическое (фразовое) ударение. На наличие второй возможности впервые, по крайней мере в истории русской филологии, указал А. Х. Востоков, который такой такт назвал “просодическим периодом” (Востоков 1817)²⁷.

В различных языках не тактосчитающего ритма просодическое слово конституируется не ударением, но словоразделом (или синтагморазделом), а, в некоторых случаях, и количеством слогов (как, например, в венгерском)²⁸.

В языках обоих типов МС¹ может реализовываться при помощи правил соответствия, отображающие метрические символы ‘А’ в просодические слова. Таковую СС будем называть **словной** (за отсутствием лучшего термина; ср. wortzählende Rythmik В. Майера [Me yer 1905] и словный стих А. Теу [Teeuw 1952]). В зависимости от типа языка и структуры просодического слова различаются акцентная и неакцентная разновидности словного стихосложения. Хотя различия в ритмике и звучании между стихами этих разновидностей могут быть весьма значительными, они целиком обуславливаются факторами языковой просодики и не могут служить основанием для выделения их в самостоятельные СС.

²⁷ Аналогичные разграничения проводит В. М. Жирмунский (Жирмунский 1964), а в эстонском стихосложении — Я. Пылдымяэ (Põldmäe 1978).

²⁸ J. Horváth 1969, 18–19.

6.1.3.1. С' за: Акцентный стих

В языках тактосчитающего ритма словная СС функционирует в виде **акцентного** стиха. Она конституируется MS1 и CR3.

(CR3) Каждому элементу А из MS1 соответствует такт (множество слогов, объединенных ударением).

Вот пример звучания трехстопного (=трехударного) акцентного стиха:

& A A A &

Break, break, break
Wind of the western sea
(А. Теннисон)

4-сложная группа *of the western*, объединяемая одним словесным ударением, является одним тактом. Совершенно аналогичен — с точностью до числа слогов в междуударных интервалах — следующий пример из В.Маяковского:

& A A A &

Дней бык пег.
Медленна лет арба...²⁹

Как и силлабический стих, акцентный стих может быть не только равностопным, но и позиционно урегулированным или вольным.

Представляется, что с точки зрения предложенной теории акцентного стиха наиболее принципиальными в дескриптивном отношении являются следующие проблемы:

- проблема пропусков схемных ударений;
- проблема сверхсхемных ударений.

На примере акцентного стиха в русской поэзии эти проблемы рассмотрены в Лотман 1995.

В теоретическом плане важной проблемой представляется определения “масштаба соответствия” метрической схемы. Из современных стиховедов, кажется, только Я. Пыльдмяэ настаивает на том, что следует различать акцентный стих, основанный на счете словесных ударений, от акцентного стиха, основывающегося на счете ударений синтагматических (Põldmäe 1978), т.е. следует различать такты, в которых слоги объединяются сло-

²⁹ Подробнее об этом см. раздел о тактовике в Лотман 1995.

весным ударением, от тактов, где это объединение происходит за счет ударений фразовых (синтагматических). Такты второго типа А. Х. Востоков и называл “прозодическими периодами”.

Примером акцентного стиха первого типа может служить приведенный выше отрывок из Маяковского³⁰, примером акцентного стиха второго — “сказочный стих” А. Х. Востокова, также трехстопный (= трехударный)³¹:

& А А А &
 Подражай | сей мере | в делах твоих.
 Достигнуть ли | хочешь | исполнения,
 Беспреданно | вперед, | вперед стремись,
 Хочешь видеть | все мира | явления,
 Расширяй над ними | ум свой | и обмышь их...
 (Изречения Конфуция, пер. из Ф. Шиллера)
 (границы синтамы отмечены значком “|”)

Акцентный стих первого типа может быть назван тактовым (не путать с тактовиком), акцентный стих второго типа — синтагматическим (ср. тактоид и синтагмоид у Я. Пыльдымяэ)³².

6.1.3.2. С’_{зб}: Собственно словный стих

Акцентный стих — наиболее распространенная и обследованная форма словной СС; авторитет этой формы порой приводит к тому, что исследователи о любой форме словосчитающего стиха (в том числе и языках нетактосчитающего ритма) начинают говорить как об акцентной, и это несмотря на то, что сам акцент (ударение) в большинстве таких случаев вообще никакой метрической роли не играет³³.

³⁰ Имея в виду, в первую очередь, именно такого рода стихи, Р. О. Якобсон писал: “Поэзия Маяковского есть поэзия выделенных слов по преимуществу” (Якобсон 1923).

³¹ Востоков применил здесь описанный им же “сказочный русский стих”, состоящий из трех “прозодических периодов” с дактилическими клаузулами (Востоков 1817).

³² Pöldmäe 1978.

³³ Исключения в этом смысле составляют подражания акцентному стиху в поэтических системах языков тактосчитающего ритма; так, в переводах Маяковского акцентный ритм может достигаться особыми

Любопытно, однако, что вовсе не акцентный стих был первой формой словного стихосложения, получившей теоретическое осмысление. По свидетельству В. Майера, грамматик Виргилий Марон (нач. VI в.) описал размер, строящийся исключительно на счете слов. Например, следующие стихи он определяет как *quadrifonis* (что, по утверждению В. Майера, означает у Виргилия Марона 'четырёхсловный'):

*Sol maximus mundi lucifer
omnia aëra inlustrat parifer.*

Такой стих отличается от акцентного лишь трактовкой просодического слова: если для акцентного стиха оно конституируется ударением, то для словного — словоразделами.

(CR3a) Каждому элементу А из MS1 соответствует слово (множество слогов, расположенных между двумя словоразделами).

Латинское словосчитающее стихосложение раннего средневековья развилось из античного в результате отхода от использования квантитативного принципа. Оно стало своего рода промежуточным звеном в процессе, результатом которого явились различные формы силлабического и силлаботонического стиха новоевропейской поэзии.

Архаичное латинское стихосложение, до того как оно в III в до н.э. было вытеснено греческими по своему происхождению моделями стиха, по мнению его крупнейшего исследователя Д. Б. Пиги, было также словным. В сатурновом стихе не учитывалось ни ударение, ни квантитет, ни силлабическая структура, но только количество словесных единиц. Д. Б. Пиги различает большой (*maiores*) и малый (*minores*) сатурнов стих, которые, однако, он сводит к следующей общей схеме:

0 (0) / 0 // 0 / 0, где '0' — слово (Pighi 1970).

Приведем, заимствованные у Пиги, примеры малого:

*hiberno / puluere // uerno / luto
grandia / farra, // camile, / metes*

декламационными средствами, что, по выражению Р. О. Якобсона, является формой насилия над языком.

и большого сатурнова стиха:

eorum sectam / sequontur // multi / mortales

multi alii / e-Troia // strenui / uiri

Согласно нашей системе описания метрическая структура малого и большого сатурновых стихов определяется, соответственно, следующими схемами:

& A A A A &

и

& A A A A A &

Следует обратить внимание на очевидное сходство, с одной стороны, латинского стихосложения периода, предшествующего принятию стихосложения греческого образца и, с другой стороны, периода его разложения; так, малый сатурнов стих может интерпретироваться как *quadrifonis*.

Разумеется, неакцентная разновидность словосчитающей СС встречается не только в латинской поэзии. Укажем хотя бы на продолжительную и, временами, весьма энергичную дискуссию относительно природы малайского стиха (Тееув 1952, Болдырева 1973 и др.). Не имея возможности останавливаться здесь на этом вопросе подробнее, отметим лишь, что нет никаких оснований относить “словный” стих к разновидности акцентного (как это делает М. А. Болдырева).

6.1.4. С'₄: Свободный стих

Рассмотрим теперь случай, когда МС¹ реализуется следующим образом:

(CR4) Каждому символу ‘А’ из MS1 соответствует просодическая фраза.

Такую СС мы будем называть свободным стихом (*vers libre*). Хотя приведенная трактовка свободного стиха самым решительным образом расходится с *содержанием* наиболее распространенных представлений о нем (ср. 2.1), она, тем не менее, хорошо соответствует *объему* этих представлений. Иными словами,

предлагая новый *интенционал* понятия 'свободный стих', наша теория имеет ввиду тот же *экстенционал*, что и предшествующие концепции свободного стиха и, что еще важнее, наши интуитивные представления о нем.

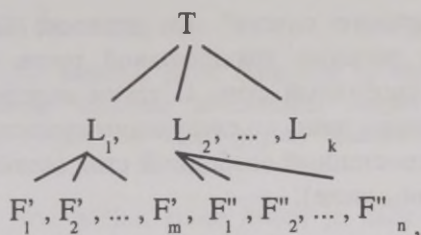
Во избежание путаницы следует уточнить наше употребление термина 'фраза'. Как и выше, когда речь шла о 'слоге' и 'слове', мы подразумеваем под 'фразой' исключительно единицу просодической страты языковой системы. (Просодическая) фраза конституируется фразовой интонацией и межфразовыми паузами (включая виртуальные). Членение текста на фразы в нестихотворной речи, как правило, соответствует ее синтактико-семантическому членению (такое соответствие характерно даже для эмоционально выделенных фрагментов). В стихотворной речи такое совпадение совершенно не обязательно: членение текста на фразы задается членением на стихи, — стихотворная просодия детерминирована метрически.³⁴ В стихотворной речи фразоразделы могут не совпадать не только с границами синтаксических синтагм, но и с границами слов и, даже, слогов. Так, у И. Анненского в сонете *Перебой ритма* обусловленным границей стиха фразоразделом разрывается односложное слово 'ямб':

Как ни гулок, ни живуч Ям-
— б, утомлен и он, затих...

(где 'ям' - рифмуется с 'созвучьям').

Свободный стих являет собой минимум стихотворности, поскольку в стихотворных формах, относящихся к любой СС, есть метрические единицы, соответствующие фразе (как правило, это — стих, реже — полустихие). Однако, во всех этих случаях — в отличие от свободного стиха — соответствие метру отуществляется по крайней мере еще на одном уровне — уровне стоп. Несколько огрубляя реальную картину, метрическую схему стихотворного текста можно представить следующим образом:

³⁴ Ср. выдвинутый Ю. Н. Тыняновым принцип единства и тесноты стихотворного ряда, приобретающий особенную значимость именно в *vers libre*, согласно которому метрическое членение приводит к трансформации всех языковых структур, включая семантические.

(где 'Т' — стихотворный текст, 'L' — стих, 'F' — стопа; в случае МС¹ стопа состоит из единичного символа 'А').

Своеобразие свободного стиха состоит, таким образом, в том, что в нем, как правило, стопа и стих совпадают и каждый стих состоит из одной фразы (иными словами, *vers libre* — как правило односложный стих). Изредка, однако, встречаются формы, которые могут быть интерпретированы как дву- и более стопные верлибры. Например, описанный К. Ф. Тарановским славянский "сказовый стих" (Тарановский 1968) может интерпретироваться в качестве двустопного верлибра.

Возможны и более сложные построения: стихотворение А. Алликсаара *Traakia maagia* (Фракийская магия) состоит из 12 четверостиший, каждый стих — из четырех коротких (от одного до четырехсловных) предложений. Поскольку это стихотворение понадобится нам и в дальнейшем (ср. 6.4.2), приведем три его первых строфы:

Ruuge ruutjuur. Puutesuude. Suuli tuulis. Nuummuul.
 Suur puur. Luudetud huuled. Tuur kuul. Muundsuund.
 Kuuldud uudis. Tuumaruum. Kuunar muulil. Tuubid luubis.
 Nuuska suusad. Kuumav tuuslar. Mis on nuubia luule? Puuduv suudlus.

Vihane vihin. Tihase liha. Tihkuv kihkur tihkab ihata. Pihkunihkur.
 Vihtlev sihtur. Rihva kihvad. Rihmavihm. Pihkvas lihvitud pihlakad.
 Pihalihased. Kihupihustus. Sihilik pihtimine. Kihistuskihid.
 Nihilist nihvlil. Tihumeeter krihvleid. Kõik ihtüosaurused on ihnurid.

Lihtne kihnlane.

Saetud pael. Aeva taevad. Vaevatud raev. Laevatael.
 Kaeva kaev. Maetud aer. Raepaed. Kael kraega.
 Vaer pael. Naerev kaer. Laetud laed. Nael paelu.
 Vaene laen. Paeluv aed. Langevad aegade kaed. Vaevane aevastus.

Ни счет слогов, ни счет или расположение ударений, равно как и долгот, для этого стихотворения не релевантны; ни к одной из

СС из “стандартного списка” оно отнесено быть не может. Следовательно, согласно традиционной точке зрения, это — действительно свободный стих. С таким определением можно согласиться, однако, лишь со следующим существенным уточнением: это четверостопный свободный стих (дальнейшие уточнения будут сделаны ниже).

6.1.5. *C₅:Vers libre на сверхфразовом уровне(?)*

Просодические единицы сверхфразового уровня совершенно еще не исследованы; для них нет даже сколько-нибудь общепринятого названия. Примем поэтому условное название ‘период’. Сам факт существования сверхфразовых единств в просодике не может вызывать сомнения: во-первых, интонационные характеристики фразы могут зависеть от контекста; во-вторых, существуют интонационные закономерности, которые охватывают весь период как целое, в следствие чего одна и та же фраза по-разному звучит в начале и в конце периода (что в поэзии часто обыгрывается в кольцевых построениях). Объединение фраз в период во многом аналогично объединению слов во фразы: просодические характеристики отдельных слов во фразе могут модифицироваться под влиянием (а) коммуникативной организации фразы (актуальное членение и т.п.) и (б) фразовой интонации.

Разумеется, период не может считаться элементом, подходящим для того, чтобы соответствовать метрическим сущностям: он слишком велик для этого и непосредственно на слух плохо воспринимается. Тем не менее, чисто теоретически нет никаких препятствий для существования СС, основанных на том, что символам ‘А’ ставятся в соответствие именно периоды. Несколько стихотворений, демонстрирующих именно такую организацию, встречаем у Т. Лийва, по выражению Я. Пыльдмяэ, “автора своеобразнейших эстонских верлибров”; своеобразие их состоит, в частности в их графике: она выровнена не только слева, но и справа, текст строится как бы из кирпичей. Приведем одно из них *Sinu järveks saamine* (Твое становление озером), состоящее из пяти одноstopных (однопериодных) стихов.

SINU JÄRVEKS SAAMINE

Sina, mis sa oled minemas järve. Sina, mis sa oled saamas järveks, muutumas ohvriks mudasele järvelõhnale, saagiks kõrkjamaigulisele järveheinale. Juba on sinu pilgus kollendav järv paatidega, kes on

ootamas sind järve põhjas, kivide keskel ja inimeste vahel. Kõrvus aga helisevad sul siiski need paadid, kes on veel järve peal, — aerudega lõhkumas karjuvat vett, rebides purjedega vilisevat järveõhku.

Sina, mis sa ei ole kunagi unistanud järveks saamist, armastamas ometi tapvaid kõrkjaid, neelavat muda ja surmavat vett. Sina, sa jooksed tagasigi järve rannalt metsade rüppe, et sel viisil

suurendada veelgi enam iha järve järele. Et veelgi enam vihata järve-eelsed maad. Sina, sa võtad metsagi, kes sulle meeldib, endaga järve kaasa, — ei halasta sa metsale, ei mõtle sa metsa vaevale, kui lämmatad järve-

veega puid, keda nii armastad. Sina ja sinust petetud mets. Vette te kaote ja vette te jäätegi, ja järv ei tea, kes tema saagist on puu ja mis inimene.

Обратим внимание на обычный для Т. Лийва перенос слова из четвертого стиха (строфы??) в пятый.

Описанная СС не имеет (еще?) названия. Скорее всего, большинство исследователей были бы склонны трактовать подобные случаи в качестве разновидностей верлибра, что в принципе не может вызывать возражений, поскольку обычное употребление этого термина имеет ни к чему не обязывающий чисто негативный смысл. Следует лишь настаивать на разграничении верлибров так сказать фразовых, от верлибров периодных (ср. разграничение тактового и синтагматического словного стиха в п. 6.1.3.1).

* * *

Суммируя сказанное в разделе 6.1., можно утверждать, что МС¹ соответствуют по крайней мере четыре СС: моросчитающая (или квантитативная; 6.1.1), слогосчитающая (или силлабическая; 6.1.2), тактосчитающая (6.1.3) и фразосчитающая (или vers libre; 6.1.4). Более проблематичным представляется выделение систем стиха, основанных на “метричности” синтагм и сверхфразовых

образований (периодов), поскольку соответствующие единицы просодической структуры ЕЯ являются с метрической точки зрения менее “подходящими”: синтагма в силу ее недостаточной определенности, период — по причине чрезмерного объема. Названные причины, однако, не могут считаться непреодолимыми препятствиями для возникновения соответствующих традиций.

6.2. СС, соответствующие МС²

Теоретически возможных способов реализации МС², естественно, значительно больше, нежели МС¹ (правда, уже а priori отпадают СС² на уровне мор и периодов — ср. 6.1.1 и 6.1.5 — поскольку на соответствующих уровнях единицы языковой просодики не контрастируют между собой). Например, теоретически ничто не препятствует возможности реализации МС² на словесном, синтагматическом или фразовом уровнях. Так, на фразовом уровне стопа ‘АВ’ может реализовываться таким образом, что ‘А’ соответствует фраза, характеризующаяся одним типом интонационного контура, а ‘В’ — другим. Такие конструкции встречаются в различного рода амебейных композициях (например, чередующие вопросы и ответы)³⁵.

Возникающих возможностей для комбинирования здесь столь много, что в реально существующих традициях зафиксирована лишь малая их часть. Поэтому ниже мы ограничимся рассмотрением лишь важнейших СС² — все они так или иначе основаны на использовании силлабического принципа (т.е. во всех этих СС метрические единицы так или иначе корреспондируют со слогами).

6.2.1. С’₁: Квантитативно-силлабический стих

Чисто-квантитативный стих, описанный в 6.1.1, образовывался в результате соответствия элементам МС¹ кратчайших единиц языковой просодики — мор. Квантитативный принцип может быть использован и иначе: учитываться может не просто коли-

³⁵ Жирмунский 1921.

чество длительностей, но и их конфигурация. Для этого, однако, требуется перейти с уровня мор на более высокий уровень — уровень слогов. Чередование кратких и долгих слогов может быть использовано в различных СС. Так, античный гексаметр обрывается чередованием так наз. неразложимой долготы (т.е. долготы, реализуемой долгим, двуморным слогом) с разложимой (т.е. реализуемой как одним двуморным, так и двумя краткими, одноморными слогами); аналогичным образом устроен и ямбический триметр.

В первом приближении общая схема порождения античного гексаметра может быть представлена следующим образом: он выводится из метрической структуры MS2 при помощи правил соответствия CR5³⁶:

(MS2) &АВАВАВАВАВАВ&

(CR5) I. *Квантитативный принцип:*

- (i) Каждой позиции А из MS2 соответствует две моры;
- (ii) Каждой позиции В из MS2 соответствует две моры;

II. *Силлабический принцип:*

- (iii) Каждой позиции А из MS2 соответствует один и только один слог;
- (iv) Символу В из MS2 может соответствовать либо один, либо последовательность двух слогов.

Примечание к (ii): Последняя позиция в стихе (В₆) считается двуморной условно; в действительности ей может соответствовать как долгий, так и краткий слог.

Примечания к (iv):

- а) Позиции В₆ может соответствовать только один слог;

---

³⁶ Здесь и ниже описания различных размеров преследуют сугубо иллюстративные цели: они демонстрируют механизм образования СС, но, разумеется, не претендуют на полное отражение всех особенностей соответствующих размеров. Более подробное описание многих из упомянутых ниже размеров, исходящее из тех же принципов, что и настоящая работа, содежится в Лотман 1995.

б) Позиции B_5 , как правило, соответствует только последовательность двух слогов.³⁷

Например:

А В А В А В А В А В А В

— ∪∪ — ∪∪ — — — ∪∪ — ∪∪ — ∪

μη̄νιν ἔειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος (Hom. II, I, 1)

Приведенное описание античного гекаметра должно считаться не только заведомо неполным, но и вовсе не единственным возможным. Можно предложить два принципиально иных подхода.

Во-первых, гексаметр может выводиться не из MS2, а MS3:

(MS3) &ABVAVVAVVAVVAVVAV(B)&

Разумеется, если исходить не из MS2, а из MS3, то определенной корректировке будут подлежать и правила соответствия, однако, производимые изменения не будут иметь принципиальный характер. По сравнению с тем, что было предложено ранее, такой подход обладает одним несомненным преимуществом: он лучше соответствует интуитивному представлению о гексаметре, который иногда прямо и называется “дактилическим”. Недостатком же его следует признать большую громоздкость и меньшую естественность формулировок правил соответствия.

Во-вторых, можно совершенно иначе трактовать саму природу квантитативного принципа: не в терминах мор, но исключительно в терминах долгих и кратких слогов. При таком подходе значительно сложнее отделить квантитативный принцип от силлабического. При этом опять-таки нет существенного различия, будем ли мы исходить из MS2 или MS3. Если исходить из MS2, то можно предложить следующие формулировки:

(CR5a) (i) Каждой позиции А из MS2 соответствует один долгий слог;

³⁷ В случае нарушения этого правила соответствующий гексаметрический стих назывался спондеическим; в греческих гексаметрах, где это правило носило узуальный характер, спондеические стихи встречались значительно чаще, чем в латинских, где это правило приобрело нормативный характер.

- (iia) Символу В из MS2 может соответствовать либо один долгий слог,
- (iib) либо последовательность двух кратких слогов³⁸.

Итак, описанная СС определяется одновременно двумя принципами: квантитативным и силлабическим, причем указанные принципы являются функционально различными и структурно неравноправными. Если в квантитативном принципе реализуется константность метрической структуры, то силлабический принцип определяет ритмическую вариативность. При этом силлабические правила соответствия не только менее жестки, но и подчинены квантитативным: вариативность силлабической структуры допускается лишь в той мере, в какой она не вступает в противоречие с квантитативной структурой стиха. Поэтому, когда мы называем эту СС **квантитативно-силлабической**, то для нас значимым оказывается не только состав предлагаемого термина, но и порядок следования его компонентов.

6.2.2. С''₂: Силлабо-квантитативный стих

Квантитативный и силлабический принципы могут между собой соотноситься и иначе. Так, в большинстве древнегреческих лирических размерах (например, эолийского происхождения), а также ведическом стихосложении фиксированным было, в первую очередь, именно количество слогов; квантитет же был подчинен силлабике и мог даже не распространяться на всю строку (согласно наиболее авторитетным реконструкциям таким было уже индо-европейское стихосложение: фиксированное число слогов в стихе сопровождалась в нем квантитативной урегулированностью окончания). Такую систему стиха (С''₂) будем

---

³⁸ То, что правила CR5 носят более естественный характер нежели CR5a, где не проведено разграничение между силлабическим и квантитативным принципами и не ясно, как это вообще может быть сделано, если не прибегать к циклическим процедурам, возможно означает, что в языках не моросчитающего ритма (даже в тех из них, в которых есть фонологически значимый квантитет) нет столь естественной базы для квантитативно-силлабического стихосложения, как в моросчитающих языках.

называть силлабо-квантитативной. Если ритмическая структура С¹, образуется чередованием “неразложимой” долготы (позиции ‘А’), с “разложимой” (позиции ‘В’), то в С² она образуется конфигурацией долгих и кратких слогов.

(CR6) I. Силлабический принцип:

(i) Каждой позиции А и В соответствует один слог;

II. Квантитативный принцип:

(ii) Каждой позиции А соответствует просодическая долгота;

(iii) Каждой позиции В соответствует просодическая краткость.

В сравнении с CR5 эти правила отличаются своей простотой, которая компенсирует большую сложность метрической схемы. В качестве примера рассмотрим сапфическую строфу, состоящую из трех сапфических 11-сложников (— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х) и 5-сложного адония (— ∪∪ — х):

*Ποικιλόθρον' ἄθανατ' Ἀφροδίτα,
παῖ Δίος δολόπλοκε, λίσσομαι σε,
μή μ' ἄσαισι μηδ' ὄνίαισι δάμνα,
πόντια, θῆμον*

— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х

— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х

— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х

— ∪∪ — х³⁹

³⁹ Здесь едва ли уместно заниматься подробным разбором метрической структуры сапфической строфы (ср. West 1987), наметим лишь контуры нашего подхода. Если считать сапфическую строфу одним метрическим рядом, то он может быть представлен следующим образом:

— ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х — ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х — ∪ — х — ∪∪ — ∪ — х — ∪∪ — х

Нетрудно заметить чередование следующих последовательностей: — ∪ — х, — ∪∪ — ∪ и — х, нарушаемое лишь на стыке сапфического стиха с адонием, где “пропущена” последовательность — ∪ — х. Этот пропуск естественно интерпретировать в качестве вторичного делимитатора; обозначив эти цепочки символами А, В и С, получим: АВСАВСАВС(А)В.

6.2.3. С''₃: Акцентно-силлабический стих

С''₃, как и С'_{3а}, характеризуется конституирующей ролью акцентного принципа, однако, в отличие от С'_{3а}, силлабический состав междуударных интервалов не произволен, но урегулирован специальными правилами, специфичными для каждой из групп таких размеров. Так, в дольниках правила соответствия, определяющие силлабический состав стиха, аналогичны тем, которые были сформулированы для С''₁, с тем однако различием, что в качестве стабилизирующего ритм параметра выступает не длительность, а ударение. Например:

(MS4) ...АВАВАВ...

(CR7) *I. Акцентный принцип:*

- (i) Позиции А из MS4 соответствует ударный слог;
- (ii) Позиции В из MS4 соответствует либо безударный слог, либо ударный слог одно- или двусложного слова.

II. Силлабический принцип:

- (iii) Каждой позиции А из MS4 соответствует один слог;
- (iv) Каждой позиции В из MS4 может соответствовать один или два слога.

В тактовике также действуют правила CR7 (i–iii), однако, (iv) принимает несколько иной вид:

(CR8) (iv) Позиции В может соответствовать последовательность из одного, двух или трех слогов.

Очевидно, что в стихосложении такого типа акцентный принцип превалирует над силлабическим.

6.2.4. *С''₄: Силлабо-акцентный (силлаботонический) стих*

Иное соотношение этих же принципов характерно, например, для русского или эстонского силлаботонического стихосложения. С''₄ отличается от С''₃, в первую очередь, большей силлабической определенностью: каждому символу А и В соответствует один и только один слог. Дело, однако, к этому не сводится: стабильность силлабического состава позволяет — в отличие от С''₃ — не акцентный принцип, а силлабический выполняет в С''₄ функцию ритмического стабилизатора.

(CR9) *I. Силлабический принцип:*

- (i) Каждой позиции А и В соответствует один и только один слог;

II. Акцентный принцип:

- (ii) Каждой позиции А соответствует безударный слог;
- (iii) Позиции В может соответствовать либо ударный, либо безударный слог.

Примечание: Под ударным слогом понимается ударный слог неодносложного слова; односложные слова могут приходиться на любую позицию.

6.2.5. *С''₅: Акцентно-силлабо-квантитативный стих*

Рассмотренные СС'' основывались на использовании двух принципов: квантитативного и силлабического (6.2.1–6.2.2), и акцентного и силлабического (6.2.3–6.2.4). Возможны, однако, и реально встречаются системы стиха, основывающиеся на использовании всех трех названных принципов: и квантитативного, и силлабического, и акцентного. Например, именно так обстоит дело в системе эстонского гексаметра, теоретически и практически разрабатываемого А. Каалепом.

(MS2) &АВАВАВАВАВА&

(CR10) I. Акцентный принцип:

(i) Каждой позиции А из MS2 соответствует ударение;

II. Силлабический принцип:

(ii) Каждой позиции А из MS2 соответствует один слог;

(iiiа) Позиции В из MS2 может соответствовать либо один слог, либо:

(iiiб) Позиции В из MS2 может соответствовать два слога;

III. Квантитативный принцип:

(iv) Каждой позиции А из MS2 соответствует долгий слог;

(va) Позиции В из MS2 соответствует долгий слог, если (iiiа);

(vb) Позиции В из MS2 соответствуют краткие слоги, если (iiiб).

Например:

А В А В А В А В А В
 — ∪ — ∪∪ — — — ∪∪ — ∪

Selge ja kuum oli päev. Eks laudast vankrile rammu...

Хотя психологически наибольшую важность представляет здесь квантитативный принцип, он оказывается зависимым от силлабического. Поэтому описанную СС следует назвать **акцентно-силлабо-квантитативной**.

Не следует думать, что значение описанной СС ограничивается лишь эстонским стихосложением. Достаточно близкими оказываются модели немецкого гексаметра, разрабатывавшиеся Ф. Г. Клопштоком и Й. Фоссом⁴⁰ (собственно говоря подход А. Каалепа может считаться дальнейшим развитием подхода

⁴⁰ Как известно, подходы Клопштока и Фосса были не просто различными, но и полемически друг против друга направленными: полемика касалась как подхода к квантитативному принципу, так и к акцентному. Но в главном они были едины: немецкий гексаметр должен учитывать как длительность, так и ударность (о силлабизме спор не шел, однако, очевидно, что в рамках обоих подходов выполнялось правило CR10 (ii)–(iii)).

Клопштока, однако, квантитет в эстонском имеет принципиально иную природу, нежели в немецком).

Еще более важным представляется то обстоятельство, что ударение, по-видимому, учитывалось во многих размерах аруза, например, в персидском эпическом размере мутакарибе, который может быть описан следующим образом:

(MS3) &ABVAVVAVVAVV&

(CR11) *I. Силлабический принцип:*

(i) Каждому символу А и В соответствует один слог;

II. Квантитативный принцип:

(ii) Каждому символу А соответствует краткий слог;

(iii) Каждому символу В соответствует долгий слог;

III. Акцентный принцип:

(iv) Каждому символу В, следующему за символом А, соответствует ударность.

Примечание. В отличие от приводимых выше контекстно-свободных правил, правило CR (iv) носит контекстно-связанный характер.⁴¹

---

⁴¹ Следует отметить, что структура мутакариба в одном существенном отношении отличается от описанной структуры эстонского гексаметра: ударение служит в нем не дополнительному различению позиций различного типа, а дифференциации соседствующих позиций одного и того же типа. Возможно, поэтому и принципиально иное описание мутакариба, возводящее его не к MC^2 , но к MC^3 :

(MS4) &ABCABCABCABC&

(CR00) (i) Каждому символу А, В и С соответствует один слог;

(ii) Каждому символу А соответствует краткий слог;

(iii) Каждому символу В и С соответствует долгий слог;

(iv) Каждому символу В соответствует ударность.

Какое из приведенных описаний следует предпочесть, является, в значительной мере делом вкуса; для сколько-нибудь аргументированного спора на эту тему следовало бы предварительно проанализировать всю систему, по крайней мере, персидского аруза. Нам же, исходя лишь из общих соображений, предложенное в основном тексте описание представляется более предпочтительным.

Т.е. структура мутакариба может быть выражена следующей схемой:

U — U — U — U —

Следует ли на основании предложенного описания относить мутакариб к силлабо-квантитативно-акцентной СС судить рано.⁴²

6.3. Правила соответствия на более высоких уровнях

Центральным звеном предлагаемого нами подхода к проблеме СС являются правила соответствия, связывающие метрические структуры с единицами языка. Все рассмотренные выше правила соответствия касались лишь элементарных метрических сущностей; естественно возникает вопрос о корреляции единиц более высоких уровней. Поскольку эта проблема не имеет решающего значения для теории и систематики СС, мы коснемся ее лишь самым поверхностным образом.

Границы стопы в МС² специальными языковыми сигналами как правило не маркируются. Тем не менее здесь есть несколько знаменательных исключений. Наиболее простым случаем представляется “кольцовский” пятисложник в русской поэзии: эта стопа обязательно выделяется словоразделами; ее схема:

&ААВАА&
#ххххх#,

(где # — словораздел, х — произвольный слог, а х̇ — ударный слог).

Более того, отмечается очень отчетливая тенденция, согласно которой каждой стопе кольцовского 5-сложника соответствует синтагма (т.е. границы ее следовало бы отмечать значком ##).

Интереснее обстояло дело в античном стихосложении, гораздо более чутком к стопоразделам, нежели все новоевропейские. Граница стопы могла отмечаться требованием *несовпа-*

⁴² Не вполне ясен, в частности, сам статус акцента в мутакарибе: является ли он лингвистическим или музыкальным. В последнем случае он (как и музыкальные икты в античном стихе) вообще не должен учитываться при метрическом анализе.

дения ее со словоразделом; отсюда разделение словоразделов на цезуры, “разрезающие” стопу, и диерезы, совпадающие с ее границей.

Различные морфонологические явления на границах полустихий и стихов были описаны Е. Куриловичем (Kuryłowicz 1975).

6.4. Проблема непросодического стихосложения

Все рассмотренные выше СС основывались на отображение метрических сущностей в элементах просодической системы ЕЯ. Теперь возникают следующие вопросы: во-первых, возможно ли их отображение в элементах иных ЕЯ страт и, во-вторых, если да, то следует ли считать такие соответствия “СС-образующими”?

На первый из этих вопросов следует дать безусловно положительный ответ: существуют многочисленные примеры кодирования метрической информации не просодическими средствами, причем средства эти могут относиться и к фонематической, и к грамматической, и к семантической страте. Сложнее обстоит дело со вторым вопросом и он будет обсужден ниже.

6.4.1. Формы фонемического кодирования метрической информации и проблема межуровневых соответствий

6.4.1.1. Рифма

Одной из наиболее распространенных форм, образуемых в результате отображения метрических сущностей на фонемические, является рифма. Более того, с точки зрения метрической информации, рифма может выполнять двоякую функцию: во-первых, отмечать границу некоторой метрической единицы (это, так сказать, морфологическая функция рифмы) и, во-вторых, сочленять такие единицы в единства более высокого уровня (это своего рода рифменный синтаксис). Уже наиболее распространенный способ фиксации рифменных схем недвусмысленно свидетельствует об их метрической основе: так, 4-стишие АВАВ явно относится к MC^2 и т.п.

Следует, однако, иметь ввиду, что сказанное является справедливым в первую очередь лишь для рифмы в европейской

поэтической традиции нового времени — метрические функции возможны для рифмы, но отнюдь не обязательны. Рифма может встречаться в прозе и даже регулярно, есть даже термин рифмованная проза (правда иногда им обозначают не прозу, а раешник, т.е. свободный рифменный стих). В прозе, разумеется, нет речи о метрической функции рифмы, она выполняет лишь эвфоническую функцию; то же самое следует сказать о тех нерегулярных внутренних рифмах в поэзии, которые не связаны с определенной метрической позицией. Во многих формах, встречающихся в арузе (ср., например, газель), рифма лишь маркирует окончание метрического ряда, но не связана со строфикой.

В заключение отметим любопытную закономерность, которая, однако, не носит абсолютного характера: рифма в качестве метрического фактора встречается преимущественно в СС, так или иначе использующих акцентный принцип; в СС же, основанных на квантитете не подкрепляемым ударением, рифма — редкость.

6.4.1.2. Аллитерация

Аллитерация, как и рифма, может быть связана с метрикой, а может и не быть. Так, то, что называется аллитерацией в русской, а также в современной английской или немецкой поэзии есть лишь не обязательный с метрической точки зрения повтор согласных звуков, т.е. явление чисто эвфоническое.

Другой тип аллитерации представлен в фольклорном стихосложении прибалтийско-финских народов: хотя позиция аллитераций не фиксирована, само ее наличие является обязательным. Обычно такая аллитерация выполняет с точки зрения метрической структуры лишь “морфологические” функции, фиксируя целостность метрического ряда: в каждом стихе своя аллитерация, однако, иногда аллитерация связана с формированием надстиховых образований (Лотман 1985). В эстонской поэтической традиции аллитерация обычно называется начальной рифмой (*algriiim*); при этом имеется в виду, что она приходится на начало слова (в прибалтийско-финских языках ударение фиксировано на первом слоге). Принципиально иная форма аллитерации, также иногда именуемая начальной рифмой, встречается в

различных формах тюркского народного стиха; она отмечает начало метрического ряда (стиха). В древнегерманском стихосложении также фиксировалось не только наличие аллитерации, но, в определенных пределах, и ее позиция (наиболее распространенная схема — два аллитерирующих слова в первом полустишии, одно — во втором). Аллитерация является психологически столь важным фактором этого стиха, что иногда его и называют аллитерационным. Однако, и в древнегерманском стихосложении аллитерация выполняет лишь “морфологические” функции. Наиболее, вероятно, сложную в истории мировой поэзии форму звуковой организации демонстрирует средневековая кельтская (и, в первую очередь, валлийская) традиция, где система фонематических корреспонденций образует сложную структуру как внутрстиховых, так и межстиховых повторов.

О том, что аналогичного рода построения являются возможными и в современной поэзии свидетельствует хотя бы уже приводимое в качестве примера стихотворение Артура Алликсаара *Traakia maagia*. Выше (ср. 6.1.4) размер его был определен как четырехстопный *vers libre*; хотя это определение в первом приближении и представляется справедливым, однако, же его следует признать совершенно недостаточным. Каждое 4-стишие этого стихотворения характеризуется сквозным звуковым повтором, приходящимся на слоги, несущие основное ударение⁴³, причем каждая из четырех фраз, составляющих в совокупности стих, содержит, по крайней мере, два таких повтора. Следует обратить внимание и на просодические характеристики повторяющегося звукового комплекса: в большинстве случаев дело идет о сверхдолгих слогах (т.е. слогах, характеризующихся третьей степенью долготы). Если оставить в стороне спорную проблему односложных слов, которые в традиционной грамматике все считаются сверхдолгими, в эстонском языке сверхдолгие слоги образуются исключительно в ударной позиции либо сверхдолгими гласными (ср. I строфу со сверхдолгими ‘u’; V строфа характе-

---

⁴³ В эстонском языке слова, образованные в результате словосложения, пишутся слитно, но, как правило, сохраняют все основные ударения на корневых морфемах, ср. ‘Muundsuund’ (один из многочисленных неологизмов Алликсаара, означающий что-то вроде ветра переменного направления) и т.п.

ризуется сверхдолгими 'o', VI — 'i', VIII — 'д' и IX — 'e') или дифтонгами (ср. III строфу с 'ae', IV — с 'xu' и VII — с 'au'), либо геминацией согласных. Любопытно, что языкотворчество Алликсаара не ограничивается лексической сферой, но охватывает все слои языка, включая его просодику. Так, он создает псевдодифтонги типа 'ih' во II строфе ('uh' — в XI, 'ah' — в XII и 'ast/est' — в X), что в ряде случаев деформирует нормальное слоговоеделение: в обиходной речи первый слог слова *tihane* 'ti-' относится к первой ступени долготы (т.е. является кратким); контекст же стихотворения заставляет предположить, что Алликсаар имеет ввиду иное, аномальное слоговоеделение, образующее, по аналогии со слогом 'tih-' в слове *tihkuv*, слог 'tih-' и в слове *tihane*⁴⁴.

В 6.4.1.1. мы отметили наличие определенной корреляции между рифмованностью и использованием акцентного принципа в стихосложении. Нередко высказывалось и мнение, что аллитерация также связана с ударением. Хотя, в принципе, наличие такой связи отрицать не имеет смысла, не только более неожиданной, но и более тесной оказывается корреляция аллитерации с квантитативным принципом (Лотман 1985). Так, когда в германском стихе акцентный принцип вытеснил остатки квантитативной урегулированности произошел переход и от аллитерационного стиха к рифменному. В какой-то мере аналогичное развитие произошло и в эстонском народном стихосложении: в поздних его формах квантитативная форма урегулированности заменяется тонической и, одновременно с этим, рифма приходит на смену аллитерации⁴⁵.

⁴⁴ Любопытно и то, что, как и у Хлебникова, многие новации Алликсаара имеют отчетливый проивкус архаизма; так в старой эстонской орфографии вполне возможно было написание типа 'tihhane'.

⁴⁵ Любопытно, что такой рифмованный (силлабо-)тонический стих, основу которого составляет расшатанный четырехстопный хорей, называется *vemmalvärss*, что означает буквально то же самое, что и *Knittelvärss* (является ли это совпадение случайным, или же эстонское название есть калька с немецкого — выяснить пока не удастся).

6.4.2. Проблема кодирования метрической информации грамматическими средствами⁴⁶

Проблема синтаксической просодии периодически возникает на периферии стиховедения, однако, она еще не становилась предметом целенаправленного исследования; не было и попыток систематизации или хотя бы обозрения соответствующих явлений.

Внимание исследователей чаще всего сосредоточивалось на различных явлениях синтаксического параллелизма. Так, В. М. Жирмунский неоднократно высказывал убеждение, что синтаксический параллелизм является исключительно значимой формой, как в типологическом, так и историческом аспекте, поскольку из него развились многие формы регулярного стиха и, в первую очередь, силлабическое стихосложение и рифма (Жирмунский 1964а).

Другую форму синтаксической просодии описал К. Ф. Тарановский в своем исследовании форм церковнославянского и древнерусского стиха (Тарановский 1968); выше (ср. 6.1.4.) мы предложили интерпретировать его трактовку древнерусского стиха в качестве двустопного *vers libre*. Очевидно, однако, что сам К. Ф. Тарановский имел в виду иное: просодические характеристики текста определяются его синтаксической структурой. Подход К. Ф. Тарановского вызвал многочисленные полемические отклики, из них наиболее принципиальными представляются возражения А. М. Панченко и, особенно, М. Л. Гаспарова (Панченко 1973, Гаспаров 1989). Смысл этих возражений сводится к тому, что указанная форма вообще не является стихом, особенно показательна с точки зрения М. Л. Гаспарова связь ее с пословицами. Попытки выявления и описания особого пословичного размера “паремийника” предпринимались неоднократно и в сфере античной словесности, однако, все они завершились неудачей. Вероятнее всего дело идет просто об одной из естественных форм расположения речевого материала. Все же такой вывод представляется нам несколько преждевременным: пословицы различных народов вовсе не являются

⁴⁶ Здесь, как и всюду в настоящей работе, сфера грамматики трактуется в широком смысле, как включающая морфологию и синтаксис.

в интересующем нас отношении чем-то однородным. Названная форма зафиксирована пока лишь у индоевропейских народов. Например, такая структура в целом не характерна для эстонских пословиц, многие из которых обнаруживают родство с руническим стихом: аллитерации, остатки метрической структуры. Форма принципиально иная, но связь со стихотворной организацией наличествует и здесь. Нельзя говорить и об общих ритмических тенденциях у пословиц всех индоевропейских народов. Думается, что именно восточнославянская традиция представляет в этом смысле наибольший интерес, поскольку здесь наблюдается отчетливая тенденция к рифменной поддержке соразмерных кусков. Если каждый из этих принципов в отдельности и не является достаточным для того, чтобы с уверенностью говорить о стихотворности соответствующих форм, то сочетание, напротив, заставляет с известной долей скепсиса относиться к их прозаической трактовке.

Примечательно, что именно М. Л. Гаспаров, который как будто отказывался признавать возможность синтаксической просодии в принципе, недавно описал форму, которую он определил как синтаксический логаяд: единственной формой урегулированности этого стиха, который, очевидно, большинство исследователей сочли бы просто разновидностью *vers libre*, является точное повторение из стиха в стих конфигурации различных частей речи (Гаспаров 1993); очевидно, что и этот стих имеет прямое отношение к синтаксическому параллелизму.

6.4.3. Проблема семантической просодии

Еще проблематичнее обстоит дело с семантической просодией, вопрос о которой обычно поднимается при описании различных форм архаического стихосложения. Таким образом могут быть, например, интерпретированы различные формы тавтологического и психологического параллелизма, описанные А. Н. Веселовским (Веселовский 1940); по мнению же В. Я. Брюсова (Брюсов 1900) русский былинный стих основывался на счете образов, т.е. семантических единиц. Современная постановка вопроса содержится в короткой публикации М. И. Лекомцевой (Лекомцева 1973):

Анализ некоторых стихотворений показывает, что единицы глубинной структуры стиха соответствуют единицам “семантической метрики”, т.е. может существовать определенная закономерность в количестве единиц глубинной структуры, приходящихся на строку, строфу и стихотворение в целом. Распределение в стихе синонимов, антонимов, гипонимов и их транзитивных коррелятов показывает, что в стихе возможна регулярная семантическая рифма. /.../ Описание распределения семантических параметров в стихе дает возможность изучать способы “семантической инструментовки” стиха и определять основные фигуры, которые образуют единицы плана содержания в данном поэтическом тексте. /.../ План содержания может быть организован метрически и рифмически, а план выражения как *vers libre* — примером тому, по-видимому, будет древнеегипетская поэзия. (Лекомцева 1973, 167)

Для иллюстрации сказанного не обязательно обращаться к древнеегипетскому материалу; ограничимся лишь одним примером из русской поэзии. Стихотворение Мандельштама “Там, где купальни, бумагопрядильни...” (1932) написано 4-стишиями со схемой рифм *AbAb*. Исключение составляет 3-я строфа, в которой клаузулы первого и третьего стихов фонически не корреспондируют, т.е. схему этой строфы следовало бы обозначить *XaXa* (где *X* — холостые рифмы). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дело обстоит несколько более сложным образом.

У реки *Оки* вывернуто *веко*,
 Оттого-то и на Москве ветерок.
 У сестрицы Клязьмы загнулась *ресница*,
 Оттого на Язуе утка плывет.

Все стихотворение представляет собой как ряд метонимических перестановок, базирующихся как на семантических, так и чисто звуковых ассоциациях (ср. Лотман 1979), причем звуковые и смысловые отношения как бы меняются местами. Так, 1-й стих содержит скрытый каламбур “Ока — око”; именно на нем основывается смысловой повтор “око — веко”, строящийся по принципу аллитерации; семантическая же связь между 1-м и 3-м стихами “веко — ресница” строится по принципу рифмы. Поэтому можно сказать, что и это 4-стишие строится в соответствии со схемой *AbAb*, с той лишь разницей, что четные стихи рифмуются фонически, а нечетные — семантически.

Не трудно представить себе текст, в котором стихи “рифмуются” лишь семантически.

* * *

В заключение вернемся к вопросу о том, в какой мере рассмотренные в этом разделе формы могут быть поставлены в общий ряд с СС, описанными в предыдущих разделах. Думается, что однозначный ответ на него, по крайней мере в настоящее время дан быть не может: одни и те же формы воспринимаются по-разному не только в различных традициях, но и в различных областях и в различные периоды в рамках одной и той же традиции. Так, наличие рифмы в свободном стихе, по мнению ряда исследователей, приводит образованию иной по сравнению с *vers libre* метрической формы: свободный рифменный стих (в русской поэзии наиболее распространенная его форма — раешник)⁴⁷; в настоящее время как будто считается очевидным, что пятистопный ямб является одним и тем размером как в своей рифмованной, так и безрифменной разновидностях, однако, например, в английской поэзии XVI века этот вопрос ставился иначе, более того, белый стих мог считаться более сложной и изощренной формой, нежели рифмованный.

Заключительные замечания

Целью настоящей работы был анализ понятия ‘система стихосложения’ с точки зрения современного стиховедения и систематизация СС. В отличие от рассмотренных публикаций Я. Пыльдымяз, Б. Ф. Егорова и Б. Я. Бухштаба, мы не задавались целью исчисления всех СС а priori возможных в поэзии некоторого языка, ни, тем более, возможных вообще. Тем не менее, имеет смысл привести список основных СС:

1. Чисто-квантитативный стих;

⁴⁷ Напомним, что Б. Ф. Егоров в своем исчислении СС считал наличие/отсутствие рифмы столь же релевантным фактором, как и урегулированность силлабического состава или распределение ударений (Егоров 1973).

2. Силлабический стих;
3. Акцентный стих;
4. Свободный стих;
5. Силлабо-квантитативный стих;
6. Квантитативно-силлабический стих;
7. Акцентно-силлабический стих;
8. Силлабо-акцентный стих;
9. Акцентно-силлабо-квантитативный стих.

Список этот заведомо не полон: нет в нем различных разновидностей акцентного и свободного стиха, возможно имеет смысл выделение квантитативно-силлабо-акцентного и т.п. СС. Универсализм предложенного подхода в другом: он позволяет производить эффективный анализ любых форм стихосложения, а каждой из проанализированных форм найти ее естественное место в ряду других СС.

Литература

- Ахманова О. С. (сост.) 1966. *Словарь лингвистических терминов*. Москва.
- Беляев В. Ф. (сост). 1966. Приложение: Основная терминология метрики и поэтики. В: Ахманова 1966.
- Брюсов В. Я. 1900. О русском стихосложении. — А. Добролюбов. *Собрание стихов*. Предисловие В. Я. Брюсова и И. Коневского. Москва.
- Брюсов В. Я. 1919. *Краткий курс науки о стихе. Ч. 1. Частная метрика и ритмика русского языка*. Москва.
- Брюсов В. Я. 1924. *Основы стиховедения. Ч. 1–2. Общее введение, метрика и ритмика*. Москва.
- Бухштаб Б. Я. 1969. О структуре русского классического стиха. — *Труды по знаковым системам IV*, Тарту.
- Бухштаб Б. Я. 1973. Об основах и типах русского стиха. — *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, XVI.
- Веселовский А. Н. 1940. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля. — А. Н. Веселовский. *Историческая поэтика*. Ленинград.
- Востоков А. 1817². *Опыт о русском стихосложении*. Санкт-Петербург.
- Гаспаров М. Л. 1974. *Современный русский стих. Метрика и ритмика*. Москва.

- Гаспаров М. Л. 1984. *Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строрфика*. Москва.
- Гаспаров М. Л. 1989. *Очерк истории европейского стиха*. Москва.
- Гаспаров М. Л. 1993. Синтаксические логазды (тезисы). — *Русский авангард в кругу европейской культуры*. Москва.
- Гаспаров М. Л. и др. 1987. М. Гаспаров, М. Лотман, П. Руднев, М. Тарлинская. Проблемы стиховедения в работах Я. Р. Пыльдямаэ. — *Studia metrica et poetica (Poeetiliste süsteemide dünaamika)*. Acta univ. Tartuensis 780. Tartu.
- Гиндин С. И. 1970. Трансформационный анализ и метрика (из истории проблемы). — *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 13, Москва.
- Егоров Б. Ф. 1973. Аксиоматическое описание русских систем стихосложения. — *Искусство слова*. Москва.
- Жирмунский В. М. 1921. *Композиция лирических стихотворений*. Петроград.
- Жирмунский В. М. 1925. *Введение в метрику. Теория стиха*. Ленинград.
- Жирмунский В. М. 1964. Стихосложение Маяковского. — *Русская литература*, № 4.
- Жирмунский В. М. 1964а. Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха. — *Вопросы языкознания*, № 4.
- Жолковский А. К. 1962. Совещание по изучению поэтического языка. — *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 7, Москва.
- Золян С. Т. 1976. К созданию порождающей модели армянского стихосложения. — *Проблемы стиховедения*. Ереван.
- Курилович Е. 1962а. Связь метрики с разговорным языком. — *Очерки по лингвистике*. Москва.
- Курилович Е. 1962б. Принципы латинской и германской метрики. — *Очерки по лингвистике*. Москва.
- Левый И. 1974. *Искусство перевода*. Москва.
- Лекомцева М. И. 1973. О метрической организации и рифме плана содержания поэтического текста. — *Сборник статей по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Леонтьев А. А. 1978. Поэты и поэтика. — *Литературная учеба*, №4, с. 167–172.
- Лотман М. 1974. О взаимоотношении естественного языка и метрики в механизме стиха. — *Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Лотман М. 1976. Гексаметр. (Общая теория и некоторые аспекты функционирования в новых европейских литературах). — *Studia metrica et poetica*, I [УЗ ТГУ, 396], Тарту, с. 31–54.

- Лотман М. 1979. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте. — *Труды по знаковым системам*, 11 [УЗ ТГУ, 467], с. 98–119
- Лотман М. 1982. О системах стихосложения в русском стихе. — *Учебный материал по теории литературы*. Таллин, ТПЕДИ, с. 83–87.
- Лотман М. 1985. Стихосложение эстонской народной поэзии в типологическом аспекте. — *Слово в нашей речи '85*. Рига.
- Лотман М. 1995. Русский стих: основные размеры, входящие в европейский метрический фонд. — *Słowiańska metryka porównawcza VI. Europejskie wzorce metryczne w literaturach słowiańskich*. Warszawa.
- Лотман М. и С. Шахвердов 1973. Некоторые аспекты теории стиха. — *Сборник статей по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Недоброво Н. В. 1912. Ритм, метр и их взаимоотношение. — *Труды и дни*, № 2.
- Панченко А. М. 1973. *Стихотворная культура XVII века*, Ленинград.
- Папаян Р. А. 1972. Сдвиги силлабических констант в стихе западно-армянских поэтов. — *Quinquagenario. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана*. Тарту.
- Папаян Р. А. 1980. *Сравнительная типология национального стиха*. Ереван.
- Поливанов Е. Д. 1963. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. — *Вопросы языкознания*, № 1, с. 99–112.
- Пыльдяэ Я. 1970. О типологии систем стихосложения. — *Тезисы докладов 4-й Летней школы по вторичным моделирующим системам*. Тарту.
- Тарановский К. Ф. 1968. Формы общеславянского и церковно-славянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII веков. — *American Contributions of the 6th International Congress of Slavists. I Linguistic Contributions*. The Hague.
- Тимофеев Л. И. 1928. Силлабический стих. — *Ars poetica*, вып. II, Москва.
1958. *Очерки теории и истории русского стиха XVIII–XX вв.* Москва
- Томашевский Б. В. 1957. Рецензия на книгу: В. О. Unbegaun. *Russian Versification*. — *Вопросы языкознания*, № 3.
1959. *Стих и язык. Филологические очерки*. Москва–Ленинград.
- Трубецкой Н. С. 1960. *Основы фонологии*. Москва.
- Холшевников В. Е. 1968. Русская и польская силлабика и силлаботоника. (К проблеме “Стих и язык”). — В. Е. Холшевников. *Стиховедение и поэзия*, Ленинград, 1991 [Впервые в: *Теория стиха*. Ленинград, 1968].
- Шаповалов В. 1978. Из наблюдений над стихом современной киргизской поэзии. — *Взаимосвязи и взаимодействия художественных культур народов СССР и киргизская литература*. Фрунзе.
- Якобсон Р. 1923. *О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским*. Москва–Берлин.

- Hobsbaum Ph. 1996. *Metre, Rhythm and Verse Form*. London and New York
- Horváth J. 1969². *Rendszeres magyar vers*. Budapest.
- Jakobson R., Lotz J. 1941. *Axiomatik eines Verssystems am nordwinischen Volkslied dargelegt*. Stocholm.
- Keith A. 1953. *A History of Sanskrit Literature*. Oxford–London.
- Kyparsky P. 1989. Sprung Rhythm. — *Phonetics and Phonology, vol. 1: Rhythm and Meter*.
- Kuryłowicz J. 1975. *Metrik und Sprachgeschichte*. Wrocław etc.
- Leino P. 1979. Suomen kielen systeemit ja mittatyyppit. *Virittäjä*, #83.
- Leino P. 1982. *Kieli, runo ja mita. Suomen kielen metriikka*. Pieksämäki.
- Leino P. 1986. *Language and Metre. Metrics and the Metrical System of Finnish*. [Studia Fennica. Review of Finnish Linguistics and Ethnology, #31, Helsinki.
- Lotz J. 1960. Metric Typology. — *Style in Language*. Ed. T. A. Sebeok (New York, London) pp. 135–48.
- Levin S. R. 1962. *Linguistic Structures in Poetry*. The Hague.
- Liberman M. and A. Prince 1977. On Stress and Linguistic Rhythm. — *Linguistic Inquiry*, #8.
- Meyer W. 1905–36. *Gesammelte Abhandlungen zur mittellateinischen Rhythmik*. Bd. I–III, Berlin.
- Pighi G. B. 1970. *Studi di ritmica e metrica*. Torino.
- Pike K. L. 1946. *The Intonation of American English*. Ann Arbor. Princeton 1985. *The Princeton Handbook of Poetic Terms*. Ed. by A. Preminger et al. Princeton N. J.
- Prince A. 1989. Metrical Forms. — *Phonetics and Phonology, vol. 1: Rhythm and Meter*.
- Pöldmäe J. 1978. *Eesti värsiõpetus. Monograafia*. Tallinn.
- Scherr B. 1986. *Russian Poetry: Meter, Rhythm, and Rhyme*. Berkeley etc.
- Teeuw A. 1952. *Taal en versbouw*. Djambatan, Amsterdam.
- West M. L. 1987. *Introduction to Greek Metre*. Oxford.

On systems of versification (mostly in Russian and Estonian poetry)

The concept of a versification system is in the theory of verse one of the most fundamental notions, but, at the same time, out of date. So, it is no wonder that researchers of verse avoid it in their studies. The purpose of the present work is to provide a treatment of systems of versification, which be contextual with contemporary theory of verse, above all with the one oriented towards generative metrics. In the traditional theory of verse the position of systems of versification is vague. On the one hand they are

treated before metrics, e.g., system of versification is a more general category than verse metre. On the other hand it seems to be more substantial, as it is connected with a given language and its prosody (cf., e.g., Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics).

In the present work systems of versification are treated as correspondance between metre and prosody of language, e.g., a system of versification proceeds from metrics and forms the prosody of verse, transforming prosody of language. That explains, why the prosody of verse is different from that of language. System of versification is not an elementary concept. It consists of principles, which can be interpreted as differential elements of the system of versification. E.g., if syllables are put into correspondance with elements of metrics, then we are dealing with the syllabic principle, if durations, then we are dealing with the quantitative principle. In this way systems of versifications like syllabic-quantitative or syllabic-durational-tonic are formed. Such a treatment explains, how the same verse metres, e.g. iambus and hexametre can appear in completely different languages.

On the one hand the work is oriented towards the general theory of verse, i.e. is of a deductive nature, exposition is developed from general to particular, from abstract to substantial. On the other hand it is oriented towards describing particular forms and their typology, i.e. an inductive approach is considered as well.

Värsisüsteemidest (peamiselt eesti ja vene värsi näitel)

Värsisüsteemi mõiste on värsiteoorias üks fundamentalsemaid, kuid samal ajal vananenud, nii et pole ime, et värsiuurijad studiumites väldivad seda. Käesoleva töö eesmärk on anda värsisüsteemide käsitus, mis oleks kontekstis nüüdisaegse värsiteooriaga, ennekõike sellisega, mis on orienteeritud generatiivsele meetrikale. Traditsioonilises värsiteoorias on värsisüsteemide koht ebamäärane. Ühelt poolt käsitletakse neid enne meetrikat, st. et värsisüsteem on värsimõõdust üldisem kategooria, teiselt poolt aga tundub, et see on palju konkreetsem, kuna on seotud antud keele ja selle prosoodiaga. Ingliskeelses traditsioonis värsisüsteem ongi prosoodia osa (vrđl. nt. Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics).

Käesolevas töös käsitletakse värsisüsteemi kui vastavust (funktsiooni) meetrumi ja keele prosoodia vahel, st. et värsisüsteem lähtub meetrikast ja formeerib värsiprosoodiat, transformeerides keeleprosoodiat. See seletab,

miks värsiprosoodia erineb keele omast. Värsisüsteem ei ole elementaarne mõiste. Ta koosneb põhimõtetest, mida võib interpreteerida kui värsisüsteemi diferentsiaalelemente. Nt. kui meetrika elementidega pannakse vastavusse silbid, on tegu silbilise põhimõttega, kui pikkused, siis kvantitatiivsega. Põhimõtted võivad kombineeruda. Nii tekivad sellised värsisüsteemid, nagu *silbilis-vältelised* või *silbilis-vältelis-rõhulised*. Selline käsitlus seletab, kuidas ühed ja samad värsimõõdud, nt. jamb, hekameeter jms. võivad esineda täiesti eri tüüpi keeltes.

Töö on ühelt poolt orienteeritud üldvärsiteooriale, st. on deduktiivse iseloomuga, esitus areneb üldiselt üksikule, abstraktselt konkreetsele. Teiselt poolt on ta orienteeritud konkreetsete vormide kirjeldamisele ja nende tüpoloogiale, osutudes siin mugavaks ja efektiivseks, st. silmas on peetud ka induktiivset lähenemist.

Лингвистические термины как тропы в поэзии И. Бродского

Юлле Пярли

Настоящая статья посвящена теме, которая все больше начинает привлекать к себе внимание исследователей — лингвистической образности в поэзии Бродского. Речь идет, в первую очередь, о тематизации лингвистической терминологии — метаязыка, описывающего саму языковую систему, языковые операции, речевую действительность.

Лингвистическая терминология, попадая в новый контекст, становясь в стихотворении элементом речевого события, лишается частично своей понятийной природы. В художественном тексте, вне той структуры суждения, которая является необходимой предпосылкой его существования (См.: Выготский 1982: 221), оно теряет свою прозрачность, однозначность, приобретает неожиданные коннотации, новые связи. В этом новом качестве, как одно из средств самовыражения поэта, лингвистическая терминология может использоваться при описании переживания, для передачи подсознательного, отсылки к невербальному. Как часть поэтического словаря Бродского, лингвистические понятия позволяют оценить себя, с одной стороны, как один из возможных языков, описывающих универсум, и с другой, — как тропы, возникающие на стыке разных систем, изоструктурные творческому сознанию как таковому.

Одной возможностью изучения указанной нами темы является выявление поэтической функции элементов лингвистического метаязыка в отдельных произведениях. Но можно, абстрагируясь от конкретных текстов, рассматривать лингвистический метаязык в творчестве поэта как некоторую упорядоченную систему. В настоящем исследовании предложена попытка соединить эти два возможных подхода. Общие особенности функционирования в поэзии Бродского лингвистической образности будут иллюстри-

роваться анализом стихотворения “Infinite”. Выбор нами для более подробного рассмотрения таких понятий как *слово, речь, буква, точка* был, в свою очередь, продиктован стремлением определить какие-то самые универсальные значения, выраженные в поэзии Бродского через лингвистический язык описания. В задачи настоящей работы не входит выявление той традиции, к которой можно было бы свести концепцию языка у Бродского, будь это системы взглядов, признающие панязыковость нашего сознания, или сводящие мир к тексту.

Нам кажется, что в экспликации Бродским в поэтическом творчестве внутренних языковых зависимостей, присутствующих как данное в сознании носителя языка, находят выражение его глубоко индивидуальная и более общая поэтическая стратегия. Прежде всего это свойственная поэту позиция находиться одновременно и внутри и вовне описываемого мира, взгляд на мир, в том числе на мир языка, на самого себя, со стороны. Как Бродский пишет в связи с поэзией Цветаевой: “<...> навик отстранения — от действительности, от текста, от себя, от мыслей о себе — являющийся едва ли не первой предпосылкой творчества и присущий в определенной степени всякому литератору, развился в случае Цветаевой до стадии инстинкта. То, что начиналось как литературный прием, превратилось в форму существования.” (Бродский 1994: IV, 94–95). В тематизации языкового структурирования действительности, как, впрочем, в частом обращении поэта к научной терминологии вообще, в формулировках и дефинициях Бродского отражается и современный кризис “метанарративов”, — философских, социальных, психологических, религиозных систем, любых интерпретационных схем, осознание невозможности осмыслить с их помощью мир и бытие человека. Язык — единственное, к чему поэт относится с доверием.

Важнейшими универсалиями, для характеристики которых Бродский прибегает к различным метаязыкам, в том числе и лингвистическому, являются ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Они частотны в поэтическом словаре поэта и становятся темами в его эссеистике. Можно, например, выстроить синонимический ряд образов, которые соотносятся с пространством:

общий знаменатель, толпа
 чистая геометрия
 тело
 орнамент
 Восток
 Империя
 вещь
 статика
 камень
 немота
 тупик
 форма самоутверждения по плоскости
 и т.д.

и временем — вода как дух Времени
 волна
 музыка — близнец воды
 стих как реорганизованное время
 душа
 холод, отрешенность
 мысль о вещи
 Время — Бог или его Дух
 и т.д.

Имя как пространство, субстанция и *глагол* как время, энергия являются самыми общими координатами бытия человека.

Превалирует в паре пространство / время, безусловно, время (“<...> пространство для меня действительно и меньше, и менее дорого, чем время. Не потому, однако, что оно меньше, а потому, что оно — вещь, тогда как время есть мысль о вещи” (IV, 156).

О доминантности времени, принадлежности его к сфере идеального, о его определенной сакрализации свидетельствует уже то, что именно Время, наряду с именем Бога, может писаться в стихах Бродского с большой буквы.

Но не менее, чем названные чистые категории, поэтa занимает их слитность, реализация одного в другом. В частности, он пишет о выраженности Времени в пространственных категориях.

Сам по себе лингвистический метаязык как система представляет собой вневременную синхронную совокупность. Нерелевантность времени объясняется, в частности, общеобязательностью связей внутри него. И об эксплицированной в поэзии Бродского языковой системе в целом можно говорить как об особом пространстве. А отдельные термины, которые обозначают

составляющие ее элементы и их связи, служат, в частности, для выражения пространственно-временного изоморфизма.

Языковая система представлена в стихотворениях Бродского, например, в таких терминах, как *буква, согласные и гласные звуки, алфавит, часть речи, имя существительное, глагол, местоимение, подлежащее, сказуемое*, в грамматических категориях *времени, одушевленности/неодушевленности, залога, надежда, рода, вида*, знаками препинания — *точка, запятая, знаки вопроса и восклицания*.

Пожалуй, самым частотным и самым внешним, отдаленным от поэта языковым понятием является для Бродского **СЛОВО**.

Оно редко непосредственно соотнесено с лирическим субъектом. Если поэт и определяет себя через *слово-имя*, то через слово выговариваемое, слово как говорение, речь, т.е. *слово* в таких случаях соотносится с Я — субъектом “речевого акта”. Это то *слово*, которое сохраняет в себе значение древнего индоевропейского корня — объединение двух действий — говорения и слушания (см. об этом: Степанов 1997: 246). Стихи являются именно таким *словом*, внутренней речью, одновременным говорением и слушанием языка:

но под собственный голос, перекатывающийся картаво,
подставляя ухо, как часть кентавра.

“Если что-нибудь петь...” (II, 414)

В целом же мир *слов* — это мир пространственный, мир множества:

“в правнучке вавилонской, в башне слов,” (II, 211);

“<...> я, / бормочущий комок / слов” (II, 295);

“бисер слов” (II, 443);

“<...>превращенье крика / в глухое толковище слов” (II, 233);

“а слово надвигается на слово”.” (II, 126);

“но из множества слов уцелело одно “была”.” (III, 241).

Слово употребляется чаще всего именно во множественном числе. Если оно имеет форму единственного числа, то сводится к слову изначальному или обозначает коммуникацию как таковую (“раздается слово” (II, 362)). Но такие примеры единичны. В целом же *слова* составляют пространство, отделяющее поэта от реальности и превращающее его чувственный опыт в отвлеченный, отчужденный.

Слово является именем вещи, заменяет ее собою:

“предметов нет, и только есть слова.” (I, 378);

“Вещь, имя получившая, тотчас / становится немедля частью речи”. (II, 125);

”словами, пожирающими вещи!”” (II, 126);

“От великих вещей остаются слова языка, <...>” (II, 364);

“Вещи в витринах, носящие собственные имена,” (III, 192).

В самих *словах* есть нечто от вещей. Слово можно “ставить”, к *словам* “не достать рукой”, как к недоступным вещам. Как правило, *слова* статичны, их мир неактивный, наличествующий, т.е., используя определение Ж. Дерриды — фиксирующий “наличие отсутствия” вещей. На этом фоне явно выделяются исключения. Тогда *слово* сакрально — “слова Христа”, или обозначает творческий акт, или это *слова*, которые “диктовала любовь” (ср.: “Бог сохраняет все; особенно — слова / прощенья и любви, как собственный свой голос.” (III, 178)). В многочисленных инфинитивных конструкциях, в которые входит *слово*, преобладает значение неразгадываемости и недоступности *слова*, невозможности к нему приобщиться.

Характерно, что преобладающей формой предложений, в которые входит *слово*, является конструкция без глагольного сказуемого. Ср., например:

““Слова на ветер.” (II, 112);

“козь скоро все описано словами?”” (II, 125);

“И нет непроницаемой покровы, / столь полно поглотившего предмет, / и более щемящего, чем слово.” (II, 126);

“Иль сходство с шапкой слов?” (II, 199);

“и в ней <гортани — Ю. П.> — комок // не слов, не слез,” (II, 214);

“<...>слова — / обратные языку пламени: монологу, / пожиравшему лучших, чем ты, с жадностью, как дрова;” (III, 167) и т.д.

Связь субъекта со *словом* в таких конструкциях опосредованная — она проявляется в установлении сходства, подобия и, соответственно, в употреблении предикатов с этими значениями: “слова — подобие вещей”, “в поисках точного слова”. В употреблении *слова* или *имени* проявляется и отчужденность субъекта от самого себя как субъекта языкового сознания.

Если “жизнь” определяется через “речь”, то “не жизнь” — через “победу слов”. Вневременность *слова*, заменяющего вещь, делает возможным сближение вещи с вечностью. Но, по сравнению с вещью, *слово* не уникально: “Сколько глаза не колешь /

тьмой — расчетом благим / повторимо всего лишь / слово: словом другим.” (II, 458). Оно по своей природе тавтологично, представляя собой одну из частных реализаций более общей для поэзии Бродского темы тавтологии. Неповторимым *слово* становится или через его соотнесенность с конкретной вещью, или в речи, в индивидуальном употреблении — присвоении его себе говорящим. Можно даже сказать, что тем самым зрение и голос придают *слову* неповторимость. Вещь, обозначаемая *словом*, наделяет приметами и само *слово*, как в говорении — слушании, в процессе оформления мысли *слово* реализуется через его связи с другими *словами*, приобретая через это смысл, который и возникает “между словами”. *Слово* занимает и промежуточное место между вещью и цифрой — единичным и всеобщим, не имеющим качества. Переход слов в цифры — тема, которая наиболее ярко представлена в позднем творчестве Бродского, где она сочетается с темой Небытия, выраженной, в частности, через мотивы безымянности, анонимности, потери или забвения имени, смерти как разлучения со своим именем:

я, иначе — никто, всечеловек, один
из, подсохший мазок в одной из живых картин,
которые пишет время, макая кисть
за неимением, верно, лучшей палитры в жисть,

сiju, шелестя газетой, раздумывая, с какой
натуры все это списано? чей покой,
безымянность, безадресность, форму небытия
мы повторяем в летних сумерках — вяз и я?
“В кафе” (III, 174)

Ср. также в стихотворении “Замерший кисельный берег...”: “Будто кто-то там учится азбуке по складам. / Или нет — астрономии, вглядываясь в начертанья / личных имен там, где нас нету: там, / где сумма зависит от вычитанья.” (III, 97).

Т.о., *слово*, пространственное по своей природе, “оживает” в *речи*. В речевой действительности, в стихе, будучи вовлеченным в ритм, олицетворяющий время, *слово* приобретает параметры времени. Происходит как бы процесс развертывания *слова*, его расчленения, а в итоге — изменения его онтологического статуса. Можно сказать, что *слово* вечно, когда оно теряет себя во времени. Ср.:

Молчанье — это будущее дней,
 катящихся навстречу нашей речи,
 со всем, что мы подчеркиваем в ней,
 с присутствием прощания при встрече.
 Молчанье — это будущее слов,
 уже пожравших гласными всю вещьность.
 страшашуюся собственных углов;
 волна, перекрывающая вечность.
 (“Горбунов и Горчаков” II, 127)

РЕЧЬЮ, говорением, в свою очередь, определяются у Бродского “время” и “жизнь”:

“<...>жизнь — биенье сердца, / и говор фраз<...>” (I, 50);

“Это — вечная жизнь: / поразительный мост, неумолчное слово,” (I, 220);

“Жизнь — только разговор перед лицом / молчанья.” (II, 127);

“в движенье губ гораздо больше жизни, / чем в том, что эти губы произносят” (II, 149);

“<...>И только речь моя / напоминает о размерах жизни.” (II, 199);

“ибо время — область фраз” (II, 74);

“Море, мадам, это чья-то речь... / Я слух и желудок не смог сберечь: / я нахлебался и речью полн...” (I, 369);

В стихах Бродского *речь* часто употребляется, как и *слово*, в безглагольных конструкциях (или, как в ряде перечисленных выше примеров, когда подразумевается глагол-связка). Но, являясь частью предиката, именной частью сказуемого, *речь* приобретает “глагольность”.

Процессуальность, время, наряду с *речью*, выражены и в образе *строки*. **СТРОКА**, безусловно, прежде всего *строка* стихотворения, но и в более общем смысле *строка* письма или — как линия — судьбы. Это то, что пишется сейчас, само писание. *Строка* соотнесена с субъектом при помощи личного местоимения “я”, указательного местоимения “это”, личных форм глагола. То есть, использованием различных эгоцентрических элементов моделируется присутствие пишущего субъекта в письме:

“Эти строки всего лишь / подголосок беды.” (II, 96);

“<...>автор этих строк,” (II, 159);

“И я, который пишет эти строки,” (II, 227);

“я пишу эти строки, стремясь рукой, / их выводящей почти вслепую, / на секунду опередить “на кой?”,” (II, 359);

“Сидишь, обдумывая строчку,” (III, 24);

”Я пишу эти строки, сидя на белом стуле / под открытым небом, зимой, в одном / пиджаке, поддав, раздвигая скулы / фразами на родном.” (Ш, 56);

”Как знать, может как раз сейчас, / когда я пишу эти строки, сидя / в кирпичном маленьком городке” (Ш, 93);

”эти строки по сути / болтовня старика” (Ш, 460).

Преобладание настоящего времени в таких выражениях маркирует момент писания, что тоже является средством “вписывания” автора в текст. И, вместе с тем, все это свидетельствует и об известном отстранении автора от самого себя — пишущего, о видении себя со стороны.

Творение, писание находит выражение и в образах *пера*, *чернильницы* и *чернил*. В образе *вечного пера*, например, тоже проявляется свойственное Бродскому соединение движения времени и вечности, ибо творчество как творение времени — вечно.

БУКВЫ — элементарные частицы строк, письма. *Строка* состоит для поэта именно из *букв*, а процесс писания равняется заполнению черными буквами пустоты белого листа:

”Но белизна вообще залог / того, что под ней хоронится то, что / превратится впоследствии в почки, в точки, / в буйство зелени, в буквы строк.” (II, 21–2);

”Если что-то чернеет, то только буквы.” (III, 11);

”кириллица, грешным делом, / разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли, / знает больше, чем та сивилла, / о грядущем. О том, как чернеть на белом, / покуда белое есть, и после.” (III, 18).

Бродский символизирует отдельные буквы. Повторяющиеся в разных текстах значения поражаются прежде всего графикой букв, но символизация может быть связана и, например, с их грамматической функцией (как “л” — окончание прошедшего времени), расположением в алфавите (самоидентификация поэта через букву “я”) и т.д. Можно составить “алфавит Бродского” как особый пласт образности в его стихах. Кстати, “алфавит” как исходное место пребывания букв, ряд, объединенный законом случайности — тоже один из распространенных образов в творчестве поэта.

Буква не только то, из чего строится строка, само писание букв в строке может быть рассмотрено как процесс исчезновения Я пишущего, перевоплощение субъекта акта писания в субъект письма. Ср.:

Человек превращается в шорох пера по бумаге, в кольца,
петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки.<...>

“Декабрь во Флоренции” (II, 384)

В стихах Бродского эта трансформация передается и в образах “отсутствия”, “вычленения” потери “телесности”.

Лингвистический метаязык может быть соотнесен в поэзии Бродского, например, с такими языками описания внешнего мира как геометрия, астрономия. Сходство их функции может заключаться уже в том, что, как и любые другие формальные системы, они способны обрисовать скорее отсутствие реальности, нежели саму реальность (характерно сравнение Бродским языка со смертью, небытием). Одним из образов, принадлежащих одновременно к разным метаязыкам и особенно частотным в позднем творчестве поэта является *точка*.

ТОЧКА — это знак препинания, абстракция в геометрии, в физике, астрономии, зрительный образ. Включенность *точки* одновременно в разные понятийные системы можно проиллюстрировать примером из стихотворения “Келломаки”:

что всякая точка в пространстве есть точка “а”
и нормальный экспресс, игнорируя “b” и “с”,
выпускает, затормозив, в конце
алфавита пар из запятых ноздрей; (III, 62).

В поэтической системе Бродского универсальность *точки* состоит и в слитности в ней пространства и времени, в напряженном единстве материального и идеального, телесного и бестелесного.

Чаще всего через этот образ реализуются темы разлуки, смерти, потерь, исчезновения:

Стоит ли? Вряд ли. Не стоит строчки.
Как две прямых расстанутся в точке,
пересекаясь, простимся. Вряд ли
свидимся вновь, будь то Рай ли, Ад ли.
Два этих жизни посмертной вида
лишь продолженье идей Эвклида. (“Памяти Т. Б.” II, 84).

См. также образ превращающегося в точку ястреба из стихотворения “Осенний крик ястреба” и определение Урании как богини утрат: “Муза точки в пространстве! Вещей, различаемых / лишь / в телескоп! Вычитанья / без остатки! Нуля! (Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова. II, 329).

Неслучайно появление в связи с образом *точки* имени Эвклида, с которым связывается начало осмысления мира в абстрактных категориях пространства. Но Бродский, скорее, создает в своих текстах ситуации, позволяющие ему, говоря словами самого поэта, “мстить” Эвклиду. Так, в стихотворении “Я всегда твердил, что судьба — игра...” поэт рифмует “конус” и “Хронос”: “<...>не знал Эвклид, что, сходя на конус, / вещь обретает не ноль, но Хронос” (II, 276). Или, другой пример — из стихотворения “Квинтет”: “Воздвигнутый впопыхах, / обелиск кончается нехотя в облаках, / как удар по Эвклиду, как след кометы.” (II, 424).

Время может Бродским рассматриваться именно как геометрическое место *точек*, как оно интерпретируется абстрактным математическим мышлением (см. об этом: Уитроу: 1964, 150). “Прямая”, состоящая из точек, как образ пространственный, содержит в себе и значение линейного времени, судьбы. См.: “Наши жизни, как строчки, достигли точки.” (II, 307), “Точка всегда обозримей в конце прямой.” (III, 67), “Смерть <...> ставит точку<...>” (III, 104). Уход в Небытие может быть поэтом истолкован как замена *знаками препинания* голоса — см. стихотворение “В следующий век” (IV, 24).

Точка — образ, соотношенный и с Христом. Христос — начало, точка отчета для нового времяисчисления, понимания времени как имеющего начало и конец. “Рождественские” стихотворения Бродского построены так, что Христос — Младенец изображен как та точка в пространстве и времени, к которой все устремлено (ср. путь волхвов как путь “лучей к звезде”).

В особенности в позднем творчестве Бродского можно наблюдать тенденцию концентрации времени в *точке* — в *точке* настоящего. Сливаются временные категории, обозначающие ощущение времени как пространства — “до” и “после”. Более актуальным становится тема “чистого” времени. Все чаще поэт называет в одной фразе прошлое и будущее время, настоящее и будущее или все три сразу. В итоге сами категории времени служат выражением невыделенности отдельных самостоятельных временных отрезков, обозначая скорее отсутствие чем наличие времени как такового. Может-быть, в этой сосредоточенности времени в “*точке*” *настоящего* следует видеть взаимодействие двух временных измерений: направленного в прошлое времени культуры, памяти, воспоминаний и движущегося в будущее

физического времени, связанного с предчувствием смерти, ее необратимостью. Будущее воспринимается как пустота, Ничто (см. и распространенный в поэзии Бродского образ перспективы, где человек “пропадает из виду,” деревья с их “перспективной пня”). Эта двойственность времени воплощена, например, в образе Кентавра: “Помесь прошлого с будущим, данная в камне, крупным / планом. Развитым торсом и конским крупом. / Либо — простым грамматическим “был” и “буду” / в настоящем продолженном.” (III, 165).

В дальнейшем мы остановимся подробнее на стихотворении Бродского “Infinitive” с целью продемонстрировать, как лингвистическая образность может в конкретном тексте участвовать в формировании смысла произведения.

Стихотворение “Infinitive” написано по-английски и посвящено Ульфу Линде. Оно открывает последний прижизненный английский сборник стихов Бродского (Brodsky 1996: 3–4).

Dear savages, though I've never mastered your tongue, free of pronouns
and gerunds,
I've learned to bake mackerel wrapped in palm leaves and favor raw turtle
legs,
with their flavor of slowness. Gastronomically, I must admit, these years
since I was washed ashore here have been a non-stop journey,
and in the end I don't know where I am. After all, one keeps carving
notches only
so long as nobody apes one. While you started aping me even before I
spotted
you. Look what you've done to the trees! Though it's flattering to be
regarded
even by you as a god, I, in turn, aped you somewhat, especially with your
maidens
— in part to obscure the past, with its ill-fated ship, but also to cloud the
future,
devoid of a pregnant sail. Islands are cruel enemies
of tenses, except for the present one. And shipwrecks are but flights from
grammar
into pure causality. Look what life without mirrors does
to pronouns, not to mention one's features! Perhaps your ancestors also
ended up on this wonderful beach in a fashion similar
to mine. Hence, your attitude toward me. In your eyes, I am
at the very least an island within an island. And anyhow, watching my
every step,

you know that I am not longing for the past participle or the past continuous
-well, not any more than for that future perfect of yours deep in some humid cave,
decked out in dry kelp and feathers. In write this with my index finger on the wet, glassy sand at sunset, being inspired perhaps by the view of the palm-tree tops splayed against the platinum sky like some Chinese characters. Though I've never studied the language. Besides, the breeze tousles them all too fast for one to make out the message.

[Дорогие дикари, хотя я так и не выучил вашего языка, свободного от местоимений и герундиев, / я научился печь макрель, завернутую в пальмовые листья, и благосклонен к сырым черепаховым ножкам / с их ароматом медлительности. Гастрономически, я должен признать, эти годы / с той поры, как я прибил к берегу, были бесконечным путешествием, / и в итоге я не знаю, где я. В конце концов, человек делает зарубки только / до тех пор, пока никто ему не подражает. А вы стали подражать мне даже раньше, чем я заметил / вас. Смотрите, что вы сделали с этими деревьями! Хотя и лестно считаться, / даже вами, богом, я, со своей стороны, подражал вам с вашими девами, / — частично, чтобы затмить прошлое с его злосчастным кораблем, но также скрыть будущее, лишённое тугого паруса. Острова — суть злые враги / времен, за исключением настоящего. И кораблекрушения — всего лишь полеты из грамматики / в чистую причинность. Посмотрите, что жизнь без зеркал делает / с местоимениями, не говоря уже о чертах лица! Возможно, ваши предки также / закончили на этом чудном пляже подобно / мне. Отсюда ваше отношение ко мне. В ваших глазах я, — / по самой меньшей мере, остров внутри острова. И в любом случае, следя за каждым моим шагом, / вы знаете, что я не жажду страдательного причастия прошедшего времени или длительного прошедшего времени / — ну, не больше чем вы вашего будущего законченного времени в глубине какой-нибудь сырой пещеры, / украшенной сухими бурыми водорослями и перьями. Я пишу это своим указательным пальцем / на влажном стеклянном песке во время заката, возможно, вдохновляясь / видом пальмовых верхушек, расщепленных на фоне платинового неба в виде / китайских букв. Хотя я никогда не изучал этот язык. К тому же, бриз / ерошит их слишком быстро, чтобы возможно было составить сообщение.]

Главные мотивы этого стихотворения встречаются в целом ряде русских текстов Бродского начала 90-х годов. Это мотивы

кораблекрушения и робинзонады, острова и моря, служащие основой для разговора о языке, письменности.

Название “Infinitive” кажется на первый взгляд неожиданным для описываемой в стихотворении ситуации. Но, на самом деле, реализуя свою этимологию, *инфинитив* сложным образом связан с текстом.

ИНФИНИТИВ infinito — без конца
бесконечность, неопределенность
неопределенная форма глагола
неопределенное наклонение — *modus infinitus*

Modus infinitus в античной грамматике (Диомед) — наклонение, не имеющее “достаточно определенными лица и числа” (см. и определение наклонения как формы слова, показывающей душевное состояние) (Фрейденберг 1996: 132–36).

По нашим наблюдениям этот термин не встречается в русских стихах Бродского. Там главной темой, связанной с глаголом, является тема времени. Но, по своему смыслу, как имя глагола и в смысле значения бесконечности и неопределенности *инфинитив* как образ отсылает к русским стихотворениям, созданным в это же время, например, к стихотворению “Тритон” (IV, 32–37), где мотив бесконечности связан с океаном, водой. Океан — бесконечность — окружает остров как конечную точку в бескрайнем пространстве:

В облике буквы “в”
явно дает гастроль
восьмерка — родная дочь
бесконечности, столь
свойственной синеве,
склянке чернил и проч. (34)

<...>

При расшифровке “вода”,
обнажив свою суть,
даст в профиль или в анфас
“бесконечность-о-да”;
то есть, что мир отнюдь
создан не ради нас. (36)

А смысл *инфинитива* как потенциальности глагольных форм находит в стихотворении “Тритон” свою параллель в сведении вместе в одной строфе будущего, настоящего и прошлого времен.

“Склянка чернил” в этом стихотворении — вместилище всех возможных букв, потенциальность письма. Этот образ можно сравнивать с *инфинитивом* как вместилищем языкового многообразия, соединяющим в себе имя и глагол. А если имя выражает субстанцию, а глагол время, то *инфинитив* может интерпретироваться как элементарная формула бытия.

Итак, через семантику бесконечности связаны вода и письмо. Ср. еще в стихотворении “Тритон”, где “буквальность” морской глубины еще раз подчеркивает эту связь:

Склонностью пренебречь
 смыслом, чья глубина
 буквальна, морская даль
 напоминает речь,
 рваные письмена,
 некоторым — скрижаль. (34)

“*Инфинитив*” как название рассматриваемого нами стихотворения уже по своему расположению по отношению к тексту противопоставлен описанному в нем острову как другому типу языкового мира. А именно через язык остров и описывается. Лирический Я — чужой на острове “дикарей”, куда он попал вследствие кораблекрушения, он носитель другого сознания.

Стихотворение начинается с утверждения, что лирический субъект так и не выучил языка “дикарей”. Но при этом стихотворение представляет собой обращение к “дорогим дикарям”, письмо, написанное указательным пальцем на влажном песке — на границе моря и острова. Письмо на песке — редкий для Бродского образ. Такое письмо не рассчитано на сохранение во времени, на понимание и не может стать текстом в истинном смысле, так как не может быть прочитано. К тому же, оно содержит в себе описание языка “дикарей”, чужого и непонятного для пишущего это письмо. Стихотворение как начинается, так и заканчивается темой непонимания чужого языка. “Пальмовые верхушки”, напоминающие китайские иероглифы и инспирирующие лирического Я, обозначают еще одно непонятное письмо: из-за бриза его знаки меняются столь быстро, что из них невозможно составить сообщение.

Язык “дикарей” определяется поэтом как язык без местоимений и герундиев, как язык, не реализующий именной потенциальности инфинитива. Это язык, теряющий и глагольные формы, знающий только настоящее время (“Острова — суть злые

враги / времен, за исключением настоящего.”), что характеризует остров как существующий в природном цикле, вне исторического времени. Время здесь не может быть соотнесено с человеком, так как мир острова не знает Субъекта как такового. Язык, который лишен категорий прошлого и будущего времен, личных форм глагола и не знает местоимений, отражает свойственное “дикарям” отсутствие способности к самоидентификации: “Посмотрите, что жизнь без зеркал делает / с местоимениями, не говоря уже о чертах лица!” В работе, посвященной семиотическим аспектам времени, Б. Успенский пишет о том, что существование во времени сводится именно к проблеме идентификации (Успенский 1994: 43–44). Язык “дикарей” лишен вообще любых возможностей для умозрительных абстракций. Отсюда и определение кораблекрушения, из-за которого Я оказался на острове, как полета “из грамматики / в чистую причинность”. В вышеназванных свойствах языка “дикарей” реализуется, собственно говоря, и значение инфинитива как грамматического термина (отсутствие форм лица и времени).

Противоположным описанной выше ситуации является обращение лирического субъекта (“острова внутри острова”) к “дикарям” как выражение отношения Я-Ты, свойственного для его языкового мира. Характерны частое использование в тексте письма местоимения “я” и соотнесенных с ним глаголов в личной форме, чаще всего в прошедшем времени (“Я научился”, “я прибился”, “я нанес зарубки”, “я подражал вам”, “я никогда не изучал этот язык” и др.). Его положение определяется как “остров внутри острова”. Но постепенно, подчиняясь окружению, Я начинает подражать дикарям “с вашими девами”, чтобы “затмить прошлое” с его злосчастным кораблем и “скрыть будущее”. Он перестает жаждать *past participle* (страдательного причастия прошедшего времени) или *past continuous* — длительного прошедшего времени, времени памяти. Все это ведет к потере им самого себя, своего лица под воздействием окружающего мира, не знающего индивидуального Я. Об этом свидетельствует уже и характер его письма — на песке, строки, которые исчезают во время написания.

В стихотворении есть еще один образ, связанный с темой письма, письменности как таковой (как и с темой начала времяисчисления) — это *зарубки на дереве*: “<...> человек делает зарубки только / до тех пор, пока никто ему не подражает. А вы

<дикари — Ю. П.> стали подражать мне даже раньше, чем я заметил / вас. Смотрите, что вы сделали с этими деревьями!”. Этот образ встречается и в других стихах Бродского как обозначение начала — конца письменности. См., например, стихотворение “Робинзоада”:

<...> То есть, когда уже
остекленевший взор больше не отличает
оттиска собственной пятки в песке от пятки
Пятницы. Это и есть начало
письменности. Или — ее конец.
Особенно с точки зрения вечернего океана. (IV, 31)

Итак, поэт представляет в “Infinitive” различные типы языка, письма (само стихотворение как письмо, иероглифы, “зарубки” на дереве, язык “дикарей”, не знающий письменности) и через них различные культурные миры. Стихотворение иллюстрирует более общие для поэзии Бродского закономерности, связанные с обращением поэта к лингвистической образности. Лингвистический метаязык становится в поэтических текстах объектным языком и нуждается для своей интерпретации в новом, другом языке описания, как в данном тексте — в языке описания культуры.

Литература

- Brodsky J. (1996). *So Forth (Poems)*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Бродский И. (1992–94). *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. 1–4. Санкт-Петербург: Изд-во “Пушкинский фонд”.
- Выготский Л. С. (1982) *Мышление и речь*. Москва: Изд-во “Педагогика”.
- Степанов Ю. С. (1997). *Словарь русской культуры*. Москва: Изд-во “Школа “Языки русской культуры””.
- Уитроу Д. Ж. (1964). *Естественная философия времени*. Москва.
- Успенский Б. А. (1994). *Избранные труды*. Т. 1. *Семиотика истории. Семиотика культуры*. Москва: Изд-во “Школа “Языки русской культуры””.
- Фрейденберг О. М. (1996). *Изд. Античные теории языка и стиля (Антология текстов)*. Серия “Античная библиотека”. Санкт-Петербург: Изд-во “АЛЕТЕЙЯ”.

Linguistic terms as tropes in J. Brodsky's poetry

The present inquiry is dedicated to linguistic images in the poetical language of J. Brodsky. In his texts, the poet discourses upon linguistic metalanguage, linguistic operations, linguistic events. Falling into the context of a poem, linguistic terms partially lose their conceptual nature, and become the means of description of the universe, and the means of the poet's self-expression. The paper examines functions of linguistic metalanguage in Brodsky's poetry; in the most general sense, these could be reducible to the expression of the most elementary formula of the world's time-space isomorphism. As related to this universal relation, the meanings of term-images like *word*, *speech*, *character*, *dot*, have been more deeply described in this paper. The *word*, like language system in general, is spatial, tautological in its nature, creating a special spatial world which alienates the poet from his own emotional experience and from reality. The *world* becomes alive in *speech* which, in the poet's work, serves as predicate of "life" and "time". For Brodsky, the *character* is the elementary unit of verse line comparable to dot in time and in space. Verse line is composed of *characters* (Brodsky symbolizes also individual characters: one might compile a "Brodsky's alphabet" as a special system of images in his works). Writing characters into verse line, in turn, is comparable to the disappearance of the poet, of the writing self, and to a change into the subject of script and text. From here, also, the comparison between *creation* and *death* is characteristic for Brodsky. The *dot* is one of the most universal images in the poet's language. It belongs to different metalanguages (physics, astronomy, geometry, the dot as a punctuation mark, as a visual image). It is exactly the *dot* allowing the poet to demonstrate the inner connection between different metalanguages describing the world. Also, in this image, the isomorphism of space and time is manifested most intensely.

While the first part of the current work tries to represent the system of linguistic terms as such in Brodsky's poetry, the second part is an analysis of "The Infinitive" as a particular poem; this analysis is meant to clarify how linguistic terms participate in the creation of the meaning of the poem. The linguistic metalanguage, changing here into "object language", needs in turn a new metalanguage which would allow to describe it. In the given poem where the author characterises different cultural realms through language-consciousness, descriptive language of culture would serve as such a metalanguage.

Lingvistilised terminid kui troobid J. Brodsky luules

Käesolev uurimus on pühendatud lingvistilistele kujunditele J. Brodsky luulekeeles. Poeedi tekstides on lingvistiline metakeel, keeleoperatsioonid, keelesündmused käsitletud omaette teemadena. Luuletuse kontekstis minetavad keeleterminid osaliselt oma mõistelise iseloomu, saavad universumi kirjeldamise, poeedi eneseväljenduse vahenditeks. Töös vaadeldaksegi lingvistilise metakeele funktsioone Brodsky luules, mis võiksid kõige üldisemas mõttes olla taandatavad ruumilis-ajalise isomorfismi kui maailma elementaarseima valemi väljendamisele. Seoses nimeetatud universaalse suhtega on töös põhjalikumalt kirjeldatud selliste terminite-kujundite nagu *sõna*, *kõne*, *täht*, *punkt* tähendusi. *Sõna*, nagu keelesüsteem tervikuna, on oma olemuselt ruumiline, tautoloogiline, moodustades erilise ruumilise maailma, mis võõrandab poeeti tema enese tundekogemusest ja reaalsusest. *Sõna* elustub *kõnes*, mis poeedi loomingu on valdavalt “elu” ja “aja” predikaadiks. *Täht* on aga Brodsky jaoks värsirea elementaarne element, mida võiks võrrelda punktiga ajas ja ruumis. Värsirida koosneb just *tähtedest* (Brodsky sümboliseerib üksikuid tähti: võiks koostada “Brodsky tähestiku” kui erilise kujundisüsteemi tema loomingu). Tähtede kirjutamine värsireaks on aga omakorda võrreldav poeedi — kirjutava Mina kadumisega, tema muutumisega kirja, teksti subjektiks. Siit ka Brodsky omane loomingu võrdlemine surmaga. *Punkt* on poeedi keeles üks universaalsemaid kujundeid. Ta kuulub erinevatesse metakeeltesse (füüsika, astronoomia, geomeetria, punkt kui kirjavahemärk, kui visuaalne kujund). Just *punkt* võimaldab poeetil demonstreerida maailma kirjeldavate metakeelte sisemist seost. Selles kujundis kehastub ka ruumi ja aja isomorfism kõige intensiivsemalt.

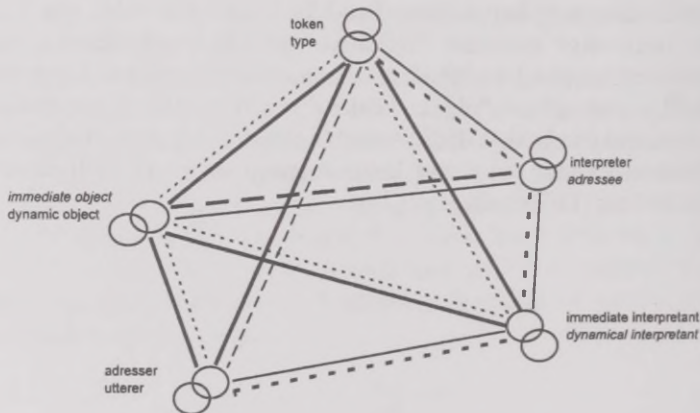
Kui käesoleva töö esimene osa püüab anda ettekujutust lingvistiliste terminite süsteemist kui sellisest Brodsky luules, siis teine osa kujutab endast konkreetse luuletuse “Infinite” analüüsi, selgitamaks, kuidas lingvistilised terminid osalevad teksti tähenduse loomisel. Lingvistiline metakeel, muutudes siin “objekti keeleks”, vajab omakorda uut metakeelt, mis võimaldaks teda kirjeldada. Antud luuletuses, kus autor iseloomustab keeleteadvuse kaudu erinevaid kultuurimaaailmu, oleks selliseks metakeeleks kultuuri kirjelduskeel.

A semiotic mapping of the study of literature

Jørgen Dines Johansen

In this century the relationship between the study of literature and semiotics has been close, even intimate from the very beginning, from Russian Formalism to the contemporary studies of the relation between literary studies and cognitive science. Their close relationship not withstanding, it must be remembered that they are separate, although overlapping, fields of inquiry each with relations to other disciplines and each with their specific issues and problems. Thus it makes sense to ask the question what semiotics has to offer literary scholarship.

In this article, however, I am only looking at one aspect of this relationship, namely the possibility of using a semiotic sign model to show the relationship of the different disciplines of literary scholarship in relation to one another. The model, which is based on Peirce's ideas of sign action, maps the exchange of signs between the two parties of a dialogue. I call it the semiotic pyramid:

The diagram represents a dialogue between two persons, The solid line represents the semiosis seen from the point of view of the utterer. The dotted line the interpreter's point of view. In a verbal dialogue the sign will be instanced as a token emitted by the utterer, but to understand it the interpreter must identify it as a replica of a type and this involves an interpretation connecting it with object and interpretant. If the understanding between the parties is perfect (at least with regard to the purpose of the dialogue, and meaning implies reference to a purpose, cf. Peirce 5.175)¹, utterer and interpreter will identify the token as an instance of the same type, the immediate object, or 'idea' referred to would (for the purpose) be sufficiently similar, among the possibilities offered by the immediate interpretants the interpreter would choose the one intended by the utterer, and each of them would understand and recognize their respective roles within the semiosis and accept them as persons. Moreover, dialogical communication can be corrected through explication by metalinguistic activity, reference to a common universe (e.g. through ostensive definition) by stating intentions and purposes, and by questioning.

This model is valid for literature as well as for everyday dialogue. Although it is an illusion that *differentiae specificae* exist which would enable us to distinguish literary texts from non-literary ones in every case, I find it worth trying here to point out some often used criteria. It must be added, however, that literary communication is many different things: The rapsodist reciting Homer vs. our solitary reading of a novel, not to speak of our watching a specific staging of a play.

According to universal pragmatics the relation holding between sign and object should be one of truth, i.e. the proposition expressed by the signs should correspond to a given state of affairs. This point of view seems sensible provided the existence of a dynamical object influencing the sign or at least existing independently of whether represented or not. One of the most often used criteria of literary discourse is, however, that it doesn't refer to a mind independent universe, i.e., the fictional universe is created by the sign itself.

In principle, we cannot know what kind of universe a text refers to by virtue of the text itself as Peirce points out:

---

¹ In quoting from Peirce, I follow the convention of referring to the *Collected Papers of Charles Sanders Peirce* by letting the number left to the decimal point designate the volume number, while the number to the right designates paragraph number.

In every proposition the circumstances of its enunciation show that it refers to some collection of individuals or of possibilities, which cannot be adequately described, but can only be indicated as something familiar to both speaker and auditor. At one time it may be the physical universe, at another it may be the imaginary "world" of some play or novel, at another a range of possibilities (2.536).

The reason is that the basic structure of the proposition (sentence) is the same irrespectively of whether referring to a historical or fictional universe:

Alexander loves Roxana
 Charles loves Camilla
 Charles loves Emma
 Donald loves Daisy

In the first two cases we would presume that the persons referred to all belonged to the historical universe of discourse, although two of them are dead. The other Charles was, and is, never met apart from the pages of Flaubert's novel. The last couple inhabits the cartoon world, another separate, fictional universe. While obviously it makes sense to say that the first and second couple belong to the same universe, it makes no sense to say that Charles and Emma Bovary and Donald and Daisy Duck belong to the same universe. While there only one existing historical universe, an infinite number of fictional universes exists, because they may be produced at will.

Non-fiction vs. fiction, then, depends on which universe the texts indexical signs are referring to (or which predicates are ascribed to them, cf. below), and to know this we either need information from other sources, or we must rely on conventions. As regards fiction, we most often will lack additional relevant sources of information concerning certain important indexical signs within the text:

When the universe of discourse relates to a common experience, but this experience is of something imaginary, as when we discuss the world of Shakespeare's creation in the play of Hamlet, we find individual distinction existing so far as the work of imagination has carried it, while beyond that point there is vagueness and generality. (4.172).

Curiously enough, the so-called autonomy of a work of fiction, then, consists of a lack of information, or rather a lack of access to additional sources of information concerning the states of affairs represented in the fictional text. Most often the referential function of fictional indices simply stops short.

Nevertheless, in order to understand the text as a sense-making totality, or to understand why it is not coherent, however, we have to presuppose what is not explicitly stated, but implied, or supposed to be implied, in the text. In furnishing the missing but needed information we, most often, act according to the "maxim of minimal departure" (coined by Marie Laure Ryan, see Ryan 1991), i.e., we project the interpretive habits, that we have developed through living and interacting within our life-world, onto the fictional universe. What can be mapped is, however, also governed by the specific features of the fictional universe in question: If seven-league boots are part of the props of a fairy-tale universe, we must willingly suspend our disbelief in the existence of such a means of transportation as far as that universe is concerned.

Nevertheless, the autonomy of fictional universes is relative indeed, because a fictional universe may be related to the experiential universe of our life-world in at least four ways.

1) **Continuity:** fictional indices function within a universe indicated by non-fictional indices. This feature is certainly pervasive in literature from antiquity onwards. Indeed from the times of the Homeric poems in which the actions were considered a part of both sacred and profane history to 19th century realism's setting of their narratives in contemporary society.

In *Madame Bovary* we have a wonderful description of the second town to which Charles and Emma Bovary move, it begins thusly:

Yonville-l'Abbaye( ), is a market-town some twenty miles from Ruon, between the Abbeville and Beauvais roads. It lies at the foot of a valley watered by the Rieule, a little river that runs into the Ardelle after turning three water-mills near its mouth; it contains a few trout and, on Sundays, the village boys entertain themselves by fishing. (Flaubert 1965: 49)

The other cities, or towns, and the river exist, but Yonville-L'Abbaye itself is not found in that part of France. Flaubert inscribes, with an almost deceiving precision his fictional town into real world geography; and Emma, and other characters, travel between this imaginary town and Rouen, which is the capital of Normandy. Here she commits her second adultery which is just as fictional as the first one committed in the fictional town and its vicinity. Such hybrid spaces are the rule rather than the exception in literature. And by embedding fictional spaces within non-fictional ones the relationship between world of fiction and life-world is strengthened justifying the

“principle of minimal departure” as a sensible initial procedure. This continuity and contiguity between fiction and non-fiction very often imply another kind of relationship between the two worlds, namely:

2) **Similarity:** The fact that the fictional text imitates both the states of affairs and courses of events within the historical universe and our world of experience and the ways in which we are talking about and describing these matters. It is important to stress the latter point, since literary mimesis is primarily a representation of ways of using language in discoursing on our inner and outer worlds rather than a direct imitation of these worlds themselves.

Such claims to similarity are especially salient, when as, for instance in realism, the claim to world representation is strengthened to cover not only what is represented, but the mode of representation as well, for instance “realistic” dialogue in the theater, novels in dialect, the imitation of documents, etc. Let the following example suffice: On January 15, 1874 Ibsen writes to Edmund Gosse among other things responding to Gosse’s criticism of *Imperator and Gallilean*. Gosse had wished that the play had been written in verse not in prose. Responding to this criticism Ibsen writes:

You are of the opinion that the drama ought to have been written in verse, [...]. Here I must differ from you. The play is [...] conceived in the most realistic style; the illusion I wished to produce was that of reality. I wished to produce in the reader that what he was reading was something that had really happened. If I had employed verse, I should have counteracted my own intention and prevented the accomplishment of the task I had set myself. [...] Speaking generally, the style must conform to the degree of ideality which pervades the representation. My new drama is no tragedy in the ancient acception; what I desired to depict were human beings, and therefore I would not let them talk the “language of the Gods.” (Ibsen 1970: 269)

Of course, Ibsen is very careful to underscore that he wanted to create “the illusion of reality,” but the point is that verse dialogue would, according to the aesthetics of realism, be absolutely detrimental to his project. However, throughout the history of literature, similarity as imitation has other definitions. At the one end we have ideas of decorum, both concerning what is allowed to become the object of imitation at all and which modes of imitation are proper to different realms of the experiential world. As regards the first point questions of propriety and, in the last analysis, questions of censorship are

involved. Certain realms of common experience are excluded from literary interpretation, which and to what extent is historically and culturally variable (cf. that about 150 years ago *Madame Bovary* was tried — but acquitted — of immorality).

As regards the second point, the different genera elocutionis (see Lausberg 1960: §§1078–1083), for instance as represented in the famous *rota Virgilii* (the wheel of Virgil), in which the humble, middle, and sublimes styles are correlated with certain subjects and settings; indeed, even the names of characters were prescribed for the three styles.

However, it is not only within literature that what can be said, in which context, and in which ways are prescribed and enforced. Therefore literature's speaking and writing in accordance not only with *le vraisemblable*, but also according to *les bienséances* will, most often, in itself be an imitation of the ways in which society is discoursing on matters deemed delicate or outrageous. Furthermore, the fact that similarity is bound up with ways of seeing and representing means that literary representation and other ways of discoursing on the world are also similar, because, to a great extent, both are being governed by the same conventions.

3) **Conventionality:** Conventions understood as habits of action, speech, and interpretation are certainly pervasive, through upbringing and schooling they enter every realm of experience from intimate habits of hygiene to ways of perceiving and reasoning. As such they function as filters that are decisive for our understanding of the world. They are properly discussed, however, in connection with the relationship between signs and interpretants.

The link between literature and life-world may mean that (what is considered to be) laws, habits, and norms valid in a non-fictional world, thought to be continuous or homologous to the one represented in the literary work, are transferred to the fictional universe provided they are not, explicitly or implicitly, suspended by the fictional text. In a fictional work claiming to be true to "reality" the presuppositional network which grounds action, reactions, emotions, etc. ought to be the same within and outside the fictional universe. And in his letter to Gosse Ibsen does in fact claim that the characters in *Emperor and Gallilean* act in conformity with the actions of real people. This is really a claim that it is possible to understand the characters actions using the same presuppositional network that we would use in understanding other peoples actions.

In addition, and contradistinction, to similarity and shared conventions between fictional and non-fictional universes, the fictional universe may distance itself, because of its marked otherness, its strangeness. In such cases the linking of life-world and literature may be figurative.

4) **Figurative structuration:** Elements and relations within the fictional universe are interpreted as figurative and intensified expressions of elements and relations within our life-world or psyche. This passage from Kafka's *The Trial* is an excellent exemplification of such a kind of relationship:

“Was ist das?” fragte er den Maler. “Worüber staunen Sie?” fragte dieser, seinerseits staunend. “Es sind die Gerichtskanzeleien. Wußten Sie nicht, daß hier Gerichtskanzeleien sind? Gerichtskanzeleien sind doch fast auf jedem Dachboden, warum sollten sie gerade hier fehlen?” (Kafka 1979: 141)

Unless you in fact believe it a feature of our life-world, at the time of Kafka, that every other attic in big cities housed court rooms you will either have to deny any connection between his fictional world and the contemporary life-world, or you must interpret these courts as figurative expressions of states of affairs, or of mind, that are encountered in the world of that day. In fact, at least two standard interpretations linking Kafka's world to the world of his own times, and to our, exist. The first means considering the courts as figurative expressions of actual states of affairs: The setting is taken to signify that in police states surveillance and secret and unjustified trials and convictions are going on all the time. The rhetorical figure used here is the hyperbole. The second interpretation sees the courts in the attics as an expression of the cruel super-ego of the main character (or the narrator), and thus, the setting becomes metaphorical. Such readings are allegorical in the sense of medieval interpretive practice².

---

² Concerning the relationship between literal and allegorical interpretation let the following observation of Dante's suffice:

Writings may be understood and ought to be expounded chiefly in four senses. The first is called literal (and this is that sense which does not go beyond that enunciated by the fictitious word, as in the fables (*favole*) of poets. The next is called allegorical, and this is that which hides beneath the mantle (*manto*) of such fables, and is a truth hidden beneath a beautiful falsehood: such as when Ovid says that Orpheus tamed wild beasts with his lyre and made trees and stones move towards him, which

The point is that it is not the literal fictional universe that is compared to and interpreted in the light of our life-world, it is the interpretation of it in abstract statements about forces and conflicts in the outer or inner world. It is even often the case that a literary text will be related to the life-world of its origin in all four ways, and thus it is complicated, indeed, to describe the exact nature of the relationship between the two worlds.

However, there may be a fruitful way of understanding this relationship, a way we already find in Aristotle. On his view, the delight we take in literature is caused by two innate instincts: that for representation and that for tune and rhythm. About the former he says in the *Poetics*:

From childhood men have an instinct for representation, and in this respect man differs from the other animals that he is far more imitative and learns his first lessons by representing things. And then there is the enjoyment people always get from representations. What happens in actual experience proves this, for we enjoy looking at accurate likenesses of things which are themselves painful to see, obscene beasts, for instance, and corpses. The reason is this. Learning things gives great pleasure [...] to [...] men [...]. The reason why we enjoy seeing likenesses is that, as we look, we learn and infer what each is, for instance, "that is so and so." (Aristotle 1927: 13–15, 1448b)

Now, the acquisition of knowledge through contemplation of likenesses means making inferences about the nature of a given phenomenon by using a model of it. Understanding a model as an iconic representation, a likeness, is common in semiotics, cognitive science, the philosophy of science, and within literary scholarship.

There is a benign polysemy in the word 'model,' since it may signify a number of things among which the following are interesting from our point of view: (1) The construction and representation of the phenomenon as an object of knowledge by means of signs, as, for instance the mapping of relations between objects in the external world as relations between elements of pictures, maps, verbal descriptions, and mathematical relations — of course, outside all representation the external objects are not comprehended at all. Further a (2)

---

shows how the wise man makes cruel hearts grow tame and humble with the instrument of his voice, and how he makes those who have no feeling (*vita*) for science and art moving according to his will; and those who have no rational life at all are little better than stones. (Dante in Minnis, Scott, and Wallace 1988: 396).

'model' may be a prototype, for instance, a new model of a car is a prototype. Another signification of 'model' related to 'prototype,' but nevertheless different is (3) 'ideal,' or 'exemplar,' somebody may be a model of virtue or beauty.

According to Juri M. Lotman, literature as a model is an iconic representation, or an analogue, of the object it represents. The individual model belongs to a modelling system, and in literature's case to a so-called secondary modelling system, i.e., a system built upon language as the primary modelling system. A modelling system consists of an inventory of elements and their combination rules together with an analogical relation to the object. The literary work of art is, at one and the same time, a translation of the object into the elements and relations of the system and its analogue. In other words, a literary text is always, at the same time, conventional and the likeness of a given object, and being an icon scrutinizing the sign will teach us about the object (the parallel to Aristotle is obvious)³.

However, how and of what are literary texts models? According to Max Black, standard cases of models are miniature, three dimensional models, *scale models*, of "some existing or imagined material object" (Black 1962: 219), such objects he calls *originals* of the models. Representational painting must in certain respects be considered, and fruitfully treated, as two dimensional, and representational sculpture as three dimensional, scale models. Literature cannot, however, generally be treated as a scale model, because a scale model's conventions of interpretation "rest on partial identity of properties

---

³ Of Lotman's examples of such models maps, on the one hand, and play and games, on the other, should be mentioned (he also mentions military drill and exercise). Maps are related to the territory in three ways: indexically because they are influenced by the territory through measurements, projections, etc., iconically because in certain specified ways maps are like the territories they depict, and symbolically because a lot of conventions are used in mapmaking. Plays and games both imitate patterns of behavior and interaction and are clearly conventionalized and rule-governed activities. Maps, plays, and games are alike in helping us to act in our life-world. In fact, a map will often be the only way in which we will be able to comprehend the structure of a city, and thus to find our way. Playing and games are helpful models of interaction, because they allow to interrupt the action, and to repeat and correct it. Furthermore, situations in actual life that are unpredictable, seemingly amorphous because bewilderingly filled with details, and irrepeatable, are simplified and manageable according to a finite set of rules.

coupled with invariance of proportionality" (ibid. 220), and obviously literature consists of strings of symbolic signs that do not share the properties of what they represent or depict.

Black mentions three other kinds of models, analogues, mathematical, and theoretical models. The two latter have little relevance to literary mimesis (although there is an affinity between metaphors and theoretical models). It seems fruitful, however, to consider a very dimension of literary texts as an analogue of an existing and/or imagined universes. Like Peirce and Lotman, Black also sees such a model as iconic, but in a more abstract sense than the scale model, instead of partial identities of properties an analogue is isomorphic with its original, it displays the same "structure or patterns of relationships" (ibid. 223), i.e., an identity of structure not of qualities. Remembering Ryan's principle of minimal departure, one could say that the reason why representations of fictional universes may, and do indeed, serve as models of human existence is that they are construed and understood according to the conventions used in interpreting life-worlds.

However, it must be remembered as well (1) that models are purposeful simplifications of the object represented, and that (2) creating new worlds means using and transforming the elements and patterns of other worlds. Philosophers differ on the question whether there is one basic world, or basic world-version, from which all others are built. A radical relativist like Nelson Goodman denies both the defensability and usefulness of this idea. He points out, however, that:

For the man-in-the-street, most versions from science, art, and perception depart in some ways from the familiar serviceable world he has jerry-built from fragments of scientific and artistic tradition and from his own struggle for survival. This world, indeed, is the one most often taken as real; for reality in a world, like realism in a picture, is largely a matter of habit. (Goodman 1978: 20)

Even if one disagrees with his philosophical position, Goodman is certainly right in claiming that our interpretations of the life-world is sketchy, fragmented, and incoherent⁴. Departing from the habitual

---

⁴ At first glance, what has been said, leave us with conflicting points of view: On the one hand it seems that the idea of literature as a model of the life-world presupposes that there is (1) a basic world to be represented, and (2) that there are true and false ways of representing it, i.e. models that are true or false. On the other hand, it seems that (1a) the world itself only exists in different representations, and that consequently (2a) there are no standards

element in our world experience, Goodman points out that artists' vision differ from, or may differ from, our perceptive and interpretive habits:

Many of the differences among portrayals by Daumier, Ingres, Michaelangelo, and Rouault are differences in aspects accentuated. What count as emphasis, of course, is departure from the relative prominence accorded the several features in the current world of our everyday seeing. With changing interests and new insights, the visual weighting of features of bulk or line or stance or light alters, and yesterday's level world seems strangely perverted — yesterday's realistic calender landscape becomes a repulsive caricature. (Ibid. 11)

Goodman sees world making as an activity where, departing from some already existing world version, a new world is created by the following five procedures: (1) *Composition and decomposition*, i.e., making distinctions and identifying and naming elements, organizing them according to that particular world. (2) *Weighting or emphasis* (see the quotation above). (3) *Ordering* including systems of divisions such as, for instance, the different calendars. (4) *Deletion and supplementation*, according to Goodman "our capacity for overlooking is virtually unlimited, and what we do take in usually consists of significant fragments and clues that need massive supplementation. The relevance of these two structuring devices to literature is obvious. Finally (5) *Deformation*, for instance, of a given representational habit, e.g. a caricaturist in his drawing deforming the face of his victim.

As regards literature there is a specific difficulty, because the world relevant to it is the historical world of human interaction which, of course, is the most complicated province of the universe. Its complexity is due to its double dependence on human minds. It is not

---

according to which the models can be judged. However, although different world descriptions cannot be reduced to a single one, it may plausibly be argued, that, at a given level world versions may be tested and their rightness judged according to a series of tests. Thus, good reasons for preferring one version over another may be given, although final proof is unavailable.

Further, it seems to me, that there is one very good reason for ascribing a privileged position to the experiential world and taking it as point of departure in interpreting other worlds, namely that we are bodily present in it, we perceive, act, and suffer and die within it. Thus, poets, artists, scientist, and indeed, although it sometimes seems doubtful, even philosophers are also men-in-the-street.

only dependent in the sense of being given to and only accessible through the mind, but also because it is to a great extent made up of human ideas and beliefs, wishes, passions, and norms and actions. In other words, it is inherently endowed with meaning and interpreted in multiple and conflicting ways, before it ever functions as an original to become represented in a model. Since no commonly accepted version of the historical and experiential universe exists, there will also be multiple ways of making models of it. A further consequence of the mind-perfused nature of the historical-experiential world is that a model of it may legitimately reflect norms and ideals in the very way it is structured⁵. This is why, to Aristotle, such things lie at the very heart of poetic representation:

Since living persons are the objects of representation, these must necessarily be either good men or inferior [...] that is to say either better than ourselves or worse or much what we are. [...] For instance Homer's people are "better", Cleophon's are "like", while [...] in Nicochares, the author of the *Poltrooniad*, they are "worse". (Aristotle 1927: 11, 1448a)

The precondition for this division is that we know what we are like, but do we? The enlightening answer to this question may be that we do and we don't. We hold reasonably well founded beliefs and opinions concerning the general motivations of people and their patterns of interaction — in a given period within a given culture. We also know the, most often conflicting, norms and ideals according to which people are supposed to act, and the general ways in which compromises are made between such norms and strivings for survival and personal interests and advantages. Individual, singular action, however, cannot be predicted with certainty, although it may be explained afterwards — but again only beyond reasonable doubt. Furthermore, both heroic and ridiculous actions do happen in real life; and thus, the range of ethical greatness, medium, and baseness is well known within our life-world.

It would certainly be preposterous to deny the use of originals, because imagination without memory is unthinkable; and obviously characters in an individual literary text may well have individual, historical persons as originals. There are, however, two main reasons why the use of originals in literature is very complicated: First,

---

⁵ Max Black suggests to disregard the senses "in which a model is a type of design — or, on the other hand, something worthy of imitation" (Black 1962: 219), but precisely this is impossible, when dealing with literature.

fictional characters are very often amalgams of several originals, in addition to much which is unidentifiable⁶. Second, even if it is possible to point to individual originals for a fictional character, the fictional universe *in toto*, i.e., the product of the fictional space with its different backdrops, sets, and props, and characters moving within it during a fictional time, is structured in a way that will not precisely match any non-fictional universe. Further, and more importantly, the literary text has also features in common with the scale model of parts of species and kinds, such as the model of the human female skeleton, because literature is concerned with what is considered typical. Indeed, the idea that literature is a concrete and particular embodiment of what is (supposed to be) universal has been claimed of and for it since Aristotle (see *Poetics*, chapter 9, 1451a–b).

Literature, as a model, functions much in the same way as the use we make of the concept, when we say that somebody is a model of something, courage, beauty, evil, etc. In saying so we abstract from other features of such a person. The paragon of courage is, at the same time, a lot of other things, but we use him or her to exemplify this quality. Literature, of course, may, to use E. M. Forster's term (see Forster 1927), represent 'round characters,' i.e. characters endowed with multiple features, but still characters and society in a literary text (and even in George Eliot or Proust) are composed of a limited set of features. There is another aspect to this, which is brought to the fore when genre conventions are prominent, namely the fact that features are selected according to certain rules. Aristotle's ethical distinction between tragedy and comedy is an example hereof: "The latter sets out to represent people as worse than they are to-day, the former as better" (ibid. 11, 1448a). This means that literature offers several conflicting models of our life-world, each structured according to different sets of internal conventions (cf. Lotman). One of the enjoyments, literature offers, is precisely a certain purity, or one-sidedness of representation. However, in saying that the literary text represents an object, the imaginary universe, it must not be forgotten that the source of the immediate object of a fictional text is not a dynamical object, but an author who on the basis of his experiences, i.e., by being himself influenced by dynamical objects, but also by other texts representing

---

⁶ We read, for instance, in Amos (p. 211) that Oriane Duchesse de Guermantes in Proust's *Remembrance of Things Past* is an amalgam of Comtesse Adhéaume de Chevigné (1860–1936); Comtesse Henri Grefulhe (1860–1952), and Mme Émile Straus (1846–1926).

fictional universes, offers a certain vision that only exists by virtue of his text. Literature, most often, does not immediately represent originals, it offers interpretations of them in texts representing immediate objects only mediately connected with dynamical, mind-independent, ones, the mediating agent being the author.

However, before going into questions concerning the relationship between text and author, we should ask whether certain patterns, although they are present in other types of discourse, are prominent in literature.

Not surprisingly what comes to mind are the phenomena described in the treatises of rhetoric and poetics, the figures and tropes, rules of diction, meter, stanza forms, principles of composition and narration. Here I cannot go further into these aspects of the literary text, i.e., its self-reflexive properties, the fact that parts of the text on different levels from phonemes to stanzas or chapters mirror each other. And, on my view, literature is characterized by the interaction between its self-representative and other-representative features (for a semiotic approach to these aspects see my article "Iconicity in Literature," 1996).

In linguistic texts, the source of the sign is not the dynamical object, but the utterer. The text, represents his perception of the world as it is articulated according to codes and cognitive models, of which he shares by far the biggest part with the fellow members of his culture and society.

Problems concerning the relations of utterer to text, to the world it represents, and to the hearer are studied by, among others, the speech act theory of analytical philosophy and linguistic pragmatics. Within literary studies these problems have also been intensively studied by American (e.g. Wayne Booth), German (e.g. E. Lämmert and F. Stanzel), and French (e.g. G. Genette) scholars. I do not intend to go either into the questions of mood and voice, or into the different types of narrators. Rather I will briefly inquire into the relationship between utterer and addresser, or as this distinction is named within literary studies, author and narrator.

Classical rhetoric was seen as the art of persuasion, and according to Aristotle, the means of persuasion are three:

Now the proofs furnished by the speech are of three kinds. The first depends upon the moral character of the speaker, the second upon putting the hearer into a certain frame of mind, the third upon the speech itself, in

so far as it proves or seems to prove. (Aristotle 1926: 17, Book I, ii, 3, 1355b–1356a)

Since rhetoric deals with the probable, not with certain knowledge, the trustworthiness of the speaker becomes important. Accordingly, the first task of the orator is to ensure the *attention* of the audience. Secondly, he has to persuade them of his *credibility* and *reliability*. The second kind of proof is, according to Aristotle, the rousing of a certain emotional state in the hearers, “for the judgment we deliver are not the same when we are influenced by joy and sorrow, love or hate” (*ibid.*). Thus, *benevolence* becomes an essential ingredient in the construction of the image of the addresser in the sign, because the audience ought to be persuaded that what is advised and prescribed is in its own interest. The orator’s task, then, is triple, it consists in gaining the attention and sympathy of the audience, of eliciting a certain emotional attitude towards the object of the speech, and of persuading the audience that the recommended decision will further their happiness or pleasure (cf. rhetoric’s general precept that the office of the speech is to teach, to please, and to move).

In spite of Quintillian’s claim that in order to be a good orator you must be morally good, orators do attempt to control the listeners by pretending, not for the good of the audience, but in order to securing personal advantages. In such cases the split between utterer and addresser, which makes pretense possible, has been exploited.

The effort to bridge the split between utterer and addresser is well explained by our obvious interest in not being cheated by the pretense of others. The signs emitted by the utterer inform us not only about a state of affairs, they also indicates his relation to the stated, his so-called propositional attitude, i.e., whether he believes it, recommend it, promises to do it, warn us not to do it, etc. These indications create the addresser of the sign, i.e., the utterer as he appears in and by virtue of the sign. We are to a great extent responsible for the personae we create, because of consequences and obligations bound with them. We may even be taken to court to account for what we have said or written.

In additions to the important question of accountability, there is another reason for the obsession with the origins of texts, with the question of their source, namely their expressivity, the fact that they are symptoms. Focus is changed from the object they represent to the state of mind of their utterer which they are supposed to reveal. It seems that we can hardly bear the uncertainty that the split between

utterer and addresser creates. We try to overcome it, as if it were a wound which should be healed.

Sometimes it seems as if the effort to hold people responsible for the signs they utter and the search for their other, non-obvious meanings are at odds, but this is explained by the fact that in holding people accountable we refer to a generally recognized standard meanings of words and phrases. In inquiring into the expressivity and symptomatic value of sign, on the other hand, we search the specific context and specific context of utterance for indices of individual attitudes. In the last analysis, there is no contradiction involved in, at one and the same time, to hold somebody responsible for not keeping a promise and interpreting the uttering of it and its phrasing as a symptom of vanity.

In literature we have, as John Searle has pointed out (see Searle 1979), quite another kind of benevolent pretense: The author pretends to refer to states of affairs as if they had really happened. In case of literature, an agreement of sorts exists between writer and readership to the effect that nobody is neither fooled nor harmed. In literature there is, however, another side, another kind of doubleness, to the relationship between author and narrator (or poet and the lyrical I of the text), because the abolishment, or at least attenuation, of sincerity and accountability makes possible an inquiry into dimensions of subjectivity that, in most cases, are inaccessible in non-fictional discourse. The apparent paradox is that the license to create a number of personae, that are definitely not identical with the utterer, make it possible to know more about his mind — and ours as well.

On reflection, this is not surprising, because the liberty to create a fictional world told by a number of fictional narrators, means the possibility of denying any direct relation to and responsibility for what is narrated. That which is told is presented as a kind of reported speech for which the utterer is a medium rather than a responsible originator.

Although nobody is really fooled by this pretense, it suffices to bring into play figments of imagination that otherwise would hardly be communicated to an audience. This is why literature, among other things, constitutes an attempt to write up against and possibly pass limits of self-exploration that are not often crossed. This is why the Danish storyteller, Isak Dinesen, in "The Cardinal's First Tale" let the cardinal himself answer the lady in black's question about his identity by telling her a story. After he has finished his tale, he concludes that

the story alone can enlighten us about our identity: "For within our whole universe the story only has authority to answer that cry of heart of its characters, the one cry of the heart of each of them: 'Who am I?'" (Dinesen 1957: 26, *Last Tales*, London, Penguin)

This, of course is not only valid for modern literature. A tragedy such as *Oedipus Rex* stages questions of identity, and one of the offices of literature in general is to make possible conversation and reflection on identity, even if it involves that which is both improper and dangerous. This is why the story's power to enlighten us about ourselves is due to the hypothetical nature both of its plot and world and of its narrators. In spite of the plain truth of Genette's claim that "to tell a story and therefore to "report" facts (real or fictive), its one mood, [...] strictly speaking can only be the indicative" (Genette 1980: 161), fictional narrative is not concerned with what has been, but with that which might have been (cf. also Aristotle's *Poetics*, 9, 1451b). Obviously, it is a real utterer who reports, not what has happened, but what has been imagined (a hypothetical state of affairs imagined by an individual or collective mind), but in doing so, as a narrator, he becomes infected, as it were, with the unreality of the story.

This imagining mind, however, is split between its origin, the historical-experiential universe, where it resides in the body, or bodies, of the utterer(s), and the fictional universe in which it functions as the creative and structuring principle. Thus, the fictional voices are also necessarily parts of the mind of the utterer that are projected into the text.

Literature makes it possible to speak yourself as if you were another, or rather others. At first glance, it seems a trivial fact that the author is neither the narrator nor the protagonist, it is, however, the precondition for a less trivial fact, namely an amalgamation of self and other. And it is this amalgamation of self-as-other and other-as-self that makes possible the emergence of what would otherwise never appear.

It might be objected that, in the final analysis, such texts are masquerades, and that behind the masks there is nothing but one self, the utterer. Such a position confounds bodily identity with conditions for sign production. Obviously, there is no denying that the main physical source of a text often is an individual brain in an individual body. The point is another one, namely that the creation of an alter, of something which, in spite of its being a creature of the same brain, is

conceived as a non-I, will call forth significations impossible without this interplay.

Testimonies to the complex relationship between author and text are the following two passages that are both exemplary, but pointing in different directions. Concerning his play, *The Father*, Strindberg writes to Axel Lundegård on Nov. 12, 1888, letter 1460: "It seems as if I were a sleepwalker, as if fiction and life merged. I don't know whether *The Father* is a play or whether my whole life is one." (Strindberg 1958: VI, 298 my translation). According to T. S. Eliot: "a good love poem, though it may be addressed to one person, is always meant to be overheard by other people. Surely the proper language of love — that is, of communication to the beloved and to no one else — is prose" (Eliot 1957: 90). On the one hand, writing literature involves the writer to an extent that hardly makes it possible to distinguish non-fictional from fictional, but, on the other, in writing the author is always performing in front of an audience. The point is that both are true of this relationship, and they are true at the same time.

One aspect of this interplay is the possibility of what the psychoanalysts call *denial*. This mechanism allows the patient the double operation of stating and denying: "It was not my mother" says the patient, at one and the same time, putting into words what occupies and troubles him and denying its truth and reality. As regards literature, it is its institutionalized framing that, even before the individual writer starts writing, guarantees, indeed implies, that what is written, belongs to the realm of the non-I, narrates about the non-me, and obliges nobody.

It is this negative relationship between literature, subject, and life-world that makes it possible for fiction to probe into the core of the nature of subjectivity and its preconditions, i.e. how it is formed by social constraints and discursive practices. It is only by pretending to not being sincere, that that which is our main concern can be narrated and become subject for scrutiny that is less restricted by considerations of safety, personal advantage, propriety, common sense, and social and political power.

Concerning non-literary texts, a, sometimes unremitting, effort to tie the signs to the person exists for the very good reason that there is an important contractual aspect to very many utterances. However, even as regards literary texts, that in principle are separated from their authors, this effort is prominent. In spite of all protestations from writers to the opposite, in spite of all the fine theoretical reasons for

not mixing up the production of fiction with the personal life of the writer. It is as if there is a deep-rooted desire in readers to tie the narrators, and the text in general, to its author and to making him accountable for it. In the last resort, censorship has never respected the borderline between fictional and non-fictional texts. Poets and writers of fiction have been, and still are, persecuted as well as writers of political pamphlets.

To a great extent the relationship between utterer/narrator and reader/interpreter is symmetrical. Concerning the utterer it was claimed that creating one or more voices, with a fictional identity, who are narrating about what has never happened, means access to and wording of what would otherwise remain unsaid. These reports about non-existing state of affairs, or about states of mind created with art, are directed to an audience or readership whose characteristics the texts attempt to specify before they reach the actual listeners or readers.

According to classical rhetoric, the orator must be able to make the audience accept the way in which it itself is represented in his speech. Thus the text models its immediate interpreter who is the interpreter as he appears in, or is indicated, by the sign itself as a function of the purpose and the structure of the text, let us call him, or rather this role, view point, and set of values and norms pointed out by the text, the addressee. The split between addresser and interpreter, then, is between a textual construct and the actual interpreter. Just like the addresser, the addressee or implicit reader is a kind of persona, a mask, that the actual reader is offered, but, obviously, the actual interpreter may refuse to wear it.

Genres such as joking, for instance are extremely vulnerable to the resistance and refusal of the interpreter. According to Freud, the utterer of a joke needs the laughter, and thereby approval, of the interpreter in order to enjoy his own joke and to release his own laughter. This is especially important, if the joke is tendentious, obscene or aggressive, directed against a third party (see Freud 1905). In such cases the interlocutor may easily destroy the joke simply by refusing to take upon him the role of the presupposed addressee. In doing so he or she will, implicitly or explicitly, question the standards according to which the utterance is supposed to be witty. And since values and morals change rather dramatically in and throughout time and space, such redefinitions are going on all the time. It should also be remembered that in dictatorship countries the very possession of certain texts doomed subversive and immoral is often sufficient reason

to incur punishment, because the owners automatically, and maybe unjustly, are identified as the addressees of these texts.

There are good reasons for the resistance of the actual interpreter concerning texts pertaining to our life-world. Texts are the means used to negotiate not only what is supposed to be an adequate description of the world, what is good and what is bad, but also the place and position of the interlocutors within it, their duties and privileges. Consequently, texts and dialogue are used to establish a consensus, or to realize that differences are irreconcilable.

But why is there just as much resistance to texts representing a world categorially different from the world within which writers and readers live and interact? Obviously, part of the answer has to do with the fact that literary texts underscore questions and problems of value and of the validity of accepted interpretations of the human condition. Literary texts function as means to test conditions and consequences of a given morality within an imaginary world.

Although there is little doubt that literature does question common norms and ideas, I do not find this is sufficient reason for the often violent reactions to it. It has to be added, I presume, that the mental processes active in reading fiction predispose the reader to react emotionally. In order to make sense of a fictional universe of discourse the reader has to supplement what is not mentioned, but presupposed. There is, however, an indefinite, but probably rather limited, number of equally valid ways of realizing what is indicated but not specified in the text. Especially in the translation of the symbolic signs of the text into iconic ones, as for instance when a character or scene is imagined, there will be widely different solutions determined by the experiences of the individual reader, but still translations that lie within the possibilities delimited by the significations of the linguistic text. This means that the text becomes invested with fragments of the reader's former experiences, and thus also with the love and hate, and with the triumphs and humiliations he or she have gone through.

In reading, the reader makes room within his mind for a high-powered and highly structured mental model sketched by somebody else, but left to himself to finish as best he may. This is why mechanisms of introjection, projection, and identification are necessary means in the reader's construction of the imaginary universe. Because of this internal dialogue between self and other which is going on unconsciously as well as consciously, the literary

text is able to stir up emotions and make people react in a much more passionate way than should be expected from a purely practical point of view. At the same time, however, the literary text does not offer any direct possibility of action, because the only access to its universe is through imagination. This means that works of literature become individualized models for the contemplation of the human condition, at a given time and place.

An important homology exists between the relation between object, sign, and interpretant, on the one hand, and utterer, sign, interpreter, on the other. First of all, in viewing semiosis as a directional process, both object and utterer are sources of the sign, and both interpretant and interpreter are influenced by the sign. Second, it seems sensible to hold that the latter semiotic process (utterer, sign, interpreter) presupposes and is derived from the former (object, sign, interpretant), because communication is about something, and, logically, information concerning the object precedes dialogizing about it (but obviously the dialogue itself may become the object of discourse). Third, and this is here my main concern, the dialectic of self- and other-representation that is so important in the interplay between universe and textual patterning in literature, is present and equally important in the relationship between utterer and interpreter via and by virtue of the sign. Just as the object is only made definite and understandable by virtue of the interpretant(s), and the interpretant(s) challenged and influenced by the object, so do utterer and interpreter, and their textual personae, addresser and addressee, reciprocally articulate and define each other. And in literature, precisely because of the attenuation of responsibility, obligations, and practical consequences, the interpenetration of self and other may be more thorough than is possible in daily business. Thus, reading literature not only means an effort to realize an imaginary universe by means of both collective and individual resources (semiotic competence, knowledge, memory, and fears and desires), it also means allowing oneself, not only to understand the points, angle, and purpose of the other party of the dialogue, but to take over another view and perspective, almost making it one's own. And making room for another mind, including unconscious significations and pulsations, means enlarging one's own.

Literature or fiction in general, is so important, because it not only offers a model, distorted, ideal, grotesque, or seemingly to the point, of the human condition, it offers the image of a passionate struggle with it.

References

- Amos, William (1985). *The Originals. Who's Really Who in Fiction*. London: Sphere Books.
- Aristotle (1926). *Art of Rhetoric* (trans. J. H. Reese). London: Heineman (Loeb).
- Aristotle (1927). *The Poetics* (trans. W. Hamilton V). London: Heineman (Loeb).
- Black, Max (1962). *Models and Metaphors*. Ithaca: Cornell University Press.
- Booth, Wayne (1961). *The Rhetoric of Fiction*. Chicago: Chicago University Press
- Eliot, T. S. (1957). *On Poetry and Poets*. London: Faber and Faber.
- Flaubert, Gustave (1961/1857). *Madame Bovary. Mœurs de province*, E. Maynial (ed.). Paris: Garnier.
- Forster, E. M. (1927). *Aspects of the Novel*. London: Edvard Arnold.
- Freud, Sigmund (1905c/1960). *Jokes and Their Relation to the Unconscious. The Standard Edition of the Complete Psychological Work of Sigmund Freud*, vol. VIII. London: The Hogarth Press.
- Genette, Gerard (1972). *Figures III*. Paris: Éditions du Seuil.
- Genette, Gerard (1983). *Narrative Discourse*. Ithaca NY: Cornell University Press.
- Goodman, Nelson (1978). *Ways of Worldmaking*. Indianapolis: Hackett Publishing Company.
- Ibsen (1970): *The Correspondance of Henrik Ibsen*, Mary Morison (ed.). New York: Haskell House Publishers.
- Johansen, Jørgen Dines (1996). Iconicity in Literature. In *Semiotica* 110(1/2), 37–55.
- Kafka, Franz (1979). *Der Prozess*. Frankfurt a. M. Fischer Bücherei.
- Lausberg, Heinrich (1960). *Handbuch der literarischen Rethorik I–II*. München: Max Hueber Verlag.
- Lämmert, Eberhart (1955). *Bauformen des Erzählens*. Stuttgart: Metzler.
- Minnis, A. J., Scott, A.B., and Wallace, D. (1988). *Medieval Literary Theory and Criticism c. 1100—c. 1375. The Commentary Tradition*. Oxford: Claredon Press.
- Peirce, C. S. (1931-1958). *Collected Papers*, Ch. Hartshorne, P. Weiss and A. Burks (eds.). Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Ryan, Marie-Laure (1991). *Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory*. Bloomington: Indiana University Press.
- Searle, John (1979). *Expression and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stanzel, F. K. (1955). *Die typischen Erzählsituationen im Roman*. Wien: Wilh. Braumüller.
- Strindberg (1958). *August Strindbergs Brev*, T. Eklund (ed.) (= Strindbergselskapets Skrifter vol. 6). Stockholm: Bonniers.

Семиотическая картография науки о литературе

В статье рассматриваются возможности приложения семиотической модели диалогических отношений к взаимодействию между различными аспектами филологической проблематики. В первую очередь автор рассматривает вопрос о референции текста к конструируемой им реальности. Сложность проблематики состоит в том, что формальная структура любого высказывания не зависит от того, к какой именно “реальности” она отсылает — например, к исторической или литературной. Для понимания текста необходимо задействовать и не эксплицированные в нем механизмы, включающие индивидуальный интерпретационный опыт, как литературный так и жизненный, каждого реципиента. Так, чтобы определить семимильные сапоги как принадлежность сказочного мира, необходимо задействовать и литературный опыт чтения текстов подобного рода и опыт отсутствия аналогов в нашей реальности. Таким образом можно говорить только об относительной автономии литературного мира и мира реального опыта.

Далее автор предлагает четыре принципа соотнесенности или соответствия между реальным и художественным миром. Принцип **целостности**, согласно которому вымышленные элементы текста равноправно сосуществуют с верифицируемой реальностью (например, географической). Принцип **подобия**, состоящий в том, что литературный текст имитирует как события, располагающиеся непосредственно в истории и в мире нашего опыта, так и то, каким образом мы говорим о них или их описываем. Принцип **конвенциональности**, предполагающий общность усвоенных реципиентом и представленных в литературном тексте конвенций. Принцип **образной упорядоченности**, при котором система элементов реальности регулярным образом соответствует системе риторических элементов произведения. Все способы и принципы уподобления текста реальности действуют как способы построения “моделей” в их отношениях к “оригиналам”, при этом учитывается способность творчества предлагать и реализовать одновременно несколько конфликтующих моделей. Отношение к реальности строится по законам классической риторики в аристотелевском варианте и состоит в *убеждении* и *доверии* воспринимающих. В статье подчеркиваются также обучающие и когнитивные свойства “моделей”. Отношения между автором (“моделирующим”)/повествователем и читателем/интерпретатором строятся по законам симметрии. Для успешного установления понимания необходимо, чтобы читатель или аудитория приняли соответствующую им “модель”. Важнейшим связую-

щим звеном между ними является то, что и автор текста и интерпретатор пользуются одним языком для описания как бывшего, так и не бывшего.

Таким образом, чтение литературы предполагает специфическое усилие по пониманию воображаемого мира средствами как коллективного, так и индивидуального опыта, а также не только понимание точки зрения, задачи другого участника диалога, но и в определенной степени присвоение его позиций.

Kirjandusteaduse semiootiline kartograafia

Artikkel käsitleb semiootilise dialoogi-mudeli rakendusvõimalusi filoloogilise problemaatika erinevate aspektide omavaheliste seoste uurimisel. Eelkõige vaatleb autor teksti suhet tema poolt konstrueeritud reaalsusesse. Antud problemaatika keerulisus seisneb asjaolus, et lausungi formaalne struktuur ei sõltu sellest, millisele 'reaalsusele' ta viitab (nt. ajaloolisele või kirjanduslikule). Teksti mõistmisel on vaja kaasata ka selliseid tema poolt eksplitseerimata mehhanisme, nagu retsiptendi enese individuaalne kirjanduslik ja eluline kogemus. Näiteks, selleks et pidada "seitsmepeni-koorma saapaid" muinasjutumaailma kuuluvateks, on vajalik teatud kirjandustekstide lugemise kogemus ja kogemus, mis lubab jäeldada vastavate analoogide puudumist reaalses maailmas. Seega on kirjanduse maailma ja reaalse kogemuse maailma autonoomia vaid suhteline.

Edasi kirjeldab autor nelja printsiipi, mis iseloomustavad reaalse ja kirjandusmaailma seoseid: 1. **Tervikkuse** printsiip, mille kohaselt teksti fiktiivsed elemendid koeksisteerivad kui võrdväärsed verifitseeritud (nt. geograafilise) reaalsusega. 2. **Sarnasuse** printsiip, mis seisneb selles, et kirjanduslik tekst imiteerib ühtaegu nii sündmusi, mis kuuluvad otseselt ajaloo või meie reaalse kogemuse valdkonda, kui moodust, kuidas me neist kõnelme või neid kirjeldame. 3. **Konventsionaalsuse** printsiip, mis eeldab retsiptendi poolt omandatud ja kirjandustekstis edastatud konventsioonide ühisust. 4. **Retoorilise korrastatuse** printsiip, mille puhul reaalsus kui korrastatud süsteem vastab teose retooriliste elementide süsteemsele korrastatusele.

Artikli autor vaatleb teksti ja reaalsuse sarnastumise vorme ja printsiipe kui 'mudelite' ehitamise mooduseid. Sellest tulenevalt avab ta mõiste 'mudel' erinevaid tähendusi läbi nende suhte 'originaalidesse', arvestades samas ka kunstiloomingu omadust esitada ja realiseerida üheaegselt mitut omavahel konflikteeruvat mudelit. Suhe reaalsusesse on antud juhul üles ehitatud klassikalise retoorika aristotelesliku variandi

kohaselt ning seisneb lugejapoolses *veendumuses* ja *usalduses*. Rõhutatud on ka 'mudeli' kognitiivsed ja lugejat kujundavad omadused. Teksti autori ('modelleerija' / jutustaja) ja lugeja / interpreteerija suhted rajanevad sümmeetria seadusel, kusjuures mõistmise jaoks on vajalik, et lugeja või auditoorium omandaksid neile vastava 'mudeli'. Autorit ja lugejat ühendavaks tähtsaimaks lüliks on see, et nad kasutavad ühte keelt nii olnu kui mitteolnu kirjeldamiseks.

Kirjanduse lugemine eeldab spetsiifilist pingutust, mõistmaks kujuteldavat maailma nii kollektiivse kui individuaalse kogemuse vahendusel, mitte ainult dialogipartneri mõistmist vaid ka teatud määral tema seisukohtade omaksvõtmist.

“Мастер и Маргарита” — театральный роман?¹

Сусанна Витт

Мир не знал более странной архитектуры.
Понтий Пилат

Один из аспектов романа “Мастер и Маргарита”, привлекающий интерес исследователей, — это разделение текста на две части: московские и ершалаимские главы, которые различаются не только по времени и месту действия, но и по стилю повествования.² Если их представить в пространстве как две сцены, и поместить соответственно ершалаимские главы с их “высоким” стилем наверху, а московские, насыщенные сатирой, фарсом и гротеском, — внизу, то перед нами возникнет образ особого вида театра, а именно вертепа. Данная статья посвящается сопоставлению романа с этим видом украинского народного театра.³

---

¹ Статья основывается на докладе, прочитанном в августе 1997 г. на съезде скандинавских славистов в Хельсинки.

² О соотношении двух частей романа см., в частности, Клеберг, 1977, Фарыно, 1985.

³ До сих пор мне удалось обнаружить только одну работу, в которой упоминается вертеп в связи с “Мастером и Маргаритой”: Джулиани, 1988. Констатируя общее сходство в композиционной структуре между романом и вертепным спектаклем, автор статьи однако преимущественно уделяет внимание связям романа с другими жанрами народного театра: с балаганом, с театром Петрушки, а также с цирком.

Вертеп

Происхождение вертепа до сих пор является предметом исследования. Этот вид народного театра возник на Украине, и вероятно уходит корнями в дохристианскую культуру, но свои более или менее определенные формы он получил во второй половине XVIII века. Театр был кукольным, передвижным, и устраивался преимущественно воспитанниками духовных училищ и семинарий, которые таким образом подрабатывали себе на жизнь во время каникул, а также крестьянами, ремесленниками и, предположительно, скоморохами.⁴

Постройка вертепного театра представляла собой ящик, разделенный по горизонтали на две части. На верхней сцене разыгрывались сюжеты рождения Христа, поклонения пастухов и волхвов, а на нижней показывалась мирская часть с драмой Ирода (избиение младенцев) и комически-бытовыми сценами интермедийного характера.⁵ Разделение спектакля наблюдается и в языковом плане: “В языке вертепных представлений ярко выражены две струи. В духовной части пьесы текст изобилует славянизмами и преобладает силлабическое стихосложение. В комических же сценах речь персонажей вполне народна, приближается к рашному сказовому стиху; в текст представления введены народные песни” (Крупянская, 1956, 477).

Подобную языковую дифференциацию мы встречаем и в романе Булгакова: “В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат”⁶. В противовес стилю “верха”, с его особенной ритмически-интонационной организацией текста, для “низа” характерна не только подчеркнуто разговорная речь (в том числе и

⁴ Бытовала форма вертепа и с живыми актерами. Если ранее полностью преобладавший кукольный вертеп к настоящему времени практически исчез, то живой вертеп продолжает свое существование в Украине. Я имела возможность наблюдать его во Львове в начале 90-х годов.

⁵ См. Федас, 1987, 20, а также записи вертепных текстов: Марковський, 1929. Крупянская ошибочно относит часть с Иродом к верхней сцене.

⁶ Булгаков, 1989, т. 2, 346. (В дальнейшем все ссылки на роман даются в тексте статьи с указанием страниц).

у рассказчика), но и рашный сказ: “То ли бывает, то ли бывает, Никанор Иванович! /.../, — говорит Коровьев. — Рассеянность, рассеянность, и переутомление, и повышенное кровяное давление, дорогой наш друг Никанор Иванович!” (424). В текст вводятся также фрагменты народных песен, например: “Славное море, священный Байкал /.../” (518).

Хотя вертеп и роман существенно различаются своим содержанием — так, вместо рождения Христа, на “верхней” сцене “Мастера и Маргариты” изображаются приговор и распятие Иешуа (Христа), — однако в их обращении к библейским мотивам наблюдается одно общее: неканоничность (несовпадение истории Иешуа с Евангелиями замечено давно и по-разному истолковано). Исследователи вертепа аналогичным образом склонны видеть в нем “не каноническую иллюстрацию библейских сюжетов, а целиком современную драму, которая находила живой отклик у зрителей” (Федас, 82)⁷. Современными аллюзиями насыщена и история о Пилате, с ее допросами, тайной полицией, продажностью людей и жалобами Пилата на то, что он все время вынужден “читать доносы и ябеды” (630)⁸.

И все же об истории рождения Христа в романе говорится, и в довольно интересном контексте. В первой главе встречаются на Патриарших прудах Берлиоз и Бездомный с загадочным иностранцем, которого мастер позже отождествляет с сатаной (463). Тот появляется рядом с литераторами в тот момент, когда Берлиоз критикует молодого поэта за антирелигиозную поэму, которую он заказал у него для своего журнала. Для наглядности придется привести довольно обширную цитату:

“А иностранец окинул взглядом высокие дома, квадратом окаймлявшие пруд, причем заметно стало, что видит это место он впервые и что оно его заинтересовало.

Он остановил взор на верхних этажах, ослепительно отражающих в стеклах изломанное и навсегда уходящие от Михаила Александровича солнце, затем перевел его вниз, где стекла начали предвечерне темнеть, чему-то снисходительно усмехнулся, прищурился, руки положил на набалдашник, а подбородок на руки.

⁷ Перевод здесь и далее мой — С. В.

⁸ Доносчиком и ябедником в московской части романа выступает, например, Алоизий Могарыч (657).

“Ты, Иван, — говорил Берлиоз, — очень хорошо и сатирически изобразил, например, рождение Иисуса, сына божия, но соль-то в том, что еще до Иисуса родился целый ряд сынов божьих, как, скажем, финикийский Адонис, фригийский Аттис, персидский Митра. Коротко же говоря, ни один из них не родился и никого не было, в том числе и Иисуса, и необходимо, чтобы ты, вместо рождения или, предположим, прихода волхвов, изобразил бы нелепые слухи об этом приходе. А то выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!” (338).

Здесь примечательно упоминание о верхних и нижних этажах дома в непосредственной близости к разговору о тех событиях, которые составляют основу действий на верхней сцене вертепа. Своим взором Воланд как бы очерчивает контуры вертепа; сам же он идентичен одному из главных персонажей нижней сцены — “Черту”; эта кукла в некоторых районах Украины также называется “Сатаной” (Федас, 143).⁹

Черт широко представлен в московской части романа и на лексическом уровне — междометиями, 75 из которых включают в себя это слово. О том, как следует воспринимать это вездесущее чертыханье, есть указание в самом романе. Так, на реплику мастера “Нет, это черт знает что такое, черт, черт, черт!”, Маргарита отвечает: “Ты сейчас невольно сказал правду /.../ черт знает что такое, и черт, поверь мне, все устроит!” (691). Подобное возвращение междометному выражению его семантики напоминает черту, вообще характерную для народного театра, — реализацию метафоры (Крупянская, 472)¹⁰.

⁹ Среди кукол вертепа можно найти и Ивана: “Солдат Иван Петрович” (Федас, 146).

¹⁰ Другой особенностью народного театра является игра омонимами и синонимами, на которой строятся шуточные сцены. (Крупянская, 472). Пример этого мы находим и в романе Булгакова: “А-а! Вы историк? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз. — Я — историк, — подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: — Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история!” (346).

Персонажи вертепа и роман Булгакова

Появление Воланда создает цепочку, в которой встречаются и другие действующие лица вертепа. Так, Берлиоз и Бездомный каждый по-своему пытается определить неизвестного иностранца: “Немец”, — подумал Берлиоз. “Англичанин”, — подумал Бездомный. “Нет, скорее француз”, — подумал Берлиоз. “Поляк?” — подумал Бездомный” (337–338). На нижней сцене вертепа, который сравнивали с “социально-этнографическим калейдоскопом” (Федас, 81), большинство кукол как раз и изображает представителей разных наций, среди которых “Поляк”, “Німець” (немец) и “Циган”. (Можно попутно вспомнить конец романа, где мастер смотрит на город с “бродячим цыганским волнением”, 702).

Другая часть кукол изображает животных, среди которых “Свиня”, “Коза”, “Вовк” (волк), “Віл” (вол), “Осел”, “Змія” (змея) и “Гадюка”. “Коза” в романе представлена в лице Коровьева, который говорит “козлиным голосом” (411, 452). “Гадюка” — Воланд: “Вчера в этом Варьете /.../ какая-то гадюка-фокусник сеанс с червонцами сделал /.../” (515). Замечу, что фокусником назывался и сам вертепник, а сеанс с разоблачениями зрителей сделан чисто в духе вертепного спектакля, на нижней сцене которого обычно высмеивались местные нравы — их и имеет в виду Воланд, спрашивая со сцены у Коровьева: “/.../ как, потвоему, ведь московское народонаселение значительно изменилось?” (449).

В тех местах, которые непосредственно относятся к театру, мы находим и другие отсылки к вертепным персонажам-животным: Никанору Ивановичу снится, что конференсье со сцены объявляет о некоем позорно разоблаченном гражданине: “/.../ перед вами выступил в нашей программе типичный осел” (493). О несчастном председателе зрелищной комиссии, ставшем невидимкой, говорится, что он и в этом состоянии “работает как вол” (517); а в городском зрелищном филиале после фокусов Коровьева слышится выкрик: “Осел у нас в филиале сидит, осел!” (519). Очередь в билетную кассу театра Варьете не просто уподоблена змее, но прямо названа змеей, которая (метафора развивается дальше) “Сама по, себе уже представляла великий соблазн и приводила граждан на Садовой в полное изумление” (511).

Может показаться странным то обстоятельство, что единственный настоящий герой-животное романа — кот Бегемот — не имеет своего соответствия среди персонажей вертепа. Но и он не совсем выпадает из его схемы — Бегемот наделен чертами свиньи: “Кот, громадный, как боров” (377); в его поведении видят “свинское притворство” (671).

В настоящего борова превращается несчастный Николай Иванович, сохранявший “чуть-чуть пороссячи черты лица” (719) после возвращения ему человеческого облика.

“Розбійник” (разбойник) — тоже один из типичных персонажей нижней сцены вертепа (Федас, 155). Этого эпитета — “разбойник”, “разбойничья рожа” — достаивается в романе Азазелло (528, 551). С точки зрения семантики народного театра вызывает интерес и то, что свита Воланда несколько раз названа “шайкой” (“Хулиганская шайка проделывает скверные шуточки” 439, 711, 713); именно “шайками” назывались по народной терминологии актерские труппы (Крупянская, 491).

Этимологию слова “вертеп” исследователи связывают не только со старославянским ‘пещера’, но и с глаголом “вертіти” (‘вертеть’). Известно, что вертепники ходили с вертящейся звездой и что вертепный ящик имел башенку, снабженную дверцей, через которую был виден вертящийся на вертикальной оси круглый пол (Федас, 9).

В движениях свиты Воланда есть что-то механическое, сродни функционированию вертепа. Так, их гонки по одним и тем же улицам Москвы, особенно по Садовой, как бы дублируют движение кукол на сцене, которое подчинено прорезям в полу ящика. Московские главы романа изобилуют образованиями от слова “вертеть”, особенно inferнальные ситуации. Так, Берлиоз погибает под трамваем возле вертушки (375, 621); “иностранец” (Воланд) “завертел головой” (339); “спальня завертелась вокруг Степы” (411); падающие из-под купола театра деньги “вертелись” и характеризуются как “вертлявые капризные бумажки” (451); перед Никанором Ивановичем “вертелась эта вилла в Ницце” (427), а затем “проклятый переводчик” (Коровьев) “навертел номер” чтобы донести на него о валюте (428); Варенуха, превратившись в вампира, “вертел газетным листом” (483); на балу у сатаны “второй прах сложился в нагую вертлявую женщину” (591); танцующие же, “вертясь в одном направлении” (597), угрожали все смести на своем пути.

Но вернемся к персонажам вертепа. Одним из них, неизменным и важным, была “Смерть” — “сестра Черта” (Марковський, 58). Персонифицированная смерть фигурирует в романе на балу у сатаны под именем Абадонна (586, 599), который “исключительно бледен по своей природе” и появляется перед смертником.

Маргариту же можно отождествить с персонажами обеих сцен вертепа: как верхней — “Діва Марія” (Дева Мария), так и нижней — “Чарівниця” (колдунья, волшебница, чародейка). В ведьму Маргарита превращается, намазавшись кремом Азазелло; “Чарівниця” иногда выступала и под другим именем — “Чарівниця с масничкою” (Федас, 156), то есть чародейка с маслобойкой. Именно масло и напоминает мазь Азазелло: “Маргарита /.../ увидела в коробочке жирный желтоватый крем” (556).

На балу у сатаны Маргарита выступает в роли Богородицы из апокрифического средневекового произведения “Хождение Богородицы по мукам”. Когда Воланд спрашивает Маргариту о том, какую награду она желала бы получить за свои услуги, то она, подобно Богородице, начинает выпрашивать у него облегчение для обреченной на вечные муки Фриды.¹¹ Тут же он обращается к ней со словами “моя донна” (609), что буквально означает “Мадонна”; имя же “Мария” анаграммировано в имени Маргарита.

С вертепом героиню связывает и ее уподобление кукле: Азазелло, отравивший Маргариту, “повернул ее, как куклу, лицом к себе и вгляделся в нее” (696).

Двойственность образа Маргариты не обязательно противоречива. Роман по отношению к вертепу характеризуется большим взаимопроникновением и взаимоотражением сцен и персонажей. Не только Маргарита, но также, например, Воланд и Иешуа — амбивалентные фигуры, у которых можно обнаружить общие черты. Так, оба подвергаются допросу: первый — на Патриарших прудах, другой — у Пилата; оба при этом обвиняются в сумасшествии;¹² у обоих подчеркивается знание языков¹³ и оба

---

¹¹ См. также конец романа, где Маргарита ведет себя аналогичным образом по отношению к Пилату: “Двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то, не слишком ли это много? — спросила Маргарита. Повторяется история с Фридой? — сказал Воланд” (707–708).

¹² См. реплики Бездомного: “/.../ вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?” (344) и “Перестаньте психовать!” (372). Последнее является дословным

лечат от головной боли: Иешуа — Пилата, а Воланд — Лиходеева.¹⁴ Но самое впечатляющее и самое, пожалуй, кошунственное с религиозной точки зрения — это обыгрывание в образе распятого Иешуа-Христа одного из названий сатаны — Вельзевула (“Бога мух”)¹⁵: “Мухи и слепни поэтому совершенно облепили его, так что лицо его исчезло под черной шевелящейся массой. В паху, и на животе, и под мышками сидели жирные слепни и сосали желтое обнаженное тело” (508).

Кошунственным образом обыгрываются и черты божества в Воланде: предсказание смерти заведующего буфетом театра Варьете пародийно перекликается с сюжетом Благовещения — получается “худовещение”, где роль архангела отводится Коровьеву, сообщающему Андрею Фокичу Сокову о его своеобразной “беременности”, при которой он “умрет /.../ через девять месяцев /.../ от рака печени” (536).

переводом на “низкий стиль” реплики Пилата к Иешуа: “перестань притворяться сумасшедшим” (350). Иешуа назван “безумцем” (631) и “безумным философом” (633), а Воланд — “полоумным немцем” (372). Признаками безумия наделены и другие персонажи, и прежде всего Иван и мастер. Характеризуя же сложные взаимоотношения между персонажами романа, следует отметить существование в нем как “парадигматической” связи, при которой несколько персонажей наделяются одной общей характеристикой, так и “синтагматической”, которая сближает Пилата и Иешуа и о которой говорится во сне Пилата: “Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня — сейчас же помянут и тебя!” (646).

¹³ См. реплику Воланда: “О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков” (345). Иешуа, кроме арамейского, владеет греческим и латинским языками (349, 354), а при допросе подчеркивается переход Пилата с одного языка на другой. Признак полиглотизма отличает и мастера, который “знает пять языков” и “занимался переводами” (465). О полиглотизме в романе см. Фарыно, 1984.

¹⁴ Как и полагается на нижней сцене, у Лиходеева головная боль “низкого” характера — похмелье, в то время как у Пилата боль “высокая” — “гемикrania” (347).

¹⁵ “Под именем *Вельзевула*, упоминаемого в Новом Завете (Мф. X, 25, XII, 24, 27, Марк. III, 22, Лк. XI, 15, 18, 19), должно разуметь начальника злых духов, князя *бесовского*, которого сам Господь называет сатаной” (Библейская энциклопедия, 111–112). См. обращение Левия Матвея к Воланду: “Я к тебе, дух зла и повелитель теней /.../” (686).

Определенная двойственность заложена и в эпитетах “маг” и “черный маг”, которыми наделяется Воланд: так в латинском и в других языках называют волхвов, персонажей евангельской части вертепного представления.

Категория двухэтажности

Если “Мастера и Маргариту” в целом можно сопоставить с вертепом и его структурой, то представляется целесообразным обратить внимание и на те здания, которые по-разному фигурируют в фиктивном мире произведения.

“Дом Грибоедова”, в котором расположена писательская организация МАССОЛИТ, — “старинный двухэтажный дом кремового цвета” (382). Кроме прямого указания на двухэтажность, помещение дома и более специфическим образом отражает сценическое устройство вертепа и, следовательно, самого романа.

Своей архитектурой одна из верхних комнат дома напоминает дворец Ирода Великого, с его “крытой колоннадой”: “/.../ во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из “Горе от ума /.../” (там же).¹⁶ В ней должно состояться заседание правления МАССОЛИТА, и двенадцать членов тщето ждут погибшего председателя Берлиоза, что привносит в ситуацию евангельский оттенок, в связи с чем некоторые исследователи склонны видеть в этом пародию на Тайную вечерю.

На нижнем этаже расположен ресторан, в котором царит сумбур и хаос — музыка, пляски и выкрики. Все здесь окрашено в бурлеск и фарс. Состав посетителей этого заведения напоминает выше упомянутый социально-этнографический калейдоскоп вертепа: “/.../ плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта и какой-то Витя Куфтик из Ростова /.../” (388). Рассказчик дает обстановке на нижнем этаже краткое определение: “Словом, ад” (там же). Заметим, что в этом аду есть даже свой черт, представленный в лице инфернальной фигуры директора ресторана Арчибальда Арчибальдовича, который выступает в качестве флибустьера во “видении в

---

¹⁶ О значимости этой детали говорит и тот факт, что она упоминается в рассказе Бегемота о пожаре в “Доме Грибоедова”: “Я устремился /.../ в зал заседаний, — это который с колоннами, мессир /.../” (688).

аду” (там же). Определенную театральность придает “Дому Грибоедова” также тот факт, что в него, как в театр, входят по билету; в данном случае билет является “членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с золотой широкой каймой, известным всей Москве билетом” (384).

Среди упомянутых зданий есть и настоящий театр — театр Варьете. Уже в самом названии улавливается отзвук слова “вертеп”, а значение французского слова, указывающее на смешанное содержание спектаклей, напоминает о разнородности вертепных представлений. Как указывалось выше, сеанс Воланда на подмостках этого театра по своему духу сродни тому, что происходило на нижней сцене вертепа — острое высмеивание (то есть разоблачение) местных нравов, живое взаимодействие между сценой и зрителями.¹⁷

Здание театра имеет также второй этаж: “Большой кабинет во втором этаже театра двумя окнами выходил на Садовую, а одним, как раз за спиной финдиректора, сидевшего за письменным столом, в летний сад Варьете /.../” (430–431). С “верхним этажом” самого романа, где часть действия происходит в саду дворца Ирода Великого, его сближает не только упорное упоминание сада (“на Садовую”, “в летний сад”), но и “римский” оттенок в описании руководства театра: фамилия финдиректора Римский, повторное название самих слов “финдиректор” и “администратор” (ср. со словом “прокуратор”, которое в первых двух абзацах ершалаимской части появляется четыре раза, 346). На фоне этого не случайным кажется также упоминание в эпилоге романа о том, что уволившись из Варьете, “финдиректор поступил в театр детских кукол в Замоскворечье” (716).

Здание, в которое, выиграв сто тысяч рублей, вселяется мастер с намерением заняться своим романом, функционально двухэтажное: “... И нанял у застройщика, в переулке близ Арбата, две комнаты в подвале маленького домика в садике” (следует отметить, что садик находится на уровне “верхнего этажа”, 465). На нижнем этаже происходит чертовщина: из подвальчика внезапно исчезает мастер, а затем и Алоизий Могарыч; здесь же Азazelло впоследствии разыгрывает фокусы, сначала отравляя, а затем оживляя мастера и его возлюбленную. Все это аналогично тому, что происходит на нижнем этаже романа в целом.

¹⁷ См. также черты, сближающие представление Воланда с балаганом и цирком (Джулиани, 328).

Здание, в котором живет Маргарита, — несомненно двухэтажное: “Маргарита Николаевна со своим мужем вдвоем занимали весь верх прекрасного особняка в саду в одном из переулков близ Арбата” (543). “Верхние жильцы” (560) наделены положительными, “благородными” чертами: “Муж ее был молод, красив, добр, честен и обожал свою жену” (543). “Нижний жилец” (586), лысый и скучный Николай Иванович, у супруги которого “неприятный женский голос” (720), становится жертвой чертовского крема Азazelло и, превратившись в борова (одного из действующих лиц вертепного “низа”), попадает в самое inferнальное помещение романа — квартиру № 50.

Хотя эта квартира не является отдельным зданием, она заслуживает особое внимание в интересующем нас аспекте (тем более, что под воздействием “пятого измерения” она как бы выворачивается изнутри наизнанку и тем самым обретает признаки экстерьера дома). Главы, описывающие квартиру во время “весеннего бала полнолуния” (22, 23, 24) и последующие за ними ершалаимские главы (25, 26) можно рассматривать как одно целое, так как они зеркально отражаются друг в друге. В этом месте с особой силой ощущается “двухэтажность” постройки романа, граница между верхом и низом которого кажется таким же “зеркальным полом” (597), как тот, на котором танцуют гости сатаны.

Как квартире, так и дворцовому сооружению Ирода Великого, присущи признаки двухэтажности: так, Маргарита встречает гостей на верхней площадке “грандиозной лестницы” (590), а Пилат принимает посетителя на верхней площадке сада (627), связанной с нижней мраморной лестницей. В обоих случаях действие начинается с “тьмы”: “Первое, что поразило Маргариту, это та тьма, в которую она попала” (575); “Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город” (625).

Интерьер квартиры напоминает обстановку дворца Ирода: “колоннада” (576), “колонны” (даже “капители колонн”, 597), “фонтаны” (в том числе в форме Нептуна), “мраморные” и “мозаичные” полы (596). Упоминаются “стены роз и японских камелий” (589), что сближает квартиру с садом. Маргарите шьют “из лепестков бледной розы туфли” (587), а у Пилата “на балкон под колонны несло сорванные розы /.../” (626).

Существуют и другие параллели, непосредственно сближающие Маргариту с Пилатом. Его “белый плащ с кровавым подбоем” и ненавистное им, прокуратором, “розовое масло”, от

которого болит голова, опознаются в процессе подготовки Маргариты на бал: “Марагарита ощутила соленый вкус на губах и поняла, что ее моют кровью. Кровавая мантия сменилась другою — /.../ розоватой, и у Маргариты закружилась голова от розового масла” (587). При этом она лежит на “хрустальном ложе” — лежа на ложе, прокуратор принимает Афрания, угощая его дымящимся мясом и устрицами, и именно “шипящее мясо” и “горы устриц” видит Маргарита в квартире (598). Неграм и голым женщинам, фигурирующим на балу у сатаны, соответствует африканец, раб Пилата, который прячется возле статуи белой нагой женщины (626).

Если “верх” представлен в квартире замечанием о том, что “Ни Гай Кесарь Калигула, ни Мессалина уже не заинтересовали Маргариту /.../” (596), то о “ниже”, московской чертовщине, напоминают жалобы Пилата: “Но эти праздники — маги, чародеи, волшебники /.../” (630).¹⁸

Примечательно, что на обоих “этажах” романа сама архитектура становится предметом рефлексии героев: “/.../ более всего меня поражает (говорит Маргарита Коровьеву — С. В.), где все это помещается. — Она повела рукой, подчеркивая этим необъятность зала” (576). “Верите ли (Пилат обращается к Афранию — С. В.), это бредовое сооружение Ирода, — прокуратор махнул рукой вдоль колоннады, так что стало ясно, что он говорит о дворце, — положительно сводит меня с ума. Я не могу ночевать в нем. Мир не знал более странной архитектуры” (630).

Признак двухэтажности в романе присущ не только реальным архитектурным постройкам. Перед полуночным балом в квартире № 50 Воланд показывает Маргарите глобус, на котором можно проследить за деятельностью Абадонны — персонифицированной смерти. На нем видно здание: “Домик, который был размером в горошину, разросся и стал как спичечная коробка. Внезапно и беззвучно крыша этого дома взлетела наверх вместе с клубом черного дыма, а стенки рухнули, так что от двухэтажной коробочки ничего не осталось /.../” (585) Словосочетание “двухэтажная коробочка” отсылает нас к вертепу,¹⁹ тем более, что

¹⁸ Следует отметить, что комментарий Пилата о том, что “Каждую минуту только и ждешь, что придется быть свидетелем неприятнейшего кровопролития” (630) становятся реальностью для Маргариты, ставшей свидетелем кровавой расправы над бароном Майгелем.

¹⁹ Вертепный ящик также назывался “коробом” (Федас, 84).

возле разрушенного домика Маргарита разглядывает “маленькую женскую фигурку” и “маленького ребенка” (убитых), которых можно сопоставить с центральными фигурами вертепного представления “Діва Марія” и “Немовля Христос”.²⁰ Поскольку вертеп в некотором смысле представляет собой модель мира, то этот образ приобретает эсхатологический характер.

Судьба двухэтажного домика на глобусе Воланда постигает также другое “вертепное строение” романа — “Дом Грибоедова”, который сгорает дотла после посещения его Коровьевым и Бегемотом. Только в позиции Маргариты на этот раз оказываются Воланд и Азazelло, наблюдающие за пожаром с места, которое заслуживает более подробного рассмотрения (с него как бы начинается отъезд сатаны из города): “На закате солнца высоко над городом на каменной террасе одного из самых красивых зданий в Москве, здания, построенного около полутора столетий назад, находились двое: Воланд и Азazelло” (685).

Здание не названо, но легко узнаваемо — этому описанию соответствует Пашков дом, построенный в 1784 году архитектором Баженовым и в 1921 году переданный Государственной библиотеке. Архитектура его своеобразна: центральная часть комплекса, возвышающаяся над двумя этажами нижней постройки, представляет собой как бы отдельно взятое двухэтажное здание, сверху увенчанное круглой башней. Его сходство с определенным типом вертепной постройки, например, Сокиренского, очевидно (см. Марковский, табл. 1, рис. 1). Характерные для вертепа детали, такие, например, как балюстрада и башня, оговариваются непосредственно в самом романе: “Они не были видны снизу, с улицы, так как их закрывала от ненужных взоров балюстрада с гипсовыми вазами и гипсовыми цветами” (685); “Но тут что-то заставило Воланда отвернуться от города и обратить свое

---

²⁰ Возможна аналогия с происходящим на нижней сцене вертепа, когда после избияния младенцев воины приводят к Ироду Рахиль с дитятей и на глазах у нее колют его, что комментируется в песне следующим образом: “Тут смерть, выходишь рече к нему вину/ почто дерзнув пролить кровь неповинну” (Марковский, 57). Заметим, что ребенок на глобусе лежит в “луже крови” (585).

внимание на круглую башню, которая была у него за спиной на крыше” (686).²¹

Здесь, в конце романа, как и в начале, Воланд как бы очерчивает своим взором контуры вертепной постройки и тем самым обозначает “место игры”. Повторяются те же детали, причем глаза Воланда становятся предметом особого внимания: “/.../оба находящиеся на террасе глядели, как в окнах, повернутых на запад, в верхних этажах громад зажигалось изломанное ослепительное солнце. Глаз Воланда горел так же, как одно из таких окон, хотя Воланд был спиной к закату” (686). Повтор жестов также связывает эти две ситуации: на Патриарших прудах неизвестный иностранец с тростью “руки положил на набалдашник, а подбородок на руки” (338); с крыши вертепообразного здания Воланд со своей шпагой осматривает город, “положив острый подбородок на кулак /.../” (685).

В конце романа наблюдается размывание границы между сценами: “верхний” Левий Матвей выходит из башни и оказывается в “нижней” Москве, а Воланд со свитой, мастер и Маргарита наоборот — устремляются из города вверх. Но переступив границу между “низом” и “верхом”, они однако не попадают на верхнюю сцену: “Мне туда, за ним? — спросил беспокойно мастер (имея в виду Пилата, ушедшего в сторону Ершалаима — *С. В.*) /.../ — Нет — ответил Воланд /.../ — Так, значит, туда? спросил мастер, повернулся и указал назад, туда, где соткался в тылу недавно покинутый город /.../ — Тоже нет, — ответил Воланд /.../” (708–709).

Мастер, не заслуживший, по мнению Иешуа, “света”, а лишь “покой”, оказывается в некоем промежуточном пространстве, расположенном где-то посредине между “низом” и “верхом”. Это место, по-видимому, предназначено для художников: тут упоминаются Шуберт и Фауст. Деятельность художников, очевидно, настолько амбивалентна, что однозначно определить их принадлежность не удастся никакому из “ведомств” (по выражению Воланда).

Можно отметить, что апокалиптическая тема суда (“сведение счетов”, 705), переплетается с театральной линией романа — “откровению” предшествует снятие масок и костюмов у свиты Воланда: “вряд ли узнали бы теперь Коровьева-Фагота /.../ тот,

²¹ См. Федас: “/.../ вертеп соответственно разделили на два этажа, с двумя самостоятельными сценами, обгороженными балюстрадами” (75); “На крыше ящика часто делается башня” (9).

кто был котом /.../ теперь оказался худеньким юношей /.../ (705); “теперь Азazelло летел в своем настоящем виде /.../” (706).

К концу романа понятие двухэтажности переосмысливается. Начавшийся в московской части процесс уничтожения вертепов (кроме Дома Грибоедова и домика на глобусе, разрушается — сгорает — также квартира № 50), здесь завершается — вертеп романа рушится, рушится и двухэтажность: “Прощайте! — одним криком ответили Воланду Маргарита и мастер. Тогда черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита. Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг” (709). Здесь же возникает образ вертепника, отпускающего своих фигурок-персонажей: “Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил созданного им героя” (710).

Если отсюда оглянуться на творчество Булгакова в целом, то можно обнаружить зачатки вертепообразной структуры и в других его произведениях. Так, в романе “Белая гвардия” действие происходит в двухэтажном “доме № 13 по Алексеевскому спуску”, “постройки изумительной” (Булгаков 1989, т. 1, 29), в котором жизнь наверху в семье Турбиных характеризуется благообразием, уютом и культурой, тогда как внизу, у “инженера и труса, буржуя и несимпатичного” (30) Василисы царят неуют, отчасти хаос, безобразие и инферналия. На нижнем этаже в иронически-гротескном плане разрабатывается один из типичных мотивов народного театра — наказание за скупость. Есть и языковая дифференциация: если на верхнем этаже говорят культурно и часто цитируют литературные и музыкальные произведения, то на нижнем, во время фальшивого обыска квартиры Василисы, пространство наполняется грубым просторечием, стилизованным под украинский язык. Признак “театральности” придает дому занавес — “кремовые шторы” (одна из эмблем старого Турбинского мира), которые служат границей между “пространством своим” (квартирой Турбиных) и “чужим” (враждебным городом).

Произведение, над которым работает Максудов в “Театральном романе”, также внешне имеет признаки вертепа. Напечатав часть своего романа в одном журнале, после чего бесследно исчез не только весь его тираж, но и редактор, Максудов решает никогда больше не возвращаться к своей рукописи. Однако герои произведения (имеются явные параллели с “Белой гвардией”) не оставляют его в покое: “Первое время я просто беседовал с ними,

и все-таки книжку романа мне пришлось извлечь из ящика. Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, шурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная. Как бы коробочка и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. Ах, какая это была увлекательная игра /.../ Всю жизнь можно было бы играть в эту игру, глядеть в страницу... А как бы фиксировать эти фигурки? Так, чтобы они не ушли более никуда? И ночью я решил эту волшебную камеру описать” (Булгаков 1989, т. 2, 218–219).

В театре, когда Максудов диктует секретарше текст пьесы, его охватывает своеобразное ощущение: “Я сидел на кушеточке, отражаясь в зеркальном шкафу, а Поликсена на табуреточке. Я чувствовал себя как бы двухэтажным. В верхнем происходила кутерьма и беспорядок, который нужно было превратить в порядок. Требовательные герои пьесы вносили необыкновенную заботу в душу. Каждый требовал нужных слов, каждый старался занять первое место, оттесняя других. Править пьесе — чрезвычайно утомительное дело. Верхний этаж шумел и двигался в голове, и мешал наслаждаться нижним, где царствовал установившийся, прочный покой”.

То, что здесь предстает как образ творчества как такового, непосредственно отсылает нас к вертепу.²² Правда, расположение этажей в нем как бы обратное — “благообразие” внизу, а “безобразие” наверху. Здесь, очевидно, далеко не случайно упоминание об отражении Максудова в зеркальном шкафу.²³ По этому образу хаотичный этаж кажется первичным (как хаос, предшествующий космосу); он тот, из которого рождается текст, своего рода фермент, из которого вырастает произведение. В “Мастере и Маргарите” представлен не столько результат (“установившийся прочный покой”), сколько процесс творчества, включая оба этажа с их динамичным со — и противодействием

²² Ср. также с образом, использованным Максудовым в рассказе о его неудачном чтении пьесы директору театра: “И вскоре ужас и отчаяние охватили меня, и показалось мне, что я построил домик и лишь только в него переехал, как рухнула крыша.” (Булгаков 1989, т. 2, 275).

²³ Шкаф, между прочим, также является одним из обозначений вертепной постройки (Федас, 84).

(хотя производимый текст и здесь эманурует из “хаоса” — все творцы “верхнего” текста находятся на нижнем этаже).

Но какова же функция вертепной модели в “Мастере и Маргарите”? В отличие от других видов народного театра, исследовательское внимание к которым вызвала общая карнавальность московских глав, вертеп охватывает роман как целое: он проявляется не только в содержании, но и в форме произведения. Этим развитие творчества Булгакова — двухэтажный дом в “Белой гвардии” переходит в последний роман Булгакова, подчиняя себе как архитектонику произведения, так и отдельные его образы, — напоминает тот процесс, который описан в “Театральном романе”, где “коробка раздвинулась до размеров Учебной сцены” (Булгаков, 1989, т. 2, 222).

Для “Мастера и Маргариты” в высшей степени центральны та симультанность и двойственность, которые присущи вертепу, — двойная сцена дает по крайней мере двойную перспективу: можно наблюдать “низ” с точки зрения “верха”, а “верх” с точки зрения “низа”. В саму модель встроена определенная зеркальность (отражение в кривом зеркале), которая предоставляет большие возможности для самокомментирования, самопародирования. В основе вертепного спектакля лежит своеобразное сочетание фарса и смеха с серьезнейшими экзистенциальными вопросами,²⁴ сочетание, характерное и для творчества Булгакова.

* * *

В контексте модернизма не удивляет обращение Булгакова к народной площадной культуре.²⁵ Но был ли писатель знаком с украинской народной культурой, а в данном случае — вертепом? Скорее всего, да. Булгаков вырос и получил свое образование в Киеве; его отец был профессором Киевской Духовной академии, откуда воспитанники отправлялись с вертепом по городам и селам Украины. К тому же крестным отцом писателя был коллега

²⁴ “В народном вертепе проводится идея борьбы добра и зла, жизни и смерти” (Федас, 84).

²⁵ В романе пародийно обыгрывается одно из хрестоматийных примеров такого обращения, а именно балет Стравинского “Петрушка”: Иван Бездомный прокликает “петрушку” (события в Доме Грибоедова), после которой он попал в клинику профессора Стравинского. О значении народного театра вообще для литературного и театрального авангарда 10-х – 20-х годов, см. обзор Джулиани.

и друг его отца Мыкола (Николай) Петров, известный специалист по украинской литературе и этнографии (Чудакова, 1988, 25), внесший большой вклад в изучение вертепа — в разделе библиографии книги Федаса можно найти восемь его работ, две из которых имеют в заглавии слово “вертеп”. Конец прошлого и начало нынешнего века вообще знаменуются живейшим интересом исследователей к этому явлению.

О внимании Булгакова к украинской культуре в период интенсивной работы над романом свидетельствует дневниковая запись Е. С. Булгаковой от 25 июня 1937 года: “М. А. купил на Арбате украинский словарь” (Булгаков 1989, т. 1, 15).²⁶

Эти факты, конечно, не являются каким-то “седьмым доказательством” состоятельности сделанных выше выводов, но они свидетельствуют о фактической близости семейного круга Булгакова к определенной области украинской культуры.

Перед нами своеобразная встреча двух культурных традиций: что-то украинское вошло в сердцевину самого, может быть, русского произведения Булгакова.

Литература

- Библейская энциклопедия* (1891). Москва, (репринтное издание, 1990 г.).
- Воспоминания о Михаиле Булгакове* (1988). Москва.
- Булгаков М. (1989). *Избранные произведения в двух томах*. Киев.
- Джулиани Р. (1988). Жанры русского народного театра и роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”. In: *М. А. Булгаков — драматург и художественная культура его времени*. Москва.
- Клеберг Л. (1977). Роман мастера и роман Булгакова. In: *Slavica Lundensia* 5. Lund.
- Крупянская В. (1956). Народный театр. In: *Русское народное поэтическое творчество* (под редакцией П. Г. Богатырева.), Москва.
- Фарыно Е. (1984). Язык в языке (Несколько наблюдений над полиглотизмом в “Мастере и Маргарите”). In: *Wiener Slawistischer Almanach*, Band 14.
- Фарыно Е. (1985). История о Понтии Пилате. In: *Russian Literature* 18.
- Федас Ю. (1987). Український народний вертеп. Київ.
- Чудакова М. (1988). *Жизнеописание Михаила Булгакова*. Москва.

²⁶ По воспоминаниям сестры писателя, Н. А. Булгаковой-Земской, члены семьи Булгаковых “потом все уж говорили по-украински” (Воспоминания, 47).

Master and Margarita — a Theatrical Novel?

The dual structure of Bulgakov's *Master and Margarita*, and the relationship between the Moscow and Ershalim texts, has been discussed widely. This article proposes to read the novel in the context of the Ukrainian folk puppet theatre, *vertep*.

The stage of the *vertep* is divided in two storeys. Traditionally, on the upper level characters from the history of the birth of Christ appear, whereas on the lower level characters are local people, as well as comical intermedia figures: the devil, a soldier, a goat, a pig etc. In Bulgakov's novel one finds a similar dual structure of "upper level" (Ershalim) and "lower level" (contemporary Moscow), as well as striking features of theatricality, or rather "puppet-theatricality", especially in the Moscow parts. The importance of carnival culture or folk theatre for the "lower" (Moscow) level of *Master and Margarita* has been discussed by many critics.

Woland and his company is described as a gang, almost mechanically moving around the city (especially along the Sadovaya Street) as puppets along the fixed lines of the *vertep* stage. Also on a linguistic (lexical) level, different words relating to the word *vertet*' ("turn around", "circle") are frequent.

In addition, architectural structures and images in the novel are constantly presented with a two-storey structure: the Griboyedov club, Margarita's house, the master's place, apartment no. 50, as well as Herod's palace and its garden. In the end of the novel, the fusion of upper and lower levels is symbolised in the apocalyptic destruction of many of the two-storey structures described.

Examples of Bulgakov's interest in the semantic potential of the two-storey construction and its verbal expressions can also be found in other works of his: *The White Guard* and *Theatrical Novel (Black Snow)*.

Our analysis shows that the *vertep* structure is significant not only on the level of content but also on the level of the novel. The two-storey *vertep* structure of the novel creates a double perspective, where "below" can be looked at from "above" and *vice versa*, which opens wide potentials for auto-commentary, self-parody etc.

Was Michail Bulgakov familiar with the Ukrainian folk culture in general and with the *vertep* in specific? Although the answer is not decisive for my argument, several external facts support this assumption. Bulgakov's use of the *vertep* model shows that something quite Ukrainian took an important place in what in some senses is the writer's most Russian work.

“Meister ja Margarita” — teatriromaan?

Bulgakov'i “Meistri ja Margarita” duaalsed struktuurid ning Moskva ja Jershalaimi tekstide vahelised seosed on pälvinud paljude uurijate tähelepanu. Antud artikkel kujutab endast katset lugeda romaani “Meister ja Margarita” ukraina rahvusliku nukuteatri, vertepi, kontekstis.

Vertepi lava on jaotatud kaheks korruseks. Traditsiooniliselt ilmuvad selle ülemisel tasandil tegelased Kristuse sünniloost, madalamal tasandil on tavalised inimesed, nagu ka koomilised vahefiguurid: kurat, soldat, kits, siga jne. Bulgakov'i romaanis võime leida samasuguse kahese struktuuri “ülemisest tasandist” (Jershalaim) ja “madalamast tasandist” (kaasaegne Moskva), nagu ka eredaid näiteid teatraalsusest ehk pigem “nukuteatraalsusest”, eriti Moskva-osades.

Woland oma kaaskonnaga liigub linnas peaaegu automaatselt (eriti Sadovaja tänavas) nagu nukud mööda vertepi lava kindlaksmääratud liine. Samuti on ka keelelisel (leksikalisel) tasandil sagedased sõnad, mis on seotud sõna “vertet” semantikaga (“pööra ümber”, “tiirlema”).

Lisaks sellele on romaanis kirjeldatud hooned valdavalt kui kahekorrukelised struktuurid: Gribojedovi klubi, Margarita maja, meistri kodu, korter 50, Herodese loss koos aiaga. Romaani lõpus sümboliseeritakse ülemise ja alumise tasandi sulandumist paljude kahekorrukeliste struktuuride apokalüptilises lagunemises.

Näiteid Bulgakov'i huvist kahekorrukelise konstruktsiooni tähendusliku potentsiaali ja selle sõnalise väljenduse kohta võib leida ka tema muudest teostest (“Valge kaardivägi” ja “Teatriromaan”).

“Meistri ja Margarita” kahekorrukeline vertepistruktuur loob kahekordse perspektiivi, kus “alumine” on vaadeldav “ülevalt” ja vastupidi, mis omakorda avab laiad võimalused autokommentaari jaoks, enese-paroodiaks jne.

Kas M. Bulgakov oli tuttav ukraina rahvakultuuriga üldiselt ja vertepiga kitsamalt? Kuigi vastus pole antud arutelu jaoks määrav, toetavad seda eeldust mitmed välisfaktorid. Bulgakov'i vertepimudeli kasutus näitab, et miski üsna ukrainapärase sai olulise koha autori venepäraseimas teoses.

О знаковых функциях порядка следования значимых единиц языка (К семиотике начальной позиции)

Михаил Шелякин

1. Порядок следования — это определенное соотношение явлений во времени, т.е. определенная временная последовательность явлений по отношению друг к другу. Поскольку языковая система развертывается в речи линейно, то порядок следования значимых языковых единиц представляет собой их временную последовательность по отношению друг к другу. Выделяются две разновидности следования языковых означаемых: относительная, когда отношение следования определяется временным положением “до” и “после” друг к другу и может изменяться в рамках этих отношений, и абсолютная (ригидная), когда отношение следования строго фиксировано и не может изменяться в рамках “до” и “после”. Например, первая разновидность представлена словесными знаками (*просидел два часа и часа два*), вторая разновидность — морфемными знаками (приставка + корень + суффикс + флексия). В ряде языков ко второй разновидности относится и синтаксический порядок членов предложения; например, в японском языке предикаты всегда стоят на последнем месте в предложении. Абсолютная разновидность порядка следования языковых означаемых определяется спецификой их понятийного содержания и имеет структурно-различительную или коммуникативно-информативную функции (о чем см. ниже). Более широким функциональным диапазоном обладает относительная разновидность следования языковых означаемых, которая представлена нейтральным (базовым) и измененным (стилистическим, субъективным) порядком. Прежде чем рассмотреть знаковые функции абсолютной и относительной разновидностей следования языковых означаемых, обратимся к обычному определению этих функций в научной литературе. В качестве примера

приведем функциональную характеристику порядка слов в “Лингвистическом энциклопедическом словаре”¹. Автор словарной статьи (В. Г. Гак) указывает, что порядок слов выполняет семантическую и структурно-грамматическую функции. Под первой он понимает выражение “последовательности или значимости экстралингвистических объектов”, а также последовательность поступления информации при актуальном членении: *Он побывал в Минске и в Москве* — сначала в Минске, а затем в Москве; *Москва, Минск и другие города...* — более значимый компонент ставится раньше (иерархическая или эмфатическая функция); при актуальном членении тема обычно предшествует реме; к семантической функции примыкает смысловозначительная функция (ср. выражение приблизительности в русском языке: *два часа* и *часа два*). Структурно-грамматической функцией порядка слов В. Г. Гак считает функцию различения членов предложения: *Бытие определяет сознание* и *Сознание определяет бытие* (ср. англ. *Peter hit John*), а также функцию различения (вместе с интонацией) типов предложения: вопросительных (ср. англ. *Has he a sister?*), условных (ср. *Приди он вчера ...*) и др. По сути дела, во всех других работах, особенно учебного типа, порядок слов характеризуется в указанных двух функциях и интерпретациях, только приводятся иные примеры: ср. *Ты хотел этого* (повествовательное предложение) и *Хотел ты этого?* (вопросительное предложение), испан. *el pobre hombre* — “бедный” (“несчастный человек”) и *el hombre pobre* — “бедный (небогатый) человек”, ср. также испан. афоризм: *La razon fria no es fria razon* — “холодный рассудок не есть здравый рассудок”.

Думается, что существующая научная и учебная литература гипертрофирует семантическую и синтаксическую роль порядка слов, приравнивая его к лексическим и грамматическим средствам. Ведь предложение *Он побывал в Минске и Москве* не содержит однозначной информации о последовательности посещения: он мог сначала побывать в Москве, а затем в Минске. Сам порядок слов в словосочетаниях *два часа* и *часа два* не выражает семантического различия “точности” и “приблизительности” указанного времени. Испанские примеры на семантическое различие прилагательных в зависимости от их препозиции/постпозиции по отношению к существительному также не свидетельствуют о семантической роли следования слов, поскольку он

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, 388.

только реализует то семантическое различие, которое свойственно многозначному прилагательному, а не выражает самого семантического различия, ср. многозначность русского прилагательного *бедный* в одной и той же порядковой позиции: *Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки* (Пушкин) — “несчастной девушки” и *Жила-была вдова, Тому лет восемь, бедная старушка, С одною дочерью. У Покрова стояла их смиренная лачужка* (Пушкин) — “малоимущая, небогатая старушка”. Актуальное членение предложения имеет не семантическую, а актуально-информативную функцию, если семантическую функцию интерпретировать как понятийно-информативную. То же самое можно сказать и об иерархической (эмфатической) функции порядка слов: он имеет не семантический, а приоритетно-семантический характер. Что касается структурно-грамматической функции порядка слов, то и здесь не учитывается взаимодействие тактических приемов синтаксического кодирования с другими средствами. Как отмечает И. Ф. Вардуль, “нет языков, в которых синтаксическое кодирование определялось бы только порядком следования”². Действительно, событийное различие между “*Бытие определяет сознание*” и “*Сознание определяет бытие*” выражается не столько порядком слов, сколько интонацией и тема-рематическим членением, а порядок слов подчиняется выраженной этими средствами субъектно-предикатной структуре.

Таким образом, можно констатировать, что порядок слов выполняет прежде всего разграничительную функцию, подобно тому, как по месту расположения предметов мы находим нужный нам предмет, но не определяем его сущность. Однако на этом основании нельзя считать, что порядок слов является чисто строевым, различительным знаком: он обладает и специфическими содержательными функциями, к рассмотрению которых мы переходим в следующих разделах нашей статьи.

2. Специфика функций порядка следования означаемых связана с их положением “до”, т.е. в начальной позиции по отношению к “после”. Начальная позиция — это всегда позиция “сперва моя очередь”, позиция первичности или исходности для последующих других компонентов. Назовем ее позицией приоритетности или семиотического фокуса. Она, видимо, возникла на

² Вардуль, И. Ф. О языковых типах в параметре порядка слов. Очерки типологии порядка слов. М., 1989, 19.

основе пространственной или временной отнесенности нечто к говорящему: то, что ближе к нему, в том числе и его “я”, является начальной, исходной точкой отсчета; то, что дальше от него — не начальным, маргинальным. Это отразилось на следующем нейтральном (базовом) порядке пространственных и временных слов типа: *то тут, то там; теперь или никогда; не сегодня-завтра*; ср. также: *я с ним, ты с ним* и под., устойчивое сочетание *путь-дорога* (как свидетельствуют Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров, в древней славянской традиции *путь-дорога* является отражением представления о близком и далеком, поскольку с *дорогой* ассоциировалось нечто “далекое”)³. Под нейтральным (базовым) порядком следования значимых языковых единиц мы понимаем принятый в данном языке наиболее распространенный (обычный, типичный) порядок следования, характеризующийся автоматизмом, отсутствием эффекта необычности и дополнительных экспрессивных коннотаций. Нейтральный порядок значимых языковых единиц противопоставлен измененному порядку, который всегда является намеренным и стилистически маркированным в широком смысле слова.

Общая функция приоритетности начальной позиции (“сперва моя очередь”) представлена несколькими разновидностями следования значимых языковых единиц. К ним относятся:

1) Семантическая (понятийная) приоритетность, когда в начальную позицию при нейтральном порядке выносятся понятийно более значимые по разным причинам языковые единицы:

а) семантическая приоритетность слов, обозначающих более “весомые” с точки зрения данного социума реалии или более ранние по времени явления. Ср. *отцы и дети, отец и мать, стар и мал, и нашим и вашим, ни жив ни мертв, друг и недруг, душой и телом, более или менее, отечественные и иностранные товары, ни слуху ни духу, за и против, профессора, преподаватели и студенты, права и обязанности, человек и закон, хлеб-соль*. Еще М. В. Ломоносов в “Кратком руководстве к риторике” писал, что “простые идеи или слова располагаются: 1) по их важности и низкости, <...> приличнее напереді положить важные, а потом и прочие, которые не столь высокие вещи значат: *солнце, луна и звезды хвалят своего зиждителя*, 2) по времени: *он утро, день,*

³ Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, 165–168.

вечер и ночь в роскошах препровождает"⁴. В "Кратком руководстве к красноречию" он добавляет к последнему примеру: *дед, отец и братья его знатные люди*⁵. В § 250 этого руководства М. В. Ломоносов отмечает: "По месту о верхних говорят прежде, нежели о нижних, о передних прежде, нежели о задних, и прочая"⁶, ср. *небо и земля, между небом и землей*.

Приоритетность "верхнего" перед "нижним" объясняется представлением о созидательном, исходном, начальном "верхе", ср. др.-инд. *ágra* — "вершина", "верх", "начало", авест. *ajra* — "вершина", "начало", "первый", а с "началом" ассоциировалось представление о "первом" и "переднем". На основе приоритетности "верхнего", "начального", "первого", "переднего" развились значения, выражающие идеи "лучшего", "главного", "передового": ср. русск. *начало* — *начальник*, *глава* — *главный*, *главарь*; *верхний* — *верховный* (главный, высший) — *верховодит* — *вершить* — *верховная власть*; *первый* — *первый сорт* (лучший) — *первенство* (первое место в отношении каких-либо достоинств (заслуг) — *первостепенный* (значительный, важный) — *передовой* — *передовик*; др.-нем. *furisto* — "первый", "самый высокий", англ. *first* "первый" и нем. *fürst* — "князь", др.-русск. *передънии* — "передний", "прежний", "знатнейший", русск. *передний угол* — "почетный угол в избе, где находится икона", поговорку "голова всему начало".

б) К семантической приоритетности относятся также:

– начальная позиция грамматически управляющих слов, после которых ставятся формы слов, конкретизирующие "главные слова": ср. *пишу письмо, ножка стола, хочу спать* и под.;

– начальная позиция семантически ведущего компонента в сложных и сложносоставных словах: ср. *паровоз, водовоз* и под., нем. *Vogelzug* — "перелет птиц", но *Zugvogel* — "перелетная птица", *кресло-кровать, кафе-мороженое, плащ-палатка*;

– начальная позиция основы слова перед флексией, корня перед суффиксами, приставки перед корнем;

– начальная позиция родовых понятий перед уточняющими их собственными названиями: *остров Борнео, город Орел, газета "Известия", гражданин Петров, девушка-почтальон*;

⁴ Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. М.; Л., 1952, 64.

⁵ Там же, 213.

⁶ Там же, 294.

– начальная позиция качественных прилагательных перед носительными, что можно объяснить более широким по объему значением первых по сравнению со вторыми: ср. *красивый приволжский город*, *великий русский писатель*, *безграничные степные просторы*; ср. также сложносоставные существительные типа: *бой-баба*, *попрыгунья-стрекоза*, *красавица-дочь*, *злодейка-западня*;

– начальная позиция более широких по объему значений согласованных определений: ср. определения, выраженные словами: *мой любимый поэт*, *наш красивый приволжский город*, *новый синий костюм*, *кожаная спортивная куртка*, *Уральские металлургические заводы*, *чистые молодые голоса*; при этом по степени объема признака различаются: величина + форма + цвет (*большие круглые черные глаза*), величина + оценка (*две интересные книги*, *две маленькие красивые птички*), состояние + цвет (*новый синий костюм*, *старый черный пиджак*), место + принадлежность (*Московский государственный университет*, *первое самостоятельное выступление*); ср. также обычную начальную позицию обстоятельственных определений перед предикатом: *Он интересно рассказывал о своей поездке*. *Мы искренне радовались его успехам*. *Он успешно закончил среднюю школу*. Несогласованные определения стоят в русском языке после определяемого существительного, так как они связаны с управлением: *Он купил путевку в санаторий*. *Мы получили газету за понедельник*. *Это были стихи Пушкина*. Этим, видимо, объясняется употребление ряда обстоятельственных определений после предиката: ср. *Он говорит по-русски*, *бежать вприпрыжку*, *идти пешком*, *ехать верхом*. Однако несогласованные определения, выраженные “у + род. пад. лица” и “дат. пад. с притяжательным значением”, обычно употребляются перед определяемыми существительными: ср. *У меня в портфеле (= в моем портфеле) лежит книга*. *У нас в саду растут яблоки*. *Он пожал мне руку (= мою руку)*, что подводит эти определения под правило начальной позиции более широких по объему определений. При нескольких сильно управляемых слов начальную позицию обычно занимают слова со значением адресата (*Мать подарила детям большой мяч*) или со значением объекта перед словами с обстоятельственными значениями (*И встретил его на вокзале*). В предложениях, выражающих неопределенно-личный, обобщенно-личный, стихийный характер субъекта, а также произвольное восприятие и

состояние субъекта, управляемое дополнение употребляется в русском языке перед предикатом: *Мне сказали, что ... Нам разрешен выезд. Деревья сажают весной. Что посеешь, то и пожнешь. Его ранило в ногу. Дорогу замело снегом. Ему нужна срочная помощь.* Такой порядок следования дополнений объекта связан с тема-рематическим членением предложения, при котором функцию темы выполняет объектный компонент (о чем см. ниже).

С семантической приоритетностью мы связываем значение приблизительности в русских словосочетаниях типа *часа два*: в начальную позицию выносятся родительный партитивный, подчеркивающий значение неопределенной части целого, свойственное этому падежу (ср. *он вытл молока*), в отличие от сочетаний типа *два часа*, в которых выражается определенная часть из целого. Подобное различие в значении словосочетаний наблюдается и в эстонском языке, обладающем партитивным падежом: ср. *kaks tundi — tundi kaks*.

На наш взгляд, семантической приоритетностью можно объяснить и порядок слов в атрибутивных сочетаниях романских языков. Как известно, в романских языках определения, выраженные прилагательными, могут стоять в постпозиции и препозиции к определяемому существительному. При этом, нейтральным считается постпозиция прилагательных, в отличие, например, от русского языка, за исключением ряда прилагательных с субъективно-оценочными значениями: фр. *grand, gros, jeune, beau*, испан. *grande, bueno*. Это наводит на мысль, что данные прилагательные являются семантически приоритетными и послужили основой для других аналогичных прилагательных. Так, большинство романистов считает, что в препозиции прилагательные выражают признак в субъективно-оценочном плане, а в постпозиции — признак в чисто понятийном плане. Как замечает Ш. Балли, французские прилагательные в постпозиции больше уточняют определяемое понятие, противопоставляя его другим понятиям (*cheval blanc* — “лошадь белая”, *cheval noir* — “лошадь черная”), а прилагательные в препозиции больше концентрируют внимание на самом качестве, чем противопоставляют его другим: ср. *large vallée* — “широкая долина”, *magnifique tableau* — “великолепная картина”, *brave enfant* — “славный ребенок”. И далее Ш. Балли подчеркивает, что прила-

гательные в препозиции часто имеют оттенок экспрессивности⁷. По сути дела, романские прилагательные в постпозиции напоминают несогласованные определения, а в препозиции — согласованные качественные определения в русском языке.

Следует отметить, что и в других знаковых системах начальная позиция используется как позиция знаковой приоритетности. Так, флаг Гвинеи состоит из красного-желтого-зеленого цветов, а флаг Мали — из зеленого-желтого-красного; флаг Польши состоит из белого-красного цветов, а флаг Индонезии — из красного-белого. Вряд ли такой порядок следования цветов на флагах разных государств является немотивированным.

2) Семантико-синтаксическая приоритетность, когда в начальную позицию при нейтральном порядке выносятся тот синтаксический компонент, который для говорящего служит при моделировании выражаемого события исходным. Выделяются следующие типы семантико-синтаксической исходности:

а) постановка субъекта предложения в начальную позицию перед другими членами предложения при презумпции его существования или контекстуальном выражении. Такой порядок главных членов предложения является отражением соответствующих эмпирических отношений между предметным компонентом и проявлением его признаков (в широком смысле слова), в основе чего лежит первичность личной деятельности говорящего, перенесенная в область “ты” и “он”, и обязательная соотносительность объекта с субъектом, а не наоборот. М. В. Ломоносов писал в “Русской грамматике”: “Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяние. Того ради между речениями, речь составляющими, первое место иметь должно имя, вещь знаменующее, потом глагол, изъявляющий оное вещи деяние”⁸. Видимо, поэтому в большинстве языков преобладает порядок членов предложения, при котором подлежащее предшествует сказуемому (П ... С). Так, по подсчетам Дж. Гринберга, из 30 исследованных языков разных семей и ареалов 13 языков имеют основной порядок членов предложения — ПСД, 11 языков — ПДС и 6 языков — СПД. Следовательно, из 30 языков 24 языка

⁷ Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, § 371.

⁸ Ломоносов. Цит. сом. Т. 7, 119.

обычно располагают сказуемое после подлежащего⁹. Об этом свидетельствуют и наблюдения Дж. Хокинса, сделанные им на материале 336 языков: 51,7% языков имеют порядок ПДС, 32% — ПСД, т.е. всего с начальным П — около 84%, 15% — с начальным С и 1,3% — порядок ДСП¹⁰. Порядок Д ... П .. С и редкие порядки ДСП и СПД требуют особого исследования и интерпретации, так как с порядком слов связаны и другие факторы — кодирование тема-рематической структуры сообщения и разных типов предложения, что остается еще малоисследованным;

б) постанова в составном предикате, содержащем инфинитив, в начальную позицию компонентов со значением интенциональной направленности субъекта к действию, обозначенному инфинитивом: типа *хочу сказать, пошел обедать, должен ехать* и под. Такой порядок следования составных элементов соответствует эмпиричной первичности интенциональной установки субъекта и вторичности глагольного действия как объекта установки;

в) постанова в начальную позицию предиката перед субъектом предложения в интродуктивно-субъектных предложениях типа: *Жил-был король и было у него три сына ... Раздался стук в дверь. Пошел дождь. Стояла зима 1941 года* и др. Подобные предложения принято называть экзистенциональными, а их предикаты — бытийными, вводящими впервые существование или проявление субъекта предложения. Исходность бытийных предикатов и тем самым их начальная позиция в предложении объясняется, видимо, первичным восприятием бытийного проявления того, что обозначается субъектом предложения, и семантическими особенностями бытийных предикатов: они малоинформативны и часто выражаются делексикализованными лексемами. Восприятие первичности бытийного проявления субъекта легло в основу введения для слушающего рематического субъекта предложения: ср. *Был у меня один приятель ... Жил-был один старик*.

Указанный порядок главных членов в бытийных предложениях характерен для многих языков. Например, в испанском языке

⁹ Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. *Новое в лингвистике*. Вып. 5. М., 1970.

¹⁰ Hawkins, J. *Word Order Universals*. N. Y., 1983.

выделяются следующие семантические группы предикатов бытийных предложений, стоящих в препозиции к субъекту: со значениями существования, отсутствия, начала, возникновения, пребывания, появления, прибытия того, что обозначается подлежащим¹¹. Все они объединяются признаком первичности бытийного проявления субъекта предложения.

3) Коммуникативно-тематическая приоритетность. В начальную позицию выносятся смысловые компоненты предложения, которые служат исходными для введения новой информации или детерминации (топикизации) выражаемого события. Как известно, в первом случае в начальную позицию ставится тема, под которой понимается нечто данное для говорящего и слушающего — известное, очевидное, упомянутое в контексте или предполагаемое как известное, очевидное и существующее, по отношению к чему выражается рема — новая информация. Во втором случае в начальную позицию ставятся обстоятельственные или объектные члены предложения, представляющие собой семантическую рамку, при которой действительно то, что выражается субъектно-предикатным составом предложения: ср. *По понедельникам музей закрыт. Лицом она похожа на мать. После чая дедушка пошел спать. Из-за отсутствия воды и воздуха жизнь на Луне невозможна. Для ребенка здесь сыро. Для тебя этот костюм слишком широк.* Семантические рамки расширяют тематическую часть высказывания, входя в нее как семантический ограничитель, так или иначе известный для партнера по коммуникации. В таких случаях можно говорить о членении тематической части высказывания на отдельные тематические компоненты.

4) Прагматическая (рематическая) приоритетность. В начальную позицию в высказывании выносятся рематическая часть или ее отдельный компонент при измененном — эмоционально-экспрессивном — порядке членов предложения: ср. *Кто тебе звонил? — Звонила Наташа* (нейтральный порядок слов) и *Наташа звонила* (рематическая часть предшествует тематической части высказывания). *Я живу в Москве* и *В Москве я живу*. Прагматическая приоритетность подчеркивает информационную значимость рематической части и не изменяет содержательную структуру высказывания. Прагматическую приоритетность отра-

¹¹ Васильев-Шведе, О. К., Степанов, Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Синтаксис предложения. М., 1981, 195–197.

жают не только повествовательные высказывания с измененным порядком слов, но и вопросительные и побудительные высказывания, в которых в начальную позицию ставятся вопросительные слова и соответствующие побудительные формы: *Что с тобой? Что это такое? Читал ли ты эту книгу? Не ходи туда* и под. В повествовательных высказываниях прагматическая приоритетность сопровождается пресуппозиционной или контекстуально выраженной коннотацией контрастивности (“фокуса контраста” — см. об этом понятии у У. Чейфа¹²).

В итоге рассмотрения начальной позиции значимых языковых единиц можно сделать следующие выводы:

1. выбор начальной позиции для значимых единиц определяется одним общим фактором: являются ли они с точки зрения говорящего первоочередными в коммуникативном процессе;
2. сама же первоочередность значимых языковых единиц имеет разные основания в связи с организацией непересекающихся уровней (аспектов) высказывания или морфемного состава слова: семантического, синтаксического и прагматического;
3. точка зрения говорящего на первоочередность значимых языковых единиц зависит от его ориентации в коммуникативном процессе: то, что он считает необходимой предпосылкой для организации разных уровней высказывания или морфологического состава слова, является первоочередным;
4. необходимые предпосылки для организации высказывания или морфемного состава слова определяются говорящим в соответствии с его представлением об исходной точке отсчета в той или иной линейной последовательности коммуникативного процесса.

---

¹² Чейф, У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точки зрения. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XI. М., 1982.

On the signfic function of the order of meaningful units in language: On semiotics of first position

The article is dedicated to the problem of the initial position of meaningful units of language in statements and to word structure. We discuss the idea of the semantic and syntactic role of meaningful units and consider the following types of general functions of priority (semiotic focus) of initial position: (a) semantic (notional) priority, (b) semantic-syntactical priority in modeling representation of event, (c) communicative-thematic priority, (d) communicative-rhematic (pragmatic) priority.

In the course of studying the initial position of the meaningful units of language we approached the following conclusions:

- (1) the choice of the initial position is determined by one general factor: whether the units is primordial in the communicative process from the speaker's position;
- (2) the primacy of meaningful language units is based on different grounds depending on the organization of the non-crossing levels of a statement or the morphic components of a word: semantic, syntactic and pragmatic;
- (3) the position of a speaker on the primacy of meaningful language units depends on his orientation in the communicative process: what is considered as a necessary premise for the organization of the different levels of a statement or the morphemic composition of a word is primordial;
- (4) necessary reasons for organizing a statement or the morphemic composition of a word is defined by the speaker according to his idea of the consequence of the communicative process.

Keele tähenduslike ühikute järjestuse märgilistest funktsioonidest: algpositsiooni semiootikast

Artikkel käsitleb semiootikaprobleemi keele tähenduslike ühikute algpositsioonist lausungites ja sõna struktuuris. Vaidlustatakse arvamusi tähendusühikute järjestuse semantilise ja süntaktilise rollist ning pööratakse tähelepanu algpositsiooni prioriteetsuse (semiootilise fookuse positsiooni) üldise funktsiooni järgmistele variantidele: 1) semantiline (tähenduslik) prioriteetsus, 2) semantilis-süntaktiline prioriteetsus väljendatava sündmuse modelleerimisel, 3) kommunikatiiv-temaatiline prioriteetsus ja 4) kommunikatiiv-remaatiline (pragmaatiline) prioriteetsus.

Vaadelnud tähenduslike keeleühikute algpositsiooni, tuleb autor järgmistele järeldustele:

- 1) tähenduslike keeleühikute algpositsiooni valiku määrab üks üldine tegur: kas nad on suhtlusprotsessis kõneleja vaatepunktist esmatähtsad;
- 2) tähenduslike keeleühikute esmatähtsus ise baseerub mitmel alusel, sõltudes lausungi või sõna morfeemilise koosseisu lõikumate tasandite — semantilise, süntaktilise ja pragmaatilise tasandi — organisatsioonist;
- 3) rääkija seisukoht tähenduslike keeleühikute esmatähtsuse suhtes sõltub tema orientatsioonist suhtlusprotsessis: see, mida ta peab hädavajalikuks eeltingimuseks lausungi või sõna morfeemkoostise eri tasandite organiseerimisel, ongi esmatähtis;
- 4) hädavajalikud eeltingimused lausungi või sõna morfeemkoostise organiseerimiseks määrab rääkija kooskõlas omaenese ettekujutusega kommunikatsiooniprotsessi lineaarsest järjestusest.

Ecosemiotics

Winfried Nöth

For Thomas A. Sebeok

1. Ecology and ecosemiotics

According to Ernst Haeckel (1866: 286), who coined the term in 1866, ecology is the "science of the relations between the organism and the environmental outer world", and more recently, ecology has been defined in a somewhat similar way as the "study of the interrelations between organisms and their environment [Umwelt]" (Vogel & Angermann 1977: 199). How can we define this environment with which the organism is ecologically interrelated? Some ecologists have adopted Haeckel's view of an 'outer world'. The environment, according to their view, is "the sum of all exterior (biotic and abiotic) conditions and influences concerning the life and the development of organisms" (Platt 1980: 265). Others have rejected the opposition between an outer and an inner world. In their view, organisms have both an exterior and an interior environment (Geist 1978: 18). This broader view of the environment is also the one adopted within the framework of biosemiotic studies, to which we will turn later on.

Originally a branch of biology, ecology has had an enormous transdisciplinary influence on other fields of study since scholars have become aware of the worldwide ecological crisis. Thus, we are now confronted with a philosophical ecology (Sachsse 1984, Schönherr 1985, and Attfield 1994), an anthropological human ecology (cf. Eisenbart 1979, Hutterer *et al.* 1985), an ecology of the mind (Bateson 1972), a natural philosophy of ecological thought (Trepl 1987 and Mayer-Tasch 1991), ecological literary studies (Kroeber 1995), and ecological ethology (Krebs & Davies 1978), an ecological history (Herrmann 1986), cultural history (Großklaus & Oldemeyer

1983), and sociology (Gärtner & Leisewitz 1984), an ecological aesthetics (Sturm 1979, Schönherr 1985: 133–145, Böhme 1992, Krampen 1993), an ecopsychology (Mogel 1984) or environmental psychology (Mehrabian 1976), an ecological theory of cognition (Gibson 1979), and in ecolinguistics (Nöth 1996: 13–15). Despite first allusions (Enninger & Wandt 1984, Haila 1986, Bouissac 1989, 1993, Koch 1992, Krampen 1992, Lang 1993), the concept of ecosemiotics has not yet been explicitly mentioned in the context of these interdisciplinary ecological studies.¹ However, there have been several directions of studies in sign processes which can be considered as ecological since they have investigated various kinds of semiotic relationships between organisms and their environment. It is the aim of this paper to discuss these approaches and to try to give an outline of the contours of a future ecosemiotics.

According to these premises, ecosemiotics is the study of the *semiotic* interrelations between organisms and their environment. This definition presupposes that the center of interest of an ecological semiotics is not a *homo semioticus*, but more generally, an *organismus semioticus*. Still more fundamental is the question concerning the relationship between the organism and its environment. Is it always of a semiotic nature, or is there at least always a semiotic aspect in this relationship, or do we have to distinguish between semiotic and non-semiotic environmental relationships? Should ecosemiotics be restricted to the study of interrelations between organisms, or are there also semiotic aspects in the interrelations between organisms and their nonorganic environment? Whatever the answer may be, ecosemiotics will be a study in sign processes that is not restricted to arbitrary and artificial signs. It will also, and perhaps primarily, be concerned with natural signs mediating between the organism and its environment. Ecosemiotics will have to be an approach to semiosis based on the assumption of a very low 'semiotic threshold' between signs and nonsigns if it does not reject such a threshold altogether.

---

¹ An exception is Francoeur (1994), where the term appears in a merely metaphorical way, referring to various contextual dimensions of the sign in the theater. — Only after concluding this paper did the papers by Hornborg (1996) on "Ecology as semiotics" and Tembrock (1997) on "Ecosemiosis" come to my attention. The background of Hornborg's paper is in human ecology. Tembrock examines biological and evolutionary aspects of semiosis.

Elements of a future ecosemiotics on these premises can be discerned in theoretical semiotics, biosemiotics, evolutionary cultural semiotics (cf. Koch 1986, 1992, Coletta 1993 and the special issue on *Nature, Environment, and Signs* of *Zeitschrift für Semiotik* 18.1 [1996]), in semiotic aesthetics (cf. Sturm 1979, Krampen 1979, 1993), in the domain of linguistic semiotics (Nöth 1996) and in other areas of applied semiotics. Not all of these domains can be discussed in the following. In particular, the most interesting semiotic approaches to environmental debris and rubbish cannot be discussed here. References of interest in its context can be found in Culler's chapter on "Rubbish Theory" (1988), Posner's volume on the semiotics of nuclear waste (Posner, ed. 1990), and the special issue on debris of the *American Journal of Semiotics* (11.1–2 [1994]).

2. Historical models of the relation between humans and their environment

In the history of culture, the view that signs are omnipresent in the relationship between humans and their environment has a long tradition. The most radical view in this tradition is pansemiotism, which is the view that all environmental phenomena are semiotic in their essence. Historically, three major models of a semiotic relationship between humans and their environment can be distinguished, (1) the pansemiotic, (2) the magical, and (3) the mythological model (cf. Nöth 1990: 382, 188, 374).

According to the pansemiotic model of the relationship between humans and their nonhuman environment, nature is semiotic throughout, and the signs which we perceive in our natural environment are messages emitted by God or some other supernatural power. According to the magical model of environment semiosis, natural phenomena are equally messages, but their sender and manipulator, the magician, is a human, while its receiver, at least at first sight, is in our natural, physical, or biological environment. Finally, mythological models of human ecology have been culturally transmitted in the form of narratives which instruct humans about their place in nature, telling them what they can, should, and must do with their natural environment.

In the Jewish-Christian tradition, aspects of the pansemiotic approach to human ecology appear in the Old Testament. Thus, in the

Psalms, nature is described as a message from, or addressed to, God. We hear that "The heavens declare the glory of God" (Ps. 19:2), "The God of Glory thundereth" (Ps. 29:3), or "Mountains and all hills, fertile trees and all cedars, animals and all cattle [...] shall praise the name of the Lord" (Ps. 148.9–13).

In medieval theology, the pansemiotic view of human ecology is part of the doctrine of the spiritual senses. According to Thomas of Aquinas (1224–1274), this spiritual sense consists in the conviction that "things [res] have their meaning in other things" (*Summa Theologica* I, 9.1, art. 10). In this tradition, the meanings of the things in our natural environment were codified by means of books, more precisely, theological treatises. The ultimate key to the interpretation of the environment was the Book of the Books, the Bible, but more specific treatises served as a supplements. Bestiaries, for example, informed about the meaning of the animals, and lapidaries informed about the meanings of stones. While on the one hand, books used to codify and decodify the meanings of environmental objects, the semiotic nature of the natural human environment was itself described by means of the metaphor of the environment as a book (cf. Curtius 1948:323–329 and Böhme 1986). Since both nature and the biblical texts had thus to be deciphered, it is no wonder that the same hermeneutic code that served for Bible exegesis was in use to interpret the phenomena of the natural environment. In accordance with the principles of Bible exegesis the spiritual sense of the environmental phenomena was equally subdivided into a tropological, an allegorical, and an anagogical sense. A simple example of this kind of multiple decodification of nature are the three spiritual senses ascribed to a rock in our natural environment (cf. Dunbar 1961: 19). In a tropological sense, a rock was 'that which each soul should be to its fellows', allegorically, a rock meant 'Christ', and anagogically, it was 'the foundation of the heavenly kingdom'.

A climax of the pansemiotic view of the environment was reached in the Renaissance doctrine of signatures (cf. Böhme 1986 and Nate 1993). Paracelsus (1493–1541) is a good example of a Renaissance scholar who developed an elaborate system of codes to decipher natural signs. Not only God, but also three other sign emitters (*signatores*) were the source of the messages of nature, according to Paracelsus (1591: 101). The first was *archeus*, an inner principle of becoming, the second was *astra* — its source was in the stars and planets — and the third kind of sign emitters other than God was the

human *signator*. The natural signs, the so-called signatures, which these *signatores* leave as indexical traces in our natural environment can be discovered in the human face (codified by physiognomy), in the lines of the human body as well as those of plants and minerals (chiromancy) and finally in earth, fire, water, and the stars (geomancy, pyromancy, hydromancy, and astrology). Furthermore, the signs of the environment codified in this way, according to the doctrine of signatures, evince an essentially iconic sign relation among themselves, since hidden similarities, analogies, affinities, and correspondences were assumed to exist between the objects of the world (see esp. Foucault 1966: 56–61). These correspondences were also interpreted as signatures. Thus, for example, the form of the seed of aconite, namely a dark globe in a white skinlike covering, was interpreted as a sign of the curative effect which this plant was believed to exert on the human eye, since the appearance of these seeds is much like that of human eyelids covering the eye (cf. Foucault 1966: 27).

Are these examples of pansemiotic views of the relationship between humans and their environment in Medieval and Renaissance times of a more than a merely historical interest? Of course, these world views cannot be considered as models of ecological thought in a modern sense. However, they have one thing in common with the ecological philosophy of our times: their basis is a holistic view of the universe, which emphasizes the unity of human beings and their natural environment. Opposed to such a world view is the dualistic model of the interrelation between humans and their environment, as it originated with Cartesian rationalism. It is a world view which has led to a cleavage between nature and mind, giving humans priority over nature and culminating in the view of man being the only measure of all things in nature. Such an anthropocentric view of the relation between humans and their environment has, in fact, also a Judeo-Christian tradition, since in Genesis 1:28, God tells us, "Be fruitful, and multiply, and replenish the earth, and subdue it; and have dominion over the fish of the sea, and over the fowl in the air, and over every living thing that moveth upon the earth." Misunderstood, this biblical guideline may be abused as a mythological model of an anti-ecological environmental behavior (cf. Bouissac 1989: 509–513).

3. Theoretical semiotics and ecological semiosis

Not all theories of semiotics are able or willing to recognize semiotic aspects in organism–environment interactions. For example, F. de Saussure's (1857–1913) anthroposemiotics is a semiotics without any ecosemiotic perspective. According to Saussure, "nothing" in the cognitive environment of humans "is distinct before the appearance of language" (1916: 111–12), and even human thought, without the shaping form of language, is an "indistinct mass", and "a vague uncharted nebula" (*ibid.*), in which nothing is defined by necessity. Such a linguocentric program of semiosis is bound to impede any perspectives for the study of the ecological determinants in the process of semiosis interaction of the organism and its environment (see further Nöth 1994a).

A theoretical semiotics of far-reaching ecological implications, by contrast, is the one of Charles S. Peirce (1839–1914). His interpretation of the interactions between organisms and their environment seems often to be a pansemiotic one, for example, when Peirce writes: "The entire universe is perfused with signs, if it is not composed exclusively of signs" (CP 5.448, fn.). However, Peirce distinguishes among the relations between the objects and the organisms in the environment of humans between those which are only of a dyadic and those which are of a triadic nature, specifying that only triadic relations between organisms and their environment can be of a semiotic kind. A merely dyadic and thus nonsemiotic organism–environment interaction occurs when the organism is confronted with something which presents itself as a "brute fact" or in an effect of mere chance. The environment in such a dyadic relation is experienced as "eminently hard and tangible; [...] it is forced upon us daily; it is the main lesson of life" (CP 1.358). Only when such dyadic interactions become triadic relations is the organism–environment relation transformed into a semiotic one.

In a semiotic interaction, the organism experiences its environment no longer in its immediacy as a brute fact, but interprets it with reference to a third, a "meaning", purpose, goal, or law which transcends the immediate environmental situation (see also Nöth 1994c: 3f.). Such triadic relationships of semiosis are characteristic of cognitive processes (*cf.* Nöth 1994b), goal-directed behavior, and more generally, any mental activity.

Semiosis in this sense is by no means restricted to processes in higher organisms, to culture and social convention. Any primitive biological organism already interacts semiotically with its environment when it *selects* or *avoids* energetic or material objects in its environment for the *purpose* of its own *survival*. Such triadic interactions of the organism with its environment constitutes a semiotic threshold from the nonsemiotic to the semiotic world. Peirce goes so far as to see the presence of *mind* in organismic nature when he writes: "The microscopist looks to see whether the motions of a little creature show any purpose. If so, there is mind there" (CP 1.269; see also Santaella Braga 1994).

Before such ecosemiotic guidelines began to be developed any further in the more recent history of semiotics (see below), another paradigm for the extension of semiotics to the environment of signs users was developed by Charles Morris (1901–1979). In his behavioral semiotics, the horizon of semiotic studies is equally extended from human semiosis to processes of sign production and reception of "living organisms" in general. Morris also emphasized the necessity of going beyond the syntactic and semantic dimension of signs in order to study, in the paradigmatic dimension of semiosis, the "origin, use, and effect" of signs in the environment of the organism (cf. Morris 1971: 366 f., 302). However, pragmatics after Morris has not really fulfilled the expectations of liberating semiotic studies from their anthropo- and logocentric bias.²

4. Biosemiotics of the relation between the organism and its environment

In the context of biology, the semiotic nature of the relation between the organism and its environment was first systematically described by Jakob von Uexküll (1864–1944) in his ecological *Theory of Meaning* (cf. Uexküll 1928 and 1940).

---

² Thus, Koch (1986: 40f. and 1992: 177f.) in view of the restrictions of pragmatics to the relations between emitters and receivers of signs, has postulated the extension of the semiotic triad of syntax, semantics, and pragmatics by means of a fourth dimension for the study of the ecological conditions of sign use and evolution in nature and culture.

Environment, according to Uexküll (1940: 158, 334), is not Haeckel's "outer world", but rather a subjective *Umwelt*³, consisting of an inner world as given by the organism's perception and specific operational world of practical interaction with the environment. *Umwelt*, in this sense, is the way in which the environment is represented to the organism's mind, and it comprises the scope of the organism's operational interaction with its environment. Because of the species-specific differences between organisms, their different needs, capacities, and perspectives of their environment, there are as many kinds of *Umwelt* as there are species (or even organisms). Every species and every organism can only perceive whatever the biological structure of its receptors, its brain, and its specific perspective of its environment allows it to perceive.

In this context, Uexküll (1980: 335) anticipates a position of the radical constructivism of our times, (cf., e.g., Schmidt, ed. 1987, Nöth 1990: 179), when he writes: "Whichever subject we might choose from the chain of animal beings, we will always find another *Umwelt* constructed around it, an *Umwelt* evincing everywhere traces of the subject, for every subject is the constructor of its own *Umwelt*."

The semiotic nature of the organism-environment relation according to Uexküll is most apparent in his model of the functional circle (Uexküll 1928: 8). It shows the organism (the subject) as a 'receiver of meanings' with perceptual and operational organs in an environment whose objects are defined as "carriers of meaning". The meanings and signs of this *Umwelt* are by no means transmitted from an exterior environment to the interior of an organism. Instead, there is a relation of complementarity between the *Umwelt* and the inner world of the organism. The carrier of meaning has the function of a "counter-structure" of the receiver of meaning (Uexküll 1928: 8). *Umwelt* and inner world thus constitutes a hermeneutic circle, for the organism's inner world contains, in more recent terminology, a cognitive model of its *Umwelt* so that we can conclude that the organism is not just a recipient, but a constructor of its own environment.

Uexküll's theory of environmental meaning has meanwhile become accepted as a classic of semiotics (Sebeok 1979, Th. v. Uexküll 1981). It is a foundation of biosemiotics (Sebeok & Umiker-Sebeok eds. 1992, Hoffmeyer 1996), where organism-environment relations are being investigated both at a micro- and a macrobiotic level. In the course of this research, it has become apparent that the

³ For the history of the concept of 'Umwelt' see Herrmanns (1991).

study of environmental semiosis is not restricted to relations between the organism's inner world ('Innenwelt') and its outer environment ('Außenwelt'), but that besides semiosis related to the outer *Umwelt* there is also a semiotics of the interior *Umwelt* within the organism. Sebeok (e.g., 1991) has introduced the term "endosemiotics" for the study of this domain. Ecossemiotics at this level of semiosis within the organism begins with the processes of cognition and recognition between genes, other genes, and antigens in their molecular biological environment with which they are in a relation of complementarity. At this level of ecossemiosis, we find the roots of binary oppositions which constitute structures and systems at higher and the highest levels of semiosis (Nöth, ed. 1994).

References

- Attfield, Robin (1994). *Environmental Philosophy*. Aldershot: Avebury.
- Bateson, Gregory (1972). *Steps to an Ecology of Mind*. New York: Ballantine.
- Böhme, Gernot (1986). *Natur, Leib, Sprache*. Delft: Eburon.
- Böhme, Gernot (1992). *Natürliche Natur*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Bouissac, Paul (1989). What is a human? Ecological semiotics and the new animism. *Semiotica* 77: 497–516.
- Bouissac, Paul (1993). Ecology of semiotic space. *American Journal of Semiotics* 10: 145–165.
- Coletta, W. John (1993). The semiosis in nature: Towards an ecology of metaphor and a biology of mathematics. *American Journal of Semiotics* 10: 223–246.
- Culler, Jonathan (1988). *Framing the Sign*. Oxford: Blackwell.
- Curtius, Ernst Robert (1948 [1984]). *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. 10th ed. Bern: Francke.
- Dunbar, H. Flanders (1961). *Symbolism in Medieval Thought*. New York: Russell & Russell.
- Eisenbart, Constanze (ed.) (1979). *Humanökologie und Frieden*. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Enninger, Werner and Wandt, Karl-Heinz (1984). Language ecology revisited: From language ecology to sign ecology. In: *Studies in Language Ecology*, W. Enninger and L. M. Haynes (eds.), 29–50. Wiesbaden: Steiner.
- Foucault, Michel (1966). *Les mots et les choses*, Paris: Gallimard.
- Francœur, Louis (1994). Pour une écosémiotique théâtrale. *L'Annuaire théâtral: Revue québécoise d'études théâtrales* 15: 121–139.
- Gärtner, Edgar and Leisewitz, André (eds.) (1984). *Ökologie — Naturneignung und Naturtheorie*. Köln: Pahl-Rugenstein.

- Geist, Valerius (1978). *Life Strategies, Human Evolution, Environmental Design*. New York: Springer.
- Gibson, James J. (1979). *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston: Houghton Mifflin.
- Großklaus, Götz and Oldemeyer, Ernst (eds.) (1983). *Natur als Gegenwelt: Beiträge zur Kulturgeschichte der Natur*. Karlsruhe: Loeper.
- Haeckel, Ernst (1866[1988]). *Generelle Morphologie des Organismus, Bd. 2: Allgemeine Entwicklungsgeschichte*. Reprint. Berlin: de Gruyter.
- Haila, Yrjö (1986). On the semiotic dimension of ecological theory. *Biology and Philosophy* 1: 377–387.
- Herrmann, Bernd (ed.) (1986). *Mensch und Umwelt im Mittelalter*. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt.
- Herrmanns, Fritz (1991). Umwelt. In: *Diachrone Semantik und Pragmatik*, D. Busse (ed.), 235–257. Tübingen: Niemeyer.
- Hoffmeyer, Jesper (1996). *Signs of Meaning*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Hornborg, Alf (1996). Ecology as semiotics: Outlines of a contextualist paradigm for human ecology. In *Nature and Society*, P. Descola and G. Pálsson (eds.), 45–62. London: Routledge.
- Hutterer, Karl L., Rambo, A. Terry and Lovelace, George (eds.) (1985). *Cultural Values and Human Ethology*. Ann Arbor: Michigan University.
- Koch, Walter A. (1986). *Evolutionäre Kultursemiotik*. Bochum: Brockmeyer.
- Koch, Walter A. (1992). Ecogenesis and echogenesis. In: *Biosemiotics*, T. A. Sebeok and J. Umiker-Sebeok (eds.), 171–211. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Krampen, Martin (1979). *Meaning in the Urban Environment*. London: Pion.
- Krampen, Martin (1992). Phytosemiotics revisited. In: *Biosemiotics*, T. A. Sebeok & J. Umiker-Sebeok (eds.), 213–220. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Krampen, Martin (1993). Bereich Ökologie. *Zeitschrift für Semiotik* 15: 194–195.
- Krebs, John R. and Davies, Nicholas B. (eds.) (1978). *Behavioral Ecology*. Oxford: Blackwell.
- Kroeber, Karl (1995). *Ecological Literary Criticism*. New York: Columbia University Press.
- Lang, Alfred (1993). Zeichen nach innen, Zeichen nach außen — eine semiotisch-ökologische Psychologie als Kulturwissenschaft. In: *Welt der Zeichen — Welt der Wirklichkeit*, P. Rusterholz and M. Svilar (eds.), 55–84. Bern: Paul Haupt.
- Mayer-Tasch, Peter Cornelius (ed.) (1991). *Natur denken: Eine Genealogie der ökologischen Idee*. 2 vols. Frankfurt: Fischer.
- Mehrabian, Albert (1976). *Public Places and Private Spaces*. New York: Basic Books.
- Mogel, Hans (1984). *Ökopsychologie*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Morris, Charles (1971). *Writings on the General Theory of Signs*. The Hague: Mouton.

- Nate, Richard (1993). *Natursprachenmodelle des 17. Jahrhunderts*. Münster: Nodus.
- Nöth, Winfried (1990). *Handbook of Semiotics*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Nöth, Winfried (1994a). Opposition at the roots of semiosis. In: *Origins of Semiosis*, W. Nöth (ed.), 37–60. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Nöth, Winfried (1994b). Semiotic foundations of the cognitive paradigm. *Semiosis* 73: 5–16.
- Nöth, Winfried (1994c). Introduction. In: *Origins of Semiosis*, W. Nöth (ed.), 1–12. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Nöth, Winfried (ed.) (1994). *Origins of Semiosis*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Nöth, Winfried (1996). Ökosemiotik. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1): 7–18.
- Paracelsus [Theophrast von Hohenheim] (1591 [1968]). *De natura rerum*. In: *Werke*, vol. 5, W.-E. Peuckert (ed.). Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft.
- Peirce, Charles S. (1931–1958). *Collected Papers*. Vols. 1–6, C. Hartshorne and P. Weiss (eds.), vols. 7–8, A.W. Burks (ed.). Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press. (Quoted as: C.P.)
- Platt, Robert B. (1980). Environment. In: *McGraw-Hill Encyclopedia of Environmental Science*. 2nd ed., S. P. Parker (ed.), 265–268. New York: McGraw Hill.
- Posner, Roland (ed.) (1990). *Warnungen an die ferne Zukunft: Atommüll als Kommunikationsproblem*. München: Raben.
- Sachsse, Hans (1984). *Ökologische Philosophie*. Darmstadt: Wiss. Buchges.
- Santaella Braga, Lucia (1994). Peirce's broad concept of mind. *European Journal for Semiotic Studies* 6: 399–411.
- Saussure, Ferdinand de (1916). *Cours de linguistique générale*. Lausanne: Payot. (Dt. von H. Lommel: *Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft*. 2nd ed. Berlin: de Gruyter.)
- Schmidt, Siegfried J. (ed.) (1987). *Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus*. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
- Schönherr, Hans-Martin (1985). *Philosophie und Ökologie*. Essen: Die blaue Eule.
- Sebeok, Thomas A. (1979). *The Sign & Its Masters*. Austin: Univ. of Texas Press.
- Sebeok, Thomas A. (1991). *A Sign is Just a Sign*. Bloomington: Indiana Univ. Press.
- Sebeok, Thomas A. and Umiker-Sebeok, J. (eds.) (1992). *Biosemiotics*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Sturm, Hermann (ed.) (1979). *Ästhetik & Umwelt*. Tübingen: Narr.
- Tembrock, Günter (1997). Ökosemiose. In: *Semiotik: Ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur* Vol. 1, R. Posner et al. (eds.), 571–591. Berlin: de Gruyter.
- Trepl, Ludwig (1987). *Geschichte der Ökologie*. Frankfurt: Athenäum.
- Uexküll, Jakob von (1928 [1973]). *Theoretische Biologie*. Frankfurt/Main: Suhrkamp.
- Uexküll, Jakob von (1940). *Bedeutungslehre*. Leipzig: Barth.

- Uexküll, Jakob von (1980). *Kompositionslehre der Natur*. Frankfurt: Propyläen.
- Uexküll, Thure von (1981). Die Zeichenlehre Jakob von Uexkülls. In: *Die Welt als Zeichen: Klassiker der modernen Semiotik*, M. Krampen, K. Oehler, R. Posner, T. A. Sebeok and T. v. Uexküll (eds.), 233–279. Berlin: Severin & Siedler.
- Vogel, G., and Angermann, H. (1977). *Dtv-Atlas zur Biologie*. 12th ed. München: dtv.

Экосемиотика

Экологическая семиотика (экосемиотика) является наукой о взаимоотношениях между семиотическими факторами (agent) и средой семиозиса. Статья дает обзор основных подходов к этой проблематике. В области истории экологической семиотики изучаются разные концепции о взаимоотношениях человека и среды в средневековой доктрине спиритуальной сигнификации и в ренессансном учении о “signator”.

Из теоретической семиотики автор подробнее останавливается на концепции Пирса о семиозисе как взаимодействии между организмами и средой и на теории значения и “Umweltlehre” Юкская, разрабатывающих экосемиотический подход в рамках биосемиотики.

Ökosemiotika

Ökoloogiline semiootika (ökosemiotika) on teadus suhetest semiootiliste tegurite (*agent*) ja nende semiootilise keskkonna vahel. Käesolev artikkel annab ülevaate lähenemistest sellele valdkonnale. Ökoloogilise semiootika ajaloo osas vaadeldakse kontseptsioone suhetest inimeste ja nende keskkonna vahel keskaja spirituaalsete tähistuste doktriinis ning renessansi signatuuridoktriinis.

Teoreetilise semiootika vallas arutletakse Peirce'i teooria üle semioosisest kui triaadilisest vastastoimest organismide ja nende keskkonna vahel, ning Uexküll'i tähenduseteooria ja “Omailmaõpetuse” (*Umweltlehre*) üle, mis on ökosemiotilised teemad biosemiootika valdkonnas.

Semiotic ecology: different natures in the semiosphere

Kalevi Kull

Alles Lebendige bildet eine Atmosphäre um sich her.

J. W. Goethe (1977: 35)

“Natur! ... Wir leben mitten in ihr, und sind ihr fremde. Sie spricht unaufhörlich mit uns, und verrät uns ihr Geheimnis nicht.” These are the words from G. C. Tobler’s prose fragment “Die Natur”, which he wrote after visiting Goethe in 1781 (Goethe 1977: 29). The idea that nature speaks, i.e., has a communicative characteristic, was quite common in romanticism, and has been expressed also by F. W. J. Schelling (cf. Warnke 1998).

The two centuries which separate us from the romanticist era¹ have given us elaborated methods of scientific inquiry and an extensive practice of their application in order to free ourselves from *Geheimnis*. However, we are still, and probably even to a much larger and deeper extent, *fremde* to nature. Either we have not achieved the ability to communicate with her, or that has been a pathological communication². Or — as it is assumed by many contemporary natural scientists — the communication between humans and nature is nothing but a metaphor. A good description of the situation is given

---

¹ According to some estimations, romanticism in the Baltic countries, including Estonia, lasted to some extent up to the beginning of the 20th century, due to the persistence of agrarian culture and traditional type of land-use. Thure von Uexküll (pers. comm.) has hypothesised that this could be an indirect reason for the development of a strong non-Darwinian view to nature (K. E. v. Baer, J. v. Uexküll) namely in this region.

² Cf. Witzany (1993: 17): “Die ökologische Krise konnte in dieser Ausmaß nur entstehen, weil sich die Kultur der abendländischen Moderne zur (inneren und äußeren) Natur *kommunikationspathologisch* verhält.”

by J. Hoffmeyer (1997): "That evolution takes place in the 'ecological theatre', as G. E. Hutchinson has expressed it, implies that evolution is always co-evolution. But in neo-Darwinian tradition co-evolution, with the Red Queen Hypothesis as the standard illustration, is always treated like an arms race problem which implicitly figures evolution as a game against something 'out there'. While this may of course sometimes be a representative model, it probably in most cases is a caricature."

The notion of nature is itself the result of certain opposition, and there are many ways to build up further binary oppositions in human-nature relationships, used in different circumstances, which delimit or split nature in various ways.

Let me begin with an example to illustrate a view of man-nature relationships.

"When some time ago the anthropologist Claude Lévi-Strauss was asked what he thought was the ideal balance between man and nature, he responded by suggesting a way anyone might answer that question to for him- or herself. Begin, he said, by imagining conditions of extreme dominance of one world over the other. Then ask what condition in your own experience seems to strike a happy balance between these extremes." Lévi-Strauss found the extremes to be India and the Amazonian jungle. "The ideal, he concluded, was to be found in his own native France where, in a predominantly agricultural district, towns were dense and compact, taking up as little of the land as they might, yet within them were healthy human communities living in close harmony. In the countryside was a pattern of small fields tended by farmer-owners of the land. At the margins of their fields were hedgerows, ..." ³ (Crowe 1997: 8-9). Hedgerows — but where is the nature?

"Indeed, if there is to be an expression of an ideal relationship with nature, nature too must be seen in an idealized state" (Crowe 1997: 14). If this means that an ideal relationship with non-idealised nature (i.e., with natural nature, with wilderness) is impossible, then it imposes strong limits on the attempts of the green movement, on ecological ideals.

---

³ These different situations seem just to be examples of different human population densities, without any specific connection to the ideals of human-nature relationships. However, I assume that this is not what Lévi-Strauss primarily had in mind.

The understanding, that the human species together with its culture is entirely a part of the ecosystem, with its producers and element circles, and that humans can never escape the ecosystem, has been taught by ecology, with some holistic emphasis by E. P. Odum (1963). Hence, ecology as describing the material processes in ecosystems, can demonstrate the imbalances of carbon, nitrogen, or phosphorus cycles, can model the population dynamics and provide the optimum rates of fishing and resource management. It can give ideas how to develop ecological technologies and to protect species and communities in a more efficient ways.

However, ecological knowledge (as a natural scientific knowledge) is in principle not sufficient to solve many ecological problems, it is incapable of meeting the environmental issues of contemporary culture. Despite the fact that we apparently know why, the number of living species in the world is decreasing, the human population is growing, the mountains of waste reach from the backyards and oceanic abyss to the upper layers of the atmosphere. My guess is that it is so, not only because the solution of these problems also requires, in addition to the knowledge of ecological processes, an understanding of human behaviour, but because the semiotic aspects of human-nature relationships are of great importance everywhere, and these, particularly, are still not sufficiently taken into consideration or understood.

The relationships between humans and nature are connected to deep cultural processes. A possible example can be the behaviour of the primeval society on Easter Island, in which the establishment of religious symbols and the building of stone statues led to the entire destruction of the forest on the island, followed by the degeneration of the culture (Ponting 1991). Besides constructing our understanding of nature, we also construct the surrounding nature itself.

The ecological processes and dumping grounds enfold both *Umwelt* and *Innenwelt*, their real sphere is the semiosphere. Therefore, without understanding the semiotic mechanisms which determine the place of nature in different cultures, one has little hope of solving many serious environmental problems, and of finding the stable place of culture in nature.

In this paper, I attempt to demarcate the specifics of ecosemiotics, or semiotic ecology, to describe and classify some of its main problems, and to introduce several concepts using its specific perspective.

The main thesis of this work states that when looking semiotically and considering ecological knowledge together with what we know about the deep processes of culture, one can conclude that, despite any ecological consciousness or wish and attempt to build an ecological society, when living with nature we cannot avoid the building of a second nature and the replacing of the first. We can, in the best case, make the changes slower and maybe less harmful for biodiversity, but what we get is nevertheless nature with a human face. However, being aware of this, it might be possible, at least theoretically, to reach a semiotically sustainable world. But this assumes the semiotisation of ecology.

Defining ecosemiotics

The term 'ecosemiotics' (also 'ecological semiotics', 'semiotic ecology') still does not appear in the textbooks and reviews of, for instance, T. A. Sebeok (1997b), or J. Deely (1990). Although, the term was already used in the 6th International Congress of Semiotics in Guadalajara (Mexico) in 1997⁴ and in a recent meeting in Tartu⁵. Also, it appears in the first volume of "A Handbook on the Sign-Theoretic Foundations of Nature and Culture" (Tembrock 1997) as 'Ökosemiose' in German and 'environmental semiosis' in English. It was also used by J. Hoffmeyer (1997) in the form 'eco-semiotic'.

The paper by W. Nöth (1996) was apparently the first to coin this term and to define it⁶. This work by Nöth was discussed in several papers of the same volume of the "Zeitschrift für Semiotik" (Böhme 1996, Bernard 1996, Hauser 1996a, Hoffmeyer 1996b). However, these were not the first works in which semiotic ecology was introduced. Already 15 years earlier, attempts to build semiotic ecology were made in the Moscow group of theoretical biology (Levich 1983), and these ideas were discussed in joint meetings with

---

⁴ For instance, in the contribution by Stephen Duplantier.

⁵ Ecosemiotic aspects of the uses of nature were the topic of a North-European workshop on anthropology of environment, organised jointly by the Department of Anthropology of Åarhus University, Department of Semiotics of Tartu University, and Jakob von Uexküll Centre (May 1998, Estonia).

⁶ In the current volume his paper appears in its first English, edited, version.

colleagues from St. Petersburg and Tartu⁷. Also, there have been several publications in which some semiotic aspects of human ecology have been considered (e.g., Homborg 1996, Teherani-Krönner 1996, Hauser 1996b), and many more, in which the semiotics of human-nature relationships are developed without the direct application of semiotic terminology (e.g., Simmons 1993; Larsen, Grgas 1994, Rapoport 1994).

Here, I prefer to define ecosemiotics in a slightly different way than W. Nöth, developing his concept in a way which allows biosemiotics and ecological semiotics to be distinguished. There are two main reasons to do so (although, generally, I consider the discussion on the meanings of the names of scientific disciplines senseless — it is not our convention which should define the limits, e.g., of biology, but rather the area of the applicability of the rules which are discovered in the field).

(1) According to the definition given by Nöth (1996, 1998), it is not very clear in many cases what distinguishes ecosemiotics from biosemiotics, or from the *Umweltlehre* of J. v. Uexküll.

W. Nöth includes under the name of ecosemiotics the semiotic aspects of all organism-environment interactions, both human and non-human, among them those which have been viewed by endosemiotics, i.e. considering that the environment can also be intra-organismic. In this sense, Nöth's term covers the area of biosemiotics which has been established in last decade of development in this field, and ecosemiotics would thus be just a synonym for biosemiotics.

(2) The second reason comes from my belief that ecosemiotics may become a large and important field of research with considerable practical applications. This is subjective human ecology (considering under 'subjective' here the meaning given by J. v. Uexküll), or in other words, it is human ecology as extended toward semiotics, human ecology from the semiotic point of view.

However, as Nöth (1998) also notices, "for example, F. de Saussure's anthroposemiotics is a semiotics without any ecosemiotic perspective. /../ Such a linguocentric program of semiosis is bound to impede any prospects for the study of the ecological determinants in the process of semiosis interaction of the organism and its environment". Here seems to be located an area which, indeed, is still not

---

⁷ It should be noted that the course on ecosemiotics is being read for the first time in Tartu University in 1998, whereas the course on biosemiotics has been taught in Tartu regularly since 1993.

entirely covered either by biosemiotics, or by anthroposemiotics, or by the semiotics of culture. However, the view of Saussure, according to which, all we know passes through the filter of language, may still be acceptable, provided we understand 'language' or 'linguistic' in a broad enough way.

The obvious need for ecological semiotics can also be seen from the point made by J. Deely (1990, p. 7): "As autonomous, the sphere of human culture is but *relatively* autonomous, as transcending, but only by incorporating and resting upon, a physical environment shared with all the forms of biological life in a larger network — biosemiosis — of mutual dependence. The understanding of that larger whole precisely in terms of semiosis defines the complete task of which cultural semiotics forms a part".

Ecology can be seen as a great project which aims to overcome the dualism between man and nature in the sense of showing and explaining how human society actually represents only a constituent of the ecosystem and the biosphere, a consumer among the other consumers in the ecological cycles which include all plants, animals, micro-organisms and earth. As one of the consequences of the ecological approach, biocentrism has arisen to replace both physicalism and anthropocentrism.

Semiotics, somehow analogically to this ecological program, can be seen as a large project to get free from the dualism of mind and matter through the demonstration of the triadic nature of all primary and secondary processes of interpretation, which all are to be embedded in the semiosphere.

The involvement of biology in this is not surprising, since "that is traditionally the main threat to dualism — biology, which in itself covers a more or less continuous range from organic chemistry to human beings" (Stjernfelt 1992: 427). Also, Uexküll's biological concept of *Umwelt* has been used in semiotics as a tool to extend the concept of semiosphere to the sphere of non-human organisms (Hoffmeyer 1996a, Kull 1998). According to J. Hoffmeyer (1996a: 24), "Usually biologists try to bring people close to Nature. I am going to adopt the opposite strategy, that of bringing Nature to people." However, the application of a semiotic approach in biology or ecology is fundamentally different from applying mathematical or physical methods in life science. Semiotic biology, as well as semiotic ecology, means that we step over the limits of natural science, and what we get,

or what we need, is thus an extended biology, and an extended ecology as well.

To describe the realm of biosemiotics, J. Hoffmeyer (1996a: 96) builds a triangle which consists of culture, external nature, and internal nature. According to Hoffmeyer, the relationship between culture and internal nature is the sphere of psychosomatics, the relationship between internal and external nature is the field of biosemiotics, and the relationship between culture and external nature is the *environmental sphere*. This latter can also be named an ecosemiotic area (Fig. 1).

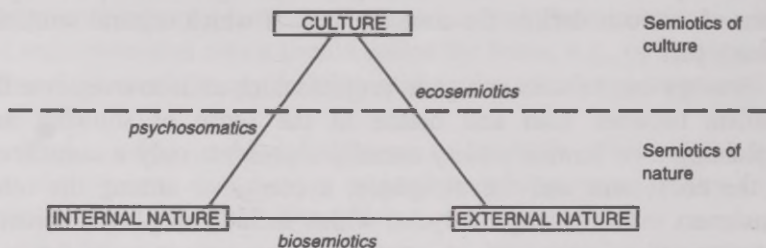

Figure 1. Defining the sphere of ecosemiotics, in relation to biosemiotics and psychosomatics. Under internal nature we mean the biological organism, and under external nature all the living and nonliving environment.

Biosemiotics is defined as an analysis of living systems as sign systems, the origin of sign being one of the problems in its competence. It investigates semiosis in the living which is much broader than human life, i.e. which exists beyond the mental (conscious) life, assuming the semiotic threshold to be close to where life begins.

Ecosemiotics can be defined as the semiotics of relationships between nature and culture. This includes research on the semiotic aspects of the place and role of nature for humans, i.e. what is and what has been the meaning of nature for us, humans, how and in what extent we communicate with nature. Ecosemiotics deals with the semiosis going on between a human and its ecosystem, or a human in ones ecosystem. In this, it can be related to ethnology and sociology of man-nature relationships, to environmental psychology and the anthropology of environment, which, although quite close to eco-

semiotics, deal more with the comparative than the semiotic aspects of the problem.

Ecosemiotics is thus quite different from biosemiotics. Eco-semiotics can be considered as a part of the semiotics of culture, which investigates human relationships to nature which have a semiotic (sign-mediated) basis, whereas biosemiotics can be seen as different from the cultural semiotic field. Both, nevertheless, are researching nature from the semiotic point of view.

Hoffmeyer (1996a: 32) has distinguished between vertical and horizontal axes in biological communication. He identifies vertical communication with genealogical semiosis (or genetic and evolutionary dimension), and horizontal communication with ecological semiosis. This can be seen as referring to diachronic and synchronic aspects in biosemiotics, ecosemiotics representing mainly the synchronic part. However, ecosemiotics, as I interpret it, should also include the history of culture-nature relationships, as the development of nature(s) in culture(s).

At the same time, in a way, 'ecological' can be seen as a step forward from 'biological'. As expressed by F. Merrell (1996: 269), "I now wish to gravitate away from the biological focus *./.* toward a broader, rather 'ecological' view."

Ecosemiotics describes the appearance of nature as dependent on the various contexts or situations. It includes nature's structure as it appears, its classification (syntactics); it describes what it means for people, what there is in nature (semantics); and it finds out the personal or social relation to the components of nature, which can be one's participation in nature (pragmatics). In all this, it includes the role of memory and the relationships between different types of (short-term, long-term, etc.) memory in culture. Due to considering the evolutionary aspect, ecosemiotics also extends to non-human systems.

The semiotic aspect of man-nature relationships may concern, for instance, the context-dependence of the valuation of nature, differences in seeing and understanding it. Also, it concerns the signal character of the behaviour of a person in nature — when living in a forest, or walking in woods, or seeing it on TV, reading or speaking or dreaming about it. And it certainly concerns the formation of nature, the designing and building of the environment using the human (linguistic, aesthetic, etc.) forms.

Effects of human-nature functional circles

Our knowledge of nature, at its best, however, is not nature itself, and not only in the sense that all the given is just the given in our personal *Umwelt*, but much more — semiotic processes have been and are continuously creating a second nature — through the changing of nature itself. As a result, nature has changed so much that the nature we know is already almost entirely the second (or third) one. It is a fundamental feature of semiotic processes — to change, to manipulate, to take under control, to make a difference, to build the other.

It is of interest here to note J. Derrida's view on J.-J. Rousseau's examination of the topics of nature and culture. "Rousseau starts out with nature as a primitive stage, with simple human societies living happily, who then add cultural complexity. Culture then adds to nature and substitutes for it, but Derrida argues that each time Rousseau uses the term nature he describes it in terms of nature supplemented by culture or indeed in terms of nature/culture polarity with the first term being a better state than the last. Nature thus must become something which is never unsupplemented" (Simmons 1993: 150).

Due to the interdependence of perception and operation, the way how humans perceive nature is itself influencing and creating environmental problems. There are several aspects to this phenomenon.

(1) Recognition and control. Recognition, and as a result — classification (categorisation), has a tendency to take the recognised under its control. In an organism's *Umwelt*, all that is recognised tends to become used or manipulated and, as a next step, taken under control; which means that the organism, automatically, unavoidably and obligatorily, changes nature.

One cannot use anything that one cannot recognise. To make a rope from bass, one has to recognise lime-trees. If lime is rare in the vicinity, its usage may lead to a decrease in its abundance. Thus — recognition has led to a change in nature. The local distribution of lime, at least in northern Europe, has, due to this, been severely modified in comparison to its indigenous growth areas.

It is obvious that game animals and useful plant species have been affected by human activities. But it is more interesting to notice that the species recognised as rare, and as a result taken under nature protection, may also change their abundance due to this attitude. Thus even nature protection is a way, although quite mild, of changing nature. In the course of development of biological knowledge about

species (including many small ones, e.g. those which are causing diseases) and their ways of behaviour, their abundance is taken under more or less strict control.

(2) Decontextualisation⁸. Recognition of an object, at least to some extent, decontextualises it. To be able to replant specimens of a useful species automatically means that specimens are taken out of their original biocoenosis, removing with this many connections with other species which are not taken with the plant to its new habitat. In built (artificial) ecosystems, for instance fields or parks, people often grow foreign, non-indigenous plants. Therefore, species in such places may encounter new relationships with other species which they have never experienced before. These plants are taken away from the context in which they have evolved. As J. N. Thompson (1994: 292) remarks, "the real tragedy accompanying the destruction of natural communities is the loss forever of specialized and highly coevolved interactions. These are the relationships between species that are probably disappearing fastest, yet they are precisely the ones that could tell us the most about the evolutionary consequences of particular ways of interacting. /./ [Detailed models] will remain an untested academic exercise if the most specialized interactions have disappeared or have lost the community context in which they were formed." A typical example of decontextualised behaviour is that of weeds, which have lost the (semiotic) controls which limited their abundance in the primary habitat.

(3) Operation and remodelling (forming). Operation always depends on (is regulated by) the forms and images the organism (a human) has acquired. Operation does not follow the whole structure of the environment and its webs of relationships, but discretises it and disregards many sides. Consequently, it changes the environment, making it more similar to the human's own face.

(4) Opposition and reduction. Recognition means an ability to make distinctions⁹, which, in a simple case, are polar. Making distinctions (polar oppositions) has a tendency to replace the importance of the whole by the importance of particular parts. A trivial example in our context would be the distinction between nature and culture, which leads us to think that the processes in culture and nature are

---

⁸ Various aspects of ecological decontextualisation have been analysed by A. Hornborg (1996).

⁹ Exactly as G. Bateson (1972: 315) says about information, which is "a difference that makes a difference".

separated, and that the processes of culture or respectively of nature are more important to consider than those of the whole.

(5) Understanding and devaluation. Understanding the mechanism of a phenomenon has a tendency to remove the value previously attributed to this phenomenon. This can be explained as decontextualising the object from the self.

(6) Selfing and valuation. Including a phenomenon into self has a tendency to assign value to this phenomenon. The limits of one's self may be very different, for instance, these may include just one's body, or home, or family, or farm, or country (homeland), or Gaia.

The semiotic aspect of man-nature relationships may also include the distinguishing of species into useful and dangerous, into the familiar and the strange (or sometimes into more classes). National taxonomies provide many examples here (thus, a large part of ethnobiology happens to propose questions for ecosemiotics). In a similar vein, plants are divided into crops and weeds, animals into the tame and the wild.

Thus, perceiving nature already creates problems, as seen from this list. Therefore, it is not only Judeo-Christian belief which has necessarily stood at the root of the ecological crisis, as noted by L. White (1967). The causes go much deeper, into the main features of human behaviour and understanding. Also, there exist both, processes which make the environment mechanic (e.g., (5)), and which make it alive (e.g., (6)).

Multiple natures

Scholastics already made the difference between first and second nature; by second nature the one built by humans was meant¹⁰. The same discrimination has later been assigned to Hegel¹¹. The important point here is that nature is not unique, there is not one nature, but several.

J. v. Uexküll with his notion of *Umwelt* has emphasised that every organism has its own subjective environment, which is different from any other, and in the case of different species of animals these differences can be very large. However, this is not the aspect I am

---

¹⁰ Cf. Crowe 1997: 3.

¹¹ See Smith 1996: 49.

describing here — the problem here is the separation of notions within an *Umwelt* (particularly in human *Umwelt*), or in the semiosphere.

As a result of the differences humans can make, the nature in their *Umwelt* is distinguished into first, second, and third nature; what we think is outside the *Umwelt*, can be called zero nature. **Zero** nature is nature itself (e.g., absolute wilderness¹²). **First** nature is the nature as we see, identify, describe and interpret it. **Second** nature is the nature which we have materially interpreted, this is materially translated nature, i.e. a changed nature, a produced nature. **Third** nature is a virtual nature, as it exists in art and science.

Zero nature is seen as changing by itself, the objective nature itself, 'out there' (or 'in here'). The first nature is nature as we have it due to (or thanks to) our language, a language-filtered (or sign-filtered) nature. It is like a translation of zero nature into our knowledge; this is our image of nature at the same time, either mythical, or social, or scientific. The second one can be seen as a back translation of the first into the zero, nature as changed through our participation, a manipulated nature. And the third nature is the interpretation of interpretation, the translation of translation, the image of image of nature.

Zero nature, at least when living, is changing via ontological semiosis, or via physiosemsiosis if applying J. Deely's term. The first nature is nature as filtered via human semiosis, through the interpretations in our social and personal knowledge. This is categorised nature. The second nature is changing as a result of 'material processes' again, this is a 'material translation' in the form of true semiotic translation, since it interconnects the zero and the first (or third), controlling the zero nature on the basis of the imaginary nature. The third nature is entirely theoretical or artistic, non-natural nature-like nature, built on the basis of the first (or third itself) with the help of the second.

These terms from 'zero' to 'third', although arbitrary, are chosen as corresponding to the quite widespread meaning given to 'second nature' (e.g., Crowe 1997). Also, in a similar vein, McKenzie Wark (1994a; 1994b: 20) has proposed to use the term 'third nature'¹³: "Second nature, which appears to us as the geography of cities and roads and harbours and wool stores is progressively overlaid with a

---

¹² The true wilderness, obviously, is the untouched nature, which, in an absolute sense, is even untouched by our knowledge. It follows that we are not able to describe it, at least in correct scientific terms.

¹³ N. Smith (1996).

third nature of information flows, creating an information landscape which almost entirely covers the old territories. /./ If there is a qualitative change in the social relations of culture which deserves the name postmodern, perhaps this is it.”

All four natures are here, as I write this on the open balcony of my summer cottage in the south Estonian forests, in a place which is far more distant from the towns and roads than Walden. Zero nature lives its life in every leaf and blade, and in the forest behind the trees, and in the soil with the earthworms. First nature is all the green I see, the birds that sing and dragonflies and the big spider in the upper corner of the balcony keeping its leg on the web. Second nature is all of our garden, and well, and smoke sauna, but also a great deal of the forest, since I know that it is growing on the old pastures and meadows which were abandoned nearly sixty years ago; also, in this forest, some of the trees were cut to give the others more space to grow. And third nature is all this nature on the screen of laptop, and in my theoretical constructions, and in the book my daughter is reading.

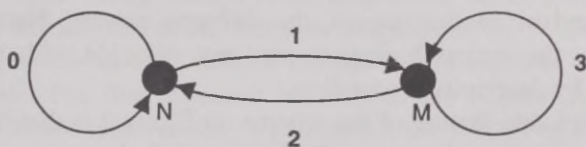
In the course of the development of human *Umwelt*, the part of zero and first nature in the semiosphere, as well as in the biosphere, inevitably diminishes; the causes of the loss of wilderness are as deep as the laws of the development of knowledge. Second nature cannot be built on an empty space.

The building of second nature generally means that people apply certain models, or we may even say, certain general linguistic patterns upon nature. This is particularly well illustrated in park architecture or garden design. It can be easily demonstrated when considering the notions used to describe gardens. *Lawn* is smooth and homogeneous, with gramineous forms and almost without forbs. *Flowers* need to be with coloured flowers seen — either in distinguished monospecies patches, or if with single shoots then with remarkable flowers. Bushes or *trees* should not have dried branches, and the crowns should not be intertwined. There should be no large herbs growing out of or over bushes. These or similar rules of ‘order’ can be seen as belonging to (and coming from) certain traditions of gardening schools. However, these are probably something much deeper, since regardless of the particular school, the rules always apply idealised forms to nature. Namely, rules like these originate from the discretised descriptions of nature, from the linguistic nature, as limited by the general mechanisms of perception and operation, i.e., of functional circle.

The logical relationships between the four natures (from zero to the third) can be represented as dealing with the (creation) processes between nature and its image (construct, or schema), through a simple combinatorics:

- 0 — zero nature is — nature from nature
- 1 — first nature is — image from nature
- 2 — second nature is — nature from image
- 3 — third nature is — image from image

The same can be represented in a figure (Fig. 2).

Figure 2. The processes which generate the 0th, 1st, 2nd, and 3rd nature. N – nature, M – image.

All four natures participate in the usual discourses of natural science. Zero nature is that which biologists want to describe. The first one is that which they perceive and describe. The second one is the one in their lab. And the third nature is what they get in their papers and models. However, in all cases I assume that nature is a complex of processes, not a pattern.

In a way this is trivial, but without paying attention to this, scientists are often misguided. For instance, field biologists in Europe, when describing what they call nature, are dealing mostly with second nature, since almost all landscapes and ecosystems in their countries are already secondary, designed or influenced by culture. This does not concern only so-called seminatural communities like meadows and 'non-cultivated' pastures, but also forests which are either sown or planted or thinned or fertilised or meliorated, and waterbodies which are polluted or purified, and populations which are harvested or protected. The result is, that the scientific literature on various aspects of ecology is describing humans and culture in disguise, very often without noticing or even not being really aware of it (or of the extent of this aspect). The mean age of the existing biocoenoses (if mea-

suring from the last greater change in the management regime, or from a considerable change in the edificator density) is very short, usually extending to few decades and rarely to several centuries, whereas biodiversity is directly dependent on community age, together with population structures, species relationships and element cycles all of which are in transition. To recognise the culture in nature is not easy, it requires very rich experience on the part of the biologist, but without this the conclusions made may happen to be just artefacts.

The natures from zero to the third can be seen as the steps (or types) which distinguish the meditative, descriptive, experimental (technological), and theoretical science. Here we can see that, what are being described are, in one aspect, the stages of the development of science, and in another aspect, the different natures. Nature as described by theoretical biologists may not coincide with the nature described by descriptive naturalists.

A remarkable feature of the scheme on Figure 2 is that it is almost isomorphic with the schemes of the functional circle as represented and described by J. v. Uexküll (1928). In his scheme of the functional circle, 1 would mean *Merkwelt*, 2 — *Wirkwelt*, and 3 — *Innenwelt*; 1 and 2 taken together is *Umwelt*; 0 is nature itself as the Kantian *Ding an sich*.

An additional aspect appears if we ask whether a bird's nest can be considered as second nature for the bird, or does there exist wilderness from a bird's (or bee's) point of view? If the main principles of the functional circle (of perception and operation) are the same, then the answer tends to be 'yes'. This is the more so if we accept that the general learning process (phylogenetic or ontogenetic) exists in all living organisms, and the linguistic properties can be seen in the behaviour of each cell (assuming the semiotic boundary laying at the beginning of life).

A similar idea is presented by S. Plant (1996: 205): "It can either be said that 'natural', human intelligence is 'artificial' and constructed in the sense that its apparatus mutates as it learns, grows and explores its own potentiality; or that 'artificial' intelligence is 'natural' insofar as it pursues the processes at work in the brain and effectively learns as it grows. Either way the distinction between nature and artifice is collapsed."

Although the double secondness of nature may be the case (e.g., due to behaviour of cognitive robots), these examples still demonstrate that a further step is needed after we have extended the feature of

semioticity to include all the living. For the latter (i.e. the statement that semiosis begins with life) to be true and acceptable, does not mean that there is no difference between bio- and anthroposemiosis. The human language and design remain different from that of other living creatures on Earth. This difference is simply not so easy to find.

Approaches to nature

Depending on either the exclusion the nature from one's self, or the inclusion of nature into it, there are generally two basic approaches of humans towards living nature. According to the first, humans try to repel wild animals and plants from the neighbourhood of their homes. According to the second, humans attempt to live together with plants and animals. The first approach has created the cultural deserts and strictly protected reservations of wilderness, the second one has given the semi-natural ecosystems and gardens. Both of them, of course, change nature in the sense of building a second one, however, these are two radically different strategies for doing it. These strategies can be called 'balance through power', and 'balance through humility'.

Here are few small examples of peoples attitudes toward tiny animals.

(a) When a mosquito is biting us, we usually kill that insect using our free hand. It has a certain sense to do so in our homes, in the closed rooms in which we live, because so we can diminish the probability of being bitten again. It has become customary to kill the insects which land on our legs or face. However, this is absolutely senseless if we work or walk in the open air, in a forest, for instance. Killing a biting fly in the forest does not change the probability of being bitten again due to the great number of insects. Killing animals because they cause some discomfort is senseless altogether when we are in their natural habitat, in nature, since, for our body, wiping the insects away would have exactly the same result.

(b) Spiders, together with all other non-domestic or wild creatures which can be seen with the naked eye, are either killed or at least repelled from contemporary human apartments. The different relationship concerns dogs, cats, aquarium fish, caged birds. Whereas mosquitoes sometimes really bite, and even flies can make windows dirty, the small spiders do not cause any harm to humans. The reason why people remove them from their rooms has, therefore, a somewhat

different source. This seemingly has to do with the classification of living organisms which is specific to culture. It should be noted that the relationship, e.g., to spiders in our rooms, has been different in some cases, or in some cultures. For instance, I have seen in some Estonian farmhouses that spiders' webs are carefully kept. The hosts explained that the spiders may reduce the number of flies in their rooms, and therefore it is reasonable to preserve them.

(c) A similar story was told by U. Eco of his visit to the University library in Coimbra, Portugal. "Spread out on the tables they had green towels, as for billiards. I asked why. They said it was to protect the furniture from the shit of the bats. They have bats; the ceiling is full of bats. During the day they sleep; during the night they shit. So I asked, why don't you get rid of the bats? But you see, the bats eat the bookworms that would otherwise damage the books. For 400 years the bats have been protecting the books."¹⁴

Thus, on a larger scale, we can notice the two quite different ways of the organisation of nature protection.

According to the first, the main way to protect nature is through the reserves in which nature is left by itself, repelling people from the area. These are the state- or federally-owned national parks of many western countries, on the territory of which humans are not allowed to live or change anything. What is allowed is to come and look, but even this is strongly regulated spatially and temporally, for some areas with access only for park personnel and researchers (and even for them only with special licenses).

According to the other, the way to protect nature is through the preservation of the traditional life styles of humans on the basis of the non-intensive use of nature. An example of the latter is the traditional wooded meadow on the calcareous areas of the Baltic Sea islands and on the mainland of Estonia and Sweden.

It is very interesting to notice that while the first type of nature protection results in high values of large-scale species diversity (the number of species in, e.g., one square kilometre being higher than in the surrounding areas of the same habitat), then the second type retains the examples of the highest small-scale (few square metres) species diversity (Kukk, Kull 1997). The nature reserves, in which the wilderness is left by itself, without any management, can retain their

---

¹⁴ From Stephen Smith, Ask Umberto, In *Toronto Globe & Mail* (National edition), Oct. 26, p. D14. The story is retelled in Sasha Jerabek (1996), *Echoing Thoughts on Bats and Books*. In *The Marginal Librarian* 4(1), p. 4.

number of species if the area was not managed before. However, the highest known small-scale species diversity occurs in some managed ecosystems, provided that the management is mild and regular over a very long period of time. In this way, for instance, the meadows which are regularly mown (but not more than once a year) or grazed (but never overgrazed) can have more plant species growing on a square metre than any non-managed plant community. Also, a traditional fishery can sometimes keep the diversity of the fish community higher than that in non-managed lakes. This can be explained through the diminishing of the level of competition in the loosely managed communities — for example, mowing removes relatively more biomass from bigger specimens (and from the species which have bigger specimens), equalising the conditions for different species and diminishing the intensity of competition for light. However, this is certainly not the only reason for the diversification of nature in some managed ecosystems. For instance, it is quite common that the density (and number of species) of nesting birds is higher in a traditional semi-cultural landscape than in neighbouring large forests — which is probably the result of a larger variety of niches created by human activities.

A human community with nature, even at its best, cannot be a community with wilderness. Living with nature ultimately means changing nature. Ninety percent of trees growing in England are not of indigenous species; people, however, may describe this landscape as beautiful. The forests of Finland are monocultural plantations, although some people may think of them as true forests. The most colourful and species-rich old meadows in Estonia are a result of human management which created them less than two thousand years ago. The models of nature's beauty and naturalness, which people apply when protecting valuable areas, are ideal models, which, due to this, change the order of nature.

However, this does not mean that there is no sense in nature protection, or ecological management. What I want to stress here is that there is a strict limit in these activities, in the sense that even the most carefully protected nature is a somehow changed nature, and it is important to see and understand this.

Nature is soaking into culture and cultural landscapes anyway. Everywhere wherever possible, life tends to cover the Earth with a green coat. Only very dry, very cold, or highly contaminated places may be inaccessible for plant life. Every crack in the "tarmac" or hole

in a wall is found, after some time, by a diaspore which starts to grow and distribute its greenness. The same goes for many groups of animals (insects, spiders, birds, small rodents, etc.), fungi (e.g., molds), protists and bacteria, in addition to lichens, bryophytes and vascular plants — that means all larger taxa.

The power of expansion of life makes it very difficult to rid ourselves of all life forms in our surroundings — it has required the technology of the 20th century. The exclusion of living organisms from apartments became efficient only just in the 'ecological' era, i.e. in the last decades, with the invention of hermetically sealed windows and doors and hermetic building materials which enabled the filling of the smallest cracks around water pipes etc. Various preservatives make it possible even to sterilise our food.

Semiotic extension of ecology

Ecology, despite the great variety and resulting diffuseness of its meaning, and despite the existence of areas like ecological psychology or ecological linguistics, is nevertheless traditionally considered in its true meaning as a natural science. Human society belongs in ecological systems not via its mental abilities, but through metabolism and energy consumption, through the mutual relationships with other species. The ecological aspect in all the eco-branches of the humanities means either an emphasis on the environment and environmental factors, or just the application of natural scientific methodology. J. Hoffmeyer (1996a: 143) emphasises: "it is hard to see how ecology can be our guide and mentor in managing nature when it keeps splitting the world up into two distinct sectors — the natural and the cultural — thereby upholding all of the emotional superstructure, all the illusions, that alienate us from nature." In this, the ecosemiotic project remains apart.

Ecosemiotics is not just an application of ecology — in the sense of its methods or environmental factors — in semiotics. This might be more like an application of semiotics in ecology, however, this does not happen to be the precise formulation either, since — as emphasised by J. Deely (1990: 12) — semiotics is more a standpoint than a set of methods or ideology. Looking into ecology from the semiotic standpoint, as a matter of fact, is impossible from the inside, or in the

framework, of ecology as a natural science. It requires an extension of the viewpoint.

Ecosemiotics, or semiotic ecology, in which semiotic processes are those which make the organisms living and the living themselves interconnected, means the introduction of a view which is beyond the limits of natural sciences. In semiotic ecology, a subject is taking part in life, a subject which has no behaviouristic description. Thus, also, the natural scientific methods of model testing happen to be too narrow for this field, and should be extended. Ecology, which includes culture, and not mere material processes of producing waste or of producing energy or even competition between the firms, turns out to be a fundamentally different field — which still includes ecology, seen however as standing on a considerably different basis.

Semiotic ecology is extended ecology, with a change in its philosophical and methodological assumptions. It is no longer a natural science — in the same way that semiotics is not, and like biosemiotics or semiotic biology is essentially an extended biology, for which the existing biology is a special, restricted case.

To accept this view means that we interpret the J. v. Uexküll's¹⁵ concept of *Umwelt* as being broader than the 'Umwelt' meaning environment in a natural scientific sense. A. Meyer-Abich (1963) expressed it as the physics being a special case of biology — a statement which cannot be acceptable within a natural scientific view, according to which the situation should be just the reverse. However, the idea of biosemiotics is to develop an extended concept of knowledge¹⁶, within which the strongly natural scientific knowledge is a restricted part, or a particular case.

Semiotic sustainability

Despite its immanent eternity, the semiosphere is ever growing. In this, it is, or at least it seems to be in contradiction with the ecological model of a sustainable economy. The sustainable economy almost cannot grow. Semiotically extended ecology would, thus, tell us that the stability and limitedness which we can see in balanced natural ecosystems and which, although with serious difficulties, seems to be,

---

¹⁵ E.g., Uexküll (1980).

¹⁶ Cf. T. Vehkavaara's (1998) explanation of this subject.

at least in principle, possible to achieve in ecosystems with humans, will be lost if we take into account the semiotic processes and inevitability of the growth and extension of second nature. The unlimited growth of sign systems follows from the principle of the growth of signs. The claim 'no limits in learning' proposed by the Club of Rome seems to suit as a proof of this.

The idea of sustainability, dominating in ecological publications of the last decades, is almost entirely absent in semiotic literature¹⁷. This can be explained by the apparent rarity of a feature like sustainability, in semiotic systems. However, the situation in semiotics deserves a further insight and analysis, particularly considering the recent growth of biosemiotics into a regular branch of this field.

If we accept a principal statement of biosemiotics, according to which the elements of living systems are signs (Hoffmeyer 1996), or that life begins with semiotic controls (Pattee 1997), then it follows that the non-human living systems are sign systems. Therefore, the examples of balanced ecosystems can serve as examples of balanced sign systems with limited growth.

Biological sustainable systems still have history, in the sense of their unique sequence of internal changes. However, they lack an extensive self-description of their history (or, at least, they have to lose it when becoming old enough, otherwise the size limit cannot be strictly applied)¹⁸. Here is one reason why the applicability of biosemiotic systems as models for culture is very limited.

Biological organisms have memory in the sense of the inheritance of unique patterns and codes, which go back billions of years for several features. However, this is a memory without time, or with quite restricted time. The narratives which may be included into biological memory as certain developmental sequences are like short tales, they never reach the length of the historical narratives one can read from the books about phylogeny or human and cultural history.

However, the absence of lengthy narratives does not restrict the existence of the sign systems and languages. Vice versa, it can be a

---

¹⁷ The rarity of references on ecological problems in semiotic literature is the more surprising due to the fact that both, semiotics and ecology, became very popular and started a period of rapid growth almost simultaneously in 1960s.

¹⁸ It is important to emphasise that the absence of the self-description of history does not mean the absence of self-description at all. The partial self-description of some structures is a general feature of living systems.

precondition for ecological systems to persist. The sustainable way of long-term existence as has existed in pagan tribes could persist without literacy. Many forest nations (e.g., Finno-Ugric ones in Siberia, Indian ones in North-America) do not have traditional stony architecture, or long-lasting religious buildings. The continuity of cultural semiosis does not presume the simultaneous detailed long-term storage of self-description.

The myth of progress is certainly related to the idea of unlimited memory, since, otherwise, history may happen to circulate.

The character of intentions is obviously also connected with the character of memory. If memory does not include narratives, as it is the case in many non-human organisms, then wishes (needs) and plans cannot have any complicated temporal structure either. This is also the reason why only few species of animals are able to possess something we call morals.

Thus, the natural sustainable ecosystems, despite their semiotic essence, have quite little in common with contemporary human societies. If so, then the conditions of persistence for cultural systems should be found separately, in addition to the principles which work for biological systems. The necessary ecological requirements like the closure of element cycles and the limitedness of energy flows should not be violated, but due to the increased semiotic freedom the mechanisms which lead to sustainability of natural ecosystems cannot achieve this in the systems with civilised culture. We cannot violate the physical laws, but as a result of the increased semiotic freedom, we can violate many simple and old (biological) semiotic controls.

We can also change our system of values. In relation to sustainability, it is important to notice that it is also possible not to change the valuation of many things. For instance, the attribution of value to organisms of other species living in the human environment can be kept. Also, the value of non-living nature and landscapes can be persistent for a very long time.

It took more than two billion years for the biosphere to stabilise the carbon cycle and the chemical composition of the atmosphere, removing large amounts of carbon from use. Humans, during two centuries, are turning the situation rapidly back at least half a billion years, with the burning of fossil fuels. It looks like the semiosphere still cannot take the biosphere as his/her own.

The problem with semiotic connections is that these can be violated if there is the knowledge and a wish to do so. Natural science

teaches that it is impossible to build a perpetuum mobile, but it is possible to make a dead from the living, and it explains how to do so.

The danger of the extensive replacement of zero nature by the second one comes from the incompleteness of linguistic knowledge, and the loss of information due to the discrete character of linguistic forms, together with a mythical belief for the achievability of complete knowledge. Although living nature is itself largely linguistic and discrete, human signs cannot copy all the details of non-human signs, and thus, the reconstructed and constructed natures always simplify and restrict some of the relationships in nature itself.

"We can learn valuable lessons from the study of ecosystems, which *are* sustainable communities of plants, animals, and microorganisms. /./ We need to become ecologically literate. Being ecologically literate /./ means understanding the principles of organization of ecological communities (ecosystems) and using those principles for creating sustainable human communities" (Capra 1997: 297). My statement is that this is not the whole story. Humans, together with only a few other life forms, are able not to do what they wish. Our nature is culture. The paradox is, that sustainable living means living forever with incomplete knowledge, and with memory that forgets.

Conclusions

The main message of this article is that ecological knowledge is not sufficient to understand or solve the ecological problems which humans face, since these are consequences of certain deeply semiotic and cultural processes, intertwined with ecological and biological ones. There exist different types of cultures, among them some which have been able to create balanced relationships with nature, and many others which automatically create environmental problems for themselves. Thus, the understanding and possible solution of ecological conflicts assumes knowledge of both cultural and biological parts, which means that cultural semiotics and ecology can constructively interact in this field. Consequently, ecosemiotics seems to be a possibility for facing these most important, and most difficult challenges of the contemporary world.¹⁹

---

¹⁹ I owe my thanks to Peeter Torop who has, among others, inspired me to think about ecosemiotics, and to M. Lotman, W. Nöth, S. Brauckmann,

References

- Bateson, Gregory (1972). *Steps to an Ecology of Mind*. New York: Ballantine.
- Bernard, Jeff (1996). Über dialektische Zusammenhänge der Natur. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1), 23–30.
- Böhme, Hartmut (1996). Über vormoderne Naturkonzepte. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1), 19–22.
- Bramwell, Anna (1989). *Ecology in the 20th Century: A History*. New Haven: Yale University Press.
- Capra, Fritjof (1997). *The Web of Life*. New York: Anchor Books.
- Crowe, Norman (1997 [orig. 1995]). *Nature and the Idea of a Man-Made World: An Investigation into the Evolutionary Roots of Form and Order in the Built Environment*. Cambridge (Mass.): The MIT Press.
- Deely, John (1990). *Basics of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press.
- Goethe, Johann Wolfgang (1977). *Schriften zur Naturwissenschaft: Auswahl*. Michael Böhler (ed.). Stuttgart: Philipp Reclam jun.
- Hauser, Susanne (1996a). Natur, Umwelt, Zeichen. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1), 3–6.
- Hauser, Susanne (1996b). Repräsentationen der Natur und Umweltmodelle. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1), 83–92.
- Hoffmeyer, Jesper (1996a). *Signs of Meaning in the Universe*. Bloomington: Indiana University Press.
- Hoffmeyer, Jesper (1996b). Für eine semiotisch reformulierte Naturwissenschaft. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1), 31–34.
- Hoffmeyer, Jesper (1997). Biosemiotics: towards a new synthesis in biology. In *European Journal for Semiotic Studies* 9(2), 355–376.
- Hornborg, Alf (1996). Ecology as semiotics: Outlines of a contextualist paradigm for human ecology. In *Nature and Society: Anthropological Perspectives*, Philippe Descola and Gisli Pálsson (eds.), 45–62. London: Routledge.
- Kukk, Toomas and Kull, Kalevi (1997). Puisniidud [Wooded Meadows]. *Estonia Maritima* 2, 1–249.
- Kull, Kalevi (1998). On semiosis, *Umwelt*, and semiosphere. *Semiotica* 120(3/4), 69–80.
- Larsen, Svend Erik and Grgas, Stipe (eds.) (1994). *The Construction of Nature: A Discursive Strategy in Modern European Thought*. Odense: Odense University Press.
- Levich, A. P. (1983). Semioticheskie struktury v ekologii, ili suschestvuet li ekologischeskij kod? In *Chelovek i Biosfera* 8, 68–77. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta.

- Merrell, Floyd (1996). *Signs Grow: Semiosis and Life Processes*. Toronto: University of Toronto Press.
- Meyer-Abich, Adolf (1963). *Geistesgeschichtliche Grundlagen der Biologie*. Stuttgart: G. Fischer Verlag.
- Nöth, Winfried (1996). Ökosemiotik. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1), 7–18.
- Nöth, Winfried (1998). Ecosemiotics. *Sign Systems Studies* 26 (this volume).
- Odum, Eugene P. (1963). *Ecology*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Pattee, Howard H. (1997). The physics of symbols and the evolution of semiotic controls. In: *Control mechanisms for complex systems: issues of measurement and semiotic analysis*, Michael Coombs and Mark Sulcoski (eds.), 9–25. Albuquerque: University of New Mexico.
- Plant, Sadie (1996). The virtual complexity of culture. In *FutureNatural: Nature, Science, Culture*, George Robertson, Melinda Mash, Lisa Tickner, Jon Bird, Barry Curtis and Tim Putnam (eds.), 203–217. London: Routledge.
- Ponting, C. (1991). *A Green History of the World*. London: Sinclair-Stevenson.
- Rapoport, Amos (1994). Spatial organization and the built environment. In *Companion Encyclopedia of Anthropology*, Tim Ingold (ed.), 460–502. London: Routledge.
- Sebeok Thomas A. (1997a). Global semiotics. In *Semiotics around the World: Synthesis in Diversity*. Proceedings of the Fifth Congress of the International Association for Semiotic Studies, Berkeley 1994, vol. 1, Irmengard Rauch and Gerald F. Carr (eds.), 105–130. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Sebeok Thomas A. (1997b). The evolution of semiosis. In *Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundations of Nature and Culture*, vol. 1, Roland Posner, Klaus Robering and Thomas A. Sebeok (eds.), 436–446. Berlin: Walter de Gruyter.
- Sebeok Thomas A. (1998). The cognitive self and the virtual self. In *New Approaches to Semiotics and the Human Sciences: Essays in Honor of Roberta Kevelson*, William Pencak and J. Ralph Lindgren (eds.), 307–321. New York: Peter Lang.
- Simmons, I. G. (1993). *Interpreting Nature: Cultural Constructions of the Environment*. London: Routledge.
- Smith, Neil (1996). The production of nature. In *FutureNatural: Nature, Science, Culture*, George Robertson, Melinda Mash, Lisa Tickner, Jon Bird, Barry Curtis and Tim Putnam (eds.), 35–54. London: Routledge.
- Stjernfelt, Frederik (1992). Categorical perception as a general prerequisite to the formation of signs? On the biological range of a deep semiotic problem in Hjelmslev's as well as Peirce's semiotics. In *Biosemiotics: The Semiotic Web 1991*, Thomas A. Sebeok and Jean Umiker-Sebeok (eds.), 427–454. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Teherani-Krönner Parto 1996. Die Uexküllsche Umweltlehre als Ausgangspunkt für die Human- und Kulturökologie. *Zeitschrift für Semiotik* 18(1), 41–53.

- Tembrock, Günter (1997). Ökosemiose. In *Semiotik: Ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur*, vol. 1, Roland Posner, Klaus Robering and Thomas A. Sebeok (eds.), 571–591. Berlin: de Gruyter.
- Thompson, John N. (1994). *The Coevolutionary Process*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Uexküll, Jakob von (1928). *Theoretische Biologie*. 2te gänzlich neu bearbeitete Auflage. Berlin: Verlag von Julius Springer.
- Uexküll, Jakob von (1980). *Kompositionslehre der Natur: Biologie als undogmatische Naturwissenschaft* (Herausgeg. von Thure v. Uexküll). Frankfurt am Main: Ullstein.
- Vehkavaara, Tommi (1998). Extended concept of knowledge for evolutionary epistemology and for biosemiotics: hierarchies of storage and subject of knowledge. In *Emergence, Complexity, Hierarchy, Organization*, George L. Farré and Tarkko Oksala (eds.). Espoo.
- Wark, McKenzie (1994a). *Virtual Geography: Living with Global Media Events*. Bloomington: Indiana University Press.
- Wark, McKenzie (1994b). Third nature. *Cultural Studies* 8(1), 20.
- Warnke, Camilla (1998). Schellings Idee und Theorie des Organismus und der Paradigmawechsel der Biologie um die Wende zum 19. Jahrhundert. *Jahrbuch für Geschichte und Theorie der Biologie* 5, 187–234.
- Witzany, Günther (1993). *Natur der Sprache — Sprache der Natur: Sprachpragmatische Philosophie der Biologie*. Würzburg: Königshausen & Neumann.
- White, Lynn jr. (1967). The historical roots of our ecological crisis. *Science* 155, 1203–1207.

Семиотическая экология: разные природы в семиосфере

Экосемиотика определяется как семиотический анализ взаимоотношений культуры и природы, а также рассмотрение этих отношений как семиотических. Этим она отличается от био-семиотики, которая занимается рассмотрением живой природы как знаковой. Если биосемиотика является разделом семиотики на равных правах с семиотикой культуры, то экосемиотика оказывается скорее частью семиотики культуры, хотя и в определенной мере расширяя ее границы. Данное определение экосемиотики уточняет и развивает определения предложенные W. Nöth'ом и J. Hoffmeyer'ом (рис. 1).

Все распознаваемое может стать объектом манипуляции. Текст природы находится в знаковом процессе, включающем перевод этого текста (т.е. природы) в образы, и обратный перевод этих образов в видоизмененную природу. Следовательно, детальность распознавания, или мера знания природы, непременно связаны с возможным возрастанием манипуляции природы.

Существует простая типология в основе которой лежит различение природы (рис. 2) на нулевую (творческая природа сама собою), первую (природа через языковой фильтр), вторую (природа, преобразованная на основе образов), и третьейю (образы, полученные на основе образов; виртуальная природа).

Такая классификация оказывается изоморфным членению функционального круга J. v. Uexküll'a (Objekt, Merkwelt, Wirkwelt, Innenwelt). Это также связано с разделением науки на медитативную, дескриптивную, экспериментальную и теоретическую.

Развитие естественно-научного описания природы оказывается недостаточным для решения многих экологических конфликтов. Так как взаимоотношения человека и природы глубоко связаны с основными процессами культуры. Единственным выходом является учет культурно-семиотических процессов. Наряду с условиями экологического равновесия, следует также рассматривать семиотическое равновесие и семиотическую стабильность.

Semiootiline ökoloogia: erinevad loodused semiosfääris

Ökosemiootikat võib defineerida kui inimese (kultuuri) ja looduse suhete semiootilist analüüsi, ning nende suhete vaatlemist semiootilisena. Sellisena eristub ta biosemiootikast kui kogu eluslooduse märgilisest käsitlemisest, olles pigem kultuurisemiootika osa. Kuivõrd aga loodus on kultuurisemiootika objektiks traditsiooniliselt vaid piiratud määral, laiendab ta selle sfääri. Kuna inimese ja looduse suhe on vaid üks näide üldisemast organismi ja ta ümbruse suhtestikust, on ökosemiootikal ka ühisosa biosemiootikaga. Niisugune määratlus täpsustab W. Nöthi ja J. Hoffmayeri käsitlusi (joon. 1).

Kõik äratuntav ümbruses võib olla manipulatsiooni objektiks. Märgiprotsess, mille tekstiks on loodus, sisaldab selle teksti, s.o. loo-

duse, tõlkimise kujundeiks ning tagasitõlkimise muudetud looduseks. Seetõttu on äratuntava diferentseerituse määr, ehk looduse tundmise aste, otseselt seotud looduse manipulatsiooni võimaliku ulatusega. Areng looduse tundmises toob paratamatult kaasa looduse manipuleerimise ulatuse suurenemise.

Inimese suhtes jaotub loodus esmalt tundmatuks ehk ühtseks ja tuntuks ehk diferentseerituks. Teiseks, tuntu jaotub omakorda esmaseks ehk kontrollimatuks ja teiseks ehk kontrollituks. Kuigi loodus kogu oma tuntud osas võib olla manipuleeritav, võib inimõju olla siiski nii nõrk, et see praktiliselt mingit toimet loodusele ei oma. Kasutatavate vahendite suurema jõu või inimeste suurema tiheduse korral aga muutub manipulatsioon ülekaalukaks ja kontrollivaks, mislābi luuaksegi teisene loodus.

Äratundmine ja sellega seostuv manipuleerimine kujutab endast samaaegselt teatavat kontrolli manipuleeritava üle. Seelābi osa loodusest muudetakse, ta pole enam ehe, vaid asendatakse teise loodusega. Inimese kui looduse arhitekti mõju teise looduse kujundamisel ulatub üksikute liikide või koosluste kaitsmisest (ja seelābi kontrollist) või tarbimisest kuni niisuguste ehituslike ümberkorraldusteni, kus algne elustik on täielikult asendatud (nt. linnades).

Eristatavad teine, kolmas jne. loodus moodustavad lihtsa tüpoloogია, milles null-loodus on loov loodus ise, esimene loodus on keelefiltri läbi nähtud loodus, teine loodus on kujutluste alusel muudetud loodus, ning kolmas loodus on looduse kujutluste alusel loodud kujutletud loodus (joon. 2). See jaotus osutub isomorfseks J. v. Uexkülli funktsiooniringi komponentidega (vastavalt objekt, märgi-ilm, toime-ilm, sise-ilm; Uexkülli märgi-ilm ja toime-ilm koos moodustavad omailma).

Looduse detailsem tundmine (ökoloogiliste protsesside teadvustamine) ei osutu piisavaks, et paljusid ilmnevaid ökoloogilisi probleeme lahendada. Kuna inimese ja looduse suhted seostuvad tugevasti kultuuri süvaprotsessidega, ei ole palju lootust ka neis suhetes ilmnevaid sügavamaid konflikte lahendada ilma kultuurisemiootilisi protsesse mõistmata. Sellest lähtuvalt on lisaks ökoloogilisele stabiilsusele vajalik vaadelda ka semiootilist stabiilsust.

Conceptions of life and man — basics of “social communications” (as exemplified by the “Charter on the (re-)presentation of disabled people in the media”)

Jeff Bernard

“World vision” and the “vision of man” cannot be separated from one another. Their common denominator is the factor “image”, a simplifying formula for an infinite number of interwoven projections which, first of all, necessarily have to be correlated appropriately to achieve a correct “vista”. “Image” means at the same time that one *refers to something else*: societal facts, structures, interactions (as pertinent fundamental instances, i.e., if religious-metaphysical foundations are excluded from a scientific-logical point of view, without their individual-motivational importance being denied). Thus there remains of the “image” its sign-theoretically describable essence of being *representation*, or “standing for something” in its indicated “*sociality*”. In this view, this article should be understood as socio-semiotically based in the sense of the sign-theoretical discourse suggested by the Vienna School of Socio-Semiotics under its head Wolfgang Pollak.

The “image” is a *sign*. A sign is something which stands for something else, being as such interpreted by something or somebody. It is a relationship $S = R(O, M, I)$, whereby S is the sign, O is the object (the signified), M is the means (the signifying), and I is the interpretant (a further sign) or the interpreter himself (his interpreting consciousness). The means M, or sign vehicle, or *representamen*, is at the same time the means of *communication*. Communication without sign use is by definition impossible. (Communication is, according to Ch. W. Morris, the formation of a signification community, or, as stated by F. Rossi-Landi, “sign exchange”.) At the same time, according to the latter, signs are societally *produced* and *reproduced*

in the frame of the entire societal (material and informational) reproduction. From this it becomes clear that communication, in this sense, is a priori "social" and cannot be sufficiently comprehended by means of current communication models à la Shannon/Weaver. Logically, this is also valid for the so-called "social communications" as implemented in the non-profit area of Public Relations (PR).

Via the signs meaning is constituted and conveyed. Although the above-mentioned relationship formula for S describes the necessary components in a concentrated way, one has to pinpoint that in the course of meaning analysis several other co-factors have to be considered, too, in order to do justice to the complexity of the problem. This state of affairs, i.e., the consideration of the intrinsic parameters with respect to the constitution of the meaning M_s of a sign could be described as this:

$$M_s = f(O, C_o, M, C_m, I, C_i, H, S, SS_o, \dots)$$

whereby $C_{o,m,i}$ are the co- and contexts of the respective sign elements O, M, I, and H is the historicity/temporality, S the situationality (the social circumstances of actualization), SS_o the influence of other cooccurring sign systems. Of further relevance are e.g. disruptive factors etc. (...). So much about the complexity of the genesis as well as of the transfer of meaning as a function of several constants (O, M, I) and numerous coupled variables, especially under the aspects of a non-formalistic socio-semiotic approach. Departing from this we can go back now, for reasons of simplification and descriptiveness, to the term *representation* in order to clarify the problem of the depiction of disabled people of all kinds by elaborating the relevant *levels of their representation*.

There are in essence and in practice at least four of these levels (whereby R_{id} = total representation of disabled people in individual and social inter-relationships):

$$R_{id} \left\{ \begin{array}{l} R_1 \text{ mental representation} \\ R_2 \text{ representation in texts, discourses, the media etc.} \\ R_3 \text{ representation in social interactions (role attribution, intersubjectivity, "immediate" communication, communication barriers included, etc.)} \\ R_4 \text{ entire societal representation} \end{array} \right.$$

R_1 , the individual representation, "images", value attitudes with regard to the disabled persons, are generated (in a more or less reflected way)

by *mediation*, based upon R_2 and R_3 (as well as — in a kind of basic “tuning” — upon R_4). R_4 comes, without becoming identical, closest to the ordinary language notion of representation (e.g. in the sense of “representative” democracy, or social representation of a group of people in the power-interests game.) It is inevitably built upon the levels $R_{1,3}$ but is, in a qualitative sense, more than the sum of its parts. It should be made clear that the four levels of representation (read from top to bottom or the other way round) are constitutive of one another and produce, therefore, in their entirety (according to the above-mentioned formula for M_s) R_{id} . (In closer examination, a fifth important representation level would be that in which physical barriers — such as mobility obstacles — and informational ones, i.e. sign systems, are co-present, as in the case of non-barrier-free design and architecture, which indeed are at the same time “crystallized” products of communication and have expressive function, too; cf. e.g. R. de Fusco’s “architecture as a mass medium”; in this context of argumentation, however, this level may be claimed as being taken into account as a specific form of R_2).

For a further approach towards our subjects (re/presentation of disabled people/“social communications”) the following reductions seem advantageous: joint consideration of R_1 and R_2 due to practical analysis and experience as condensed in a current guideline (“Charter”); joint consideration of R_3 (the *social*, i.e. individual-interactive, level) and R_4 (the *societal*, i.e. the group- and macro-group-interactive, level). From R_4 one can derive the *strategic* aspects and from R_3 the *content-relevant* aspects of “barrier-free” PR. Since the real “locus” of disabled people in society — namely, their empirically marginal status — should be defined and moulded, it would be logical to proceed from the macro- to the micro-level, i.e. to depart from $R_{3,4}$, based on a society-theoretical conception which strongly thematizes marginality such as R. Schwendter’s theory of subculture and the approach elaborated by the CCCS (Centre for Contemporary Cultural Studies, Birmingham). These *deviance-theoretical* conceptions (which concentrate systematically on normative deviations) are based on fundamental deliberations which can well be understood as socio-semiotic ones, closely connected with conceptions concerning the socio-structural as well as socio-economic coherences. In this sense, one can argue with G. Murdock (a subculture researcher with a CCCS-oriented approach emphasizing the class dimensions of deviation phenomena) that subcultures are systems of meaning and

forms of expression brought forth by certain groups to come to terms with the contradictions of their social situation; these coherent patterns help socially underprivileged groups to encounter the ruling value system; thus they construe a stock of symbols and metaphors in order to give "meaning" to life and to build a viable identity (cf. Murdock 1974).

In this view, subcultures are not only marginal but also inclinably oppositional phenomena, namely "counter-cultures" vs. the dominating culture. "Culture" as such, a mega-construction of concerted sign systems, can be understood as the entire means of "*working out*" social practice, and subculture as means of *exceptional working out*. This view is in accordance with the Rossi-Landian theory of (sign) production introduced at the beginning. According to R. Schwendter, one can — among other categorizations — recognize two different types of subcultures: "voluntary" and "involuntary", whereby "voluntariness" can be stated only in relativist perspective considering the fact that deviance is, in the final analysis, a result of the general mode of production. Impaired people, characterized first by and only by their physical specificity, are *made* "disabled" via attribution mechanisms in the sense of "roles", i.e. socio-semiotic constructs. In group contexts they belong, as a consequence and as a rule, to "involuntary" subcultures and are, therefore, mostly not conscious of their factual subcultural status. (However, the acculturation e.g. in a so-called "cripple group" would turn this unconsciousness into subcultural consciousness; dialectically speaking, this kind of "voluntariness" remains a societally determined one.)

As to the concrete subject matter (PR/social communications), however, the "mediation field" between the marginal group of "disabled people" and the "rest" of society should also be examined more thoroughly. This can be achieved with the help of a radically simplified model, or diagram, which will clarify the interaction as well as the conflicts between the relevant macro-groups of society. ("Radically simplified" means that, among further purposive reductionism, social strata specificities are hypothetically not taken into account although they strongly influence the behavior of individuals, but the peculiar consequences of disability may vary in different social strata.) The model (Fig. 1) is based upon numerous sociological results which are not set out here (as well as their theoretical consequences); it shows four main categories which are to be considered interdependently.

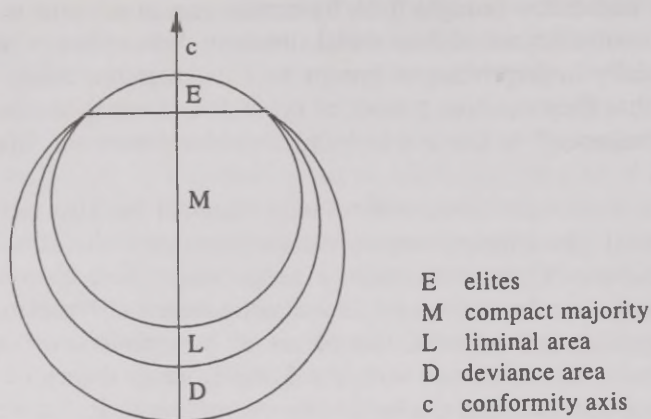

Figure 1.

E and M, on the one hand, and L and D, on the other hand, can be determined according to their respective closeness to and/or distance from the conformity center of society in general (cf. conformity axis *c*), or, more concretely, according to the respectively dominating affirmation or (at least partial) negation of the ruling value-norm-goal system of society (or, to quote Gramsci, of the hegemonic culture), whereby, as should be emphasized, the value-norm-goal conflict is particularly constitutive for L, namely as value-norm-goal ambivalence. (In radical generalization this conflict can, by the way, be traced back to the antinomy performance principle vs. pleasure principle.) According to T. Parsons' classic structural-functionalist theory of society, the oligarchic groupings of the dispositional elites E and the compact majority M — both, but in particular the latter, being highly diversified in their subsystemic structuralization — interact in terms of the hierarchies of contingent control as well as contingent conditions (i.e., basic energy, needs, requirements). The “dysfunctional” area D includes deviant individuals and subcultural groupings of every description (ethnic, religious, political, socio-cultural etc.), and so among them the disabled. The bare existence of D embodies already the *concrete negation* of the norms postulated and executed in the compound aggregation E–M. This negation must be subculturally articulated: namely, as an (at least sectoral) claim for inclinable correction or even surmounting of the system — with D functioning

as a proponent of *social change* (regardless of the possible chances of realization).

The ratio of these chances can be estimated on the basis of the concrete composition and alignment of the area L, which consists of pivot persons, pivot institutions and pivot groups, whereby "alignment" means above all the respective positioning in the value-norm-goal conflict (the gradual partisanship pro or contra D), and "composition" means the socio-strategic structure, the quality of the network, the power of impact, etc. L has essentially the role of a mediator within fields of social conflicts, which coincides with a mediating role in the communicative-interactive sense.

This is the point now to concretize the existing roles in the field under examination, i.e., in the rehabilitation sector in its widest sense, with reference to the integration of disabled people, which must by definition be understood as the re-integration of the non-integrated, or segregated. Whether this will happen in an obtuse or an emancipatory form is dependant on the very quality of "integration" to be achieved. Although integration is, or should be, as a saying goes, "indivisible", it is, however, from a socio-practical viewpoint a highly contradictory process — whose risks must be unveiled.

So, in the rehabilitation sector the relevant parts of E, M, L, D can be named as follows:

- *social administration* including appertaining areas of social policy (SA), whereby "policy" has here the restricted meaning of political professionalism; some pertinent economic elite groups may also be included, but according to the corporate structure of today's society, SA strongly prevails in the problem field referred to, so this kind of simplification seems justified;
- the *general public* (GP) for whom and among whom disabled people may be "present" in the physical sense of the word, but are, nonetheless, excluded by means of various attribution mechanisms, clichés, stereotypes, stigmatization, etc.;
- the *mediation field* (MF); it could also be called "social work in the broadest sense" (comprising social work in the narrower sense), insofar as partisanship pro disabled people can be taken as the achieved or achievable basis; in this rubric one can also subsume e.g. journalists, film and media makers, PR-specialists and similar ones, all of them concerned with "disability problems" professionally or by commitment;

- last but not least the persons concerned, the *disabled people* (DP); also in this case one should differentiate with regard to the kind and degree of disability, to the frame of activity in matter of self-representation, etc.; to elaborate all these aspects, however, would ask for another article.

Departing from Fig. 1 and considering the segregation of DP from GP one could depict now the entire configuration of these four relevant categories, or macro-groups, with their interaction pattern (which later on has to be specified as to its restrictions) in this sector as shown in Fig. 2.

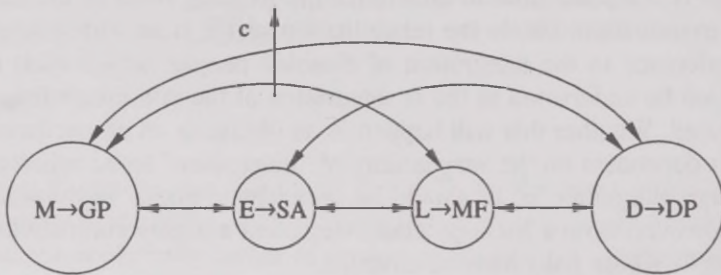

Figure 2.

Actually, mediation field MF consists of an uncountable number of single persons, small groups, institutions and micro-institutions, associations, federations, organisations, etc., as each expert of the so-called “reha-scene” knows. Put down to a typology of involved single persons, the following four subcategories can be identified:

- 1) persons concerned for professional reasons;
- 2) persons concerned for commitment reasons (“sympathizers”);
- 3) relatives of disabled persons;
- 4) disabled persons themselves, actively engaged in associations, bodies, groups etc. representing interests.

In this way, the field MF actually presents itself in the illustrative interdependence diagram as a galaxy of groups, sub-groups and individuals, perhaps even sometimes contradicting one another. All these configurations constitute a *partial public* or even *micro-publics* which all have to be taken into consideration seriously in every intended case of consciousness work (Fig. 3). This results in the necessity to define tactical goals, to install coalitions, to find

compromises, etc. The optimal version of an *action unity* in favour of DP would be, in the sense of a concrete utopia, one which embraces all parts of MF — in which case *tactics* would develop into *strategy*. Therefore, the immediate target must be, according to the reality principle, to implement an — at least asymptotic — perspective towards this action unity.

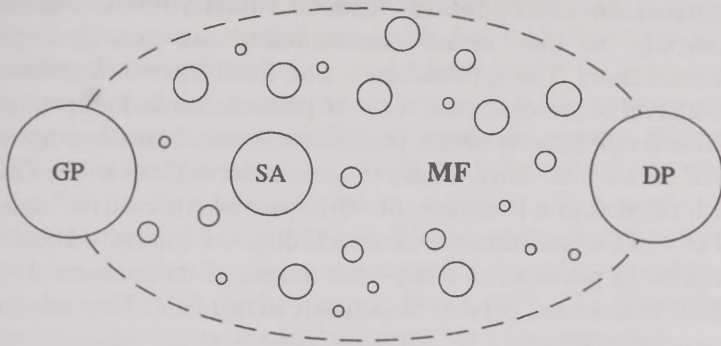

Figure 3.

This perspective, however, cannot be implemented without clarification of the contents. That the intended integration of disabled people as the “mediation commodity integration” is mirrored, must be mirrored in the signs to be rendered, is a *conditio sine qua non*. The general mental presuppositions shall be given here in a kind of abbreviated form, condensed to the essence, i.e., by referring to the “Charter” mentioned in the title (initial version: *Arbeitskreis Öffentlichkeitsarbeit ... 1987*; “official” version: *Österreichische Arbeitsgemeinschaft für Rehabilitation 1989*). It offers guidelines on the basis of extensive analysis and in-depth experiences of numerous “experts” and of disabled persons themselves (who, after all, are the best “experts” on their own requirements). The Charter was prepared within the framework of the *Arbeitskreis Öffentlichkeitsarbeit* (working group for public relations) of the *Österreichische Arbeitsgemeinschaft für Rehabilitation* (Austrian Syndicate for Rehabilitation), and is at the same time one of the results of the research project “Social Rehabilitation and Public Relations” carried out by the *Österreichische Gesellschaft für Semiotik* (Austrian Association for Semiotics (under contract of the PR department of the *Allgemeine Unfallversicherungsanstalt/Austrian Workers’ Compensation Board*).

In this study, or resp., working group, the whole problem was examined by means of numerous detailed case studies as well as theoretical model-considerations analogous to the above types. The "Charter" has some 50 authors, disabled and able-bodied people in roughly equal proportion, and was compiled in a lengthy, sometimes also written clarification process.

In view of the present line of argument, the essential point is that the Charter, by description of "*nominal values*", refers, so-to-speak reciprocally, to the "*actual circumstances*" as examined in the mentioned study. The application — and, finally, *generalization* — of the criticism of the examined ways of presentation and preparation to all PR-relevant aspects seems possible with rather small comparative efforts. So the task remains here to present the outlines of the Charter (which consists of a Preamble, of "Critique and Alternatives" and of a kind of Ten Commandments, i.e. concluding and summarizing claims) as concise as possible, as a key-word extract of these claims directed at media makers and persons responsible in this field. They ask for the following regulations:

- 1) inclusion of disabled people's matters in training and further education;
- 2) ethical substantiation (objectivity etc.);
- 3) presentation of disabled people as an absolute matter of course ("normal");
- 4) recurrent and field-overlapping presentation;
- 5) renunciation of discrimination in word and image;
- 6) rights and claims, with no pity;
- 7) participation of disabled people (in editing, program design);
- 8) recognition and observance of the integration concept;
- 9) consideration of the societal and socio-political dimensions;
- 10) redemption of educational assignment.

The most central point, number 8, says that the integration of disabled people should not mean adaptation to accepted norms and ideals, but the recognition of otherness through the achievement and observance of human rights (mirroring and fulfilling the general ideas subliminally evoked by the title of this article: conceptions of life and man). Furthermore, one has to pinpoint the fact that the list starts and ends — not by chance — with educational demands: first, on the individual level (concerning the consciousness of the media makers), and, finally, by recalling a societal target (concerning the media as institutions in general), whereby the infinite circle of necessary

individual and social *learning processes* is clearly implied; without this implication there will be no "efficient" implementation of the "mediation commodity integration" and, as a consequence, no consciousness processes to advance practical and factual integration — these levels are dialectically interwoven.

With this background a few ideas about PR work, whose protagonists may be called upon to decided partisanship. Again, this shall be achieved here by some simplification or even exaggeration. The topic is, of course, so-called *non-profit PR*, including "social communications", "social marketing" and related fields. To come to terms with these procedures, it is necessary to compare the structure and the aims of profit and non-profit PR, in particular among PR-experts, since one can find a tendency to mould the latter reductively after the example of the former. In this sense, B. Sibitz affirmatively cites a sentence formulated in 1952 by von Wiebe, saying that the closer the conditions of social campaigns correspond to that of commercial ones, the more successful will they be (cf. Sibitz 1987: 75). Thereafter, he summarizes the "types of social concerns" in a four-step plan:

- 1) cognitive change;
- 2) change of stance;
- 3) change of behavior;
- 4) change in the value system (cf. 75f.).

He maintains correctly — though without providing further evidence — that 4) needs the most difficult type of PR (cf. 76). This is to be validated here, since 4) is concerned with interventions intending *change* within an at least *sub-value-norm-goal* system of the entire societal value canon, and aims, in consequence, subliminally at social conflict, or to put it more politely, at the overcoming of existing conflicts. This, however, is the crucial point which *undermines* the methodological profit/non-profit analogy: in the latter case, the target is conviction, not just persuasion. To demonstrate this, let us return for the sake of didactical condensation to the famous AIDA formula, which indeed can be taken as well-known (attention A → interest I → desire D → action A) and which may serve here as a sufficient foil of comparison background, since it is concerned with the structure and effects of PR products, i.e., a certain type of signs (see above, representation level R₂) (Fig. 4).

<i>ideal-typical</i>	<i>profit</i>	<i>non-profit</i>
1) A	A	A
2) I	I	I
3) D	De	Dy
4) A	A _{De}	A _{Dy1} A _{Dy2}
ff. ?	(consumption)	a ₁ ...a _n
		a' ₁ ...a' _n
		⋮
		a ⁿ ₁ ...a ⁿ _n
value specification	E U S	E U S

Figure 4.

Although it would be possible to point out already some differences between the profit and non-profit versions of A and I, the analogy can in these cases be taken as given for the purpose of this argument. The awakening of desire De, however, in the recipient finds in the non-profit sector no identical or at least comparable counterpart, since the concerns to be transported demand the evocation of a qualitatively different, maybe even antagonistic state of awareness, namely consternation or even dismay (Dy). The action A_{De} resulting from De is simply the purchase of the product, whilst in the case of Dy, according to immanent logic, the expected successful outcome requires at least two actions: an individual self-reflexive action A_{Dy2} which *jeopardizes* the functioning of the recipient in more or less pre-programmed actions, including the ongoing one (self-reflexion → self-reflexion in social → societal circumstances → problem/recognition/consciousness process → individual change of values); and another parallel one (or immediately resulting thereof), A_{Dy1}, in the sense of “activation”, namely: to realize this change of values also in social practice, that is, to achieve a multiplier effect. So, since singular individuals can by definition not overcome social, i.e. communicative, problems, interactions of more or less far-reaching kind result. The recipient becomes a communicator and attempts to reach further individuals by means of inducing (A_IDyA_{Dy1}A_{Dy2})₁ = a₁, then a₂, a₃, ... , a_n, intending, in the final analysis, a snowball effect from a'_{1,2,3, ..., n} via a'' detto, a''' detto, with more and more

ramifications to aⁿ detto. The aim of profit PR is the consumption of the product propagated via AIDeA_{De}, and after that a new cycle is introduced referring to the next product. Non-profit PR, on the other hand, tries to get a "movement" going as to the *dialectical negation of the insufficient state-of-affairs*. A_{De}, however, remains in its system-affirmative vein. And the respective AIDA model, applied to non-profit PR, nevertheless brings about a purchase mechanism, so-to-speak of a reverse type: a ransom of social responsibility, e.g., as visible in countless campaigns with social topics, leading to charitable or even begging "actions", that is, to obtuse and therefore ineffective negations of the state-of-affairs. After signing his cheque the signer seats himself contentedly back in his easy chair — having shown his "heart for the disabled" he can let events take their course, as they always do.

Factually realized are, however, in both cases, i.e. PR variants, *values* and/or *value transfers*. Therefore, the above occurrences can also — and with even greater succinctness — be characterized in terms of the involved *exchange* (E), *use* (U) and *symbol* (S) *values*. In the case, e.g., of a TV commercial the symbol values (happiness, love, the aroma of the big wide world) are carried by means of filmic narrative in which possible use values of the product offered are co-incorporated at best incidentally. After Action A_{De} the symbol value S is in no way realized (and if, then in fictitious, illusionary form). The use value U may be realized if the recipient/consumer is lucky enough, or rather in homeopathic dilution (or perhaps simply not at all). Factually and completely the exchange value E will be realized (which is only endangered in the long run if the consumed product clearly shows its deficiency in terms of use value *as well as* symbol value). Thus, E is the hard core of the whole procedure under which the others forms of value must submit themselves as a *conditio sine qua non*.

In the case of non-profit PR the realization of exchange value E is — ideal-typically or allegedly — not intended, or at best in the sense of bypass rentability, long-term amortization, and the like (should it be, however, that in the course of a humanitarian campaign a surplus rentability or similar cash flow E or, in particular, E happens which unveils the hidden aims of the promoters, then the whole procedure returns from the non-profit to the profit level again, despite a possible partial realization of the surface-structurally declared aims.) The intrinsic aim of non-profit PR is, or should be, the realization of

the use value of the “product” (consciousness raising, humanitarian or emancipatory measures and services etc.) in the sense also of the above-mentioned multiplier effect — i.e., U. This, in fact, can be initiated and implemented only via the appropriateness of the means (signs, messages); for otherwise it would be possible in the long run to induce and evoke “right” consciousness through “wrong” signs. Thus, the postulate of appropriateness asks for an adequate, i.e., homologous, symbolism (sign production) in the course of and as a vehicle of the messages. Otherwise, the necessary reflexion and, in particular, the snowball effect could not be induced. This is completely covered by the claims in the Charter: factuality, objectivity, responsibility, differentiation, matter of course, abandoning of clichés etc.etc. S in this sense, namely of *use value homology* (U S), has to be directed, therefore, as a basic request at the creative capacity of PR experts, as a challenge to reconsider the tuning of methods and goals and to question accepted advertising patterns when their “laws” obviously guarantee only an a priori obtuse solution of a (social) problem.

In the face of the certainly far-reaching differences between the two types of PR work examined here it is reasonable to circumscribe the tasks of non-profit PR — aiming at the clarification of the socio-referential level of the signs to be produced and used — by means of a generalizing structural representation (“rule of thumb”). This is to be understood as a derivative of all previously examined references without repeating them extensively — in the sense of an aid to self-reflexion and positioning of socially engaged PR work *as* consciousness raising, thus in the sense of “practicability” in and for societal practice per se. Therefore, in the rule of thumb the term PR appears only as standing for its non-commercial type, since by means of the preceding deliberations the other, classical type could be rejected as inappropriate for structural reasons. The rule of thumb goes like this:

$$\text{PR} = \text{Publi} \frac{\text{c}}{\text{shed}} \text{Relations} \left\{ \begin{array}{l} = M_0 \text{ (public relations)} \\ \rightarrow \text{pr} = O_{1,2,3\dots n} \end{array} \right.$$

PR is to be understood here as a unity of methods (*Public Relations as a type of work intending public relationship*) and products (*published relations as explicated public reference*). From a semiotic viewpoint,

the latter are the semiotic means M_0 (sign vehicles; see the opening remarks on the relational structure of the sign) which refer to public relations (relationships!), that is, they depict them (in more or less coded forms, at least), and they should represent them according to the Charter, its world view (vision!) and ethical postulations. According to all arguments and goals mentioned above, the intention ($\rightarrow$) must be the uncompromising, resolute social/societal implementation via increasingly self-regulating steps, which render true changes on the level of the signified, the objects O (as well as representing them again), via the ramifications of the AIDA model in its non-profit version from O_1, O_2, O_3 to O_n , as to the — according to the reality principle — greatest possible asymptotic approximation to *changed* public relations. Thus, the result will be, in the final analysis, an at least sectorally realized societal change.

Against merely mentalistic orientations in semiotics it should be emphasized, in the end, that here M and O are to be understood in the sense of Rossi-Landi's socio-semiotic theory, that is, M serves the identification of an already *socialized* piece, part, fragment of society ($= O$). The intended transformations of O (i.e. $O_1, O_2, O_3, \dots, O_n$) are contrived by *sign work* which by mediacy is, at the same time, consciousness work. Non-profit PR can therefore, appropriately adjusted, play an active and even initial role in this consciousness work — it cannot be the one and only agent, however, if it does not want to unfold mere illusion over deficient reality.

Implicitly it should have become clear that this orientation gains consistency only on the basis of a non-formalistic, fundamentally (i.e., as to the *content*) democratic understanding of how society should function. This is an understanding of democracy which, as a construct, has yet to be elaborated by all of us. To the fate of marginal groups, in our case the disabled people, it must be urgently proved that it is a viable cause and how it can be implemented.¹

---

¹ This contribution originates from a lecture held in the 13th session of the Working Group Social Communications of the Public Relations Verband Austria (PRVA), Dec. 1, 1987, Allgemeine Unfallversicherungsanstalt AUVA (Austrian Workers' Compensation Board), Vienna. For the invitation, thematic impulse and title I have to thank Wolf D. Mostböck, Chairman of the Working Group and at that time Member, now Chairman of the PRVA Board. The background of that lecture was the research study Bernard & Projektteam 1987; the article appeared first in German (Bernard 1987) and has also been included in my recent book on disability matters (Bernard

References

- Arbeitskreis Öffentlichkeitsarbeit der Österreichischen Arbeitsgemeinschaft für Rehabilitation (1987). Charta zur Darstellung behinderter Menschen in den Medien. *Semiotische Berichte* 11(2): 208–213.
- Bernard, Jeff (1979). Semiotik abweichender Verhaltensmuster (Soziologische Devianzforschung und alternative Kodes). *Semiotische Berichte* 3, 4: 23–36.
- Bernard, Jeff (1981). Devianzsoziologische Grundlagen — Modelle: Kontext und Konkretionen. In: Institut für soziales Design (Berdel, Dieter et al.). *Wohnstätten für erwachsene geistig Behinderte*. Wien–München: Jugend & Volk, 801–824.
- Bernard, Jeff (1985). Alltag, Behinderung, Umwelt — Behinderung als soziales Phänomen. In: Österreichische Arbeitsgemeinschaft für Rehabilitation (ÖAR) (ed.). *Symposium 1984 — Salzburg/St. Virgil*. Wien: ÖAR [with discussion].
- Bernard, Jeff (1985a). A Note on Disability and Emancipatorical Initiatives. *International Journal for the Advancement of Counselling* 8: 229–237.
- Bernard, Jeff (1985b). Zeichen und Strategien. Wolfgang Pollak: Bausteine zur emanzipatorischen Semiotik. In: Bandhauer, Wolfgang & Robert Tanzmeister. *Romanistik Integrativ. Festschrift für Wolfgang Pollak* (Wiener romanistische Arbeiten 13). Wien: Braumüller, 41–57.
- Bernard, Jeff (1987). Weltbild und Menschenbild — Die Grundlagen sozialer Kommunikation am Beispiel der 'Charta zur Darstellung behinderter Menschen in den Medien'. *Semiotische Berichte* 11(3,4): 143–157 = *DOXA Philosophical Studies* 13: 403–417.
- Bernard, Jeff and Projektteam (1987). *Soziale Rehabilitation und Öffentlichkeitsarbeit. Kommunikations- und gesellschaftswissenschaftliche Grundlagenuntersuchung zur Problematik sozialer Integration und Rehabilitation und der sozialen Umweltgestaltung*. Wien, ms. [research study under contract of the Austrian Workers' Compensation Board].
- Bernard, Jeff (1988). Soziale Rehabilitation und Öffentlichkeitsarbeit. Bericht über ein Forschungsprojekt. *LOS* 6(20/21): 34–37.
- Bernard, Jeff (1989). 'Normalisierung', 'Integration', 'Rehabilitation'. Ein Kampf um Zeichen und ihre Bedeutungen. *Behinderte in Familie, Schule und Gesellschaft* 12(5): 5–27.
- Bernard, Jeff (1991). Semiotik und/als materialistische (Sub)Kulturtheorie. *S — European Journal for Semiotic Studies* 3(1,2): 303–323.
- Bernard, Jeff (1992). Alltag, Behinderung, Umwelt. Strukturen der Ausgrenzung. *S — European Journal for Semiotic Studies* 4(1,2): 331–370.

1995). This here is now a slightly revised English version as held in the symposium "Semiotics of the Media", Kassel, March 20–23, 1995, translated by Colin McKenzie and myself and corrected by Amy Milani.

- Bernard, Jeff (1995). *Behinderung: Kultur, Umwelt, Gesellschaft* (S-Addenda). Wien: ÖGS/ISSS.
- Bernard, Jeff and Hans Hovorka (1985). *Alltag, Behinderung, Umwelt. Eine aktionssoziologisch orientierte Studie zur Integration und Selbstorganisation behinderter Menschen... Projektbericht*. Wien, ms. [research study under contract of the Austrian Federal Ministry of Science and Research].
- Bernard, Jeff and Hans Hovorka (1986). 'Basisnahe Öffentlichkeit' — Ein Planentscheidungs-spiel als Hauptprogrammpunkt des 7. Kongresses für Sozialarbeit und Rehabilitation. In: Österreichische Arbeitsgemeinschaft für Rehabilitation (ÖAR) (ed.). *Behinderte Menschen und Massenmedien. Internationaler Kongreß für Sozialarbeit und Rehabilitation, 5.-8. August 1985*. Wien: ÖAR, 25-58.
- Bernard, Jeff, Hans Hovorka and Projektteam (1986). *Demonstrativplanungsvorhaben zum Wohnen geistig behinderter Menschen. Projektbericht*. Vol. I & II. Wien: ISD.
- Bernard, Jeff and Hans Hovorka (1987). 'Ich werde behindert' — Von der sozialen Gestaltung der Umwelt über Social Communications zur Bewußtseinsarbeit, *Medien Journal* 11(2): 58-63.
- Bernard, Jeff and Hans Hovorka (1991). *Normalisierung. Zur Entwicklung integrativer Wohn- und Lebenszusammenhänge geistig und mehrfach behinderter Menschen in Österreich*. Wien: ISD.
- Bernard, Jeff and Hans Hovorka (1992). *Behinderung: ein gesellschaftliches Phänomen. Befunde, Strukturen, Probleme* (Passagen Gesellschaft). Wien: Passagen.
- Bernard, Jeff and Susanne Pribitzer (ed.) (1987). *Dokumentationsausstellung "Die Darstellung von Behinderung in den Printmedien" im Rahmen der Gesamtausstellung und Veranstaltungsreihe "Was heißt schon normal?"* Wien: ÖGS.
- Bernard, Jeff and Susanne Pribitzer (1988). Diskriminierung behinderter Menschen in Wort und Bild. Printmediale Aspekte der Ausgrenzung. *Behinderte in Familie, Schule und Gesellschaft* 11(6): 7-37.
- Bernard, Jeff and Gloria Withalm (1986a). Ferruccio Rossi-Landis dialektisch-materialistische Zeichentheorie. Einordnung — Überblick — Diagrammatik. In: Dutz, Klaus D. & Peter Schmitter (eds.) (1986). *Geschichte und Geschichtsschreibung der Semiotik. Fallstudien* (Materialien zur Geschichte der Sprachwissenschaft und der Semiotik 2). Münster: MAKS, 329-366.
- Bernard, Jeff and Gloria Withalm (1986b). Materie Dialektik Arbeit / Gesellschaft Geschichte Vermittlung. Ortende Bemerkungen zu Rossi-Landis sozio-prozessualer Zeichentheorie. In: Schmid, Georg (ed.). *Die Zeichen der Historie. Beiträge zu einer semiologischen Geschichtswissenschaft* (Materialien zur historischen Sozialwissenschaft 5). Wien-Köln: Böhlau, 173-202.

- Bernard, Jeff and Gloria Withalm (1987a). Arbeit/Zeichen/Kommunikation. Modelle. In: Bernard, Jeff (ed.). *Semiotica Austriaca* (Angewandte Semiotik 9,10). Wien: ÖGS, 61–78.
- Bernard, Jeff and Gloria Withalm (1987b). Work/Sign/Communication. Models. *Dégres* 15(51): c–c16.
- Bernard, Jeff and Gloria Withalm (1990). Starre Klischees, bewegte Bilder. Zur Diskriminierung behinderter Menschen durch den Film. In: Geser, Guntram & Robert Riesinger (eds.), *Das Rätsel der Bilder. Über Film, Macht und Phantasie*. Salzburg: Grauwerte, 104–119.
- Brake, Mike (1981). *Soziologie der jugendlichen Subkulturen. Eine Einführung*. (Studium: Kritische Sozialwissenschaft). Frankfurt/M.: Campus.
- Bundesministerium für Arbeit und Soziales & Österreichisches Komitee für Sozialarbeit (1988). *Symposium zur Begriffsbestimmung "Behinderung" und "Behinderter Mensch" am 11. und 12.10.1988*. Wien–Linz, mimeogr. ms.
- Centre for Contemporary Cultural Studies (1976). Das Centre for Contemporary Cultural Studies. *Ästhetik und Kommunikation* 24: 35ff.
- de Fusco, Renato (1967). *Architettura come mass-medium. Note per una semiologia architettonica*. Bari: Dedalo.
- Fetka-Einsiedler, Gerhard and Gerfried Förster (eds.) (1994). *Diskriminiert? Zur Situation der Behinderten in unserer Gesellschaft*. Graz: Leykam.
- Forster, Rudolf & Volker Schönwiese (eds.) (1982). *Behindertenalltag. Wie man behindert wird*. Wien–München: Jugend & Volk.
- Goffman, Erving (1967). *Stigma. Über Techniken der Bewältigung beschädigter Identität*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Gramsci, Antonio (1984). *Notizen zur Sprache und Kultur* (Gustav Kiepenheuer Bücherei 40). Leipzig–Weimar: Kiepenheuer.
- Hall, Stuart; Dorothy Hobson; Andrew Lowe & Paul Willis (eds.) (1980). *Culture, Media, Language. Working Papers in Cultural Studies, 1972–79* (Hutchinson University Library in association with The Centre for Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham). London–Melbourne–Sydney–Auckland–Johannesburg: Hutchinson in association with The Centre for Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham[1984³].
- Hebdige, Dick (1979). *Subculture: the meaning of style* (New Accents). London–New York: Methuen.
- Institut für empirische Sozialforschung (IFES) (1984). *Das Bild der Behinderten in der Öffentlichkeit*. Wien, mimeogr. ms.
- Klee, Ernst (1980). *Behindert. Über die Enteignung von Körper und Bewußtsein — Ein kritisches Handbuch*. Frankfurt/M.: Fischer.
- Lindner, Rolf (1981). Das Centre for Contemporary Cultural Studies in Birmingham. *Nachträge* 1.
- Morris, Charles W. (1973). *Zeichen, Sprache und Verhalten* (Sprache und Lernen 28). Düsseldorf: Schwann.

- Murdock, Graham (1974). Mass communication and the construction of meaning". In: Armistead, N. (ed.), *Reconstructing Social Psychology*. Harmondsworth: Penguin.
- Neider, Michael & Andreas Rett (eds.) (1981). *Behindertenpolitik. Politik für Behinderte?* Wien-München: Jugend & Volk.
- Nirje, Bengt (1982). Das Normalisierungsprinzip. *Lebenshilfe* 3: 15ff.
- Österreichische Arbeitsgemeinschaft für Rehabilitation (1989). Zehn Anhaltspunkte zur Darstellung behinderter Menschen in den Medien", *Behinderte in Familie, Schule und Gesellschaft* 12(5): 53-54.
- Parsons, Talcott (1972). *Das System moderner Gesellschaften* (= Grundfragen der Soziologie 15). München: Juventa [1976²].
- Parsons, Talcott (1975). *Gesellschaften. Evolutionäre und komparative Perspektiven*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Pollak, Wolfgang (1973). *Strategien zur Emanzipation. Bildungspolitik, Didaktik und Soziolinguistik*. Wien: Jugend & Volk.
- Pollak, Wolfgang, Jeff Bernard & Erich Fries (1982). Emanzipatorische Zeichentheorie. Materialien zur semiotischen Propädeutik. Ein Motivenbericht zum Forschungsschwerpunkt der Österreichischen Gesellschaft für Semiotik. *Semiotische Berichte* 6(7): 35-43.
- Rossi-Landi, Ferruccio (1975). *Linguistics and Economics* (= *Janua Linguarum, Series Maior* 81). The Hague-Paris: Mouton.
- Rossi-Landi, Ferruccio (1978). *L'ideologia* (Enciclopedia filosofica ISEDI 11). Milano: ISEDI [enlarged 1982²].
- Rossi-Landi, Ferruccio (1983). Das semiotische Modell der (Zeichen-) Produktion. In: Bernard, Jeff (ed.). *Didaktische Umsetzung der Zeichentheorie. Akten des 4. Symposiums der Österreichischen Gesellschaft für Semiotik, Linz 1981* (Angewandte Semiotik 2). Wien-Baden b.W.: ÖGS, 93-111.
- Rossi-Landi, Ferruccio (1985). *Metodica filosofica e scienza dei segni* (= Studi Bompiani — Il campo semiotico). Milano: Bompiani.
- Schwendter, Rolf (1971). *Theorie der Subkultur*. Köln: Kiepenheuer & Witsch [enlarged: Frankfurt/M.: Syndikat 1978³].
- Seywald, Aiga (1977). *Körperliche Behinderung — Grundfragen einer Soziologie der Benachteiligten* (Campus Paperbacks: Gesellschaftswissenschaften). Frankfurt/M.: Campus.
- Sibitz, Bernd (1987). Soziales Marketing für Entwicklungspolitik. *Medien Journal* 11(2): 74-79.

**Концепции человека и жизни —
основа “социальной коммуникации”:
на примере “Хартии (ре-) презентации инвалидов
в средствах массовой коммуникации”**

Настоящая публикация посвящена проблеме “социальных коммуникаций”, т.е. некоммерческой области Public Relations (PR), с семиотической, в частности, социосемиотической точки зрения. В первую очередь отмечается знаковый характер PR, а также обязательная социальность любого знака, а следовательно, и знаков PR. Затем моделируются различные уровни репрезентации, вовлеченные в анализируемый процесс, и очерчивается культурно-теоретический “семиотизированный” фон, при особом внимании к группам отклонения или субкультурам. В подобном освещении становится ясной та огромная роль в процессе социального “перевода” проблем, требований и надежд групп отклонения (в нашем случае представленных действительно большой группой инвалидов), которую выполняют многочисленные индивидуумы, группы и институты, принадлежащие к так называемой “пограничной зоне” между большинством и инвалидами. Эта зона представляет собой “поле медиации”, особый вид “знаковой среды”, которая должна быть подвергнута дифференцированному анализу в силу своей нормативной амбивалентности. Таким образом, стратегическая задача состоит в интенсификации всего медиативного поля во благо инвалидам. По этой причине содержательная структура некоммерческих PR-сообщений должна подчиняться определенным фундаментальным принципам, которые демонстрируются, во-первых, “Хартией (Ре-) Презентации Инвалидов Средствами Массовой Информации”, разработанной в 1987–89 годах в качестве результата исследовательского проекта Австрийской Семиотической Ассоциацией совместно со специалистами по реабилитации, а во-вторых, сравнением процедур, которым подчиняются коммерческие PR, с теми, которым должны подчиняться некоммерческие PR (что редко реализуется на практике). Идеально-типическим сопоставлением является противопоставление классической формулы AIDA более усложненной не-классической версии, демонстрирующее особые попытки работы PR, направленные на повышение сознательности (а не только на потребление), которое должно быть расценено как специфический раздел социальной деятельности. На глубинном уровне может быть также продемонстрировано, что в этих двух различных типах PR оказывается предпочтением двумя весьма различным типам передачи ценностей. В заключе-

ние предлагается семиотическое “правило большого пальца”, описывающее применение эмансипирующих разновидностей PR.

Mõisted elu ja inimene — “ühiskondliku suhtluse” alused. “Hartast puuetega inimeste esit(l)usest meedias” näitel

Artikkel arutleb “ühiskondlikust suhtlusest” ehk kasumivabadest avalikkussuhetest (AS) semiootilisest, täpsemalt, sotsiosemiootilisest vaatepunktist lähtuvalt. Esmalt selgitatakse AS-märgilisus ja siit lähtuvalt nende sotsiaalne iseloom. Seejärel modelleeritakse representatsiooni erinevad tasandid ning “semiotiseeritud” kultuuriteoreetiline taust, pöörates erilist tähelepanu hälvetega gruppidele ehk subkultuuridele. Selles raamistus saab selgeks, et hälvetega gruppidele omaste (antud juhul on autori seisukohad illustreeritud suure puuetega inimeste grupiga) — probleemide, nõudmiste ja püüdluste sotsiaalse “tõlkimise” ülesanne on kõige tulemuslikumalt lahendatav nende indiviidide, gruppide ja institutsioonide poolt kuuluvad “piiritsooni” enamuse ja puuetega inimeste vahel. Nad moodustavad erilise “vahendusala”, erilise “märgimiljöö”, mida peab tema normatiivse ambivalenttsuse tõttu uurima diferentseeritult. Järelikult peab strateegiline eesmärk olema sellise vahendusala tugevdamine puuetega inimeste kasuks. Neil põhjusil peab kasumivabade AS-teadete sisu struktuur järgima teatud põhiprintsiipe, mida demonstreerivad 1) “Harta puuetega inimeste esit(l)usest meedias”, mis töötati välja aastail 1987–89 Austria Semiootikaühingu uurimisprojekti koostöös taastusravispetsialistidega, ja 2) kasumilisi AS-id suunavate protseduuride võrdlus protseduuridega, mis peaksid suunama (kuigi praktikas nad sageli ei suuna) kasumivabasid AS-id. Tehakse ideaaltüüpne võrdlus, arutledes vastandavalt klassikalise AIDA-valemi ja palju keerukama mitteklassikalise versiooni üle ning näidates AS-töö spetsiifilisi võimalusi, kui eesmärgiks on tegelik teadvustatuse tõstmine (ja mitte üksnes tarbimine), et mõista AS-tööd kui sotsiaaltöö eri liiki *per se*. Süvatasandil võime näha ka seda, et kahe erineva AS tüübi puhul on tegemist väga erinevate väärtustüüpide ülekandega. Kokkuvõttena on välja pakutud semiootiline “rusikareegel”, mis kirjeldab AS vabastavate (emantsipeerivate) tüüpide rakendamist.

Sign as an object of social semiotics: evolution of cartographic semiosis

Anti Randviir

The current essay attempts to view a possible distinction between social and cultural semiotics, and finally their interconnectedness via the semiotics of sign. On the basis of maps, viewed below as manifestations of culturally accepted social representations, we shall try to demonstrate the interrelated nature of the semiotics of the *code* and that of the *sign* in the manner that it is exemplified in a cultural semiotic system.

When we talk about the sign as an object for sociosemiotic analysis, then first we obviously have to explain why we use the term 'social semiotics'. Ch. Peirce has *inter alia* claimed that semiotics and logic are terms with the same substance (Peirce 1985: 4). From this we could infer that, since logic is to deal with the teaching of the 'correct way of understanding/thinking', then it is a social science anyway. The approach represented by a successor of Peirce, Ch. Morris, is already utterly social and behavioral. A second reason for such a confusion may emerge from considering the three aspects of semiotic investigation — syntactics, semantics and pragmatics. As it is evident that these are intertwined fields and that the last one by its nature already involves the social aspect into any semiotic treatment already by nature, then again using 'sociosemiotics' may again seem ungrounded.

Still — terms like semiotics of art, of culture, of advertising, etc., are in use. Such notions show that we can distinguish between different disciplines of semiotics on the basis of the object of study, and find that a classification on the basis of overlapping fields can be created. Now, the two general categories would be 'cultural semiotics' and 'social semiotics' (in line with hypothetical statements e.g. 'semiotics of literature belongs to the sphere of cultural semiotics, semiotics dealing with mass communication — to the one of social

semiotics'). What should be taken as a measure for differentiating between them? — Here arises the next problem: while we can contrast other 'subsemiotics' according to the object ('semiotics of fashion', 'musical semiotics'), whereas in the case of these two, the objects seem to be the same. Also, we can not say that social semiotics deals with laying 'society' down as a fact — in this case we would face a question on differences between sociology (and alike disciplines) and social semiotics.

Therefore, a solution may lie in the statement that 'cultural semiotics' and 'social semiotics' are distinguishable only emotionally or connotatively; the difference being merely in the stress laid upon the treatment of the object. However, this may also be expressed by a conditional contrast — while cultural semiotics sets its object into the light of the context of cultural tradition, sociosemiotics looks at a cultural object within social dynamics (for the latter, see e.g. Riggins 1994: 111). We can also say that cultural semiotics deals with the object 'as a structure', treating relations between objects as structural, too. Hence, one can state that this point of view is ontological; *meaning* and *code* are ontological, whereas for sociosemiotics, objects and relations between them are not ontological but processual and *semiotic* as the latter (semiosis) conjoins the semiotics of the sign and the semiotics of the code. So one could even conclude that cultural semiotics focuses on *meaning*, whereas social semiotics pays attention to *signification* (in the sense of **making** something meaningful). The latter would include both the 'composing' of a signifier and the evaluative stating of it in the way it influences everyday (or: *habitual*) behavior¹.

---

¹ Cf., A. J. Greimas (1990: 5): 'For the problem of the constitution of the signifier is already a problem of meaning'. This as a discursive process is surely also connected with the theme of isotopy, coherence of discourse, and logical problems; — 'The setting into discourse of a structure of modalities of veridiction would constitute its rational isotopy' (ibid.: 19). The latter is what modalises the truth value of semantic isotopy. There is no need to stress that all such categories as social conventions and agreements are treatable [only] in social dynamics. In our context, similar expanse of semantic perspective at the semiotization of geographic territory as a cultural space, arises also from the opposition '*reading*' a cultural unit — using a cultural unit (e.g. '*reading*' a city — using a city). Here belongs also using the meaning of a cultural unit and creating a 'global imaginative referent' (e.g. St. Petersburg — 'the phantom-city', Paris — 'city of light'). For the latter and the manifestation of it as 'secondary processing' on e.g. postcards, etc., see Greimas 1990: 158. In

One of the most important functional oppositions by the help of which a conditional borderline between cultural and social semiotics can be drawn, is *text* — *discourse*. Hereinafter we will not go into the peculiarities of these two, but will just postulate a prearranged possibility of distinguishing, which originates from the (also an agreed) difference (*textually*) *created* — *being (discursively) created*. From this dilemma of structural and processual relations, and ‘meaningful contextuality’ we find a further old puzzle: is *meaning* comparable to what is the *signified*? This question hints at the restricted capacity of Saussure’s conception of sign in respect to the field outside linguistics. Also, the structural tradition can be taken as following Saussure’s doctrine in the sense that *meaning* emerges or emanates from **differences between intrasystemic signs**. Still — *meaning* would, in this respect, as if belong to the realm outside that of signs, since its locus is, so to speak, in-between signs; the meaning [of a message consisting of more than one sign] is directed by **relations between signs**, but not as much by the relationship between the signifier and the signified, as one could interpret from has been ascribed to Saussure. What could be taken as uniting a sign system and the *outside* of it, is Peirce’s² interpretant, because, although a fuzzy notion, it points to the inequality of ‘the signifier’, ‘the meaning’, and ‘the signified’; — the ‘Interpretant’ offers a possibility to fill the ‘gap’ where is the locus of meaning. In contrast, it seems difficult to find that ‘something’, which would determine the meaning of a sign — except quite a blurry definition of the ‘symbol’ (in connection with a ‘natural bondage’ between the signifier and the signified³).⁴

---

connection with that kind of symbol, see also a definition of *symbol* by A. Radugin (Радугин 1996: 17, 18): ‘The full-value *symbol* does not have only a function signifying the sense, but it also has *executive power* (*действенная сила*) (e.g. icon does not only signify God, but it also has “miracle-working power”).’

² Of course, we should remember theories of the sign in classical antiquity in which Peirce’s theory has its ‘deep structures’. Interpretant as a constituent of the semiotic triangle, has at times implicitly, at times more explicitly, been present in most of them, having sometimes been called e.g. ‘the essence of a thing’ (*οὐσί α τοῦ πράγματος*) — Socrates, sometimes e.g. the *dicible* — Augustine. (See Manetti 1993: 61, 158).

³ See Saussure 1982: 101. Cf. J. C. Hoffbauer’s definition of the *natural sign* which may be taken as preceding one for that by Saussure, although he does not use the ‘signifier’ and the ‘signified’, but the ‘sign’ and the ‘sig-

Next let us survey how the above mentioned oppositions and questions appear in the 'textual discourse' of representing a phenomenon that can be labeled as cultural space; what has the development of mapping as a cultural semiopraxis (or semiotic praxis of culture) been like, and what has the diachrony of such a signification system been like. Hence — what are characteristics of a **developing** structure of social reflective semiosis, and how are different levels of meaning of signs used in cartographic practice manifested in that development? What is the overall role of space in culture, and what is the heuristic value of the semiotic description of it?

Space as a substrate of a 'natural semiotic system'

While a major mechanism for the functioning of culture is semiosis, then space, in turn, can be viewed as a most important substrate for semiosis. Charles Peirce, talking about the 'infinite semiosis', considered *Habit* to be the Final Interpretant of such an unlimited process of sign generation: '[...] the final interpretant interrupts, so to speak, the semiotic chain by producing a *habit* [...]' (see Eco and Bierwisch 1986: 386). Reversely, it ought also to be possible to describe rules governing humane and cultural semiosis, departing from *Habit*. Therefore those fields, where that habit would manifest itself most *naturally*⁵, must be sought. This takes us to a milestone that joins the domains of study of the semiotics of the sign and the

---

nified': 'The nexus between the sign and the signified is casual, constituted by nature itself' (Hoffbauer 1991: 7). In the case of arbitrary (or artificial) signs, this 'nexus is effected by human intention' (ibid.).

⁴ Cf. also Peirce's treatment of *Firstness*, *Secondness*, and *Thirdness*. The foremost is distinguishable as a concept of the existence of something independently from the rest. The second level refers to the relatedness of something to something else, this is 'reaction to something'. The last one is a concept of mediation by which the first and the second are set into a relation (see Peirce 1868). For a recent rendering see e.g. Sheriff (1989: ch. 6.32). Cf. also Morris (Morris 1970: 34): 'The interpretant of a sign is the habit in virtue of which the sign vehicle can be said to designate certain kinds of objects or situations; as the method of determining the set of objects the sign in question designates, it is not itself a member of that set.'

⁵ 'Natural' referring here to the concept of *naturalization*, and so to speak, to the indisputable sphere of the 'cultural'.

semiotics of culture as disciplines examining 'secondary modeling systems'. At the same time, when setting the specification of the 'natural regularities' of semiogenesis as a goal of study, it becomes necessary to find 'the most natural semiotic system'.

In the current paper space is proposed as such a 'natural semiotic system'. Space is a matter where *socium's* general principles of code usage, therefore also 'regularities of modeling', are laid open. At the same time, space is a wholly ordinary environment of everyday life and a *naturally* signified dimension. It is commonplace that the cultural behavior of an individual is largely dependent on how his/her mental map has developed and has been made to develop. Such a map — regarding both the territorial and the conceptual types of it — has several tension situations as principles of its formation (e.g. *high — low, here — there, close — outlying*), the grounding and solution of which progress via semiosis. Thus, it is exactly the territorial map in which the 'rules'⁶ of both individual and *socium's* semiogenesis are manifest; regularities and even norms of semiosis, both as *semiogenesis* and *interpretive behavior*, are explicated as concrete empirical material for study.⁷ At this point one can distinguish between so to speak *primary* (or *initial*) and *secondary* semiosis, the first of which is related firsthand to *signgenesis* and the latter to interpretation. Of course, we are dealing with interpretation as an inherent component of any semiotic activity in both cases — it is present both at the emergence of a sign-situation, when a sign-vehicle is created and triggered off, and also at the sign-situation that emerges at the reception of a sign; — the difference lies in a more implicit nature of the first mode of interpretive activity, and a more explicit one of the latter. In another expression — the first case is concerned with the interpretation of a sign-situation with the goal of generating a sign, and the second one with interpretation of a sign with the intent of evoking a sign-situation. Successively, in connection with stressing these two different types of semioses, two detached semiotic traditions, mentioned above, can be distinguished: the so-called semiotics of the sign which is concentrated primarily on the first aspect (maybe the tradition of biosemiotics can be an example here), and cultural semiotics which has focused on systems modeling via interpretation.

---

⁶ The 'rules' can of course be approached via the mediation of 'average' and 'common'.

⁷ One may also define semiosis as *poiesis* (Aristotle: 'production') plus *praxis* (Aristotle: 'social interaction') (see Merrell 1991: 264, 265).

Now, considering the (geographico-cultural) space to be one of the primary culturo-artifactual semiotic systems [whilst language (in the linguistic sense) would be a *natural system*⁸], then when searching for the regularities of shaping it, one should remain on as similar as possible a level likewise when choosing the 'object language'. This is to say that the discourse of representation analyzed, should also be chosen to be iconic-mimetic, so that the semiotic re-arranging with the function of modeling (or: intersemiotic transformation) would still remain as *natural* as possible. Hence, when space is a substrate for our investigation, then maps, as immediate material for analysis, provide us with such a language for object representation that is correspondingly spatial, at least on the level of form. Furthermore, one can maintain that from the viewpoint of contemporary culturology, maps with the original pragmatic function of geographic databases, can be analyzed as *information* with the reflective function of a societal scale. In other words — this is material which is a result of *social reflective semiosis*, and can therefore be regarded as *semiotic* in the sense of having been cognized. Indeed, this has already been hinted at by Ptolemy, who has said that geography is *representation of the whole known world* together with all that exists in it (see Brown 1949: 61).

The perspective of the current paper on the map as a culturo-historical phenomenon helps to see the quite ambivalent inner nature of this kind of issue: on the one hand we are dealing with a scientific trial to describe a geographic territory as accurately as possible (with the aim of transmitting it as *information* and mainly with pragmatic purposes, though often we must also include ideological purposes in this category). On the other hand, the methods of representation reviewed here have essentially intertwined with cultural history, and what is more important — with the *artistic*⁹. This definitely causes us to meet cultural ideals which also influence products of a practical nature, which brings us to the question of the *proper* interpretation of *cultural units*. The following will try rather to center on the course of the motivational evolution of sign generation (semiosis) in this

---

⁸ On questions on the *primary* nature of natural language, and its connection with 'secondary languages', see Sebeok 1988.

⁹ Quite often the 'artistic effect' may also be a compensation of lack of knowledge. Also, purely practical considerations have to be taken into account (e.g. saleability of map). Cf. also A. A. Radugin (Радугин 1996: 251): 'A characteristic feature of renaissance art was a close connection of science and art.'

complex fusion of different realms. In other words: what is the nature of signs, specifically the *scientific* — *artistic* relation on the level of signs in the maps inspected below? What is to be taken as intentionally *informative* signs in cartographic representations, and how to ascertain the respective boundary of the *context*?

From the textual level to the level of signs

The opposition *scientific* — *artistic* (it does not necessarily have to mean an opposition, but also just a distinction) is one of the main sets of semiotic¹⁰ compositional polarities of the metalingual analytic axis. At the same time it also leads from such a culturosemiotic level to an analytic opposition *index* — *symbol* pertaining to the semiotics of the sign. Of course, the latter can not be considered as a binary opposition, but as polarization with the aim of distinguishing; this helps to analyze the fundamental regularities of semiogenesis, and to create a metalingual typology of signs. This is not the aim of this paper, but we need to touch upon these issues, if we want to treat the **evolution** of cartographic semiosis. In fact, these binaries can be related to a next synthetic axis conjoining the semiotics of the sign and cultural semiotics via its mechanism and regularities of functioning; this is *intuitive meaning* — *discursive meaning*. This may be rendered as an opposition concerning the level of the *text*, but, at the same time it points out that in the description of semiotic systems, the entire system as a modeling mechanism can be reached only after the analysis of functioning on the level of the sign of an examined system. Thus, the *intuitive* — *discursive* binary helps us to determine the peculiarities of a particular semiotic system, in order to ascertain its mode of modeling. It is precisely on the basis of the type of modeling that we can judge the semiotic potential of those systems (i.e. 'the limits of modeling'), their semiogenetic structure, their predictability and prospects for their diachrony, their limits of interpretation, etc., etc.¹¹

¹⁰ Just as well as e.g. psychological ones — see e.g. Tulviste 1984. On the theme of a possible connection between change in the dominant type of thought in society and in the nature of signifiers used in social representations, see also Wertsch 1991, ch. 5.

¹¹ On features of signs, especially those of images as hypoicons, and semiosis as a modeling process, see e.g. Anderson and Merrell 1991: 4. Cf. also N. Houser's inverse comparison of the model to an icon (Houser 1991: 432).

To illustrate the oppositions outlined, we may consider a classical question of the relation between work and its context: is the non-topographic part of a map to be considered as part of the work or not?

Figure 1. The upper-right corner of the *Map of Estonian Cultural History* (1975) by Olev Soans.

For example: is the insignia of Soviet Estonia the work or its context? (See Fig. 1) Or are we dealing here with *context switched into the work*? — It is interesting that the map has not been entitled *Map of Cultural History of Soviet Estonia*... Solutions to these problems at interpretation are definitely dependent on culturally specific knowledge, so for attempts to describe the relevant interpretive processes, we have to take into account also the so-called culturally specific abductions.

In this light, keeping in mind also the *intuitive — discursive* relation, and regarding the problems of individual perception and spatial

cognition, (culturo-historical) maps analysed in the current paper are semiotically especially condensed social representations. This stems from the fact that, for a scholar, these already exist as meta-information concerning culture-specific communication, and the intentional tradition of the latter. In addition, these are examples of the development of the *langage* of art, specific to a given culture. Such a process can be described as a kind of intracultural 'dialogue between the author and the audience' in which the makers and users of maps are representatives of the two parties of communication i.e., of 'the process of sharing'. The cartographic examples observed will help to give an overview both of the culturosemiotic evolution of modeling, and of the semiotic sign-generation¹² that conjoins the two fields. So, describing the sign-semiotic structure of culturo-historical maps, we shall progress from the *index* — *symbol* polarity. Let us start with an example that touches upon the *index*. We should be reminded that the *index*, from a standpoint of cartography, has been a major means of any mapping. A vivid example here is old marine cartography where, for navigational purposes, the coastline was depicted by the most visible littoral buildings and cityscapes (rarely by comparatively less persistent natural objects); so that the *cultural* objects on maps could indicate to a mariner the conditions of nature (see also Ehrensverd et al. 1997: 108–109).

The index as a sign can in turn be divided into at least two: (a) index as a semantic unit, and (b) index as a pragmatic unit. In the first case we are dealing with a 'plenipotent sign' where index has been switched into the sign situation i.e., where the index is semiosically strongly relevant. At the same time index as (merely) a pragmatic unit is just an 'assistant-sign' that simply has a directive function with

---

¹² Of course, the question here is not simply in taking one or another specific type of sign to be the basis for a typology, but in a fundamental distinction between a *motivated* and a *conventional* sign. Still, in the current context we will not use the notion *motivated* (like e.g. F. de Saussure or J. Piaget), since this would inevitably leave us simply into the limits of culture-generated artifacts. Instead, we shall progress from the distinction *natural* — *conventional*, where the foremost refers both to naturalness (hinting at the *inherent*), and in connection with that, also to a certain bondage with nature (hinting at the *instinctive*). The latter, the *conventional*, points at the culture-genetic, at the symbolic, at the sanctioned. Of course, all this 'is coded into the process of coding'. Thus, we shall take for the basic opposition *index* — *symbol*. Cf. A. M. Pjatigorskij's distinction between the *sign* and the *signal* according to the observer (Пятигорский 1996: 37).

respect to semiosis. In other words, in the case of a sign of this type, semiosis is dependent on **two** main aspects — one of them concerning the message, and the other one concerning the situation of communication. Of course, it is not possible to differentiate between them, but just to outline them as distinct and complementary aspects; conclusively and illustratively this can be called the ‘title-effect’¹³ (see Fig. 1). In this way such an index is always a **part** of a message and its switching into semiosis depends on the actual situation of communication: whether or not it will be recognized at all, whether it will be rendered *important* or not, or whether it has any importance for the process of message decoding at all. In contrast, the first type of index is a unit that itself constitutes the message; if the latter is semantisized, then the relevant index **has** to switch into semiosis (e.g. a classic example ‘smoke → fire’)¹⁴. In clue, we can maintain the consequential nature of the index.

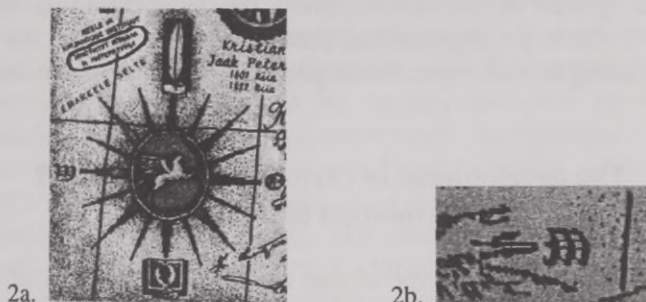

Figure 2. a — The the upper left corner of the *Map of Estonian Literary History* (1978) by Olev Soans; b — An element from the right-hand side of the same map.

An intermingled example can again be drawn from O. Soans’s work (see Fig. 2a). This is a wind rose adapted for the literary context and is to provide a co-ordinative frame so to speak, for literary-spatial orientation, being therefore an ‘appropriately’ re-semantisized unit of cartographic signification. This is the spot where the wind rose with the

¹³ For an example see Tannenbaum’s clear example of a picture of an emotional meeting at the railway station; the result of interpretation depends on its title — either it depicts departure (‘a sad picture’) or meeting, reunion (‘a happy picture’) (Tannenbaum 1966: 483).

¹⁴ A separate question is, if a given sign is interpreted as indexical, or not.

cardinal points is usually located (see also the *Map of Estonian Cultural History* by O. Soans). Therefore, as we are dealing with a similar manner of mapping, we could equalize the discursive logic, too. Still, on the other hand — as the whole map has been composed using outstanding personalities, etc., we can infer that a badge of distinction is involved. This is indicated by the labels of five literary societies and literary trademarks; in this connection it is remarkable here that the pictogram pointing to the West, is not indexical — at least a matching one has been situated to the East — on Lake Peipsi (Fig. 2b). A similar ideologization of devices definable as belonging to the field of sciences can be found in French maps in which, after the French Revolution, there emerged a custom of replacing the cartographically traditional north-indicating top of the wind rose — the lily — with a red cap (see Ehrensverd et al. 1997: 146). This is definitely a worthy example of the intrusion of units pertaining to cultural and ideological signification systems, into the semiotic system of an exact science, the latter being in fact an 'objective' basis for physical and conceptual orientation in the world that, according to such logic, should precede ideological discourse.

The development of cartographic praxis and the evolution of semiosis

As mentioned above, the type of sign used by the composer of a map depends, besides his (one can hardly find any female cartographer in the period of our interest) knowledge, also on the aim with which a cartographic representation has been created. When looking at older maps interesting for our context, quite often the evident intentionality with which the map has been created can be discerned. This means that we are not dealing with a mere coding of geographic territory, but with coding that is proceeding with a certain bent and through a certain filter of intentionality, which has been influenced also by the cultural context of a given epoch in the sense of the socialization and internalization of the signs used.

As the process of elaborating conventional cartographic signs is a long-term process, and in its nature an utmostly ideological and conceptual one, it is natural that the first signs to be used were the pictographic ones, which in semiotic terms had the origin and function of an index. Frequently the issue was about depicting visual trajectory of specific itineraries, e.g. of pilgrimages, marine routes, etc., whereby

the signs used were closely tied with the actual context both environmentally and also thematically, so — essentially different sequences of objects were chosen for maps of specific purposes. Thus, due to (a) the original function of the map, and (b) privation of conventional signs (of the legend), largely pictographic sign-sketches of settlements' dominant buildings with the 'most representative power' were used for guidance. This points to an interesting fusion of, or at least interaction with the actual map, individual cognitive map, and [orientational] schema originating from socioculturally traditional use of the environment.

The first world maps had a similar nature, i.e. — *familiar* objects were used to represent the world-view transmitted by a relevant work; thereby — those objects belonged usually to the sphere of *cultural units* (or: *cultural facts*). Naturally, these kinds of objects were dependent on the ideology and religion currently at power — this can be explained by two reasons. On the one hand this was due to purely pragmatic considerations (e.g. mere problems of censorship connected with publishing a map), and on the other — such a map needed to be *understandable* i.e., it had to be socially accepted (or at least acceptable), *readable* in its contemporary sociocultural context. Hence, one can also call *mappa mundis* of this kind projections of *socium's* ideologized *Umwelt*. Society's world-view was mirrored in the constituents of a (world) map. The *world* was represented through the most concentrated objects i.e., through the most well-known objects of *known* settlements; so the signs used can also be called iconic-indexic (representing a settlement by means of a building and also indicating its location).

However, the set of signifiers of similar maps was already in tandem with ideological motivation (e.g. construing the *world* concentrically), so that when considering indexiality to be the primary function of such an iconic sign, it already had at the same time a strong connotative flavor¹⁵. On the level of the sign, the composing of maps becomes from here on more and more abstract and tied up with connotations. Correspondingly at interpretation, a map demands more and more knowledge, as well as being well informed about the relevant ideology. Figure 3. can be drawn as an example for that 'transition period'. The level of socialization of signs brought along a

---

¹⁵ On paradigmatic and symbolic connection of the index and *imago mundi*, see e.g. M. Singer 1991: 103–106.

change towards greater abstraction in their nature¹⁶. From the given map we can see that the area depicted still has a definite dominant city [Jerusalem (in circled area)], but we can already note hierarchization in their description. The development of the latter process leads to the use of conventional cartographic signs, according to the importance of a relevant settlement. This of course required **knowledge** at interpretation, just as well as anticipation of the ideological conception of the composer of a map by its user (as there was no legend for reading a map yet).

Figure 3. An extract from *Palestine* (from *Theatrum Orbis Terrarum*) by Abraham Ortelius (1570).

¹⁶ On a similar process in everyday life, see M. Krampen's treatment of traffic signs (Krampen 1983).

From this period onward, the set of cartographic devices changed continuously towards abstraction in the direction of conventional signs in the form of a map legend. Figure 4. demonstrates that for signifying the 'culturo-spatial' contents of a represented territory, textual code was used more and more for the purpose of commenting upon cartographic signification; the latter developed further towards 'signification' condensed into iconicity (in the form of a cartographic legend). For instance, this excerpt from *Carta Gothica* (later *Carta Marina*) by Olaus Magnus (1539) depicts an area to the North of Finland, and has a comment for an image of a boat: 'Many boats are built here and they are fastened with reindeer sinew' (see Ehrensvärd et al. 1997: 156). One may also evaluate such a tendency as inclined to mercantile world view — "Western Europe viewed the rest of the world in terms of Newfoundland fish, Canadian furs, Spanish-American gold and silver, African slaves, Chinese silk and porcelain, Asian spices, and so on" (Campbell 1981: 8). This also means a change in maps toward the less representational and less representative in the aspect of depicting cultural history (in an explicit manner); therefore, we will not proceed to examine this further.

Figure 4. An excerpt from *Carta Gothica* (later *Carta Marina*) by Olaus Magnus (1539).

Semiotic status and function of the sign on culturo-historical maps

The above briefly sketched evolution of the sign may be described on two axes: *index* — *symbol*, and *mimesis* — *significational representation*. Semiotically, these two oppositions are of course interconnected: the second one characterizes the level and the type of modeling, depending in turn on the solution of the first opposition. As also mentioned above, we are not dealing here with a binary alternative, but with poles of an axis of characterization of the sign type. These two oppositions also hint at a possible solution to an illusive difference between semiotics of culture and semiotics of sign. In connection with the symbol as a means of construing a model, we have to refer to a treatment of model by E. T. Hall, who asserts the function of the model for an artist (the authors of the maps viewed here were definitely artists, too) to be an instrument for filling gaps in visual memory. For this reason a model is a pseudoreality (compare with Merrell's treatment of 'semiotic reality', see e.g. Merrell 1992: 39–40, 44–45) created in the course of communication (see Hall 1981: 12). For Hall this is connected with the 'screening function of culture' which lies in *socium's* self-defense against informational overload (Hall 1981: 85). Taking this treatment into account, symbol, as an information carrier, has hence quite an ambivalent constitution, comprising of informational condensation on the one hand, and on the other 'postponing' the decoding of information (as a 'minus device'). This kind of possible mutation of information contained in messages, or even shelving or exclusion of it from a message, is avoided by 'internal contexting' (Hall 1981: 117) on the level of the individual. Such possible deviations are **automatically** corrected according to a situational frame. The creation of the frame is, in turn, no doubt relative to differences in sign situations, primarily of course with so to speak, limits of the sign.

Another, perhaps somewhat indirect, possibility for the current theme to clarify the characteristics of signs via their taxonomy may be based on an opposition of the nature of general semiotics. Here the unit of information transmission making *natural* semiogenesis possible is the *signal* or the *natural* sign as a transmitter of data with an *informative* structure. Thereupon the other pole of the relevant axis of description would be the sign as a transmitter of *meaning*. In such a case a criterion of differentiation is **information**, its enrollment into

the structure of communication of the source of information (see Чепров 1993: 16–22; Hoffmeyer and Emmeche 1991: 117), limits of interpretation that still preserve the meaning (see also Eco 1991), etc.

Anyhow, despite the terminological resolution of the taxonomy created, the structural moment of the hierarchy of sign is the level of its connection with referent:

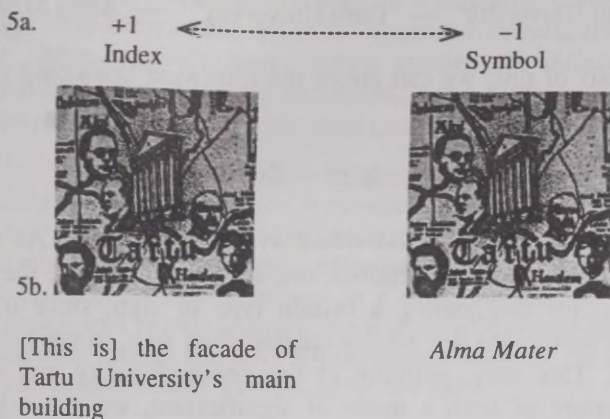

Figure 5. a — The 'naturalness' of the connection between the signifier and the signified. b — Application of the sketched metalanguage to an element from the *Map of Estonian Literary History* by Olev Soans.

So, a structural criterion for a taxonomy of signs, on the level of general semiotics, is the 'naturalness' of the connection between the signifier and the signified, the connection of the sign with its referent (see Fig. 5). Evidently, this kind of differentiation possibility does not apply for the sign vehicle (or Representamen), but precisely for classifying the *sign*. As we can see, this 'raw opposition' is also applicable for social (self-) representations; i.e. to the analysis of objects of social and cultural semiotics where this extends to quite a wide area (e.g. decrease of the level of mimesis (+1) and increase on the level of the metaphor (-1); presentation (+1) — representation (-1); mimesis — signification, etc.). From the point of view of the current paper it is important that at the decrease of a sign's connection with its referent, the level of 'sign's' specialization, but also the level of its generalization (in the sense of being context-specific) — rises. Due to the close relevance of its signifier and signified, just as well as due to the chronological and/or spatial proximity of the relevant

semio-genetic and interpretive activity, index can be called a ‘lump’. Symbol, on the other hand, is rather a ‘descriptive’ signifier. A respective dispositional axis of the sign-function would thus be:

Deictic — Nominative — Significative,

‘This is the facade
of the Tartu University’ — ‘Tartu University’ — ‘Alma Mater’

On the basis of this, we can create the following branching range of the sign:

→ Signal — Index — Icon — Symbol | Sign.

Here *sign* appears as an individual synthetic category. As we saw above, in contemporary semiotics, one should avoid using the expression ‘sign’ for designating a certain type of sign, since often the respective definitions are wholly contradictory (e.g. in the case of the ‘symbol’). This way, pointing at the conventionality and context-specific nature of such a mode of signification, we can regard the ‘sign’ as a category of generalization. At the same time we can not form such a generalization, if we remind ourselves of Peirce’s ‘semiotic potential’ (in other words — the level of connection between the sign and the referent object) determining the type of a sign. Thus we come to the theme of intersemiotic fusion for which deixis serves as a ‘fulcrum’. As Larsen (1994: 262) has put it, “[So] if a sign system does not contain sufficient deictical elements, equivalents will always be produced, either in the same sign system [...] or in an another sign system [...]. Thus, the deictical function will always open for an intersemiotic activity.”

Evolution of iconicity toward intersemiotic discourse

Let us now come back to the ‘background object’ of the current paper. Above, we viewed maps that can be considered as representing cultural history both in the aspect of their direct and indirect purpose. Their first type could be illustrated by the works of the Estonian artist Olev Soans. The second case concerns maps that may be considered culturo-historic in their subintentional aspect — basically geographic maps liberally up to the present century. The semiotic basis on the

level of signs is very expressive in the case of similar maps, especially when examining those by O. Soans, which are quite unique specimens illustrating the evolution of cartographic significative habitude. For an example, in order to continue the discussion started above on the basis of these samples, we can refer to the signification of cities (but also of other settlements and regions). At this practice, such symbolic signs are used which have a general feature of expressing certain connotations that have been socialized in the course of cultural tradition. In our case, these symbolic signs, which condensely reflect cultural history, have been concentrated into iconic signs. Following Ch. Peirce, F. Merrell associates icon with 'pure consciousness' i.e.,

'the icon is most deeply rooted in pure consciousness, that is, in immediate awareness before there is awareness of something as such-and-such. It is a representamen to what it represents, and an immediate image for the mind mediately to interpret. Moreover, an icon can also belong to past experience. It exists in memory as a *might possibly be*, as part of one's background knowledge lying in a state of readiness to be conjured up in the mind (though this is not always an intentional act, for memory is often a dictatorial censor)' (Merrell 1991: 249–250).

Let us add here also a C. W. Spinks' citation of Peirce on the communicative status of the icon:

'The icon is 'the only way of directly communicating an idea...; and every indirect method of communicating and idea must depend for its establishment on an icon or set of icons, or else must contain signs whose meaning is only explicable by icons' (CP: 2.278). The Icon is the initial complexus of the Semiotic, and it is the basis of hypothesis, discovery, and all deductive reasoning' (Spinks 1991: 445).

From here we can see that the icon is not so much definable as an object, but more as a *model* that has been *construed to present* an object. Comparatively, the icon, in respect to its boundness with referent (in the aspect of chronological and spatial contiguity) is observable as a sign pertaining to the present; the symbol is called into being i.e. *something* is cognized, if a certain set of presuppositions is actualized in a certain context. Thus, in its general features the icon is intensional, the index extensional, and the symbol binds extensionality with immediate consciousness (see Merrell 1991: 249). Therefore, we are not dealing with the sign as a 'representamen' which would allow isolated treatment, but with a most eloquent example of the sign as a

key constituent of a secondary modeling system.¹⁷ Consequently, we can consider the alike signs as elementary constituents (e.g. the 'geometrical archetypes') of *Habit*, which acquire their functionality through *Thirdness*. Spinks has noted:

'The semiotic punctuation of Pure *Firstness* <italics mine — A. R.> is a digital approximation of an analog continuum, but at the same time the regularities of icons are the beginnings of periodicity. The correspondence may be of the sign to its object, but the calculation of the sequences of event into the regularities and repetition of periodicity is the breaking of Chance by Habit, for Habit is a periodicity!' (Spinks 1991: 451).

So, we can summarize the course of the process of cartographic signification sketched above, both from the aspect of cultural semiotics and in respect to the semiotics of the sign, in the form of the following range: (a) semiotization of a unit of 'physical reality', and its transformation into a cultural unit → (b) conventionalization of interpretation of a cultural unit → (c) transformation into an icon → (d) conventionalization of the icon → (e) schematization of the interpretation of the icon. This semiotic development can be related to general structures of culture as the latter is opposed to its source, the 'non-cultural' (Fig. 6).

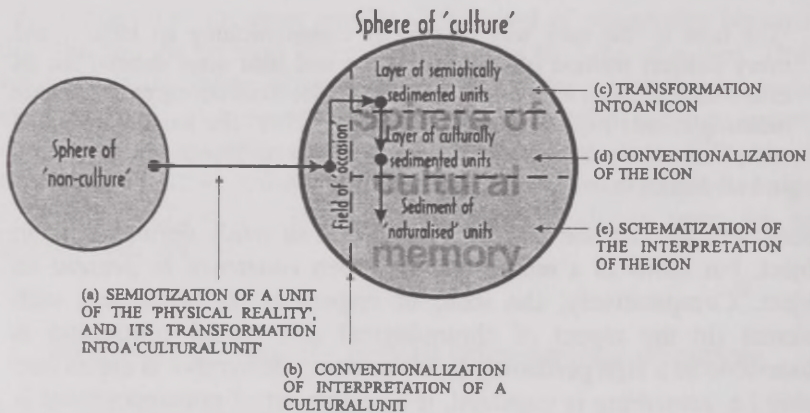

Figure 6. The course of evolution of cartographic semiosis as an example of interrelated semiotic processes on the level of the sign and of culture.

¹⁷ Let us refer once again to Spinks who, following Peirce, says: 'The effect of icons upon consciousness is the production of concept' (Spinks 1991: 446).

In the current figure, the sphere of culture has been split into two: (a) field of *occasion*, and (b) sphere of cultural memory. The first is the zone making cultural development possible both via intracultural circulation processes ('cultural units' that diachronically pass the zone of activation and re-semantization, contacting thereby with the zone of 'occasion') and via culture's collisions with that which, from an 'insider's' viewpoint, remains outside it. We can demark the borderline between the field of occasion and the sphere of cultural memory by conventionalization of a cultural unit, i.e., by sociocultural registration of a unit as belonging to cultural discourse proper. In turn, the sphere of cultural memory is divided into three layers: in the first one semiotic tensions are settled and brought together into a sign (it does not seem to be proper to equalise 'cultural units' with purely semiotic phenomena). The second layer is concerned with cultural adjustment of the results of the previous level with cultural tradition. This is connected with 'legislation' of the interpretation of the sign according to cultural context, and its settling into the deep structures of cultural memory where, via the naturalization process, its use becomes automatic. In fact, one can also interpret such a development as a change from the iconic level of the sign to the level of the symbol — via the schematization of the interpretation through the icon — and reach the notion *hypoicon* (Peirce), but in our context the example rather serves as an instance of the complementary nature of social and cultural semiotics, and of the semiotics of sign.

Such a course of development of a unit from the outside of the cultural discourse into and inside the latter, can be illustrated for example by the semiotic schematization of the facade of the main building of the Tartu University to a reduced image. This kind of process is definitely also influenced by social and other factors (trade, tourism). Consequently, we have to admit the interconnected nature of 'reality' and semiotic reality, and the intertwined nature of semiosis on the textual level and on the level of the sign. Interpretation of representations of the physical realm is influenced by the 'semiotic luggage' of cultural memory, subjecting in turn those very representations to social reflective semiosis. Therefore it does not seem to be correct to view products of humane semiosis as meaningful through their [internal] textual structure, but to analyze them as manifestations of society's understanding of the *meaningful world* i.e., to analyze them not as 'semiotic phenomena', but as 'semiotic phenomena', the latter hinting at sociocultural meaning-making, and involving also

thereby analysis of the semiotic status of signs as it has developed in the course of social semiosis¹⁸. So, when we picked up maps as [spatial] illustrations of the conceptualization of space, we met the intersemiotic nature of different relations: *text* — *signs composing that text*, intersemiosis on the very level of signs, on the level of relations between signs as units representing physical reality and the latter. Also, it is important to note that the contrasting of the *text* and the *image* — the former taken as a representation of the latter (e.g. map as a text representing 'image of the world') —, and relating them respectively to structural analysis (assigned to cultural semiotics) and sign-semiotic examination, ought to be replaced by an understanding of their complementary nature.¹⁹

References

- Anderson, M., Merrell, F. (1991). Grounding Figures and Figuring Grounds in Semiotic Modelling. In: *On Semiotic Modelling*. (= Approaches to Semiotics 97). M. Anderson, F. Merrell (eds.), 3–16. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Brown, A. L. (1949). *The Story of Maps*. Boston: Little, Brown & Co.
- Campbell, T. (1981). *Early Maps*. New York: Abbeville Press.
- Eco, U. (1991). *The Limits of Interpretation*. (= Advances in Semiotics). Bloomington: Indiana University Press.
- Eco, U., Bierwisch, M. (1986). Interpretant. In: *Encyclopedic Dictionary of Semiotics*. T. A. Sebeok (ed.), 385–387. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Ehrensward, U., et al. ([1995] 1997). *Mare Balticum: The Baltic — two thousand Years*. Otava, Helsinki: Otava Printing Works.
- Greimas, A. J. (1990). *The Social Sciences: A Semiotic View*. Foreword by P. Fabbri and P. Perron. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Hall, E. T. ([1959] 1981). *The Silent Language*. Anchor Books.
- Hoffbauer, J. C. ([1789] 1991). *Semiological Investigations; or, Topics Pertaining to the General Theory of Signs*. Ed., transl., and with an introduction by R. E. Innis. (= Foundations of Semiotics 4). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

¹⁸ See also P. Thibault: 'The dynamics of social meaning making practices cannot adequately be separated from the analysis of the textual products and records that are made and used in and through those practices' (Thibault 1991: 11).

¹⁹ The author would like to thank Professor Peeter Torop and Professor Kalevi Kull for helpful advice and instruction.

- Hoffmeyer, J., Emmeche, C. (1991). Code-Duality and the Semiotics of Nature. In: *On Semiotic Modelling*. (= Approaches to Semiotics 97). M. Anderson, F. Merrell (eds.), 117–166. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Houser, N. (1991). A Peircean Classification of Models. In: *On Semiotic Modelling*. (= Approaches to Semiotics 97). M. Anderson, F. Merrell (eds.), 431–439. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Krampen, M. (1983). Icons of the Road. *Semiotica, Special Issue*. Vol. 43(1/2).
- Manetti, G. (1993) *Theories of the Sign in Classical Antiquity*. (= Advances in Semiotics). Transl. by C. Richardson. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
- Merrell, F. (1991). Model, World, Semiotic Reality. In: *On Semiotic Modelling*. (= Approaches to Semiotics 97). M. Anderson, F. Merrell (eds.), 247–283. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Merrell, F. (1992). *Sign, Textuality, World*. (= Advances in Semiotics). Bloomington: Indiana University Press.
- Morris, C. (1970). *Foundations of the Theory of Signs*. (= Foundations of the Unity of Science: Toward an International Encyclopedia of Unified Science, vol. 1, No. 2). Chicago: The University of Chicago Press.
- Larsen, S.-E. (1994). Representation and Intersemiosis. In: *Peirce and Value Theory: On Peircean Ethics and Aesthetics*. H. Parret (ed.), 255–276. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Peirce, C. S. (1868). *On a New List of Categories*. Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences 7.
- Peirce, C. S. (1985). Logic as Semiotic: The Theory of Signs. In: *Semiotics: An Introductory Anthology*. (= Advances in Semiotics). R. E. Innis (ed.). Bloomington: Indiana University Press.
- Riggins, S. H. (1994). Fieldwork in the Livingroom: An Autoethnographic Essay. In: *The Socialness of Things: Essays in the Sociosemiotics of Objects*. (= Approaches to Semiotics 115). S. H. Riggins (ed.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Rollin, B. E. (1976). *Natural and Conventional Meaning: An Examination of the Distinction*. (= Approaches to Semiotics 45). The Hague: Mouton.
- Saussure, F. de (1982). *Cours de linguistique générale*. Ch. Bally, A. Sechehaye (eds.). Paris: Payot.
- Sebeok, T. A. (1988). In What Sense Is Language a 'Primary Modeling System'? In: *Semiotics of Culture*. H. Broms, R. Kaufmann (eds.), 67–80. Helsinki: Arator.
- Sheriff, J. K. (1989). *The Fate of Meaning: Charles Peirce, Structuralism, and Literature*. Princeton: Princeton University Press.
- Singer, M. (1991). *Semiotics of Cities, Selves and Cultures: Explorations in Semiotic Anthropology*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Spinks, C. W. (1991). Diagrammatic Thinking and the Portraiture of Thought. In: *On Semiotic Modelling*. (= Approaches to Semiotics 97). M. Anderson, F. Merrell (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter.

- Tannenbaum, P. H. (1966). The Indexing Process in Communication. In: *Communication and Culture: Readings in the Codes of Human Interaction*. A. G. Smith (ed.). New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Thibault, P. (1991). *Social Semiotics as Praxis: Text, Social Meaning Making, and Nabokov's Ada*. (= Theory and History of Literature 74). Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Tulviste, P. (1984). *Mõtlemise muutumisest ajaloos*. (= Mosaiik 37). Tallinn: Valgus.
- Wertsch, J. V. (1991). *Voices of the Mind: A Sociocultural Approach to Mediated Action*. (= Theoretical Imagination in Psychology). London: Harvester Wheatsheaf.
- Пятигорский, А. М. (1996). *Избранные труды*. (= Язык. Семиотика. Культура). Москва: Школа 'Языки русской культуры'.
- Радугин, А. А. (1996). *Культурология: курс лекций*. Москва: Центр.
- Чертов, Л. Ф. (1993). *Знаковость: Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи*. С.-Петербург: Издательство С.-Петербургского Университета.

Знак как социосемиотический объект: эволюция картографического семиозиса

Автор исходит из положения, что социосемиотика представляет собой сферу пересечения семиотики знака и семиотики культуры. Этим общим подходом обоснован анализ конкретного объекта — географических карт.

Отмечается, что значение текстуального объекта изучения зависит от характера тех знаков, посредством которых *текст* построен. Знаки не являются “текстуально данными”, они должны рассматриваться как проявление функционирующего на общественном уровне семиозиса. Таким образом, семиотика должна подходить к своему объекту изучения как результату семиозисного **процесса**, который свое значение приобретает соответственно тому, как происходили означивание того или иного некультурного элемента и перенос его в сферу семиотической реальности.

Самой ‘естественной’ семиотической системой является для человека пространство. Здесь проявляется наиболее явно и ‘система правил’ семиозиса. Но исследователь не может судить о значении пространства на основе своих представлений о характере и наполненности последнего (используя, напр., статистические данные), он должен опираться на то, как само общество описывает свое жизненное (или *культурное*) пространство. Т.е. исходить следует из пред-

посылки, что объект изучения имеет значение до семиотического анализа и не зависит в своем значении от точки зрения исследователя. Мы можем рассмотреть оппозицию *неозначенный* — *означенный мир* лишь предположив, что *означенный мир* является общественным конструктом. *Общественный конструкт* как производное коммуникативных процессов можно изучать в его конкретных проявлениях — последние позволяют понять и сущностную связь индивидуального и коллективного, зависимость представлений индивида об окружающем его культурном тексте от господствующего в соответствующем социуме понимания соотношений знак/знаковое сообщение/ знаковая система — “реальность”.

Так как любое значение является в культуре результатом определенного соглашения, его можно рассмотреть не столько как явленное структурное, как процессуальное. Наш анализ конкретного объекта — географических карт — опирается именно на такое понимание значения. Картографический семиозис или эволюция означивания, как она отражена в истории изменения карт, может через симбиоз знакового и культурносемиотического аспектов быть описан следующим образом: (а) означивание физической единицы и ее трансформация в единицу культуры → (b) конвенционализация интерпретации единицы культуры → (c) превращение ее в иконический знак → (d) конвенционализация иконического знака → (e) схематизация интерпретации иконического знака. Эта цепочка представляет создание значения как “Привычную” (Пирс) интерпретацию как при создании, так и восприятии сообщения, что, в свою очередь, связывает проблематику семиотики знака с изучением знаковых систем. Т.е. развитие семиозиса на уровне знака связана с развитием семиотической макросистемы в сфере общей семиотической реальности культуры. Оно охватывает изменения в культурной памяти, — сперва на уровне семиотически отстоявшихся элементов, затем на уровне культурно отстоявшихся элементов, — и, в итоге определяет пласт культурно “опривыченных” единиц.

Märk sotsiosemiotika objektina: kartograafilise semioosise evolutsioon

Artiklil on kolm peamist käsitusobjekti: (a) püüe vaadelda sotsiosemiotikat kultuuri- ja märgisemiotika puutevaldkonnana, (b) teha seda inimkultuurse semioosise ühe valdkonna arengukulgu jälgides, (c) võttes selle valdkonna analüüsimaterjaliks kaardid.

Arutletakse tekstuaalse uurimisobjekti tähenduse sõltuvusest nende märkide iseloomust, milles vastav *tekst* on koostatud; need märgid aga ei ole vaadeldavad kui 'tekstuaalselt antu', vaid kui ühiskonnalisel tasandil toimiva semioosise avaldumisnähe. Seega peaks semiootika lähenema oma objektile kui niisuguse semioosiselise **protsessi** tulemile, mis on oma tähenduse omandanud vastavalt viisile, kuidas mingisugust mittekultuurilist ühikut on tähendustatud ning kultuurilisse sfääri ehk semiootilisse reaalsusesse üle kantud.

'Kõige loomulikumaks' semiootiliseks süsteemiks, mille keskel inimene elab ja mida ta teiselt poolt tähenduslikuna kujundab ning milles seetõttu semioosise tavad ja 'reeglistik' enim avatuna esile peaks tulema, peetakse antud kontekstis ruumi. Uuriija ei saa aga ruumi tähenduse üle otsustada pelgalt selle põhjal, mida ta ise arvab seal sisalduvat (ka nt statistiliste andmete vms järgi), vaid selle põhjal, kuidas antud ühiskond oma eluruumi (või *kultuuriruumi*) kirjeldab. See tähendab, et semiootilisele analüüsile eelnevalt on vastav objekt juba tähendustatud ega sõltu oma tähenduses üksnes sellest, mida peab õigeks uurija. Nõnda saame läheneda vastandusele *tähenduseta* — *tähenduslik maailm* ehk *tähendus-tamata* — *tähendustatud maailm* üksnes eelduse kaudu, et *tähenduslik maailm* on ühiskondlik konstrukt. *Ühiskondlik konstrukt* kui suhtlusprotsessi tulem on analüüsitav oma produktide kaudu, viimased näitavad ka individuaalse ja kollektiivse tähendusmaailma olemuslikku seotust ning indiviidi arusaama sõltuvust end ümbritsevaist kultuuritekstidest vastavalt sootsiumis domineerivast arusaamast märgi/märgilise teate/märgisüsteemi/ suhtest "reaalsusse".

Kuna igasugune tähendus on kultuurilisel tasandil mingil viisil kokkuleppe resultaat, siis saab seda vaadelda mitte niivõrd strukturalistliku kui protsessuaalsena. Käesolevas töös on konkreetseks analüüsimaterjaliks kaardid kui kirjeldused. Kartograafilise semioosise ehk tähendustamise areng — nii nagu see kaartide muutumisel ajaloos peegeldub — osutus märgilise ja kultuurisemiootilise aspekti sümbioosis järgmiseks: (a) füüsilise reaalia ühiku tähendustamine ja selle transformatsioon kultuuriühikuks → (b) kultuuriühiku tõlgenduse konventsionaliseerumine → (c) muutumine ikooniliseks märgiks → (d) ikoonilise märgi konventsionaliseerumine → (e) ikoonilise märgi tõlgenduse skematiseerumine. See ahel peegeldab ka tähenduse loomist kui 'Harjumuslikku' (Peirce) interpretatsiooni nii teate loomisel kui saamil, mis nõnda seob märgisemiootilise problemaatika semiootiliste süsteemide uurimisega. See tähendab, et semioosise areng märgilisel tasandil haakub semiootilise makrosüsteemi(de) arenguga kultuuri üldise semiootilise reaalsuse sfääris. See kaasab muutused kultuurimälu (a) semiootiliselt ladestunud elementide kihistuses, seejärel (b) kultuuriliselt ladestunud elementide kihistuses ning määrab viimaks kultuurimälu (c) 'loomulikustatud' ühikute ladet.

Totality of semiosphere

Review: Jesper Hoffmeyer, *Signs of Meaning in the Universe*.
Bloomington: Indiana University Press, 1996¹

Sergey V. Chebanov

The book by Jesper Hoffmeyer is, to the best of my knowledge, the first monograph (and not a mere set of articles by one or more authors) on biosemiotics. This makes it exceptionally important not only for laymen, but also for many biologists and philologists/ linguists, often ignorant of the very existence of such a neighbouring discipline.

The book under review has an additional meaning and importance due to its style, which is not purely academic rather written for the general reader, and thanks to its author, an experienced journalist and a youth leader from the 60s (besides his molecular genetic background). This genre (full of metaphors and poetic expressions) though makes it hard to criticise the book from a professional position and the discussion is only possible if we avoid being too scholarly and exact.

The reviewer, however, cannot totally avoid such dry matters, as, for example, the notion of sign, because in the understanding of this notion Hoffmeyer (p. 18) follows Peirce, whereas the reviewer adheres to de Saussure. It may be true that, in the light of U. Eco's (1984) work, the controversy of these two positions should not be deemed very important, but, despite perceiving the irrelevance of a detailed discussion of the question, I would like to point out one circumstance.

The point is that Peirce's (or, more exactly, Peirce's in Hoffmeyer's treatment) understanding of sign involves the question, what is not a sign? After all, any measuring device satisfies the definition of a sign as "a relation between three factors: (1) ... the sign vehicle ...; (2) the object ... to which the sign vehicle refers ...; and (3) 'the interpretant' i.e., the system which construes the sign vehicle's

---

¹ For other reviews of J. Hoffmeyer's book look *Semiotica* 120(3/4), 1998.

relationship to its object" (p. 19). But measuring devices are only physical objects and hardly signs, although they are calibrated. There exist some purely physical processes, in which a kind of calibration takes place, for example the selection of particles by oscillation when building into a crystal under certain conditions. Another example is a kind of calibration of small trigger-type fluctuations, which provokes phase transitions from metastable states. It seems that there is no reason to presume semiosis in all these cases such as the above. Or, if we do, one has to imagine what physics and chemistry would be rewritten in semiotic terms.

This is the point where de Saussure's approach to the sign, as based on the idea that the sign is not a mere conjunction of two fragments of the world thanks to 'the interpretant', but an intersection of two different worlds, one of which is the world of sense, seems to be preferable. In such an approach, there will be no sign where there is no sense, as in physical or chemical processes.

De Saussure's approach has the advantage of delimiting the boundaries of the science of semiotics not coinciding with the boundaries of knowledge in general, while Peirce's approach does not do this, since he understood "logic ... as the science of the general laws of signs" (p. 18). We have to remember that in Peirce's time nothing was known about those quite common small trigger-type fluctuations that provoke phase transitions from metastable states, which are now widely investigated in different fields: in the theory of dissipative structures, nonequilibrium thermodynamics, theory of catastrophes, etc., not to mention the very wide application of triggers, primarily electronic ones, in modern engineering. Of course one may use such a general understanding of sign as an aggregate of any two fragments of the world and then discriminate between two types of signs — signs of natural objects and signs of sense. Instead, I would call the first of them symptoms, usable for object identification and reconstruction from fragments, whereas the second would be called signs, the semiotic means. It is obvious, however, that the perception of such signs in nature will be strongly hampered by the problem of detecting the sense.

This could be done in one of at least two ways.

First, one can go the way of descriptive analysis, which would be quite natural for modern science. Then the analysis of distributions would allow us to suppose sense in a succession of sign vehicles. What is more, the nature and procedures of distribution analysis, as

such, are quite similar to genetic recombinant analysis, while genetic systems are the first to make us think that living beings are of a semiotic nature. So why does there not exist the descriptivist descriptions of biosemiosis, especially since in that case the Peirce's understanding of the sign would be applicable?

Second, one can take the mentalist way, based on the direct perception of sense in a situation. It is worth noting, in this context, that the idea of semiosis is not only relevant to the notion of hereditary code, but also stands as a basis for the central dogma of molecular biology. The heuristic productivity of the idea of code in biology is really astonishing! The presumption of sense, however, in living beings meets the difficulty of the double standard used in anthroposemiotics and biosemiotics.

On the one hand, anthroposemiotics emphasises arbitrariness and freedom in establishing the relation between the plan of expression and the plan of content for an anthroposemiotic sign. Such an approach is, however, based on the study of phenomena without any interest to the problems of neuro- and psychosemiotics, which makes it short on empirical data.

On the other hand, both the methods, used for studying biosemiosis, themselves and the wish to answer the questions posed by anthroposemioticians (and particularly, by linguists) lead to the situation that in biosemiotics the mechanisms are better studied. The paradox is that anthroposemioticians studying phenomena, when they are presented with some mechanisms witnessing biosemiosis, treat the fact of the existence of mechanisms as an indication of the inexistence of semiosis, since semiosis, in their opinion, should be free of mechanisms.

This problem is formulated by J. Hoffmeyer as the possibility to overcome "Descartes' old dualism ... only ... by reducing ... psychological phenomena to mechanical occurrences" (p. 69). Though such a statement seems inadequate, it is in good accordance with the idea that the ultimate element of sense in biosemiotic systems is the relationship between adapter and acceptor in tRNA.

It is quite understandable, of course, that such a statement is too new for those who deal with anthropomorphic thesauri only. For non-anthropomorphic, biological thesauri, however, it is natural to suppose some unusual forms of sense. It seems that such a kind of sense is present in the relation between adapter and acceptor.

Therefore RNA (more exactly, the whole RNA/DNA system of the cell, cf. pp. 44, 81) is a real semiotic means, a sign (true, in this context the book discusses almost only DNA — pp. 20–21, 31–33, 44–50, 78, etc. — although when speaking of the ‘DNA code’ — pp. 29, 42–43 — RNA is obviously implied).

Thus we can see from the above, that the difference between the adepts of the two approaches of understanding semiotics, which also determines the difference in the understanding of the subject of biosemiotics, is rather significant, but leads to the discussion of the same biosemiotic problems. So it may be more heuristic to discuss not biosemiotics, but the semiotic approach in biology, which is applicable not only to biological signs (if they exist), but also to the whole biological reality. The scope of biology for a semiotic approach will be the same for both positions (Peircean and Saussurean), and it would be sensible to discuss heuristic value of such an approach. This value is, however, beyond doubt, as illustrated by the book under review.

It is characteristic for many branches of biosemiotics and semiotics in general that the historical aspect is ignored. This is especially common in semiotic studies of genetic code, which is the best object for biosemiotic studies. Genetic code is viewed as though it has appeared in its final form; attempts to search for its origin meet with serious problems. The book under review is very interesting in this respect, since it includes biosemiotics in the framework of evolutionary biology and evolutionary science as a whole (beginning with the big bang (p. viii) and ending with the appearance of ethics (Ch. 10)). Semiosis becomes a component of Cosmos formation, a total process of semiosphere formation (see particularly pp. 142–146). Origin of genetic code (Ch. 2) is also interpreted from the historical point of view, as well as the problem of correspondence between adapter and acceptor.

Thus biosemiotics is inscribed into known evolutionary material. Such a construction is quite usual and comprehensible for biologists. Most important, the author gives an essay not simply of biosemiotics, but of evolutionary biosemiotics, or, as Frederik Stjernfeldt has said (p. 78), the “natural history of signs”. The idea of evolutionary biosemiotics is even used as a principle for chaptering the book (main chapters from the 2nd to the 10th), together with acquiring the “greater and greater semiotic freedom” (p. 78). But further on the same page, the author gives an outline of the progress of semiotic

freedom, which substitutes, in the book as a whole, the history of the phenomenon for the genetic scheme of the phenomenon, without mentioning that these two may not always be identical. Here we have another matter for discussion.

This confusion may be taken lightly, but not here in Russia, where the most heated discussion on evolution of the 20th century took place, from L. S. Berg's (1922) and D. N. Sobolev's (1924) nomogenesis to the modern works of S. V. Meyen and the group of paleontologists led by V. V. Zherikhin and A. S. Rautian (Rautian, Kalandadze, 1993). The discussions were especially intense since the Marxist dogma of historical interpretation expanded far beyond its field and was applied with all rigidity to even the least relevant things with corresponding practical consequences.

It was revealed in the course of these discussions that very many quasievolutionist constructions can be adequately represented by a correct description of typological universum and the possible (and realisable) displacement trajectories of empirical objects (individual and collective) within the space of this universum. In such a way an internally correct comparative version can be constructed for any discipline — comparative anatomy, comparative physiology, comparative cytology, etc.

The most enlightening result of such studies is the work of S. V. Meyen on the relation of nomothetic and historical aspects of evolution (Meyen, 1973). As an example of the realisation of the post-critical standard of evolutionary concepts elaborated in the course of these discussions, the work on phytospreading by the same author (Meyen, 1987) can be mentioned. The book under review is devoid of such refined methodological reflection, and can be qualified as a logically irreproachable essay of comparative biosemiotics.

Nonetheless, the proposed principle of growing semiotic freedom can be compared, both in content and in system forming capacity for corresponding disciplines, to Teilhard de Chardin's principle of cephalisation (Teilhard de Chardin, 1966) or to I. I. Schmalhausen's principles of autonomisation of ontogenesis (Schmalhausen, 1969: 359–362).

The book contains many interesting ideas and considerations important for biosemiotics *sensu stricto* (not including bioanthroposemiotics), which are worthy of special discussion: the problem of the re-creation of the universe (p. 5), heredity as semiotic survival (p. 24), vertical vs. horizontal semiosis (p. 32), discussion of G. E. Hutchin-

son's idea about "the evolutionary drama in ecological theatre" (p. 33; very close to the ideas of St.Petersburg theoretical biologists of the 80s), the idea of living creatures as messages (p. 46), or of self-reference and self-description and their role in biosemiosis (p. 48), comparison of genome and cookery book (p. 48), interaction of digital and analogue code (pp. 49–50), evolutionary incorporation of the present in the future (p. 51), discussion of J. von Uexküll's concept of *Umwelt* (pp. 54–59), relation between the notions of information and form (pp. 62–66), delineating the position of biosemiotics among other disciplines (Fig. 12, p. 96), and others. Also, chapter 9 should be noted, which is devoted to one of the author's favourite themes, semiotics of corporeal consciousness (body-mind).

For discussion and illustration of his ideas, the author uses the very latest interesting facts and materials, including such an intriguing idea as the "unconscious control of sperm production", being a "clear proof of the existence of sperm rivalry in human beings" (p. 68).

Also the works referenced in the book are worthy of note classical authors H.-G. Gadamer, S. Kierkegaard, M. Merleau-Ponty, Ch. Peirce, K. Popper, J. von Uexküll, L. Wittgenstein, as well as the most significant papers of the last decades by R. Dawkins, Ch. deDuve, R. L. Gregory, D. R. Hofstadter, G. Lakoff, R. C. Lewontin, Yu. M. Lotman, H. Maturana & F. Varela, M. Polanyi, I. Prigogine & I. Stengers, J. R. Searle, Th. A. Sebeok. This shows that biosemiotics is now not an intellectual back water, but a mainstream discipline.

In conclusion, the value of J. Hoffmeyer's book is beyond any doubt, since it proposes the system of a new science of biosemiotics, showing internal relations between its questions, outlining relevant material and tracing relations to other disciplines. In addition, the system proposed is understandable and familiar to professionally thinking biologists and other naturalists. Of course, another author will construct a somewhat different system, but, even as subjective as it necessarily is, the system under review allows us to map a new scientific field, to create corresponding divisions in bibliography, to prepare curricula for students in biosemiotics, etc. In this connection, the popular character of the book is of some advantage again.

In closing, I would like to say some words about the book's national origin. The aura of Danish culture (and Scandinavian as well) emanating from the text in English is, in my opinion, very welcome for the scientific society, since the language barrier usually hampers

our familiarisation with regional cultures. I am very pleased to learn many thoughts of Danish poets, philosophers, scholars, and statesmen.

On the other hand, the book is unfortunately quite typical in its scarce referencing of Russian materials. The reason for this is obviously the same barrier plus the iron curtain not so long ago. For example, the works of A. S. Famintzin and I. V. Baranetsky (1860's–1912) or C. S. Mereschkovsky (1905–1909) are not mentioned when discussing the theory of symbiogenesis. There are no echoes of the 70s Tartu discussions on biosemiotic problems (Morozov, 1978), or their follow-up in the late 80s in Moscow University (Sharov, 1990).

One of the author's failures is corrected by himself in Note 1, where he recognises that the term 'semiosphere' was introduced by Yu. M. Lotman (p. 147). Another significant omission is the absence of reference to the book 'Semiotics' by Yu. S. Stepanov (1971), where the very term of biosemiotics was first introduced (to the best of my knowledge). By the way, that important work was also written for the general reader.

In my opinion, the poor acquaintance of the West with Russian cultural worths is regrettable, and not only for general reasons but for the special reason that the ideas of biosemiotics have found fertile ground here because of the Orthodox tradition, where all living beings are considered semiotic in principle; also some traces of the corresponding attitude to the Word, text, icon remain in the Russian mentality. This tradition is accessible not only through the works of Russian Silver-Age emigrant philosophers, but is also reflected in the semiotic papers by R. Jakobson, who absorbed some Orthodox ideas during his formative years. *Hermeneutica sacra* is traditionally taught in Russian Orthodox theological colleges and academies even today, without any interruption. Therefore, we can say that in Russia both biosemiotics and biohermeneutics now exist (Chebanov 1995; cf. works of the Laboratory of Molecular Hermeneutics, University of Connecticut Health Center). It is remarkable that this was perceived by a foreign observer G. Sermonti (1994), who writes that in modern Russian biology one can see the realisation of P. A. Florensky's *Iconostasis*.

References

- Berg, Lev S. (1922). *Nomogenesis or evolution determined by law* (= Proceedings of Geographical Institute 1). Petersburg (in Russian). Engl. transl.: (1926) London; (1969) London; (1971) New York.
- Chebanov, Sergey V. (1995). Enlogues as quasi-personal interaction: biohermeneutics issues. *European Journal for Semiotic Studies* 7(3-4), 439-466.
- Eco, Umberto (1984). *Semiotics and Philosophy of Language*. Bloomington: Indiana University Press.
- Meyen, Sergey V. (1973) Plant morphology in its nomothetical aspects. *Botanical Review* 39(3), 205-260.
- Meyen, Sergey V. (1987). Geography of macroevolution of higher plants. *Journal of General Biology* 48(3), 291-310 (in Russian). Engl. transl. (1989) *Soviet Sciences Review*. General. Geography 1 (Harwood Academic Publisher GmbH).
- Morozov, Vladimir P. (1978). Self-understanding of the symposium. *Znanie — Sila* 10, 39-41 (in Russian).
- Rautian, Alexander S. and Kalandadze, Nicolai N. (1993). Symptoms of ecological crises and the correlation of geologic events and processes in time and space. *Journal of the Fundamental and Applied Stratigraphy* 1(5), 473-478.
- Schmalhausen, Ivan I. (1969). *Problems of Darwinism*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Sermonti, Giuseppe (1994). Genetic morphology and icon painting. *Rivista di Biologia (Biology Forum)* 87(1), 7-8.
- Sharov, Alexei A. (1990). Winter school on biosemiotics. *Journal of General Biology* 51(2), 283-285 (in Russian).
- Sobolev, Dmitri N. (1924). *Principles of Historical Biogenetics*. Kharkov: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Ukrainy (in Russian).
- Stepanov, Yuri S. (1971). *Semiotics*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Teilhard de Chardin, Pierre (1966). *Der Mensch im Kosmos*. Berlin: Union Verlag.

The philosophy of Hans-Georg Gadamer

Review: *The Philosophy of Hans-Georg Gadamer. The Library of Living Philosophers*, vol. XXIV. Lewis Edwin Hahn, ed. Chicago and La Salle, IL: Open Court, 1997

Wolfgang Drechsler

Perhaps the most prestigious English-language book series for a philosopher in which to be included, *The Library of Living Philosophers* combines in each volume an autobiographical account, "a series of expository and critical essays written by the leading exponents and opponents of the philosopher's thought" (Hahn vii [all page references without a year are to the volume under review]), and a comprehensive bibliography.¹ Philosophers who "were Schilpped", as the colloquial term goes, include Dewey, Santayana, Whitehead, Moore, Russell, Cassirer, Jaspers, Carnap, Popper, Sartre, Quine, von Wright, and Ayer. The following volumes will be on Chisholm and Davidson; one on Habermas is also scheduled.

This is a very important, useful, excellent book which everyone even remotely interested in Gadamer, hermeneutics, Greek philosophy, aesthetics, and Heidegger should read. Yet, this is not an introductory book; Gadamer's *Wahrheit und Methode* (1990) should be read first (the new English translation is quite acceptable), and familiarity with several other works is almost as necessary.

Unfortunately, the book includes only three essays by philosophical 'heavyweights', i.e. by authors who themselves are at least in a similar league as Gadamer: Karl-Otto Apel, Frederick M. Chisholm, and Donald Davidson. Many, indeed most of the other essays are excellent or at least good, but they are — to use a Heideggerian distinction — by professors of philosophy, not by philosophers. Gadamer's most interesting conversation partners whom one would

---

¹ A longer, more social-science-focused version of this review will appear in *Trames* 2(52/47), 4 (Winter 1998).

have liked to see in this volumes are first of all Jürgen Habermas and Jacques Derrida, with whom he has had well-noted debates or at least indirect interchange;² then Quentin Skinner, G. H. von Wright, Paul Ricoeur, and Richard Rorty; as well as the late Karl Popper and Thomas Kuhn, who were still alive and active when most of the essays for this volume were written.³

Of the 29 essays, I would single out as excellent those by Chisholm, Rosen, Davidson, Madison, and Sokolowski, and as very good and/or very interesting those by Apel, Verene, Grondin, Sullivan, Dostal, Michelfelder, Schmidt, and Smith. (This list does not coincide with Gadamer's own judgement.) This is not to say that the other ones are bad; if anything, they mostly suffer from a certain pedestrianness, if this is a word. In general, and not surprisingly, Gadamer's replies make the most interesting and profound reading in the book, although their translation from the German is occasionally too close to the words.

Of those essays dealing with Greek philosophy — and also in other respects —, the highlight is Donald Davidson's. Davidson revisits Gadamer's habilitation thesis, *Platos dialektische Ethik*, all the more interesting because Davidson's Ph.D. thesis at Harvard under Werner Jaeger (whom he, unlike Gadamer, does not mention; 422, 433) was on a very similar topic. Davidson begins by saying that "I by chance started in somewhat the same place (but without the clear goal) and have, by what seems to me a largely accidental but *commodius vicus* of recirculation, arrived in Gadamer's intellectual neighborhood." (421)⁴

---

² On Derrida, see Gadamer's comments to James Risser (403–404), as well as the discussion of Sokolowski's essay below.

³ Even this list is somewhat disconcerting if one compares it with that of those whom Gadamer outlived, but who — partially because of his attaining academic competence at a very young age, say around 1920 — were colleagues, rather than (only) teachers: Nicolai Hartmann, Rudolf Bultmann, Ludwig Wittgenstein, Karl Löwith, Hannah Arendt, R. G. Collingwood, Theodor W. Adorno, Hans Jonas, Leo Strauss, Werner Jaeger, Paul Celan, and of course Martin Heidegger.

⁴ Davidson's essay is also interesting because his concept of understanding seems very similar to that of intermediate stations of the thinking-process of the Heidegger of the immediate post-*Sein und Zeit* period, viz. of the 1928/29 Freiburg "Introduction to Philosophy" lecture (cf. Davidson 430–432 with Heidegger, 1996, 68–122). — On Gadamer and Davidson, see also David C. Hoy's essay, "Post-Cartesian Interpretation: Hans-Georg Gadamer and

The basis of Gadamer's account is Plato's *Philebus*, a grossly understudied and undercommented work. (422) Davidson traces the difference between *Politeia* and *Philebus* (427–428), addresses the development of Plato as “a matter of emphasis, of ‘highlighting’” (429) and arrives at the idea of Plato's development, which he very nicely phrases thus:

If I have been emphasizing the differences, it is not for the sake of airing my particular vision, but because there seems to me some discrepancy between Gadamer's own idea of understanding, and his resistance to finding real development in Plato's attitudes and methods. To put this positively: I think a Platonic dialectic seen as more open to serious revision would cohabit more happily with Gadamer's own conception of dialogue and conversation. (430)

Gadamer disagrees, but with interest — the late Gadamer is after all more interested in Plato than in himself: “I cannot see that the development of the image of Socrates in the early dialogues through the middle period up to the later one has a different meaning than merely a dramatological one. ... I cannot really admit that I deprive myself of an interlocutor when I try to understand the Platonic dialogues as a unity.” (434)

Robert J. Dostal, in “Gadamer's Continuous Challenge: Heidegger's Plato Interpretation” (289–307), deals with both figures, and in a very competent way (although, again, eclipsed by Gadamer's reply). Dostal points out that Gadamer's Plato is not Heidegger's, but that the latter opened the door for the former. (289) This brilliant essay almost succeeds in arguing that Gadamer “has shown us how we might, in our contemporary context, recover [Plato's and Aristotle's] work and how we might respect the philosophical accomplishment of Heidegger without accepting his dogmatism with respect to Plato”. (302) Indeed, as Gadamer says, “in the end, I did not follow Heidegger's insistence upon the superiority of Aristotle over the Platonic model.” (308) He even calls this “my own strongest deviation from Heidegger's philosophical thoughts”: “Heidegger always viewed Plato through the lens of Aristotle” (458), compared to “my orientation to Plato and to an Aristotle seen with the eyes of Plato.” (97; see also 274, 308, 553; Dostal 296, 302; cf. 293–296)

Donald Davidson” (111–128), as well as that by the Davidson expert Bjørn T. Ramberg (459–471) and Tietz 1994.

Jean Grondin is certainly one of the most meritorious Gadamerians, in English, French, and in German. He has just completed the first full biography of Gadamer, which will appear with Mohr/Siebeck some time in the future. For him, too, however, Gadamer is first a Heideggerian and second only a Platonist. (157) Yet, in his essay, "Gadamer on Humanism" (157–170), Grondin sets out to claim a fundamental difference between Heidegger and Gadamer: "To put the thesis bluntly, Gadamer is a humanist and Heidegger isn't." (157) The essay is very lucid and shows once again Grondin's great gift for introducing complex matters simply without becoming too inaccurate.

Grondin points out that, "[e]ven if Gadamer does not wish to exclude method entirely from the realm of the humanities, it is his conviction that methods alone are not that which make up the scientificity and relevance of the human sciences." (161–162) "Hence, Gadamer's account of humanism is not only a defense of the human sciences, it is also a defense of the utter humanity of our knowledge. What is meant by this, is that we can never hope to obtain any godlike wisdom, that is a bird's-eye view that would enable us to transcend our finitude." (166)

We now come to an essay that I find illuminating in spite of its shortcomings, and that Gadamer does not: Diane P. Michelfelder's on "Gadamer on Heidegger on Art." (437–456) Gadamer says that it "is not surprising that my text ... is ... taken up for the sake ... of the question how Heidegger's involvement with National Socialism is reflected in my eyes." He also thinks that the text Michelfelder chose as her basis is the worst possible one. (457) But the question of the Heidegger-Gadamer relationship is very interesting, and Michelfelder's project to find out the personal and philosophical ties on the basis of a small preface (438) is not without merit.

Yet, what is Gadamer's attitude to Heidegger? As he says,

It is indeed clear that for someone like me — who from the beginning observed Heidegger's entire political adventure, if only from a distance, from Marburg, entirely without preparation and surely not without terror — the task presents itself under very different presuppositions than for the contemporary reader. For us in 1960 the task was to see how we could keep alive the philosophical impetus that issued and that, despite everything, continued to issue from Heidegger. That was the task presented to all of us. (457)

Gadamer insists that "Heidegger's interest in modern art, as well as his turn to Hölderlin, grew less out of his erroneous political paths than out of his tireless search for God, a goal which he could never attain." He concludes by saying, "Today I wish more than ever that one does what I attempted to do: to seek to utilize for one's own paths even Heidegger's later thought efforts." (458)

The final important essay of the volume deals once again with Heidegger: "The I-Thou Encounter (*Begegnung*) in Gadamer's Reception of Heidegger" by P. Christopher Smith. (509–525) Although the essay contains too much (of Smith's) autobiography, it has its merits when it argues "that Gadamer's own reception of Heidegger, however dedicated and loyal it was to the man to whom he owed so much, was not at all uncritical in the uses it made of his thought". (510) Smith's theory is that Gadamer reacted against and overcame Heidegger's latent Gnosticism. (510, 514, 519, 521) The point could well be made, indeed, that Gadamer is most interesting when he is not a Heideggerian, and that one does not need to know Heidegger to understand him (one *does* need Plato and Aristotle!). There are good observations by Smith on the Heidegger segment in *Wahrheit und Methode* (511–514); Heidegger's role for Gadamer's Plato and Aristotle is also well-treated. (514) Indeed, the opening οφ φρόνησις by Heidegger is a key for Gadamer. (See 526) But contrary to Heidegger, Smith is correct, "in Gadamer ..., *phronēsis* remains the *social* phenomenon that it is in Aristotle." (514)

Akin to Grondin, Smith stresses the completely un-Heideggerian *Menschenbild* of Gadamer's, the emphasis on *Bildung* or παιδεία that with Gadamer is "learning to rise above our initially individuated and private existences and to participate in the communities of language and culture to which we have always already belonged from time out of mind." (517) And this is true: hermeneutics is dialogical in nature, and this means that interaction dominates. In that sense, the ιδιότης as someone not dealing with the πόλις is someone Gadamer could support — quite in line the *VIIIth Letter*, whose policy resolve Plato himself did not heed either, or at least not in the sense as it is commonly understood. (See Drechsler 1998c)

As Gadamer says in a pivotal passage, "as a child of the modern Enlightenment, I have been led to my path via the great humanistic heritage. I owe my early formative impulses to it insofar as I could never entirely follow Heidegger in the search for God with full devotion." (526) This brings us to something that very strongly

emerges from several of his replies, and perhaps surprisingly for some: the immense influence on Gadamer of Immanuel Kant. In a serious sense, Gadamer, one of the editors of *Kant-Studien*, claims to be, and is, a Kantian. (97, 109–110, 274, 287, 385, 472)

The single but thus all the more important essay touching on this, however, makes a claim almost to the contrary: Roderick M. Chisholm's, who engages in a project of bridge-building (see also Gadamer's reply, 109–110) in his "Gadamer and Realism: Reaching an Understanding." (99–108) Comparing Gadamer to the 'pre-phenomenologist' Alexius Meinong (101), Chisholm says that Gadamer claims that "there is more to the world than what is sometimes called 'objective reality.'" (100) The heart of the essay is the segment entitled, "Must Hermeneutics be Kantian?" (103–105), to which the answer is no; one "need not be a Kantian in order to accept and to appreciate the philosophical significance of Gadamer's hermeneutics. A realist can work together with Gadamer in this philosophical enterprise." (106)

Gadamer, in his reply (108–110), focuses on his first philosophical teacher, Richard Höningwald, with whom he studied in Breslau, as well as on Nicolai Hartmann, who when Gadamer came to Marburg "was already in the process of distancing himself from the transcendental idealism in which he had been educated in Marburg." (109) He makes clear that "in moral philosophy I had to play the role of a defender of Kant ... but otherwise ..., I remained closer to Greek philosophy than to transcendental idealism." (109) As he later remarks (dare I say: rightly?), Kant's "real persisting presence lies in practical philosophy, that is in the concept of freedom which cannot be understood as fact of cognition but only as fact of reason — with all its far-reaching metaphysical consequences." (472)

Moving on to aesthetics, actually the weakest cluster in the book, Joan Stambaugh has a friendly essay on "Gadamer on the Beautiful", which almost entirely deals with his famous *Die Aktualität des Schönen* (1977; this work was also dealt with by Michelfelder, 449–453). It is surprising that Stambaugh of all people, who — well-known for her Heidegger translations — refers exclusively to the English translation. Many of the Gadamer translations are not very good, and it is necessary to translate his texts anew when writing on them. While references to the standard translation are helpful for a book like this, whose main task is perhaps to make Gadamer (more)

accessible in English, this should be done by a reference *additional* to one's own version.⁵

Opening the stage to Gadamerian hermeneutics proper, Stanley Rosen, a Straussian, presents with his critical essay "Horizontverschmelzung" (207–218) one of the indubitable highlights of this book. He talks about "Gadamer's insistence that to understand a work in its own time ... is to deny its claim to be true for *me*, i.e., for the tradition". (209) As Rosen puts it, "Understanding *is* interpretation; the work is understood, not in its own terms, but as appropriated to my terms." (210) After having stated what he thinks is Gadamer's case, he continues: "At this point in my reflections, I take leave of Gadamer's text in order to carry through the exercise of philosophizing under his guidance." (210) And that is a most fruitful approach: "I want to suggest that there is a difference between understanding and interpretation, although the two are unquestionably related. *In order to interpret something, we must first understand it.*" (211) To this, Gadamer replies:

The reverse seems to me to be convincing too: that the interpretation is precisely supposed to help to finally understand the unintelligible. What then is correct? Both statements? None of them? In the end, the answer must be that understanding is always already interpretation, and that an interpretation is only a 'correct' interpretation if it emerges out of the performance of understanding. Thus, Schleiermacher is finally right in regarding the relation of understanding and interpretation as fluid. (221)

Gadamer insists on his interpretation and indeed critique of Strauss in a most convincing way: to try to understand the author in the way he understood himself is "untenable", because otherwise, "we would have to be told by the artist what was meant, but was not brought out, in the work of art." (219) The reader who understands a text is, in the final analysis, in a situation hardly different from that of the musician who presents a convincing interpretation of a musical piece. (220) However, as Gadamer states elsewhere,

there are certainly also simply false interpretations. I would say that here we have a trait in common with research into nature which has to relativize its final pieces of knowledge from the viewpoint of the progress

---

⁵ On the issue of translation, see Drechsler 1997, esp. 70–71 n. 9, and — specifically on Gadamer — 1998a. A model for the combination of new translation and reference to a standard edition is the work by Quentin Skinner (e.g., 1996, see xvi, and 1998, see xiii).

of research. I think that this applies to hermeneutics in the same sense, although not on the basis of scientific progress. Our understanding always expects that our understanding of the world changes. That ... does mean that our present understanding of the world will be changed by new points of view. (472–473)

Rosen's essay is followed by Robert Sokolowski's "Gadamer's Theory of Hermeneutics" (223–234), which is as fine an introduction to Gadamer's thought as we have, if such an introduction be necessary. Sokolowski details the difference between Derridaian deconstructivism and Gadamerian hermeneutics, which the uninitiated occasionally see as similar. (228–231) The difference is that "Deconstruction and relativism collapse the object into its appearances and profiles, they reduce it to the way it appears here and now ...; they take the judicial application of a law to be like the writing of a new law (more accurately, perhaps, they abolish the distinction between legislation and application)." (229; see also Alexander 326)

Carl Page, in "Historical Finitude and Philosophical Hermeneutics" (370–384), an essay which Gadamer calls "quite solid and very interesting" (385), postulates that silence is as much a part of conversation as words. But Gadamer never denied that:

not only dealing with linguistic words is meant. The exchange between human beings consists of silent language, gestures and gesticulation, inflections of the voice, too, and also of eloquent silence. That it creates true comments in the first place holds especially for laughing with one another. — In the end, all of this can find its linguistic expression in the exchange of words although it will always be limited and imperfect. (386)

Finally, we arrive at Gadamer's practical, i.e. political and economic, thought. In the case of Gadamer, we should differentiate between (1) his personal politics, (2) his explicitly political writings, and (3) the political or political-philosophical implications of his work in general.

For the last one, Karl-Otto Apel's essay, "Regulative Ideas or Truth-Happening?": An Attempt to Answer the Question of the Conditions of the Possibility of Valid Understanding" (67–94) is of interest. It is the only contribution by a German (or indeed Continental) in this volume; it is also the only one which originally was not written in English. It is mainly noteworthy, perhaps, for a passage in which Apel modifies for himself his and Habermas' early 1970s *Idelogiekritik*-based critique of hermeneutics, or better, of its universality. (79–89)

Regarding the Habermasian critique, G. B. Madison correctly lines out in his essay that this is a matter of the claim to universalism. (350–351) However, “the Frankfurter crowd appear to believe that Gadamerian hermeneutics is limited merely to explicating the *self-understanding* that authors and agents have of themselves. However, this is most decidedly not the case. For hermeneutics it is not the intention of the author (or agent) but the meaning of the text (or action) that is the proper object of interpretation.” (351) Madison also points out in a very helpful way that hermeneutics is not necessarily conservative (356; see also Page 374–375) — even if this were a criticism. Contrary e.g. to logical positivism, in its worst manifestation represented by Hempel, hermeneutics is universal not in an “imperialistic” sense. (Madison 357; 360; see 364 n. 40)

Although dealing with economics, Madison’s is anyway a very interesting essay in its implications. Madison claims that the “central problem of market economics is that of accounting for market *coordination* ... In an attempt to explore these ‘webs of significance’ and to deal with the ‘coordination problem,’ hermeneutic economists focus on the role that *prices* play in communicating to economic agents the information that is necessary if they are to interact in an orderly way.” (354) Valid as this Hayekian-Lotmanian perspective — *viz.* to treat prices as a secondary modelling system — is, and valid as the use of hermeneutics in interpreting that text is (354–355), it only presents a narrow, and in its claim to universality problematic, perspective of hermeneutic economics, limited to a small group of interpretive economists in the United States.⁶

It is true that the “‘slavish imitation of the method and language of [physical] science,’ in the words of Hayek, is being contested today by those economists who have renounced the positivism that still tends to prevail in the discipline and who have turned to hermeneutics.” (354; see 363 n. 29)⁷ Madison is also correct when he says that “human agency in the context of a market economy should be treated under the rubric not of *techné* but of *praxis* (i.e., practical reason). ... Herme-

---

⁶ For an interesting recent attempt to read Gadamer on behalf of economic theory, see Peukert 1998, esp. 408–415.

⁷ Of course, this insight is much older than Hayek; it is the perspective of most members of the Younger Historical School, but also that of scholars active in the United States: Joseph A. Schumpeter (the only economist, incidentally, that Gadamer dealt with himself), Frank H. Knight and Ludwig v. Mises, to name but a few. (See Drechsler, 1998b)

neutic theory ... believes that the ultimate justification of theory (as, precisely, a theory of practice) is its significance for practice." (355) This is indeed a given — and a Kantian point.

But then comes what in my view is something of a misunderstanding on the part of Madison's: his claim that Gadamerian hermeneutics *supersedes* the old dichotomy of *Erklären* and *Verstehen*, explaining and understanding. Madison thinks that hermeneutics, on the basis of phenomenology, "emphatically *rejects* any absolute dualism in its understanding of human understanding." (358)

Human agents are self-interpreting beings, but it is not the task of an interpretive social science simply to 'describe' these interpretations. The function of interpretation is not that of *Verstehen* in the classical sense of the term, i.e., that of articulating the self-understanding of human agents in such a way as to achieve an emphatic understanding of them. The self-interpretation of human agents *must themselves be interpreted* by the social scientist (this is one of the reasons why hermeneutic analysis is necessarily *critical*). (359; see also 360)

The great achievement of Gadamerian hermeneutics for the social sciences is actually implied in Madison's own final paragraph: "the universality of hermeneutics is based solely of the hermeneutical *fact* that ... what makes human beings 'human' is their 'linguisticity'." (360) On the basis of this fact, the dichotomy of *Verstehen* and *Erklären*, of natural sciences on the one side and the humanities and social sciences on the other, is ameliorated by *Aufhebung* (not *Überwindung*) in *Wahrheit und Methode* (the central passage is Gadamer, 1990, 455–456). Yet, looking at, say, the Younger Historical School (of economics), what should be stressed is not so much the discontinuity but the continuity. I would wonder whether, with all his naivité and simplicity, for instance Werner Sombart's approach is then not quite close to the thrust of *Wahrheit und Methode*. (See Sombart, 1930; Drechsler, 1996, 293–294; 1998b)

Indeed, the natural sciences are in some sense subsidiary to (areas covered by) the humanities, and thus there is no 'Diltheyian' dichotomy anymore. But to which question is this the answer? For the social scientist, the main question here is how social sciences can be, or whether positivist, objectivist-empirical social science is at all possible. Gadamer's answer to the second question is that it is not: "Linguisticity comprises the use and application of science, too, which is the whole of our world orientation; it is on this that the claim to universality in hermeneutics is based." (386) Try as we might, "The

experience of the societal-historical world cannot be lifted up to science by the inductive process of the natural sciences.” (1990, 10) To Madison he replies, which answers the first version of the question: “In those days Habermas objected that hermeneutics could have a future only if *phronēsis*, Aristotle’s practical knowledge to which I appealed, became science. I responded with the reverse claim: only if science were to be subordinated to *phronēsis* could it fulfill the task of the future.” (366)

Gadamer by and large accepts Madison’s argument, but in a way that makes clear where Madison went askance (which should not distract from the importance of the essay): “With delight I note that in this hermeneutic extension science itself apparently took the path which I had in view when I criticized the dominance of the concept of method as it determines the natural sciences, and likewise what I had in mind with my own hermeneutic ideas regarding the understanding of the science of the so-called humanities. ... I myself do not have the slightest competence in economics.” (366–367) “Madison seems to me to go a little too far in discussing the opposition of understanding and explaining in Dilthey ... But with regard to the main points I concur with him. Wherever methods are being employed their correct application is not specified by a method but demands our own judgement. This is a profound commonality of reason itself. It testifies to the depth in which linguisticity is rooted in human life. All methods require judgement and linguistic instruction.” (367)

The book finishes with a good selective bibliography by Richard E. Palmer, mainly based on Etsuro Makita’s indispensable work. (1996) The list of secondary sources (599–602) is probably too cryptic and unfocused to be of much use, but it, too, can serve as a point of departure. Particularly helpful is the list of audio- and video-tapes (590–599), because Gadamer is, as he once remarked (in conversation), just like Heidegger “*im Grunde doch auch mehr ein Sprecher, nicht primär ein Schriftsteller.*”

To conclude, a quote from one of Gadamer’s replies might be appropriate, one that typically — as the entire book — opens the door to further reflection: “Do others not have the same experience that ... they gain less from what is taking place in philosophy than from *The Brothers Karamazov* or Kafka’s *The Trial*? I cannot help it, but in such cases it seems that literature simply says more. Of course, it does not give us an answer. But I suppose all of us are aware that in truth we are the ones being questioned.” (191)

References

- Drechsler, W. (1998a). Review of 'Gadamer on Celan'. *The Germanic Review* 73(2): 175–177.
- Drechsler, W. (1998b). Natural vs. social sciences: On understanding in economics. In *Evolutionary Economics and Income Inequality*, Erik S. Reinert (ed.). Aldershot: Edward Elgar, in press.
- Drechsler, W. (1998c). Platons *Nomoi* als Objekt der Rechtsvergleichung. In *Festschrift für Hans G. Leser zum 70. Geburtstag*, Werner, Häberle, Kitagawa, Saenger (eds.). Tübingen: Mohr/Siebeck, in press.
- Drechsler, W. (1997). On German *Geist*. *Trames*, 1(51/46), 1, 65–77.
- Drechsler, W. (1996). The revisiting of Werner Sombart: Implications for German sociological thinking and for the German debate about the past. In *Werner Sombart, Social Scientist 3*. J. G. Backhaus (ed.). Marburg: Metropolis, 287–296.
- Gadamer, H.-G. (1990). *Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik 1 (= Gesammelte Werke 1)*. 6th edn. Tübingen: Mohr/Siebeck.
- Heidegger, M. (1996). *Einleitung in die Philosophie [1928/29] = Gesamtausgabe II:27*. Frankfurt/Main: Klostermann.
- Makita, E. (1994). *Gadamer-Bibliographie: 1922–1994*. Frankfurt/Main etc.: Lang.
- Peukert, H. (1998). *Das Handlungsparadigma in der Nationalökonomie*. Marburg: Metropolis.
- Skinner, Q. (1998). *Liberty before Liberalism*. Cambridge: at the University Press.
- Skinner, Q. (1996). *Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes*. Cambridge: at the University Press.
- Sombart, W. (1930). *Die drei Nationalökonomien. Geschichte und System der Lehre von der Wirtschaft*. 2nd ~ 1st edn. 1967. Berlin: Duncker & Humblot.
- Tietz, U. (1994). Zur hermeneutischen Transformation der Sprachanalyse. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* (Berlin) 42(5): 861–881.

Contributors

Bernard, Jeff	— University of Vienna (Austria)
Chebanov, Sergey	— University of St. Petersburg (Russia)
Danesi, Marcel	— University of Toronto (Canada)
Drechsler, Wolfgang	— University of Tartu (Estonia)
Grigorjeva, Jelena	— University of Tartu (Estonia)
Johansen, Jørgen Dines	— University of Odensee (Denmark)
Kull, Kalevi	— University of Tartu (Estonia)
Lotman, Juri	— University of Tartu (Estonia)
Lotman, Michail	— University of Tartu (Estonia)
Nöth, Winfried	— University of Kassel (Germany)
Ponomarjova, Galina	— University of Tartu (Estonia)
Pärli, Ülle	— University of Tartu (Estonia)
Randviir, Anti	— University of Tartu (Estonia)
Sebeok, Thomas A.	— Indiana University (USA)
Sonesson, Göran	— University of Lund (Sweden)
Sheljakin, Michail	— University of Tartu (Estonia)
Tarasti, Eero	— University of Helsinki (Finland)
Torop, Peeter	— University of Tartu (Estonia)
Witt, Susanna	— University of Stockholm (Sweden)

ISSN 1406-4243
ISBN 9985-56-371-9